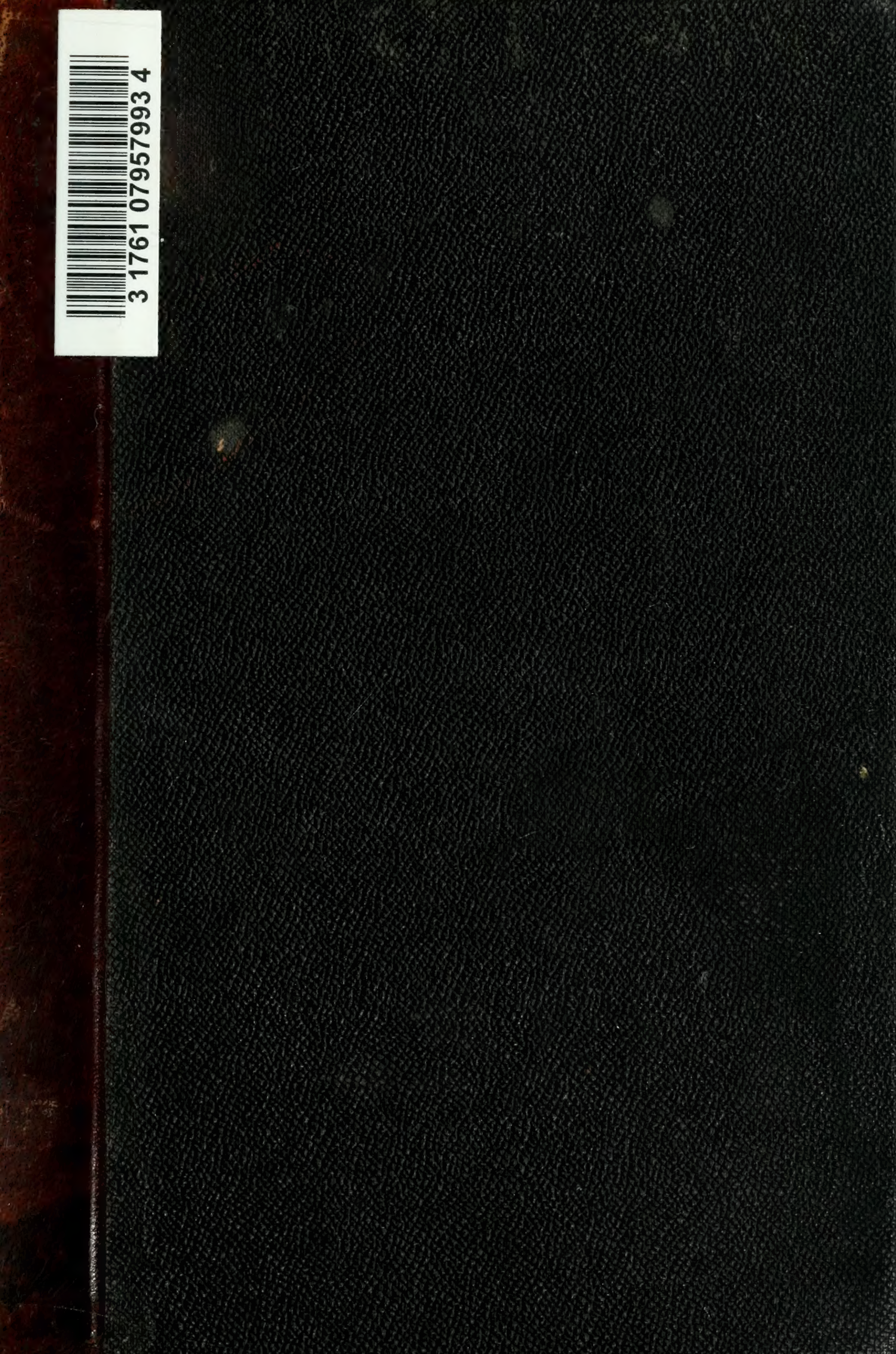
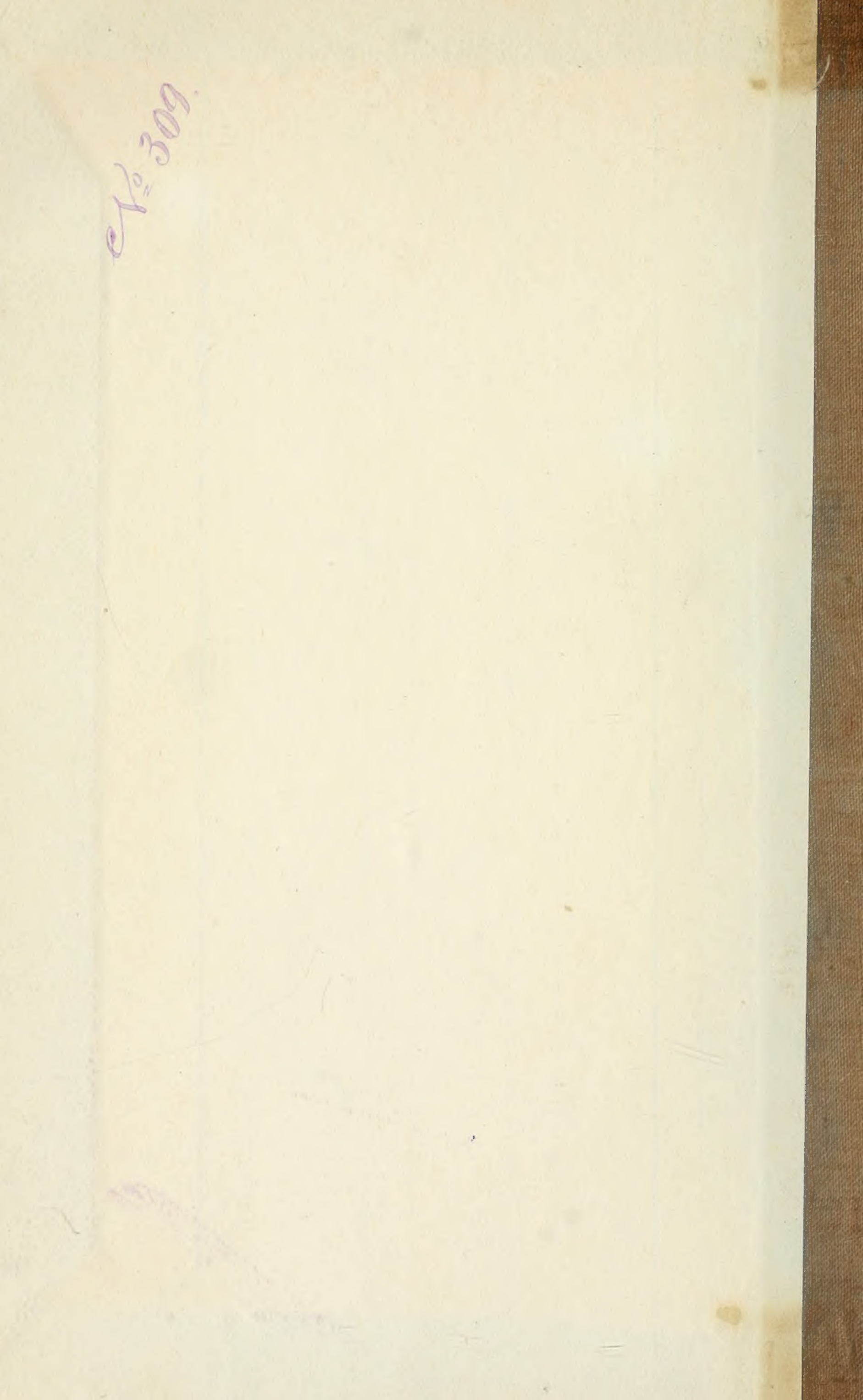

No 309.

П. П. Мельгуновъ.

ОЧЕРКИ

по

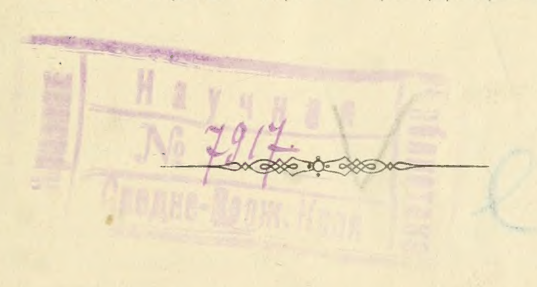
ИСТОРІИ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

IX—XVIII вв.

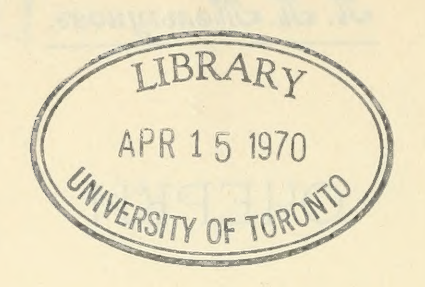
съ картою.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Изданіе магазина „Сотрудникъ школъ" А.К. Залѣсской.
1905.

Дозволено цензурою. Москва 13 октября 1904 года.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

ОЧЕРКИ

по

ИСТОРІИ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

IX—XVIII вв.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

*) При нумераціи главъ произошла опечатка.

Стран.

Настоящіе „Очерки“ представляютъ изъ себя воспроизведеніе лекцій, читанныхъ покойнымъ авторомъ въ 70-хъ годахъ въ Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ. Обрабатывая для печати сохранившіяся записки, мы дополнили ихъ лишь нѣкоторыми фактическими данными, преимущественно изъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ П. Милюкова и статьи В. Покровскаго „Исторія торговли въ Россіи“ (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 66). Авторъ разсматриваетъ исторію русской торговли въ связи съ общей исторической эволюціей Россіи и заканчиваетъ свой обзоръ временемъ Екатерины II. Несомнѣнно, издаваемая книга въ настоящее время требовала бы значительнаго обновленія матеріала, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены реформамъ Петра и послѣдующей эпохѣ, разсмотрѣнной авторомъ по сравненію съ предыдущими періодами довольно схематично. Принимая во вниманіе однако отсутствіе въ нашей научно-популярной литературѣ аналогичнаго пособія, мы думаемъ, что и въ настоящемъ своемъ видѣ „Очерки“ будутъ не безполезны. Къ изданію приложена карта европейскихъ торговыхъ сношеній съ Азіей въ XIV и XV вѣкахъ.

С. М.

I.

Первоначальныя торговыя сношенія Руси и Царьграда.

Приступая къ изученію исторіи русской торговли, мы прежде всего должны въ общихъ чертахъ познакомиться съ свойствами и особенностями той страны, въ которой она развивалась, ибо предметы, пути, способы и размѣры торговли находятся въ прямой, непосредственной связи съ природными условіями.

Главныя географическія особенности страны русской извѣстны: это — ея однообразно равнинное положеніе, невыгодныя климатическія условія („природа-мачиха", по выраженію Соловьева), сосѣдство со степью и двѣ великія водныя артеріи, прорѣзывающія великую равнину. Обширная равнина, которою раскинулась русская земля, доставила возможность одному народу занять ее во всѣхъ направленіяхъ и претворить въ себѣ другія народности; она, далѣе, противодѣйствовала долговременному раздѣленію этого народа на отдѣльные центры. Но, съ другой стороны, она оказала и свое невыгодное вліяніе. Не говоря уже объ отсутствіи моря, оказывающаго столь развивающее на народъ вліяніе, о неспособствующей многостороннему развитію однообразной природы — наша равнина представляла слишкомъ широкій просторъ для свободнаго разселенія. Народъ расходился безпрепятственно по всѣмъ направленіямъ, а не сосредоточивался, не скучивался въ одномъ мѣстѣ: отсюда постоянное малолюдство и недостатокъ рабочихъ рукъ, столь вредно отозвавшійся и до сихъ поръ отзывающійся во всѣхъ сферахъ дѣятельности русскаго народа. А между тѣмъ, природа, особенно сѣверная, требовала упорныхъ и дружныхъ усилій со стороны народа, ею окруженнаго, ибо она ничего не давала даромъ: все приходилось брать съ боя.

За нѣсколько вѣковъ до нашего времени русскій сѣверъ представлялся покрытымъ лѣсами и болотами: по словамъ Геродота, изъ огромныхъ болотъ берутъ начало скиѳскія рѣки; наши современные лѣса (даже знаменитые Муромскіе и Брянскіе) представляютъ только жалкіе остатки тѣхъ непроходимыхъ дебрей, которыя когда-то занимали сплошныя сотни верстъ такъ называемой „лѣсной страны". Выжечь и вырубить лѣса, осушить болота — это былъ тяжелый и вѣковой трудъ, на долгое время поглотившій народныя силы. Почти нетронутая рукою человѣческою, древняя Русь таила въ себѣ, конечно, поразительныя по количеству естественныя богатства; мы знаемъ, что въ этихъ лѣсахъ въ громадномъ числѣ водились дорогіе пушные звѣри: бобры, соболи, куницы, чернобурыя и обыкновенныя лисицы; здѣсь стадами водились дикіе лоси, зубры (теперь уцѣлѣвшіе только, какъ въ лѣсномъ островѣ, въ Бѣловѣжской пущѣ), даже, повсюду теперь исчезнувшіе, дикіе быки — ярые туры, за которыми охотился еще Владиміръ Мономахъ[1]); на югѣ лѣса изобиловали также всякаго рода птицами и дикими пчелами, массами роившимися въ дуплахъ, почему естественное, бортяное („бортъ") пчеловодство въ старину доставляло громадные запасы меда и воска.

Этими естественными богатствами и свойствами самой страны надолго обусловился характеръ русской торговой и промышленной дѣятельности. Народъ, поселившійся въ такой странѣ и вышедшій изъ быта звѣролововъ, потратитъ много труда на обработку земли и при своей численной незначительности нескоро будетъ въ состояніи перейти къ высшимъ формамъ экономическаго развитія: этотъ народъ будетъ долго заниматься исключительно земледѣліемъ и добычею сырыхъ матеріаловъ, не переходя къ промышленности передѣлывающей и обрабатывающей.

Въ болѣе выгодныя условія поставленъ югъ, но рядомъ съ нимъ расположилась степь-поле. Степь, какъ извѣстно, въ исторіи играетъ роль отрицательную; ея народы, подавленные въ своемъ развитіи природою, не были способны къ прогрессу и не могли выйти изъ первой ступени общественнаго развитія, они остались кочевниками и потому не выработали у себя ни государства, ни цивилизаціи; не прини-

[1]) См. его „Духовное Завѣщаніе"; ср. также прозвище одного изъ героевъ „Слова о полку Игоревѣ" — Всеволодъ буй-туръ.

мая такимъ образомъ участія въ посильномъ трудѣ всего человѣчества на пути самоусовершенствованія, степь, напротивъ, замедляла и часто разрушала этотъ трудъ, высылая изъ своей среды разбойниковъ и грабителей. Тяжело приходилось тѣмъ народамъ, которые на своихъ плечахъ принуждены были выносить степные погромы — къ числу ихъ принадлежитъ и народъ русскій. Такіе народы могутъ по праву назваться передовыми борцами за цивилизацію, но это почетное положеніе покупается ими слишкомъ дорогою цѣною и обыкновенно — въ ущербъ своему собственному развитію.

Едва мелькнулъ свѣтъ исторіи для нашей страны, а степь рисуется уже намъ въ извѣстномъ повѣствованіи отца исторіи (Геродота — V в. до Р. Х.) о скиѳахъ съ ея обычными чертами: дикая, неподвижная, упрямая въ своихъ предразсудкахъ, недоступная чуждому вліянію. Повѣсть о трагической судьбѣ Анахарсиса и Скила, двухъ скиѳскихъ царевичей, не устоявшихъ противъ соблазновъ развитой цивилизаціи и погибшихъ отъ руки своихъ соплеменниковъ, лучше всего рисуетъ намъ степной характеръ. Степь, залегавшая по всему поморью, отъ Яика до Дуная, мѣшала такимъ образомъ всякому доступу цивилизаціи въ глубь страны. А между тѣмъ на югъ открывалось два великихъ водныхъ пути, которые, подобно артеріямъ, прорѣзывали великую Восточную равнину: Волга и путь „изъ варягъ въ греки“. По великимъ воднымъ путямъ обыкновенно зарождается и расходится историческая жизнь: наша исторія должна была начаться на нихъ же. Но выходы, какъ мы видѣли, находились въ рукахъ враждебной силы, не допускавшей внѣшняго вліянія, слѣдовательно историческая жизнь должна была зародиться самостоятельно на сѣверѣ и собственными силами пробиться къ источнику просвѣщенія. Такъ, дѣйствительно, и случилось.

Въ IV столѣтіи мы въ первый разъ встрѣчаемся съ попыткою къ государственной жизни на европейскомъ востокѣ: это было государство остъ-готовъ. Эта попытка была мимолетная, ибо гуннскій погромъ въ своемъ бурномъ движеніи смялъ и уничтожилъ все, что было сдѣлано въ самое короткое время. Прошли вѣка — и только въ IX столѣтіи мы встрѣчаемся съ новыми зародышами исторической жизни на двухъ великихъ артеріяхъ страны: культура европей-

ская вырастает рядомъ съ азіатскою. На Волгѣ въ IX столѣтіи появляются два государства, Болгарское и Хозарское, развитіе которыхъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ арабовъ. Какая жизнь развилась на Волгѣ и какое цивилизаторское значеніе имѣли арабы, мы увидимъ впослѣдствіи, теперь достаточно сказать, что ея вліяніе сказалось и на западѣ русской равнины, такъ какъ многія славянскія племена платили дань хозарамъ еще во времена Владиміра Святого. Великій князь, по хозарскимъ воспоминаніямъ, назывался каганомъ (ханъ), а вмѣстѣ съ именемъ, конечно, соединялось и извѣстное представленіе.

Цивилизація поволжская не имѣла однакоже прочнаго и устойчиваго развитія, она носила слишкомъ степной характеръ, и поэтому гораздо болѣе имѣла значенія историческая жизнь, развившаяся по теченію западнаго воднаго пути. По этому пути въ IX вѣкѣ мы встрѣчаемся съ различными славянскими племенами, живущими еще въ родовомъ бытѣ, но уже осѣдлыми. Среди нихъ мы видимъ первые зародыши общественной жизни: между отдѣльными родами устанавливаются сношенія, „игрища межи селы“ совершаются въ опредѣленные дни и собираютъ окрестныхъ жителей для общаго жертвоприношенія, здѣсь же, конечно, совершается первый торгъ, первая мѣна (см. объ этомъ ниже), существуютъ города, въ нѣкоторыхъ племенахъ появляются князья — однимъ словомъ, существуютъ всѣ данныя для историческаго развитія, недостаетъ только внутренняго или внѣшняго толчка, чтобы соединились отдѣльные роды и племена и составили народъ. Такой толчокъ дали пришельцы варяги.

Неусидчивые, предпріимчивые, не знавшіе препятствій жители негостепріимной Скандинавіи искали себѣ счастья въ другихъ, болѣе одаренныхъ природою странахъ и по всѣмъ направленіямъ искрещивали на своихъ ладьяхъ окружающее море. Въ своихъ странствованіяхъ они часто заходили и въ Гардарику („страну городовъ“, т.-е. укрѣпленій — подъ этимъ названіемъ слыла у нихъ Русь [1]), брали дань съ ея разъединенныхъ жителей и проникали все дальше и дальше по рѣкамъ внутрь страны въ погонѣ за новою добычею; людямъ, открывшимъ Исландію, Гренландію и Венландію (Сѣверная Америка), нетрудно было сдѣлать открытіе великаго воднаго пути

[1]) Скандинавскія саги.

(Auster-vigi — восточный путь). Этотъ путь приводилъ ихъ въ тотъ городъ, который и прежде привлекалъ ихъ вниманіе и по справедливости могъ въ тѣ времена назваться столицею свѣта — это былъ для нихъ Miklargard (средній городъ, средина свѣта), Царьгородъ для ихъ потомковъ. Какъ древняго германца тянуло неудержимо во всемірный городъ, такъ и для норманна въ неодолимой прелести рисовался богатый городъ съ его неслыханными чудесами развитой цивилизаціи. Онъ шелъ туда, самъ не зная, что въ немъ дѣлать: представлялся удобный случай, онъ его грабилъ; нѣтъ, онъ нанимался на службу, поступалъ въ гвардію повелителя всесвѣтной столицы или свою въ другихъ странахъ награбленную добычу мѣнялъ на изумлявшія его чудесныя произведенія Girkialand'а (Греція).

Такъ зачиналась первая внѣшняя торговля. Все чаще и чаще стали ходить варяжскія дружины по водному пути, и по праву сталъ тотъ называться: „путь *изъ варягъ въ греки*“. Естественно, что норманны, основавшіе столько государствъ на западѣ Европы, основали ихъ и на столь посѣщаемомъ водномъ пути. Въ IX столѣтіи является на Руси цѣлый рядъ варяжскихъ государствъ среди славянскаго населенія: Новгородъ на восточномъ рукавѣ пути, Полоцкъ на западномъ, Смоленскъ на великомъ волокѣ-перерывѣ, Кіевъ на южномъ его окончаніи, тамъ, гдѣ начиналось „чистое поле“. Естественно было также, что эти отдѣльныя государства, вышедшія изъ одного стремленія и лежавшія на одной дорогѣ, рано или поздно должны были объединиться. Такое объединеніе совершилось при Олегѣ Вѣщемъ — русская исторія началась.

Первое время русскаго государства есть время какого-то смутнаго и неопредѣленнаго броженія. Прежде всего являются неопредѣленными границы и размѣры русской земли, не установилось самое понятіе — русскій народъ. Не всѣ славянскія племена объединяются подъ властью пришельцевъ: до XI вѣка нельзя было, напр., опредѣлить, къ кому ближе хорваты Червонной Руси (предки галичанъ) — къ ляхамъ ли или руси, до XII вѣка вятичи пользуются полною самостоятельностью и имѣютъ своихъ князей („ходихомъ на Ходоту и на сына его“ — говорилъ Владиміръ Мономахъ). Между пришельцами-побѣдителями и побѣжденными существуетъ еще глубокая рознь, и арабскіе писатели того времени имѣютъ полное право говорить, что есть два народа: русь и славяне. Побѣдители собираютъ дань

съ побѣжденныхъ ихъ мѣстными произведеніями: скорою (мѣхами) и медомъ платятъ древляне, по бѣлѣ и вѣверицѣ (вѣкшицѣ) съ дыма (двора), по шлягу[1]) съ рала[2]) платятъ другіе, и только съ цѣлью этого сбора совершаютъ князья свое обычное зимнее „полюдье", т.-е. административно-финансовую поѣздку по подвластнымъ племенамъ, о которой разсказываетъ византійскій историкъ императоръ Константинъ Багрянородный. Тяжкимъ бременемъ ложится эта дань на населеніе, „не хуже обровъ[3]) примучиваютъ" князья своими произвольными требованіями: словно „волкъ въ овчарню" ходившій — Игорь; возстаніе древлянъ и его трагическая смерть — только одинъ изъ эпизодовъ этого примучиванья.

Въ походѣ Олега на Царьградъ участвуютъ уже славяне-дружинники, но прежняя рознь существуетъ[4]): русь получаетъ шелковые паруса, а славяне полотняные и въ сознаніи своего ничтожества принимаются за свою холстину. Послѣдній князь этого періода, тотъ неусидчивый князь-богатырь, которому не нравился Кіевъ, — Святославъ, не русскій народный князь, а вождь вольной дружины, еще не опредѣлившей своего мѣста жительства. Онъ пренебрегаетъ, не считаетъ своимъ Новгорода, не знаетъ и Кіева: „не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переславци на Дунаи, яко то есть среда земли моей". Кіевляне упрекаютъ его за то, что онъ не блюдетъ своей земли, гоняясь за чужими, но для князя-авантюриста не могло и быть различія между своею и чужою землею. Въ борьбѣ со степью, съ печенѣгами, кладетъ свою голову Святославъ — степь такимъ образомъ ограничила, опредѣлила русскую землю своей неодолимой преградой, не пустила за ту рѣку, которая по праву стала называться „Росью".

Святославомъ мы можемъ закончить первый періодъ нашей исто-

---

[1]) Шиллингъ — вообще иноземныя металлическія деньги, преимущественно арабскій диргемъ.

[2]) Дымъ — дворъ, рало — плугъ въ сущности были тождественными понятіями и обозначали участокъ земли, обрабатываемый силами одного домохозяина.

[3]) Т.-е. аваровъ, о владычествѣ которыхъ, упоминая славянское племя дулѣбовъ (волынянъ), говоритъ наша начальная лѣтопись.

[4]) Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся, конечно, не съ племенной уже рознью, а соціальной: подъ *русью* здѣсь подразумѣвается высшій классъ общества, преимущественно княжеская дружина, а также лучшіе, „нарочитіи люди" среди мѣстныхъ жителей.

ріи, Владимиромъ Святымъ начать второй: принятіе русскою землею христіанства было тѣмъ великимъ событіемъ, которое дало дѣйствительное начало русскому народу и государству. Это событіе было естественнымъ послѣдствіемъ усилившихся сношеній съ Византіею, учительницею и наставницею нашего народа.

Варяжскій бродяга-воинъ и присоединившійся къ нему славянинъ шли въ столицу міра, конечно, не съ цѣлью учиться, просвѣщаться, но это были и не дикіе сыны пустыни, неспособные къ развитію, на нихъ не могло не отозваться частое соприкосновеніе съ остатками античной цивилизаціи, уцѣлѣвшими на берегахъ Босфора. Мы можемъ сказать смѣло, что цивилизація явилась у насъ ненасильно навязанная извнѣ, она была завоевана собственными трудами нашихъ предковъ (такъ же какъ извѣстное преданіе о крещеніи Руси заставляетъ ихъ завоевать и самое христіанство): возможность просвѣтиться была куплена дорогою цѣною.

Императоръ Константинъ Багрянородный рисуетъ намъ живую картину хожденія руси въ Царьградъ и тѣхъ препятствій, которыя приходилось преодолѣвать на пути. Тяжелъ и суровъ образъ жизни руссовъ — говоритъ онъ; съ ноября-мѣсяца князья съ своею дружиною выходятъ изъ Кіева и полюдьемъ обходятъ всѣхъ своихъ данниковъ славянъ въ продолженіе цѣлой зимы, но съ наступленіемъ апрѣля, когда вскроются рѣки, они приготовляются къ новому пути въ Византію. Къ тому времени изъ лѣсныхъ странъ собираются въ Кіевъ лодки-однодеревки (душегубки), изготовленныя мѣстными жителями, и скупаются русью. Въ Витичевъ собираются, какъ въ общій центръ, отдѣльныя ладьи и дальнѣйшій путь совершаютъ уже вмѣстѣ, однимъ караваномъ. Такое общее плаваніе было необходимостью, потому что для того, чтобы пробраться на берега Босфора, надо было прежде пробиться силою сквозь враждебную степь.

Казалось, сама природа положила тяжкую преграду стремленію Руси на югъ: выходъ изъ великаго воднаго пути былъ загражденъ извѣстными Днѣпровскими порогами („протолчье“ нашихъ предковъ, т.-е. мѣсто, гдѣ вода толчется) съ ихъ камнями и скалами. Первый порогъ, встрѣчавшійся руссамъ, по словамъ того же писателя, носилъ характерное для всего дальнѣйшаго плаванія названіе „Несни“ (*Ἐσσουπῆ*): вода подымается до вершины торчащихъ изъ

воды, наподобіе островов, скал и оттуда съ пѣною и плескомъ, съ страшнымъ шумомъ ниспадаетъ внизъ; руссы принуждены выгрузить свои суда, раздѣваются и съ великою осторожностью, ощупывая ногами почву и упираясь длинными шестами, проводятъ суда мимо камней. За первымъ порогомъ слѣдуетъ второй и третій, проходимые съ такимъ же трудомъ, но всего опаснѣе былъ четвертый порогъ „Неясыть“ (теперь Ненасытецъ)[1]), такъ названный по множеству гнѣздящихся на немъ пеликановъ. Здѣсь русскій караванъ поджидаютъ дикіе печенѣги съ цѣлью разграбить его. Не доходя порога, всѣ руссы высаживаются на берегъ и готовятся къ бою; лодки вытаскиваются на берегъ, и волокомъ на бичевѣ или на собственныхъ плечахъ тянутъ ихъ невольники на разстояніи 6000 шаговъ а грузъ распредѣляется между людьми. За Неясытемъ предстоитъ пройти почти такимъ же образомъ чрезъ 3 порога, ибо Константинъ Багрянородный насчитываетъ ихъ всего 7. Но съ послѣднимъ порогомъ („Напражье“) опасность еще не прекращается, такъ какъ предстоитъ пройти чрезъ самое узкое мѣсто рѣки, такъ называемый Краріевъ перевозъ, на которомъ съ одного берега виденъ простымъ глазамъ другой; здѣсь опять поджидаютъ печенѣги и стрѣлами своими осыпаютъ проходящій караванъ. Оттуда, наконецъ, руссы прибываютъ къ острову св. Георгія („Варяжскій островъ“, Хортичь, Хортица) и здѣсь уже отдыхаютъ два-три дня отъ потерпѣнныхъ трудовъ и подъ тѣнью великаго дуба приносятъ благодарственныя жертвы своимъ богамъ. Затѣмъ плаваніе продолжается по Днѣпру до острова св. Елевѳерія (теперешняя Березань) и Бѣлаго берега (Бѣлобережье, гдѣ теперь Аккерманъ, т.-е. бѣлый городъ; Бугъ до сихъ поръ у турокъ зовется Ак-су, т.-е. бѣлая вода), гдѣ наступаетъ новый отдыхъ, послѣ котораго суда уже моремъ, вдоль берега, идутъ до рѣки Селины (Сулинское устье Дуная): только здѣсь, наконецъ, прекращаются опасности пути, и руссы перестаютъ бояться не перестававшихъ ихъ преслѣдовать печенѣговъ. Таковъ былъ выходъ изъ Руси въ просвѣщенную Европу, по разсказу современника: наглядно знакомимся мы изъ его повѣствованія съ неукротимою энергіею того народа, которому для

[1]) Ненасытецъ тянется теперь на протяженіи версты, имѣетъ болѣе двухъ саженъ паденія и 12 уступовъ.

сближенія съ образованнымъ центромъ пришлось преодолѣть и природу и людей, равно дикихъ и враждебныхъ.

Въ IX вѣкѣ походы Руси въ Царьградъ носятъ еще случайный, спорадическій характеръ набѣговъ, но мало-по-малу устанавливаются болѣе правильныя сношенія, хотя принимавшія и въ X вѣкѣ иногда тотъ же характеръ, но переходящія постепенно въ болѣе мирныя *торговыя* связи.

Съ X вѣка варягъ въ Византіи изъ воина понемногу превращается въ купца. Торговыя сношенія, разъ завязавшіяся, начинаютъ становиться все болѣе и болѣе постоянными и обширными, такъ что, наконецъ, является потребность регулировать взаимныя отношенія договорами. Изъ такого побужденія вытекаютъ извѣстные договоры Олега и Игоря съ греками (911 и 945 гг.), первый документальный памятникъ русской торговли. Русскіе купцы уже поселяются въ Царѣградѣ на время торговли и получаютъ особый кварталъ, св. Мамы; ихъ число весьма значительно, такъ какъ въ одной свитѣ кн. Ольги Константинъ Багрянородный насчитываетъ 44 купца, а въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемся съ постановленіемъ, что они имѣютъ право входить въ городъ отрядами не болѣе 50 человѣкъ: купцы ходятъ не изъ одного только Кіева: Константинъ сообщаетъ, что русскія ладьи приходятъ изъ Чернигова, Любеча, Вышеграда и даже отдаленной Немогарды (Новгородъ), а договоръ 945 г. раздѣляетъ „гостей“ на три разряда: кіевскихъ, черниговскихъ и переяславскихъ, изъ чего мы можемъ заключить, что центрами русской торговли того времени были именно эти три города. Сравненіе обоихъ договоровъ показываетъ намъ, какіе быстрые успѣхи совершились на пути мирныхъ международныхъ отношеній въ промежуточныя 40 лѣтъ. Въ договорѣ Олега едва мимоходомъ упоминается о торговлѣ, въ договорѣ же Игоря торговые интересы на первомъ планѣ: въ числѣ пословъ, заключившихъ самый договоръ, встрѣчаются таковые не только отъ бояръ (княжихъ-мужей т.-е. высшаго класса общества, куда входили дружинные и земскіе элементы), но и отъ гостей (горожанъ-купцовъ); русь прямо раздѣляется на пришедшую „съ куплею“ и безъ купли, при чемъ первые получаютъ отъ грековъ „мѣсячину“; для отличія руси осѣдлой, мирной отъ бездомной вольной дружины, первые представляютъ въ Царѣградѣ грамоты отъ своего князя; появляются различныя торговыя поста-

новленія, напр., о томъ, что Русь[1]) входитъ для торговли въ городъ опредѣленными воротами подъ руководствомъ царскаго чиновника, не имѣетъ права покупать шелковыя ткани дороже 50 золотыхъ кусокъ и т. д., попадаются, наконецъ, обязательства взаимныхъ услугъ, напр., относительно судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе, снабженія на дорогу съѣстными припасами и т. д. Однимъ словомъ, договоры Руси съ греками вводятъ насъ въ среду довольно уже развитой торговой международной дѣятельности.

Какіе же товары служили предметомъ такого оживленнаго обмѣна? Русскій князь Святославъ своими собственными словами укажетъ намъ на то, что сходилось на Балканскомъ полуостровѣ: „ту вся благая сходятся", говоритъ онъ про Переяславецъ на Дунаѣ, „отъ Грекъ злато, паволоки (шелковыя ткани), вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь". Въ этихъ словахъ намъ бросается въ глаза рѣзкая противоположность предметовъ, привозимыхъ изъ Руси и Византіи: съ одной стороны, это естественныя произведенія неразвитой сѣверной страны, съ другой—продукты обрабатывающей промышленности цивилизованнаго центра — продукты сельскіе и городскіе. Варяго-руссъ собиралъ дань съ подчиненныхъ ему славянскихъ племенъ, и дань эта, конечно, уплачивалась натурою, единственнымъ богатствомъ лѣсной страны — мѣхами, шкурами животныхъ (скора) или медомъ и воскомъ, такъ какъ славяне съ особою любовью, по свидѣтельству арабскихъ писателей, занимались пчеловодствомъ, или, наконецъ, кожами домашняго скота. „Што хощеши у насъ?" говорятъ древляне Ольгѣ, „ради даемъ скорою и медомъ"; поляне платятъ „по вѣверицѣ и бѣлѣ съ дыма" и т. д. Такой грубый, необдѣланный товаръ скоплялся у сельскаго жителя въ изобиліи, нужно было сбывать излишекъ; но такія именно произведенія составляютъ потребность многолюднаго города съ его утонченными привычками, города непроизводящаго, но перерабатывающаго природныя цѣнности — такъ устанавливается ввозъ товаровъ изъ села въ городъ, такъ же установился и ввозъ изъ Руси въ Царьградъ. Къ вышеназваннымъ

[1]) Въ X и XI вѣкахъ слово „русь" постепенно теряетъ уже сословное значеніе и пріобрѣтаетъ значеніе политическое: этимъ терминомъ обозначается сперва кіевская область, а затѣмъ вся территорія, подвластная русскимъ князьямъ; въ данномъ случаѣ, конечно, имѣются въ виду представители русской земли.

статьямъ привоза присоединялся еще товаръ, въ наше время, въ Европѣ по крайней мѣрѣ, немыслимый, но въ прежнія времена въ высшей степени распространенный и удобный для сбыта: рабы (челядь). Ниже, говоря объ арабской торговлѣ, мы укажемъ, какъ далеко и въ какихъ размѣрахъ производился торгъ невольниками, теперь достаточно вспомнить, что варяги-русь того времени представляются намъ разбойниками-удальцами, ради грабежа-поживы предпринимавшіе постоянные набѣги на окрестныя страны: при такихъ условіяхъ, когда военноплѣнный (колодникъ) дѣлался рабомъ, въ живомъ человѣчьемъ товарѣ, преимущественно славянскомъ, у нихъ не могло быть недостатка, а въ богатой столицѣ свѣта онъ находилъ легкій сбытъ. Взамѣнъ привозимаго варягъ бралъ то, чего ему не доставало въ его сельской сѣверной глуши: чудеса и диковины роскошнаго юга и плоды мануфактурной дѣятельности развитого населенія, тѣ предметы жизненнаго комфорта и роскоши, съ которыми, разъ познакомившись, онъ разстаться не могъ, которые неудержимо влекли его въ Царьградъ. „Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти“, говорилъ Владимиръ Святой, пока еще былъ вождемъ разгульной дружины: виноградное вино, украшеніе пиршества, шло исключительно изъ Византіи. Южные плоды всегда и вездѣ составляли неодолимый соблазнъ для жителей скуднаго сѣвера: „овощеве разноличныя“ упоминаются Святославомъ тѣмъ болѣе, что въ IX—X вѣкахъ никакого садоводства въ нашей родинѣ не могло быть. Со временъ Юстиніана (527—565) Византія ввела у себя шелководство, и съ тѣхъ поръ дорогія шелковыя ткани всею Европою стали добываться изъ нея; оттуда добывали ихъ и наши предки. Греки ревниво оберегали столь выгодное для нихъ производство и не дозволяли вывозить самыя дорогія ткани: не однимъ только руссамъ запрещено было покупать матеріи дороже 50 золотыхъ. Ліудпрандъ Кремонскій, посолъ Оттона Великаго (X в.), горько жалуется на то, что у него отобраны были богатыя ткани, пріобрѣтенныя для германскаго императора. Святославъ упоминаетъ только о „паволокахъ“, но, нѣтъ сомнѣнія, и другія, болѣе простыя византійскія матеріи служили для одежды русскихъ дружинниковъ, которые у себя могли имѣть развѣ одно только полотно. Въ какомъ количествѣ доставались иногда въ ихъ руки шелковыя ткани Византіи, можно видѣть изъ извѣстнаго пре-

данія о шелковыхъ парусахъ, которыя сдѣлалъ Олегъ Вѣщій, не пожалѣвшій, вообще, богатыхъ грековъ. Въ той же Византіи варягъ пріучился, наконецъ, цѣнить золото и серебро, котораго онъ не могъ добыть на своей родинѣ: за золото продавалъ онъ свои военныя услуги императору, золото бралъ въ случаѣ удачнаго набѣга (Олегъ), на золото мѣнялъ и свой товаръ. Благородные металлы переходили въ его руки или въ видѣ слитковъ, или разныхъ издѣлій, болѣе всего, вѣроятно, въ видѣ различныхъ украшеній, особенно ожерелій („гривенъ“) или обручей, которые носились въ тѣ времена не однѣми женщинами (ср., напр., сказаніе объ убіеніи Георгія, отрока Борисова). Таковы были главные товары, шедшіе къ намъ изъ Византіи съ древнѣйшихъ временъ и служившіе предметомъ обмѣна; изъ краткаго обозрѣнія ихъ мы можемъ убѣдиться, что Византія первая внесла въ сельскую глушь нашей жизни зародыши болѣе развитыхъ городскихъ потребностей и первая удовлетворяла имъ.

Но былъ еще одинъ товаръ, тѣсно связанный съ предыдущими, хотя и отличающійся отъ нихъ рѣзко своимъ характеромъ,—товаръ невещественный, невѣсомый и неизмѣримый: просвѣщеніе. Торговля идетъ рука объ руку съ цивилизаціею и, увеличивая матеріальное благосостояніе, вызывая и расширяя сношенія съ иноземцами, увеличиваетъ кругозоръ народный и вмѣстѣ съ новымъ товаромъ вноситъ и новыя идеи: общее правило примѣняется и въ русской исторіи. Неусидчивый бродяга варягъ по самому бродячему образу жизни своей, былъ какъ бы созданъ для пропаганды, разнесенія тѣхъ идей, вліянію которыхъ онъ самъ подчинялся на далекой чужбинѣ, на своей родинѣ. Просвѣщеніе того времени было тождественно съ христіанствомъ, и потому степенью его распространенія можно измѣрять большее или меньшее проникновеніе извѣстнаго народа идеями цивилизованныхъ его собратьевъ.

Первые русскіе христіане — варяги, живущіе въ Царѣградѣ и имѣющіе уже въ X вѣкѣ свою церковь св. Иліи; какъ отголосокъ, появляется христіанская колонія въ Кіевѣ съ церковью того же имени, первые русскіе „граждане небеснаго царства“, по счастливому выраженію лѣтописи, были тѣ же варяги; христіанами, наконецъ, становятся и вожди народа: Аскольдъ, Диръ, Ольга Мудрѣйшая; еще шагъ — и сознаніе необходимости принятія христіанства всѣмъ народомъ становится настоятельнымъ. Но шагъ этотъ не совершился

безъ колебаній. Не одно только византійское вліяніе проникало къ намъ въ Русь: великій западный путь открывался и въ западную латинскую Европу, а на востокѣ, на Волгѣ, какъ увидимъ ниже, развилась своя самобытная и не на низкой степени стоящая цивилизація. Между разнородными вліяніями Византіи, Востока и Запада произошла борьба, которая такъ наглядно отозвалась въ народномъ воспоминаніи въ извѣстномъ сказаніи объ испытаніи вѣръ Владиміромъ. Исходъ этой борьбы долженъ былъ предрѣшить дальнѣйшее теченіе русской исторической жизни: христіанская Европа или магометанская Азія, латинскій Западъ или православный Востокъ?... Борьба разрѣшилась духовною побѣдою Византіи, столькими связями приковывавшей къ себѣ молодую русскую жизнь, и Русь въ своемъ развитіи примкнула къ тому центру, который далъ ей возможность вырасти самобытно, спасти свою національность отъ порабощенія и Западу и Востоку. Начинается новый періодъ нашей жизни.

II.

Торговля съ Востокомъ. Договоры съ греками.

Полуразбойничьи дружины варяговъ не ограничивались тѣмъ, что ходили за добычею въ богатый Миклагардъ и брали, что могли, съ славянскихъ племенъ, они далеко расходились по морю и сушѣ, ища себѣ новой дани и добычи. Ихъ тянуло также и на востокъ. При Святославѣ и св. Владимірѣ они доходили до камскихъ болгаръ и хозаръ и нашли тамъ желанную добычу. Но не одни князья ходили, — ходили и вольные дружинники, которыхъ нельзя было удержать дома въ мирное время. Въ своихъ легкихъ ладьяхъ они разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ Понтъ-моря, „ежь словеть *море Руское*“, по словамъ лѣтописца. Въ одномъ изъ угловъ Чернаго моря, а именно на островѣ Тмутаракани (теперь Тамань), образовался даже, сначала временный, а потомъ постоянный, притонъ для русскихъ бродячихъ удальцовъ — это было какъ бы Запорожье IX и X вѣковъ. Арабскіе путешественники разсказываютъ

намъ, что на берегахъ Волги встрѣчали руссовъ, которые описывали имъ свою страну какъ островъ болотистый и лѣсистый, въ три дня пути, на которомъ жили одни вольные дружинники, не обрабатывающіе земли, а занимающіеся исключительно сборомъ дани, т.-е. разбоемъ. Многихъ вводило въ недоумѣніе это повѣствованіе, а между тѣмъ оно совершенно ясно относится къ тмутараканскому Запорожью. Изъ этого притона русскіе удальцы узнали о богатствахъ Востока, ибо мы знаемъ, что въ IX—X вѣкахъ на восточномъ водномъ пути возникла своя цивилизація, и возможность найти тамъ богатую добычу манила ихъ. Для смѣлыхъ руссовъ, которые всѣ набѣги производятъ на корабляхъ (Ибнъ-Даста), путь туда былъ нетруденъ; онъ шелъ изъ Тмутаракани по низовьямъ Дона, затѣмъ небольшой волокъ, рѣка Итиль и море Хвалынское (Каспійское). По пути этому ходили издавна. Существуетъ довольно темное преданіе, что русскіе уже въ 870 г. ходили въ Персію и напали на провинцію Тоберистанъ, а въ 914 г. тѣ же русскія дружины, которыя вмѣстѣ съ Олегомъ ходили на Царьградъ, пробрались въ море Каспійское, разграбили мусульманскій городъ Бердаа (на Кавказѣ), навели великій страхъ на жителей Гиляна и Тоберистана и четыре мѣсяца безъ препятствій хозяйничали въ этихъ отдаленныхъ странахъ, проливая кровь, уводя плѣнниковъ, грабя и сожигая. Такой же набѣгъ повторился въ 40-хъ годахъ X вѣка, и разоренію подвергся Адзербайджанъ и другія прикаспійскія области Арабскаго халифата. Арабскіе писатели сохранили, конечно, память только о самыхъ разорительныхъ вторженіяхъ, мелкіе же набѣги были, вѣроятно, обычнымъ явленіемъ.

Варяги такимъ образомъ сами пробили себѣ путь на востокъ и вступили съ нимъ въ сношенія; эти сношенія были первоначально враждебныя и ограничивались разбойничьими набѣгами, но и здѣсь, какъ и въ Византіи, разбой шелъ рука объ руку съ торговлею, изъ разбойника выросталъ купецъ.

Мы переходимъ къ другой водной артеріи русской, къ великой Волгѣ, прежней Итиль. Восточная водная артерія ведетъ прямо на азіатскій югъ и на пути ея не встрѣчается никакихъ препятствій, подобныхъ Днѣпровскимъ порогамъ; здѣсь, слѣдовательно, цивилизація юга широкимъ путемъ могла проникать въ глубь страны и, если на западѣ русской равнины житель сѣвера долженъ былъ самъ про-

бить себѣ выходъ изъ своей темницы, то на востокѣ дверь была открыта для посѣщенія со стороны чужеземца. На Волжскихъ берегахъ издавна сходились люди и продукты отдаленнаго запада и отдаленнаго востока, ибо самая рѣка имѣетъ восточно-западное и европейско-азіатское положеніе, и до сихъ поръ еще она полу-русская, полуинородческая рѣка. Это международное положеніе Волги обратило на себя вниманіе уже перваго нашего лѣтописца: Волга, говоритъ онъ, течетъ изъ лѣса Волковскаго (Оковьскаго) и впадаетъ 70 устьями въ море Хвалынское, „тѣмъ же изъ Руси можетъ доити на Востокъ *въ жребій Симовъ*". Предпріимчивый чужеземецъ, впервые проникнувшій на берега великой рѣки, разбудившій, подобно варягамъ, ея мертвыя силы нашелся — это былъ арабъ.

Въ IX и X столѣтіяхъ поволжскія страны находились подъ сильнымъ вліяніемъ арабовъ, которые вносили сюда свою роскошно расцвѣтшую цивилизацію. Арабы — послѣдній семитическій народъ, выступающій на сцену исторіи; въ его характерѣ есть что-то страстно-порывистое, стремительно развивающееся само изъ себя и своимъ натискомъ оказывающее поразительное вліяніе на все окружающее. Въ поразительно короткое время у арабовъ появляется громадное государство, охватывающее значительную часть Азіи, Африки и часть Европы; въ этомъ государствѣ быстро возникаетъ развитая гражданская жизнь, многосторонняя роскошная цивилизація; появляются и богатые, громадные города: Дамаскъ, Багдадъ, Кордуба — это милліонные центры арабской культуры съ развитою общественною жизнью, утонченными потребностями и многостороннею промышленною дѣятельностью, для которой естественно необходимы сырые продукты; потребность въ этихъ продуктахъ вызываетъ, въ свою очередь, дѣятельность торговую, которая развивается тѣмъ болѣе, что арабы, какъ и всѣ семитическіе народы (финикіяне, арабы и евреи) обладаютъ какою-то врожденною наклонностью и способностью къ торговлѣ. Арабъ по природному характеру, по воспоминаніямъ бедуина пустыни такой же неусидчивый бродяга, какъ и его современникъ — варягъ, хотя побужденія, толкавшія обоихъ, и бывали различны: въ немъ также долго живутъ стремленія къ скитальческой жизни, подобно варягу онъ заходитъ въ далекія края: и во внутренность Африки, и въ западную Европу, и въ Индійскій океанъ, и къ берегамъ Китая. Арабъ того времени вопло-

щаетъ въ себѣ три силы: воина, миссіонера и купца; и этотъ тройной человѣкъ оказываетъ могучее претворяющее вліяніе на страны, которыя посѣщаетъ: своимъ мечомъ, своею фанатическою религіозною рѣчью и своею развитой промышленностью. Если прибавить къ этому кипучую жизнь, неукротимую энергію и страстный напоръ, то насъ не удивитъ обширное распространеніе мусульманства и его громадное ассимилирующее вліяніе, противъ котораго во многихъ мѣстахъ не могло устоять даже христіанство.

Однимъ изъ удобнѣйшихъ путей, открывавшихся съ юга на сѣверъ, была наша Волга. Какъ только арабы достигли Каспійскаго моря, уже въ VII вѣкѣ они попытались проникнуть на сѣверъ — сухимъ путемъ пробирались они чрезъ Дербентъ, ворота воротъ (бабъ-ельабуабъ), и далѣе на сѣверъ до предѣловъ хозарскихъ, но гораздо удобнѣе былъ путь морской и другія широкія ворота, устья Волги; разъ узнавъ этотъ путь, они познакомились съ мѣстными народами, узнали о товарахъ, нужныхъ этимъ народамъ, стали привозить ихъ и взамѣнъ вывозить товары сѣвера. Такимъ образомъ возникла оживленная торговля. Торговля эта начинается еще въ VIII вѣкѣ, такъ какъ намъ извѣстно, что уже въ VIII вѣкѣ у арабскихъ халифовъ были мѣха чернобурыхъ лисицъ, которые могли привозиться только съ нашего сѣвера, но наибольшаго развитія достигаетъ она въ X столѣтіи. На Волгѣ являются два торговыхъ центра: одинъ пунктъ — у самаго устья, куда впервые являлись иностранные купцы; другой пунктъ — тамъ, гдѣ сливаются двѣ громадныя рѣки: Волга и Кама, изъ которыхъ первая направляется на сѣверо-западъ, а вторая на сѣверо-востокъ, одна сближаетъ съ Европою, другая съ Азіею.

При сліяніи этихъ двухъ рѣкъ сходятся, слѣдовательно, естественнымъ путемъ товары сѣверо-запада и сѣверо-востока. Этотъ центральный пунктъ, какъ бы самою природою выбранный для посредничества между Европою и Азіею, теперь Нижній Новгородъ, въ тѣ времена это былъ городъ, лежавшій нѣсколько ниже, „Болгаръ Великій городъ“, какъ его называли русскіе.

При устьѣ Волги лежалъ городъ Итиль, столица хозаръ; часть его — одинъ кварталъ, называвшійся Хазеранъ, былъ самый богатый: здѣсь жили мусульманскіе купцы. Въ Хазеранѣ былъ тоже кварталъ Славянскій, который, по мнѣнію арабовъ, былъ самый

богатый, потому что здѣсь въ изобиліи могли они добывать нужные товары, ибо сюда шли русскіе удальцы сбывать добро, награбленное въ славянскихъ земляхъ и Византіи, и мѣнять на произведенія Востока.

Но сами хозары, среди которыхъ производился этотъ обмѣнъ, относились къ торговлѣ пассивно, такъ какъ они были народъ полуосѣдлый и полукочующій, полустепной; они доставляли, по словамъ арабскихъ писателей, только бѣлужій клей, а сами получали все прочее чрезъ посредство другихъ народовъ.

Другое дѣло г. Булгаръ, который лежалъ на сѣверѣ, гдѣ сходились два пути, въ мѣстности, изобиловавшей товарами, нужными для восточныхъ купцовъ. Въ негостепріимныя страны далекаго сѣвера съ его дремучими лѣсами и дикими обитателями было трудно проникнуть безъ знанія мѣстности и языка. Такимъ образомъ посредники были необходимы, и ими сдѣлались болгары. Болгарскіе купцы ловко воспользовались своимъ положеніемъ и развили свои торговыя способности: они сами ходили на сѣверъ, добывали и скупали необходимые продукты, сбывали ихъ арабамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и сами производили новыя цѣнности. Но несмотря на такое, казалось бы, самостоятельное положеніе болгаръ, всѣ эти мѣстности находились подъ несомнѣннымъ и могущественнымъ вліяніемъ арабовъ; здѣсь они чувствовали себя господами, которые безъ конкурентовъ распоряжались на рынкахъ товарами, давали первый толчокъ и направленіе всей торговой и промышленной дѣятельности. Однимъ словомъ, арабъ чувствовалъ себя просвѣтителемъ, цивилизаторомъ этихъ странъ. Вліяніе цивилизаціи и здѣсь оказалось прежде всего въ религіи: среди хозаръ появилось много мусульманъ, а около 920 г. принялъ исламъ и самъ каганъ болгарскій Альмошъ (Ибнъ Шальки Балтаваръ).

Къ 922 г. относится знаменитое арабское посольство халифа Мохтедира къ новообращеннымъ въ исламъ волжскимъ болгарамъ, въ которомъ секретаремъ былъ извѣстный Ибнъ-Фадланъ, оставившій намъ любопытное описаніе своего путешествія. По его словамъ, торговля этихъ мѣстностей съ арабами была очень оживлена; главнымъ центромъ, изъ котораго выходили арабскіе караваны, какъ сухопутные, такъ и водные, была мѣстность, теперь полудикая и полунаселенная—Туркменскій край и Хива (Ховарезмъ), а главный

городъ этой страны была Джурджанія, которая лежала недалеко отъ впаденія Аму-Дарьи въ Аральское море, слѣдовательно, находилась немного сѣвернѣе современной Хивинской столицы.

Посольство съ Ибнъ-Фадланомъ отправилось изъ Багдада къ Каспійскому морю, оттуда направилось въ Джурджанію и прибыло, какъ говоритъ арабскій писатель, черезъ 70 дней безъ препятствій по знакомому пути въ Булгаръ. Такимъ образомъ за 1000 лѣтъ до нашего времени путь, по которому еще недавно съ такимъ трудомъ прошли наши войска, былъ открытъ для торговли. Волга и ея берега во время посольства представляли оживленный видъ. На ней было много судовъ арабскихъ, болгарскихъ и русскихъ; на берегахъ ея, въ Булгарѣ были выстроены балаганы, гдѣ происходила торговля съ ярмарочнымъ характеромъ. Далѣе на сѣверъ и западъ за Булгаръ арабы не проникли, потому что болгары, дорожа своей торговлей, препятствовали проникать имъ далѣе и ревниво берегли свое торговое посредничество, распуская нелѣпые слухи о племенахъ абарма (пермь), которые убиваютъ иноземцевъ, и вису (финское племя — весь), гдѣ вѣчная ночь и ведется нѣмая торговля.

На западъ, въ сторону отъ воднаго пути, арабскіе купцы тоже не ходили, а потому многіе ихъ географы, не зная западной страны, считаютъ даже Донъ рукавомъ Волги, такъ что, по ихъ мнѣнію, Каспійское море и Черное соединяются (Бахръ-ель-Ниталъ) непрерывнымъ воднымъ путемъ. Это предположеніе было вызвано, конечно, появленіемъ на Волгѣ русскихъ удальцовъ, и ихъ же разбои и грабежи, по всей вѣроятности, удерживали арабскихъ купцовъ отъ попытки проникнуть въ Азовское море.

Въ Хазеранѣ и Булгарѣ арабы вступали въ обмѣнъ съ иноземными купцами[1]), такъ какъ сюда являлись хозарскіе и русскіе купцы и продавцы буртасскіе (неизвѣстный народъ, по нѣкоторымъ предположеніямъ, это — народъ чудскаго племени, предки чувашей, жившихъ между болгарами и хозарами).

Русскіе купцы приходили въ Булгаръ на лодкахъ цѣлыми дружинами, такъ же какъ ходили и въ Византію; здѣсь они строили свои балаганы, привозили идоловъ, совершали молитвы и похороны своими оригинальными, такъ поразившими Ибнъ-Фадлана, обрядами,

[1]) У хозаръ, между прочимъ, существовало 7 спеціальныхъ судей для разбора торговыхъ споровъ, въ томъ числѣ одинъ для русскихъ славянъ.

такъ какъ иногда проживали здѣсь довольно долго; въ балаганахъ раскладывали они для продажи свои товары.

Товары русскихъ были двоякаго рода: во-первыхъ, уже извѣстныя намъ естественныя произведенія, которыя они получали въ дань, преимущественно отъ славянъ; во-вторыхъ, произведенія Византіи и отдаленныхъ западно-европейскихъ странъ. Благодаря послѣднему варяги являются какъ бы посредниками между Европой и Азіей.

Въ числѣ товаровъ перваго рода главную роль играли мѣха. Мѣховые товары цѣнились очень дорого въ халифатѣ и считались царскимъ украшеніемъ: нѣтъ князя, сообщаютъ намъ арабы, который бы не имѣлъ мѣховой шапки или такой же опушки на праздничномъ костюмѣ. При такомъ спросѣ на этотъ товаръ, единственнымъ мѣстомъ, откуда онъ добывается, были приволжскія страны. Неудивительно, что мѣха были главною ходячею единицею. Куньи мѣха употреблялись вмѣсто монеты: и слово „куны" долго замѣняетъ позднѣйшія деньги: 2 куньи шкуры — 2 арабскихъ диргема и у болгаръ, и у насъ (около 45 к.). „Чеканенной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха", говоритъ Ибнъ-Даста. Русскіе мѣха, которые шли изъ центральной Россіи, считались лучшими: соболиные, куньи, бобровые, горностаевые, бѣличьи, заячьи и лисьи; послѣдніе были двухъ родовъ: 1) чернобурые, которые арабами цѣнились выше соболей, 2) красные, болѣе дешевые, которые продавались для обыкновеннаго употребленія; низшій сортъ ихъ назывался арабскими, лучшіе же были изъ земли буртасовъ. Второго рода продукты заключались въ медѣ и воскѣ, которые вывозились на Волгу въ такомъ же большомъ количествѣ, какъ и въ Византію; третьяго рода продуктъ — невольники и невольницы. Русскіе, грабя разныя страны, набирали невольниковъ и продавали ихъ. Славянскіе невольники и невольницы очень дорого цѣнились, потому что они были способны ко всякой работѣ, особенно невольницы, которыя покупались для гаремовъ и работъ; часто встрѣчались, конечно, и греческіе плѣнники; кромѣ того, въ арабской торговлѣ въ числѣ невольниковъ упоминаются и русскіе мальчики. Джурджанія была однимъ изъ главныхъ невольничьихъ рынковъ, славянскіе рабы часто встрѣчались и въ отдаленномъ Багдадѣ. Ибнъ-Фадланъ изъ всѣхъ товаровъ руссовъ указываетъ преимущественно на красивыхъ невольницъ.

Чужіе товары, привозимые руссами на Волгу, были преимущественно византійскіе, и отчасти западные; напр., они доставляли, по словамъ арабовъ, шелковыя ткани румскія (т.-е. римскія, византійскія), ковры и т. д. въ Хазеранъ; носили сами и передавали на востокъ мечи и кольчуги франкской (фряжской) работы и т. д. Кромѣ русскихъ мѣховъ, арабы получали ихъ также изъ странъ Югры и Вису чрезъ посредство болгаръ (арабы передаютъ разсказъ объ этой торговлѣ болгаръ съ упомянутыми народами сѣвера, напоминающій извѣстный разсказъ Геродота о нѣмой торговлѣ финикіянъ въ Африкѣ); оттуда же шелъ и такъ называемый рыбій зубъ, подъ этимъ именемъ была извѣстна слоновая и моржовая кость. Норвежецъ Оти (въ IX в.) сообщаетъ, что онъ ходилъ въ Югру и Пермь бить этихъ моржей.

Изъ пріуральскихъ странъ добывали мамонтовую кость, которая встрѣчалась также и въ Болгарской землѣ. Арабы получали отъ болгаръ даже кожу (юфть), такъ какъ послѣдніе дѣятельно занимались скотоводствомъ; самая подать кагану заключалась въ бычачьей шкурѣ съ дома; такая шкура продавалась или въ сыромъ, или въ обдѣланномъ видѣ — юфти. Оттуда же арабы вывозили березовый лѣсъ, стрѣлы изъ того же дерева, орѣхи и рыбу и даже нѣкоторыя произведенія болгарской мануфактурной промышленности, какъ, напр., войлочныя шапки, которыя и теперь въ ходу на Поволжьѣ. Чрезъ посредство болгаръ приходили даже товары изъ Балтійскаго моря[1]), напр., янтарь, въ естественномъ и обработанномъ видѣ.

Взамѣнъ мѣстныхъ сырыхъ продуктовъ арабы привозили издѣлія своихъ фабрикъ, иногда тоже сырое, купленное на Волгѣ, но обработанное и, конечно, удесятерившееся къ цѣнѣ; здѣсь мы встрѣчаемся, слѣдовательно, съ постояннымъ отношеніемъ народа болѣе развитого къ менѣе развитому. Изъ арабскихъ товаровъ на первомъ мѣстѣ стояли золото и серебро, преимущественно въ видѣ монеты-диргемовъ. Арабы очень рано начали чеканить свою монету и именно въ городѣ Куфѣ, почему она и носитъ названіе куфической. Число диргемовъ арабскихъ, расходившихся на нашемъ сѣверѣ, было очень велико, такъ какъ русскіе купцы старались продавать

[1]) На побережьяхъ Балтійскаго моря въ послѣднее время раскапывается множество арабскихъ монетъ, что указываетъ на существованіе торговыхъ путей между Каспійскимъ и Балтійскимъ морями.

все за наличныя деньги, которыхъ у нихъ было очень мало, а между тѣмъ явилось сознаніе ихъ удобства, какъ орудія мѣны. Этимъ приливомъ монеты объясняется сравнительно значительное количество кладовъ куфическихъ монетъ даже въ центральной Россіи. Кромѣ того, золото и серебро употреблялось въ видѣ украшеній: русскій купецъ, говорятъ арабы, имѣя 10.000 диргемовъ капитала, покупалъ женѣ золотой подарокъ въ видѣ цѣпи, ожерелья, запястья, подвѣски и т. д. и, пріобрѣтая еще 10.000, дарилъ новую цѣпь и т. д. Ткани, какъ мы видѣли, привозились къ намъ изъ Византіи, но въ значительномъ количествѣ шли также и отъ арабовъ изъ Джурджаніи. Вотъ почему у насъ еще и теперь нѣкоторыя части одежды носятъ восточныя названія: напримѣръ, *сарафанъ* (сарапа — персидское слово: почетное длинное мужское одѣяніе), *парча* — тоже персидское (кусочекъ), *камка* (камакъ — шелковая дамасская ткань), армякъ, куршна, костакъ — это все восточныя названія; очевидно, что арабы въ извѣстномъ смыслѣ были законодателями модъ того времени. Отъ арабовъ шло также оружіе; дамасская сталь славилась повсюду, вслѣдствіе чего и въ этомъ отношеніи на Руси сохранилось много восточныхъ названій, какъ, напримѣръ, сабля, кинжалъ (ханджиръ — арабское слово) харалугъ (вороненая сталь), буломсъ (арабская сталь). Далѣе къ товарамъ, привозимымъ арабами, относятся: издѣлія изъ стекла и драгоцѣнные камни — алмазъ (арабское слово), бирюза (персидское слово), яхонтъ, сапфиръ, жемчугъ, извѣстный у насъ въ тѣ времена подъ именемъ бурмицкихъ или гурмыжскихъ зеренъ, ормуздскихъ (г. Ормуздъ). Издѣлія изъ стекла дорого цѣнились, въ особенности дорого стоилъ бисеръ и зеленыя бусы изъ глины, особенно почему-то любимыя русскими женщинами. Одна такая зеленая буса стоила диргемъ (почти на вѣсъ золото).

Таковы были товары, которые ввозили и вывозили арабы; они свидѣтельствуютъ намъ объ оживленности поволжской торговли того времени. Насколько она была развита и какъ далеко распространялась, можно судить по раскопкамъ мерянскихъ кургановъ въ Московской и Владимирской губерніяхъ, совершенныхъ извѣстнымъ археологомъ, покойнымъ графомъ Уваровымъ. Въ курганахъ этой дикой лѣсной страны найдено много арабскихъ бусъ и монетъ, процентное содержаніе которыхъ можетъ слу-

жить нагляднымъ доказательствомъ влiянiя арабовъ и Востока на центральную Русь. Процентное содержанiе монетъ можно вывести изъ слѣдующихъ данныхъ: найдено 80 монетъ западно-европейскихъ, 3 византiйскихъ, 250 восточныхъ. Громадное преобладанiе послѣднихъ много говоритъ за господство арабовъ на поволжскихъ рынкахъ.

Такимъ образомъ, начиная съ IX вѣка восточная часть великой европейской равнины представляетъ болѣе оживленный характеръ, чѣмъ западная: по Волгѣ ходятъ суда арабовъ и болгаръ, по Каспiйскому морю идутъ арабскiе товары изъ Дамаска, Джурджанiи и др., на немъ же появляются и мелкiя суда руссовъ, приходящiя съ запада; по степи ходятъ караваны, которые въ 70 дней изъ Джурджанiи достигаютъ центра волжской торговли — Булгара. Есть даже извѣстiе[1]), что русскiе купцы доходили на верблюдахъ до Багдада. Торговля и здѣсь, какъ и вездѣ, шла рука объ руку съ цивилизацiей, потому-то въ предѣлахъ Россiи на берегахъ Волги и возникаютъ первыя цивилизованныя государства, какими были государства: Болгарское и Хозарское. Положимъ, что цивилизацiя эта не была прочна, да и не могла быть такою, потому что какъ хозары, такъ и болгары, не были способны къ чему-нибудь прочному, носили слишкомъ степной характеръ, но все-таки результатомъ цивилизацiи, прямо вытекающей изъ торговыхъ сношенiй, были, — „всеобщая благодать, богатство, довольство и процвѣтанiе" на берегахъ Волги X вѣка; но уже въ концѣ X вѣка эта торговля потерпѣла такой ударъ, отъ котораго оправиться долго не могла.

У насъ на Руси въ то время былъ княземъ тотъ бродяга-богатырь, которому не жилось въ Кiевѣ, которому не сидѣлось спокойно на мѣстѣ, между тѣмъ какъ богатства сосѣднихъ государствъ Востока тянули его къ себѣ, и вотъ въ 968 г. онъ сдѣлалъ на нихъ набѣгъ. Есть преданiе, что хозарскiе старцы, взявъ дань съ полянъ, сказали: „не хороша дань, будутъ брать они дань и съ насъ". Послѣдующiя событiя оправдали ихъ предсказанiе. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается объ этомъ походѣ лишь мимоходомъ, но зато у арабскихъ писателей онъ разсказанъ во всѣхъ подробно-

[1]) Это извѣстiе, за достовѣрность котораго, впрочемъ, нельзя поручиться, принадлежитъ арабскому писателю Ибнъ-Хордадбе писавшему не позже 780-хъ годовъ.

стяхъ. И дѣйствительно, погромъ былъ ужасный: Итиль взятъ и разграбленъ, Булгаръ лежитъ въ развалинахъ, князь доходитъ до Семендара, около теперешняго Кизляра. Немногіе хозары успѣли спастись въ Крымъ, а прочіе принуждены платить дань. Хозарское государство исчезаетъ изъ исторіи. На томъ мѣстѣ, гдѣ находилось государство съ извѣстною цивилизаціею, поселяются со временемъ дикіе команы-половцы, которые ни въ какомъ случаѣ не были способны къ торговымъ сношеніямъ. Паденіе Итиля и хозаръ, появленіе степняковъ не могло не повліять на торговлю, но особенно сильный ударъ былъ ей нанесенъ татарскимъ погромомъ въ 1224 году. Во время нашествія татаръ, замѣчаетъ арабъ-современникъ, прекратилась торговля, и изъ этихъ странъ не привозили болѣе ни черныхъ лисицъ, ни бѣлокъ, ни бобровыхъ шкуръ. Прошло долгое время, прежде чѣмъ торговая дѣятельность пошла прежнимъ путемъ. Но, кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, нельзя не замѣтить, что арабская цивилизація, такъ быстро и прекрасно развившаяся въ X и XI вѣкахъ, замѣтно начинаетъ клониться къ упадку. Пропадаетъ та бодрость и энергія, которая отличала арабскихъ купцовъ и заставляла ихъ преодолѣвать всѣ трудности. Купцы съ ихъ караванами все рѣже и рѣже идутъ на сѣверъ, занятый дикими половцами, и неспособные къ цивилизаціи турки сельджуки, занявшіе южные берега Каспійскаго моря, подавляли всякую попытку къ торговымъ сношеніямъ.

Паденіемъ торговли арабовъ мы закончимъ 1-й періодъ русской торговли. Въ XIII и XIV вѣкахъ въ этихъ мѣстностяхъ возникаетъ новая торговля, которая относится уже къ другому періоду. Второй періодъ можетъ быть раздѣленъ на 2 отдѣла, при чемъ первый распадается на 2 главы: 1-я — Русь южная, центромъ которой былъ Кіевъ, соперникъ Константинополя. Южная Русь разноситъ цивилизацію на сѣверъ, но она не могла объединить всей Россіи, она сама пала въ борьбѣ со степью и подчинилась вліянію сосѣдней Польши; 2-я глава: Русь Новгородская. Второй отдѣлъ есть Русь Суздальская, которая группируется около Москвы. Потомъ мы уже перейдемъ къ 3-му періоду, къ разсмотрѣнію торговли Московскаго государства, которое достигло того, чего не могли сдѣлать другія, т.-е. объединенія всей Руси.

Для большаго знакомства съ русской торговлей перваго періода мы прочтемъ тѣ главные памятники, въ которыхъ объ ней говорится. Къ нимъ принадлежатъ: разсказъ Константина Багрянороднаго о пути Руси въ Царьградъ и договоры съ греками: Олега въ 911 и Игоря въ 945 г.

Константинъ Багрянородный жилъ въ X столѣтіи († 959). Въ продолженіи своего царствованія онъ мало принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и больше сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался науками. Самъ неспособный къ управленію, этотъ ученый педантъ оставилъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя предназначилъ своему сыну въ руководство къ управленію имперіей. Изъ нихъ можно указать на два, какъ болѣе замѣчательныя: 1) объ управленіи имперіей, 2) о церемоніяхъ византійскаго двора. Въ первомъ изъ нихъ онъ совѣтуетъ своему сыну придерживаться обычной византійской политики: вооружать варваровъ на варваровъ; во второмъ среди массы нелѣпыхъ и скучныхъ разсказовъ есть много интереснаго для нашей исторіи, напримѣръ, описаніе принятія Ольги. Въ первомъ сочиненіи важна въ особенности 9-я глава, озаглавленная такъ: „О Руси, приходящей въ Константинополь на лодкахъ-однодеревкахъ“.

Договоръ заключенъ былъ послѣ удачнаго набѣга Олега на Царьградъ 2 сентября 911 г. Начинается онъ заглавіемъ: „Равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ Льва и Александра“, т.-е. копія (списокъ) съ другой договорной грамоты, находящейся у тѣхъ же царей, и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена пословъ Олеговыхъ (все варяжскія: Карлъ, Инагельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Руальдъ и т. д.) и рѣшеніе заключить миръ, чтобы подтвердить „отъ *многихъ лѣтъ* межи христіаны и Русью бывшею любовь“, послѣ чего уже начинаются различныя статьи договора. 1) Прежде всего это постановленія относительно часто случавшихся столкновеній между греками и руссами, приходившими въ Царьградъ. Убійца предается смерти, а въ случаѣ его бѣгства изъ его имущества (за исключеніемъ части, принадлежащей „*по закону*“ его женѣ) выдается денежное вознагражденіе родственнику убитаго. Нанесшій ударъ мечомъ платитъ 5 литръ серебра „по закону русскому“ или отдаетъ все, что имѣетъ, до послѣдняго платья, и даетъ роту (присягу), что болѣе ничего не имѣетъ. Воръ возвращаетъ украден-

ное втройнѣ и можетъ быть убитъ на мѣстѣ преступленія. 2) Обѣ договаривающіяся стороны вступаютъ въ обязательство относительно взаимныхъ услугъ. Такъ, напр., руссы обязываются помогать греческимъ судамъ, подвергшимся крушенію, или, если это случилось около русской земли, продавать ихъ „рухла" (товаръ) и вырученныя деньги привозить въ Византію, *„егда ходимъ въ Греки, или съ куплею или въ солбу* (посольство) къ цареви". Обязательство о взаимной выдачѣ „полоняниковъ", находящихся у обоихъ народовъ или приводимыхъ къ нимъ на продажу. Такое же обязательство въ случаѣ бѣгства рабовъ той или другой стороны. Князь русскій обязывается не стѣснять тѣхъ дружинниковъ, которые изъявятъ желаніе служить въ византійской гвардіи, — „своею волею да будуть". Относительно этихъ „работающихъ въ Грецѣхъ руси у хрестьянскаго царя" есть постановленіе, что, въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ, его имущество отдается въ Русь его родственникамъ чрезъ „взимающихъ куплю Руси, ходящихъ въ Греки и *удолжающихъ*". Договоръ заканчивается клятвою не преступать условленныхъ статей. Хотя въ договорѣ 911 г. мы и не встрѣчаемъ подробныхъ постановленій о торговлѣ, но тѣмъ не менѣе мы заключаемъ, что она существуетъ въ значительныхъ размѣрахъ: греки ходятъ въ Русь *съ рухломъ,* Русь ходитъ *съ куплею* въ Царьградъ и „*удолжаютъ*" тамъ; мирныя сношенія настолько устанавливаются и ихъ важность настолько входитъ въ сознаніе, что является потребность регулировать ихъ особенными условіями и взаимными обязанностями.

Дальнѣйшій шагъ впередъ представляетъ намъ договоръ Игоря съ греками, содержаніе котораго мы и разсмотримъ. Онъ начинается такъ же, какъ и разобранный нами договоръ Олега, словами: „равно другаго свѣщанія", указывающими на то, что онъ былъ написанъ въ 2 экземплярахъ; но затѣмъ также слѣдуютъ имена пословъ отъ великаго князя и князей, сущихъ подъ рукою его, но въ числѣ пословъ являются уже не одни только лица офиціальныя, но также и послы отъ купцовъ — людей, очевидно наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ договорѣ; появленіе ихъ въ числѣ представителей русской земли можетъ указывать на важное значеніе, которое начинаютъ придавать торговлѣ. При чтеніи договора мы можемъ увидать, что онъ раздѣляется на нѣ-

сколько отдѣловъ. 1) Различныя постановленія о сношеніяхъ русскихъ съ греками, какъ они должны жить въ Константинополѣ, объ отношеніи къ законамъ и вообще различныя условія на всякій случай. 2) Вторымъ пунктомъ опредѣляются отношенія русскихъ князей къ Корсунской странѣ. 3) Третій пунктъ заключаетъ съ себѣ, если такъ можно выразиться, международныя отношенія. Въ первомъ отдѣлѣ заключается прежде всего миръ на вѣчныя времена, „до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце, и весь миръ стоитъ".

Самое желаніе заключить *вѣчный* миръ указываетъ на то, что торговыя сношенія между обоими народами значительно развились и упрочились, мирные интересы стали брать верхъ надъ интересами военными. Кто нарушитъ этотъ миръ, говорится въ договорѣ, тотъ, если онъ христіанинъ, то пусть будетъ осужденъ на погибель въ этой жизни и будущей, а если язычникъ, то пусть не имѣетъ защиты ни отъ Бога, ни отъ Перуна, не укроется за своимъ щитомъ, погибнетъ отъ собственнаго оружія и будетъ рабомъ въ этой и будущей жизни. Во-вторыхъ, опредѣляются торговыя правила и отношенія русскихъ гостей къ грекамъ. „Великій князь и люди его имѣютъ право послать корабли свои съ послами и купцами, сколько захотятъ. Прежде купцы пріѣзжали съ серебряными печатями, а послы съ золотыми, а теперь князь вашъ рѣшилъ посылать ихъ съ грамотами, а кто не будетъ имѣть грамоты, того мы можемъ взять въ плѣнъ и держать до тѣхъ поръ, пока не напишетъ вашему князю, и если они будутъ сопротивляться аресту, то могутъ быть убиты, и смерть ихъ ни на комъ не взыщется, а если они убѣгутъ изъ плѣна и явятся на Руси, то мы напишемъ князю вашему, и пусть онъ съ ними, какъ ему любо будетъ".

То обстоятельство, что покровительствомъ греческихъ законовъ пользуются только тѣ изъ русскихъ людей, которые приносятъ грамоты отъ своего князя, указываетъ на то, что верховная власть на Руси установилась гораздо крѣпче, а замѣна печатей грамотами указываетъ на появленіе на Руси грамотныхъ людей подъ вліяніемъ образованной Византіи. Обычай посылки печати есть также византійскій, ибо тамъ въ средніе вѣка обыкновенно привѣшивали золотыя или серебряныя печати или медали. Въ своемъ сочиненіи Константинъ Багрянородный указываетъ, какъ надо писать грамоты къ разнымъ государямъ и какія привѣшивать печати; между

прочимъ, грамота къ русскому князю начиналась такими словами: „Отъ великихъ христіанскихъ царей такого-то и такого-то князю Руси грамота“ („архонту“), и при этомъ привѣшивалась печать вѣсомъ въ два золотыхъ солида. „Если Русь — продолжаетъ договоръ — придетъ съ товарами, то получаетъ содержаніе отъ византійскаго правительства, а если безъ товаровъ, то не получаетъ. Да запретитъ князь людямъ своимъ творить безчинства въ странѣ нашей“.

„По пріѣздѣ въ Царьградъ пусть живутъ они въ предмѣстьи Св. Мамы, и тогда власти наши пошлютъ къ нимъ чиновниковъ, чтобы переписать ихъ имена и выдать купцамъ ихъ мѣсячное, а посламъ посольское. Въ городъ пусть входятъ однѣми воротами человѣкъ по 50 безъ оружія въ сопровожденіи нашихъ чиновниковъ, и, купивъ что надо, пусть опять уходятъ. Чиновникъ же нашъ долженъ охранять ихъ, и, если русскій или грекъ поступятъ несправедливо, пусть онъ разберетъ дѣло. Входя въ городъ, Русь не имѣетъ права покупать паволоки дороже 50 золотыхъ, а если кто и купитъ, то долженъ сказать чиновнику, и тотъ, наложивъ пломбы („и то е запечаетъ“), отдаетъ ихъ. Когда же Русь будетъ отъ насъ отправляться, пусть беретъ сколько понадобится съѣстнаго на дорогу и лодокъ, какъ это установлено уже прежде, и благополучно возвращается въ страну свою; но зимовать у Св. Мамы никто изъ руссовъ не имѣетъ права. Если кто-нибудь изъ Руси захочетъ взять что-нибудь у нашихъ людей насильно, то заплатитъ вдвое и будетъ наказанъ“. (А между тѣмъ, въ договорѣ Олега за украденную вещь платится втрое; по случаю болѣе частыхъ сношеній плата уменьшается, ее уже находятъ дорогою). То же самое постановляется и по отношенію грековъ къ русскимъ.

Такъ же, если грекъ или русскій что-нибудь украдетъ, то долженъ возвратить не только украденное, но также и заплатить цѣну его, а если украденное найдется проданнымъ, то кромѣ того, что заплатитъ вдвое, будетъ наказанъ по закону греческому и „по уставу и закону русскому“. Если Русь приведетъ греческихъ плѣнниковъ, то получитъ за юношу и дѣвицу по 10 золотыхъ, за человѣка среднихъ лѣтъ — по 8, а за стараго или ребенка — по 5. А если найдется русь въ рабствѣ у грековъ, то Русь выкупаетъ ихъ по 10 золотыхъ, а если грекъ купилъ русскаго раба, то пусть онъ клятвою покажетъ, сколько заплатилъ за него, и тогда получитъ эту цѣну.

Далѣе въ договорѣ слѣдуютъ международныя постановленія относительно Херсонеса и греческихъ колоній въ Тавридѣ, столь важныхъ для Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, столь часто подвергавшихся нападенію сосѣдей: а что касается корсунской страны и всѣхъ находящихся въ ней городовъ, то князь русскій не имѣетъ права воевать съ ними, пусть эта страна вамъ не покоряется.

„Если Русь встрѣтитъ въ устьѣ Днѣпра корсунскихъ рыбаковъ, то пусть не дѣлаетъ имъ никакого зла; Русь не имѣетъ права зимовать ни въ устьѣ Днѣпра въ Бѣлобережьѣ (гдѣ теперь Аккерманъ... бѣлый городъ), ни на островѣ Св. Елевферія и съ наступленіемъ осени пусть возвращается домой.

„А что касается до черныхъ болгаръ[1]), приходящихъ воевать страну греческую, то мы повелѣваемъ князю русскому не допускать ихъ до этого.

„Если князь русскій попроситъ у насъ воиновъ, то мы дадимъ ему, сколько ему будетъ нужно. Если Русь встрѣтитъ греческую кубару, выброшенную на какомъ-нибудь мѣстѣ, то пусть ея не обижаетъ и, если что возьметъ съ нея или поработитъ человѣка, или убьетъ его, то отвѣчаетъ передъ закономъ греческимъ и русскимъ“.

Затѣмъ договоръ снова возвращается къ постановленіямъ, касающимся возможныхъ столкновеній съ греками, большею частію уже предусмотрѣннымъ въ договорѣ Олега. „Если случится преступленіе отъ грековъ, находящихся подъ нашею властію, то князь русскій не имѣетъ права казнить ихъ; они судятся по нашему закону. Если грекъ убьетъ русскаго или русскій грека, то пусть задержатъ убійцу родственники убитаго и убьютъ его, а если онъ скроется, то пусть родственники убитаго возьмутъ его имѣнье, а если у него нѣтъ ничего и онъ убѣжитъ, то пусть его ищутъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ, и тогда пусть его убьютъ. Если русскій грека или грекъ русскаго ударитъ мечомъ или копьемъ, или какимъ-нибудь другимъ оружіемъ, то платить пять литръ серебра по закону русскому, а если онъ человѣкъ недостаточный, то пусть продастъ все, что можно, даже и одежду, въ которой онъ ходитъ,

[1]) Болгары раздѣлялись на бѣлыхъ и черныхъ, что значитъ вольныхъ и зависимыхъ. Первые жили на Дунаѣ, а вторые были подчинены хозарамъ. Они жили въ степяхъ, бродили тамъ и нападали на страну корсунскую.

и пусть онъ поклянется по своему закону, что больше ничего не имѣетъ, и тогда его отпустятъ. Если у насъ встрѣтится надобность въ вашихъ воинахъ, то объявляемъ мы о семъ вашему князю, и пусть присылаетъ намъ, сколько намъ нужно, и да видятъ другія страны, какую любовь имѣютъ греки къ русскимъ".

Договоръ заканчивается вопросомъ о его ратификаціи. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе: „А написали мы договоръ въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ нихъ, на которомъ переписаны наши имена и крестъ стоитъ, остался у насъ, а на другомъ, на которомъ переписаны имена пословъ и купцовъ вашихъ, возьмете вы съ собою и отнесете къ князю вашему и людямъ его, а тѣ, получивъ его, пусть клянутся по закону своему въ присутствіи пословъ нашихъ соблюдать все, что написано на хартіи, а мы, т.-е. послы уже клялись, сколько насъ есть христіанъ, во всемъ томъ въ церкви Св. Иліи крестомъ честнымъ нерушимо исполнять все, что не описано въ договорѣ семъ".

Въ сравненіи съ договоромъ Олега, договоръ Игоря представляетъ значительный шагъ впередъ. Сношенія устанавливаются и дѣлаются болѣе прочными; для русскихъ купцовъ сдѣлалось потребностью ѣздить въ Царьградъ; число ихъ было такъ значительно, что для ихъ жительства назначается особый кварталъ; купцы, очевидно, заинтересованы въ составленіи договора, поэтому-то они въ немъ и участвуютъ, чего мы не находимъ въ договорѣ Олега; Константинъ Багрянородный говоритъ въ своемъ сочиненіи, что съ Ольгою было только 44 купца, но тутъ онъ, по всей вѣроятности, упоминаетъ лишь о самыхъ главныхъ, потому что условіе грековъ, чтобы русскіе купцы входили въ городъ отрядами, числомъ не болѣе 50 человѣкъ, доказываетъ намъ, что ихъ число было гораздо значительнѣе; но въ этомъ же условіи выразилось и то недовѣріе къ русскимъ купцамъ, которое питали къ нимъ греки, не перестававшіе смотрѣть на нихъ какъ на разбойниковъ, способныхъ всегда „сотворить безчинія". Въ принятіи христіанства выразилось самое сильное проявленіе греческаго вліянія. Въ договорѣ Игоря упоминается уже о христіанахъ изъ русскихъ, чего не встрѣчается въ договорѣ Олега. Очень возможно, что церковь Св. Иліи была собственно для нихъ выстроена и была ихъ собственностью. Она сдѣлалась первымъ разсадникомъ греческой цивили-

заціи на Руси, и по ея имени выстраивается христіанская церковь и въ Кіевѣ.

Международныя отношенія также болѣе или менѣе регулируются. Русскій князь не есть только, какъ прежде, начальникъ сброда дружинниковъ, но онъ есть дѣйствительный князь, и его власть получаетъ подъ вліяніемъ греческой цивилизаціи бо́льшее государственное значеніе. Греки отличаютъ подвластныхъ русскому князю отъ тѣхъ бездомныхъ и безголовныхъ дружинниковъ, которые бродятъ вездѣ и свили себѣ гнѣздо въ Тмутаракани. Великій князь ручается за своихъ бояръ и гостей, и ручательствомъ его служатъ грамоты.

Изъ этого договора мы видимъ, какое великое значеніе имѣла для русскихъ уже въ тѣ отдаленныя времена торговля съ греками, и что греческіе купцы были первыми проводниками греческой цивилизаціи на Руси.

Разсмотрѣніемъ этого документа мы окончили первый періодъ русской торговли.

III.

Кіевская Русь.

Первая глава второго періода будетъ заключать исторію Руси Южной. Мы остановились на крещеніи русской земли.

Благодаря великому водному пути „изъ варяговъ въ греки“, благодаря варягамъ, ходившимъ въ Византію, перенимавшимъ византійскіе обычаи и подвергавшимся византійскому вліянію, благодаря частымъ сношеніямъ съ корсунцами, греческая цивилизація одержала верхъ надъ арабо-болгарскою и латинскою, которыя, хотя и не могли удержаться у насъ на Руси, однако имѣли на нее большое вліяніе. Извѣстное сказаніе объ испытаніи вѣръ Владиміромъ, если и не имѣетъ значенія исторически достовѣрнаго факта, то тѣмъ не менѣе представляетъ намъ вѣрную картину тѣхъ разнородныхъ элементовъ, которые боролись въ Кіевѣ и обусловливались, какъ его центральнымъ положеніемъ на великомъ вод-

номъ пути, такъ и постоянными походами варяго-русскаго дружинника на западъ, на Волгу и въ Царьградъ. При европейскомъ строѣ народа вліяніе восточно-хозарское не могло быть глубоко, но зато тѣмъ упорнѣе была борьба западнаго латинства съ византійскимъ.

Темные и скудные источники не позволяютъ намъ видѣть этой борьбы въ полномъ размѣрѣ, но и немногія уцѣлѣвшія указанія показываютъ, что Русь долго стояла на распутьѣ и примкнула, наконецъ, къ славянамъ южнымъ, а не западнымъ, не безъ колебаній. Мы знаемъ, напримѣръ, что сама Ольга, крестившаяся въ Царьградѣ, посылала въ Германію за латинскими священниками. Во времена Владимира Святого св. Брунонъ Кверфуртскій, католическій монахъ, заходилъ въ страну русскую съ цѣлью крещенія печенѣговъ, ласково былъ принятъ русскимъ княземъ, проведенъ имъ до страны печенѣжской, хотя тамъ, конечно, не имѣлъ большого успѣха; у Святополка, сына Владимирова, живетъ латинскій епископъ Рейнбернъ Кольбергскій; въ печерской церкви находятся образа варяжскаго написанія и вещи латинскаго стиля, важныя въ археологическомъ отношеніи Корсунскія и Новгородскія врата тоже латинскаго пошиба. Преподобный Иларіонъ долженъ былъ бороться и препираться за вѣру съ латинами, живущими въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ усилія Запада, восточное вліяніе взяло верхъ, осталось господствующимъ и опредѣлило въ значительной степени характеръ и направленіе позднѣйшей русской исторіи. Съ принятіемъ христіанства и тѣсно съ нимъ связанной гражданственности устанавливается, наконецъ, начало русскаго государства, ибо вѣра служитъ могучимъ орудіемъ національнаго объединенія.

Только теперь Кіевъ дѣйствительно мать городовъ русскихъ. Кіевъ становится сосредоточіемъ новой государственной жизни, потому что изъ него расходятся проповѣдники новой вѣры въ Ростовъ, Муромъ, Новгородъ и во всѣ далекія окраины; тамъ пребываетъ глава церкви, митрополитъ, разсылающій повсюду епископовъ. Изъ Кіева выходятъ новыя государственныя понятія, потому что византійскія понятія, хотя и чуждыя для русскихъ того времени, не могли однакоже не имѣть извѣстнаго вліянія чрезъ посредство греческаго духовенства. Оттуда же распространяются и первые зародыши дѣятельности умственной.

Смягчающее вліяніе христіанской религіи и греческой цивилизаціи видно изъ первыхъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ — Русской Правды и церковныхъ уставовъ: родовая месть отмѣняется и замѣняется денежнымъ взносомъ. При Ярославѣ Мудромъ въ Кіевѣ же устраиваются первыя школы, и такимъ образомъ являются первые зародыши русскаго просвѣщенія, но такъ какъ въ то время просвѣщеніе и христіанство были тождественны, то въ Кіевѣ и его окрестностяхъ появляются и другіе разсадники этого просвѣщенія — монастыри, изъ которыхъ самое важное значеніе имѣютъ Печерскій и монастырь св. Михаила Выдубецкаго, въ которомъ была дополнена и передѣлана его игуменомъ Сильвестромъ первая лѣтопись, первоначально составленная въ монастырѣ Печерскомъ. Въ монастыряхъ появляются первые литераторы, первые переписчики, первые врачи, какъ, напр., безвозмездный врачъ Агапитъ, о которомъ упоминается въ патерикѣ Печерскомъ, и вообще изъ монастырей выходило много гуманныхъ людей. Какъ мѣсто пребываніе главнаго князя и митрополита, какъ сосредоточіе школъ и монастырей — Кіевъ становится центромъ, гдѣ все сходится и откуда все расходится по Руси.

Сдѣлавшись центромъ умственнаго развитія, Кіевъ дѣлается также центромъ торговымъ и промышленнымъ. Лежа на великомъ водномъ пути, Кіевъ не могъ не развиться. И дѣйствительно, если изумительны тѣ гигантскіе шаги, которые сдѣлала Русь въ какія-нибудь 40 лѣтъ, протекшія между договоромъ Олега и Игоря, въ торговыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ, то еще быстрѣе разростается Кіевъ въ одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Европы; когда на Руси установилась общая религія и національность, опредѣлились размѣры и установились болѣе правильныя отношенія, Кіевъ становится торжищемъ народовъ востока и запада, сѣвера и юга.

Западные лѣтописцы XI, XII вѣка, какъ Титмаръ Мерзебургскій и Адальбертъ Бременскій, могутъ служить намъ свидѣтельствомъ, какъ высоко стоялъ Кіевъ въ глазахъ западной Европы.

Адальбертъ Бременскій называетъ городъ Киве (Кіевъ) богатѣйшимъ и громаднымъ городомъ, соперникомъ скипетра царьградскаго; Титмаръ Мерзебургскій говоритъ, что этотъ городъ отличается необыкновеннымъ богатствомъ, въ немъ множество церквей и 8 одныхъ

торговыхъ рынковъ. Кіевъ начинаетъ привлекать къ себѣ иноземцевъ; одни пріѣзжаютъ съ товарами, другіе служатъ въ дружинѣ княжеской. И дѣйствительно, мы находимъ въ Кіевѣ массу варяговъ-дружинниковъ. Скандинавскія саги подтверждаютъ сказанія русскихъ лѣтописцевъ, разсказывая о своихъ викингахъ-богатыряхъ, часто находившихъ убѣжище и даже воспитывавшихся при дворѣ Вольдемара (т.-е. Владимира Святого) и Ярслева (т.-е. Ярослава). Такова, напримѣръ, знаменитая сага о Олафѣ Тригвессонѣ, воспитанномъ при дворѣ Ярославовомъ. Замѣчательно, что эти саги смотрятъ на Русь какъ на нѣчто родное, а русскаго князя онѣ почти не отличаютъ отъ своихъ конунговъ, и не даромъ же Ярославъ былъ женатъ на варяжской княжнѣ Ингагердѣ. Но кромѣ варяговъ на Руси много и другихъ иноземцевъ: у св. Бориса есть, напримѣръ, венгры въ дружинѣ, его любимый отрокъ также угринъ; у Андрея Боголюбскаго въ ключникахъ служитъ даже житель Кавказа — ясинъ, именемъ Анбалъ; при дворѣ Святослава кіевскаго живутъ венеціанцы, мороване, греки, нѣмцы и, по выраженію поэта „Слова о полку Игоревѣ", поютъ ему славу, — и другія свѣдѣнія подтверждаютъ слова поэта.

Къ числу иноземцевъ можно причислить евреевъ, въ рукахъ которыхъ находилась, вѣроятно, вся мелочная торговля Кіева уже съ XII вѣка. Евреямъ было не трудно проникнуть въ Кіевъ, такъ какъ они очень рано утвердились на берегахъ Чернаго моря, и ихъ было такъ много, что они обратили въ свою вѣру кагана хозарскаго; потомки жидовствующихъ хозаръ поселились въ Крыму и стали извѣстны подъ именемъ караимовъ.

Городъ, который былъ соперникомъ „скипетра цареградскаго", который привлекалъ массу иноземцевъ, такой городъ долженъ былъ имѣть многочисленное и вмѣстѣ съ тѣмъ привыкшее къ роскошной жизни народонаселеніе. И дѣйствительно, былины кіевскаго цикла, не имѣющія значенія достовѣрно — историческаго источника, потому что народъ перепутываетъ въ нихъ лица и событія, однако наглядно рисующія бытовыя черты извѣстной мѣстности, рельефно изображаютъ намъ богатую жизнь южной столицы. Въ этихъ былинахъ сказывается знакомство съ комфортомъ городской жизни, сказывается богатство торговаго города. Ихъ герои отличаются не одною удалью, но также щегольствомъ и богатствомъ своей одежды

изъ матеріи иностранной. Женщины, отличавшіяся страстью къ роскоши и своею красотой, оказываютъ большое вліяніе на общество и потому также являются героинями былинъ. Очевидно, здѣсь проявляется характеръ малороссійскаго народа, болѣе игривый и увлекающійся, чѣмъ замкнутый, сдержанный характеръ великоруссовъ.

Вообще мы не должны забывать, что жизнь южнорусская во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличалась отъ послѣдующей московской: она допускала гораздо болѣе простора многообразнаго развитія сторонъ своихъ, болѣе сближенія съ иностранцами и чужеземнаго вліянія. При богатствѣ южной природы развитіе шло быстро и на одинаковой ногѣ съ значительною частію западныхъ государствъ. Во многихъ отношеніяхъ Кіевъ ни въ чемъ уступалъ, но даже превосходилъ своихъ западныхъ славянскихъ собратьевъ: поляковъ и даже отчасти грековъ. Мы увидимъ однакоже вскорѣ, что въ развитіи этомъ было много обманчиваго и непрочнаго, и что Кіевъ долго не могъ удержаться на той высотѣ, на которую такъ быстро поднялся.

Обратимся теперь къ русской торговлѣ за указанный выше періодъ.

Съ появленіемъ первыхъ проблесковъ государственной *народной* жизни и городовъ, какъ общественныхъ центровъ, дѣлающихся разсадниками цивилизаціи и болѣе развитыхъ и утонченныхъ потребностей, рука объ руку идетъ и удовлетвореніе этихъ потребностей черезъ мѣстное производство — промышленность, внутренній размѣнъ ея продуктовъ и внѣшнюю торговлю.

Мы встрѣчаемся съ зачатками русской промышленности. Такъ, напр., мы находимъ извѣстія о русскихъ кожевникахъ (напр., извѣстный Янъ Усмовичъ, или усмочивецъ, что̀ значитъ кожевникъ („усніе“ — кожа), поборовшій при Владимирѣ печенѣжскаго богатыря) и скорнякахъ. Въ „Русской Правдѣ“, уже упоминается о „ремественникахъ и ремественницахъ“. За убійство ремесленниковъ платится вдвое дороже (12 гривенъ), чѣмъ за простого человѣка, что̀ доказываетъ, что ихъ умѣли цѣнить, ими дорожили.

Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ появляется свое спеціальное производство: такъ новгородцы славятся какъ хорошіе плотники, владимирцы извѣстны какъ каменьщики.

Соотвѣтственно увеличенію производства увеличивается и внутренній обмѣнъ его продуктовъ. Этотъ обмѣнъ, благодаря зачинаю-

щейся общей жизни и устанавливающейся понемногу безопасности начинаетъ получать болѣе правильный и мирный характеръ: купецъ начинаетъ терять свой первобытный характеръ разбойника. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что за описываемое время почти каждое важное поселеніе имѣетъ свой „торгъ", на который собираются „гости"[1]). Такой торгъ или носилъ характеръ нашей рыночной торговли и, замѣтимъ, имѣлъ особенное важное значеніе, потому что въ древней Руси мы не встрѣчаемся съ магазинами и лавками, занимающимися мелочною распродажею подобно нашимъ, или принималъ характеръ нашего сельскаго базара (татарское названіе замѣнило наше русское), происходящаго или въ урочные дни или сопровождающаго храмовой праздникъ: старинное названіе „погостъ", сохранившееся для церкви, указываетъ намъ на ту связь, которая и въ отдаленныя времена существовала между торговлею и мѣстнымъ праздникомъ, привлекавшимъ толпу народа и обусловливавшимъ возможность сбыта и обмѣна произведеній различныхъ мѣстностей. Несомнѣнно, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ эти торги не принимали значительныхъ размѣровъ, не дѣлались „ярмарками" и не выходили за предѣлы извѣстной весьма ограниченной области, товары на нихъ сбываемые были весьма незатѣйливы и неразнообразны: хлѣбъ, овощи, медъ, воскъ, деревянныя подѣлки и т. п. Вообще всѣ данныя приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что промышленность русская того времени находилась въ дѣтскомъ состояніи. Она ограничивалась лишь обдѣлываніемъ сырыхъ продуктовъ для удовлетворенія самыхъ обыденныхъ, простыхъ потребностей: производились лишь самыя грубыя издѣлія, какъ-то: сапоги, лапти, грубое сукно, холстъ и т. п. Русскіе умѣльцы (художники, мастера) не могли приняться за что-нибудь выходящее изъ ряда и сравниться съ иноземцами: выдѣлываются мѣстныя матеріи, но всѣ высшіе сорта привозятся съ Востока или изъ Византіи; упоминаютъ золотыхъ, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, но всѣ лучшія издѣлія византійской работы; извѣстны каменщики, но всѣ сколько-нибудь замѣчательныя сооруженія воздвигнуты византійскими строителями и т. д.

Такимъ образомъ для удовлетворенія болѣе утонченныхъ потреб-

[1]) Въ XII вѣкѣ на Руси можно насчитать уже до 300 городовъ.

ностей общества могла служить только внѣшняя торговля, которая дѣйствительно принимаетъ значительные размѣры.

Жизненнымъ центромъ южной Руси, какъ мы видѣли, сдѣлался Кіевъ, справедливо названный лѣтописцемъ „матерью городовъ русскихъ": здѣсь скопляется многолюдное населеніе, потребностями котораго въ значительной степени обусловливается развитіе его промышленности и торговли[1]). Говоря о торговлѣ Кіева, мы такимъ образомъ будемъ въ состояніи охарактеризовать цѣлую Русь того времени, ибо въ Кіевѣ сосредоточиваются всѣ внѣшнія сношенія Руси XI — XII вѣковъ.

Нѣкоторые самое названіе Кіевъ объясняютъ мордовскимъ словомъ, означающимъ „многодорожный". Если это объясненіе само по себѣ и невѣрно, то все-таки за Кіевомъ можетъ остаться названіе многодорожнаго, такъ какъ въ немъ дѣйствительно сосредоточиваются торговые пути — и уже извѣстный намъ великій водный путь „изъ варягъ въ греки" попрежнему остается главною артеріею, по которой льется русская кровь.

Въ XII вѣкѣ одинъ русскій князь созываетъ своихъ собратьевъ и жалуется имъ на половцевъ: „отняли они у насъ всѣ выходы, всѣ пути торговые — и греческій, и соляной, и заловный". Процитированыя слова указываютъ на главные внѣшніе пути тогдашней кіевской торговли, которыя могли перехватить половцы, живя въ степи.

На этихъ-то путяхъ мы прежде всего и остановимся.

Главный изъ нихъ былъ **греческій**, который велъ изъ Кіева въ Византію.

---

[1]) О значительности торговыхъ оборотовъ въ Кіевской Руси намъ говоритъ, между прочимъ, развитіе столь необходимаго для торговыхъ операцій кредита — отдачи денегъ „въ куплю" или „гостьбу", который законодательные памятники того времени пытаются даже регулировать: такъ рядъ статей „Русской Правды" опредѣляютъ способы уплаты долга заимодавцамъ несостоятельными должниками; устанавливается также ходячій годовой ростъ — 20%, при чемъ по закону Владиміра Мономаха, взимавшій три „рѣзы" (т.-е. 60%) лишался „иста", т.-е. капитала. Уже въ XII в. въ Кіевской Руси вырабатывается цѣлая система торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ: мыто (первоначальная провозная пошлина), перевозъ (за переправу товара черезъ рѣку), мостовщина (за проѣздъ по мостамъ), гостиное (за помѣщеніе товара на гостиномъ дворѣ), помѣрное, вѣсчее (за взвѣшиваніе товаровъ) и др. Все это указываетъ, что торговля въ описываемый періодъ получила уже извѣстную организацію.

Это былъ путь, уже протоpенный варягами — мы знаемъ, что во времена еще Игоря по этому пути шли дѣятельныя сношенія Россіи съ Греціей. Нѣтъ сомнѣнія, что сношенія эти значительно усилились принятіемъ Россіей христіанства. Византія дѣлается главнымъ источникомъ нашего государственнаго развитія и просвѣщенія. Изъ Византіи идетъ религія и ея обстановка; оттуда же идетъ наука и, несмотря на свою педантичность и мертвенно-схоластическій характеръ, сообщаетъ нѣкоторымъ слоямъ общества извѣстныя развитыя идеи. Шло оттуда же и монастырское просвѣщеніе; нашъ первый монастырь Печерскій беретъ свой уставъ изъ Студійскаго — Аѳонскаго, дѣлается разсадникомъ монашества на Руси и играетъ важную роль въ нашемъ просвѣщеніи. Такъ неразрывно соединены были въ то время просвѣщеніе духовное со свѣтскимъ.

Изъ Византіи же выносятся нѣкоторые политическіе, гражданскіе и общественные взгляды. Греческій Номоканонъ не могъ остаться безъ вліянія на русское духовное законодательство: подъ его вліяніемъ вырабатываются наша Кормчая книга и уставы Владимира и Ярослава о духовенствѣ; наши монахи, знакомые отчасти съ развитыми политическими взглядами античнаго міра, сохранившимися въ Византіи, старались вносить ихъ въ русскую жизнь.

Наконецъ, изъ той же Византіи идутъ къ намъ и предметы моды, роскоши и жизненнаго комфорта. Благодаря такому многостороннему значенію для насъ Византіи, сношенія съ нею представляются самыми живыми и разнообразными. Греческіе духовные пріѣзжали изъ Византіи къ намъ въ Русь, и выборъ митрополита изъ туземцевъ представляется случайнымъ явленіемъ; также отправляются многіе русскіе люди въ Византію съ религіозною цѣлью и подъ видомъ странниковъ и паломниковъ проникаютъ даже въ общехристіанскую святыню — Іерусалимъ.

Если одинъ только Даніилъ-игуменъ оставилъ намъ описаніе своего хожденія, то изъ того, что епископы XII вѣка должны были проповѣдывать противъ странничества, отъ котораго земля пустѣетъ, показываетъ намъ, что этихъ каликъ-перехожихъ было значительное количество. Но странствованіе по святымъ мѣстамъ было не единственною цѣлью посѣщенія Царьграда русскими людьми; если нѣкоторые странники захватывали уже съ собою товары и распро-

давали ихъ по пути своего странствованія, то между Русью и Греціей того времени мало-по-малу устанавливаются правильныя сношенія, удовлетворяющія не религіозному, а торговому интересу.

Греческіе купцы живутъ въ Кіевѣ или часто туда пріѣзжаютъ, какъ мы можемъ заключить изъ немногихъ, дорогихъ для насъ, какъ бы ненарокомъ оброненныхъ свидѣтельствъ, и распродаютъ свои товары.

Русскіе купцы, въ свою очередь, живутъ въ Константинополѣ, гдѣ противъ нихъ перестали принимать, какъ прежде, тѣ предосторожности, какія принимались противъ полуразбойниковъ — варяговъ.

Извѣстный еврейскій географъ XII вѣка Веньяминъ Тудельскій сообщаетъ, что онъ видѣлъ русскихъ купцовъ не только въ Царьградѣ, но даже и въ далекой Александріи. Сношенія и связи обѣихъ сторонъ настолько тѣсны, что греческіе царевичи часто находили себѣ убѣжище у тавро-скиѳовъ, какъ называли насъ ученые Царьграда, а русскіе князья у Византійскаго двора, какъ, напримѣръ, князья Полоцкіе, изгнанные Мономахомъ.

Такимъ образомъ вліяніе Византіи оказывается сильнѣе вліянія западнаго и восточнаго, и Русь окончательно вступаетъ на тотъ путь, по которому она пошла въ X вѣкѣ: Русь развивается въ народъ европейскій, но не въ *западно*-европейскій.

Греческіе купцы, такъ же какъ и русскіе, ходившіе въ Грецію за товарами, назывались у насъ въ то время *гречниками*. Изъ Византіи они подымались обыкновенно вверхъ по Днѣпру цѣлыми караванами „ладей“, на которыя товаръ перегружался изъ морскихъ „кубаръ“, вѣроятно, въ Олешкахъ при устьѣ Днѣпровскомъ. Ихъ путь по Днѣпру былъ очень затруднителенъ, такъ же какъ и во времена Константина Багрянороднаго, особенно на *протолчьъ* т.-е. порогахъ, проходя которые, они отдыхали на островѣ, впослѣдствіи названномъ Хортицею, а тогда слывшемъ подъ именемъ Варяжскаго. Какъ въ старину печенѣги, такъ теперь половцы, эти дикія дѣти пустыни, поджидали ихъ у протолчья и разбивали богатые караваны. Греческіе товары имѣли такое важное значеніе, что гречниками у насъ сильно дорожили: сами русскіе князья, ходившіе навстрѣчу этимъ греческимъ караванамъ, простаивали иногда все лѣто у города Канева или у протолчья, поджидая ихъ, чтобы потомъ охранить ихъ отъ нападеній кочевниковъ; для этого существовалъ собый терминъ: „взвести гречники“.

Такъ какъ проходы каравановъ были постоянные, то у устья Днѣпра является, какъ мы видѣли, свой складочный товарный пунктъ, хотя въ договорѣ Игоря и было сказано: „не имать русскій князь власти зимовать на Бѣлобережьи“. Теперь же вырабатывается русскій морской портъ — *Олешье* (теперь Олешки, Херсонской губерніи). Свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ, къ сожалѣнію, очень незначительны. По всей вѣроятности, здѣсь происходила перегрузка товаровъ, такъ какъ мы знаемъ, что греческіе кубары не могли итти по рѣкѣ, а должны были замѣняться болѣе легкими ладьями. Изъ этого можно заключить, что Олешье не имѣло самостоятельнаго значенія и играло такую же роль, какъ теперь, напримѣръ, Рыбинскъ, и, по всей вѣроятности, въ Олешьѣ, какъ и въ Рыбинскѣ, кипѣла по временамъ оживленная рабочая дѣятельность, преимущественно во время половодья. Насколько Олешье было важно въ торговомъ отношеніи, видно изъ того, что, когда одинъ русскій князь-авантюристъ, извѣстный подъ именемъ Ивана Берладника, занялъ Олешье, то кіевскій князь поспѣшилъ на помощь городу, чтобы избавить его отъ врага, который, грабя гречниковъ, пріостановилъ подвозъ и отправку товаровъ.

Какіе же товары были предметомъ торговыхъ сношеній Россіи съ греками? Товары въ сущности остаются тѣ же, что и во времена Игоря и Олега.

Мы, русскіе, вывозимъ сырыя произведенія, греки же вывозятъ къ намъ обработанныя. Уже упомянутый Веньяминъ Тудельскій сообщаетъ намъ, что русскіе купцы торгуютъ въ Константинополѣ и Александріи мѣхами и невольниками, т.-е. точно тѣмъ же, чѣмъ торговали они, по словамъ арабскихъ писателей, и въ X вѣкѣ.

Мѣха добывались преимущественно изъ отдаленныхъ странъ сѣвера, какъ, напримѣръ, изъ Новгорода и Суздаля, а сбывались Кіевомъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Одинъ западный писатель прямо говоритъ, что Кіевъ былъ складочнымъ мѣстомъ европейской мѣховой торговли и былъ въ этомъ отношеніи первымъ городомъ въ Европѣ. Сырыя *кожи* остаются попрежнему предметомъ вывоза. Кожевенное или усмовецкое дѣло процвѣтало съ давнихъ поръ — и процвѣтаетъ даже и теперь у насъ. Близость степи съ ея обиліемъ въ скотѣ не мало содѣйствовала развитію этого рода издѣлій.

Медъ и *воскъ* вывозятся, какъ и прежде.

Болѣе всего наше вниманіе останавливаетъ *торговля челядью*, которая производится въ большихъ размѣрахъ. Вѣроятно, между невольниками, продаваемыми русскими, мало уже встрѣчается славянскихъ плѣнниковъ, какъ прежде, но нельзя поручиться, чтобы во времена междоусобій не хватались и не продавались плѣнники той или другой изъ враждовавшихъ сторонъ для продажи въ рабство не только у себя, но и чужеземцамъ. Съ другой стороны, половцы, захватывая массами русскихъ „полоняниковъ и полонянокъ", или отпускали ихъ за выкупъ, или еще чаще, продавали въ рабство въ сосѣдніе города Византіи, особенно въ Корсунь.

Русскіе купцы также, съ своей стороны, добывали плѣнниковъ половецкихъ, что было нерѣдко при общихъ походахъ, при разореніи степныхъ „вѣжъ" и селеній, и команскіе, т.-е. половецкіе, мальчики и дѣвушки или „красныя дѣвки половецкія" по выраженію „Слова о Полку Игоревѣ", конечно, въ большомъ количествѣ въ числѣ другихъ товаровъ вывозились въ Византію и въ Александрію русскими купцами. Александрія и въ то время была главнымъ невольничьимъ рынкомъ. „Команскіе мальчики" часто упоминаются въ числѣ русскихъ подарковъ венгерскими писателями того времени; изъ половецкихъ же плѣнниковъ, навѣрно, въ значительной степени состояло войско мамелюковъ, хотя нѣкоторые и предполагаютъ, что это войско составляли плѣнные черкесы.

Товары же, привозимые греками въ Россію, представляли издѣлія болѣе развитого народа, нежели тогдашняя Русь.

Первое мѣсто среди ввозимыхъ предметовъ занимали *золото и серебро* и вообще металлы, какъ въ простомъ, такъ и въ обработанномъ видѣ, такъ какъ Русь была небогата благородными металлами и искусство ихъ разработки было неизвѣстно. Серебро и золото шли или съ востока, торговыя связи съ которымъ однакоже ослабѣвали, или изъ Византіи, откуда, дѣйствительно, они шли какъ въ слиткахъ, такъ и въ самыхъ разнообразныхъ издѣліяхъ, начиная съ оклада церковнаго Евангелія и кончая какимъ-нибудь женскимъ украшеніемъ. Всѣ эти издѣлія носили названіе *кузни*. Хотя у насъ были и свои мастера этого дѣла, но они производили самыя простыя вещи: кольца, серьги, монисты и т. д. для народнаго употребленія; но высшій разрядъ подобныхъ издѣлій постоянно

привозился изъ Греціи. Такъ мы знаемъ, напримѣръ, что окладъ извѣстнаго Евангелія Мстислава не только есть произведеніе греческихъ мастеровъ, но что на этотъ окладъ былъ сдѣланъ особый заказъ. Украшенія костюма, начиная съ серегъ и кончая монистами[1]), *гривнами*, которыя носили любимые дружинники князей, — все это привозилось изъ Греціи. Изъ Греціи же вывозились и первыя *деньги*. Главная ходячая монета въ то время была мѣховая *куна;* вмѣсто монеты употребляли также и морды звѣрей съ воткнутыми въ нихъ серебряными гвоздиками („мордки“), настоящихъ же монетъ было весьма мало. Можно даже предположить, что первыя монеты, до насъ дошедшія, имѣли скорѣе значеніе награды, медали, а никакъ не денегъ. Первая попытка чеканить русскую монету была произведена греками и едва ли не въ самой Греціи, по крайней мѣрѣ, сохранившіяся монеты Владиміра и Ярослава вычеканены даже съ греческой надписью вмѣстѣ съ русскою, въ родѣ: „князь Ярославъ на столѣ, а се его злато“ и т. п., что указываетъ на ихъ происхожденіе. Обыкновенно же вмѣсто правильно чеканенной монеты съ опредѣленною цѣнностью употреблялись слитки, отъ которыхъ отрубали куски по мѣрѣ надобности — откуда и слово рубль.

Вмѣстѣ съ золотыми и серебряными издѣліями изъ Греціи вывозились и другіе предметы украшенія. Вся церковная утварь, напримѣръ, шла изъ Византіи: иконы, финифтяныя (эмалевыя) вещи, раки марморныя (мраморныя), въ ко торыя клались мощи, и т. д. Въ церквахъ же встрѣчается мусія (мозаика), произведеніе тѣхъ же греческихъ умѣльцевъ. Постройка церквей производится по планамъ тѣхъ же мастеровъ и подъ ихъ надзоромъ. Фрески, найденныя въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ, — тоже произведеніе византійцевъ или ихъ русскихъ учениковъ. Наконецъ, и самыя богослужебныя наши книги переписывались часто въ Греціи или болгарами и славянами и продавались въ Русь, число грамотныхъ людей которой было очень незначительно. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Русь находилась въ совершенной зависимости отъ грековъ и училась у нихъ.

Предметы *моды и роскоши* идутъ оттуда же. Дорогія ткани, *паволоки*, о которыхъ упоминаетъ уже Олегъ и Игорь и которыми

---

*) Монисты — отъ слова manus, что значитъ ожерелье.

лавилась Византія, привозятся въ значительномъ количествѣ, равно какъ и другія матеріи. Правда, что у насъ уже въ то время выдѣлывались сукно, полотно и даже кружева, но все это было такъ грубо, что не могло удовлетворить потребностямъ высшихъ классовъ. Количество ввозимой шелковой матеріи увеличилось въ сравненіи съ прежнимъ, потому что требованіе на нее увеличилось: теперь она нужна и для князей, и ихъ бояръ, и для духовенства, и для украшенія алтарей. Греческая суконная матерія подъ названіемъ *фофудія* довольно часто упоминается въ лѣтописи. Упоминаются также бархатъ рытый, полубархатъ и *гексамитъ*, т.-е. толстая шелковая ткань, сотканная изъ 6 нитокъ. Лѣтописецъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на одеждѣ Даніила Галицкаго, у котораго она изъ „*оловира грецькаго*“, т.-е. изъ чисто пурпуровой матеріи.

Вмѣстѣ съ тканями изъ Византіи привозились издѣлія изъ *кожи*.

Кожи въ Грецію шли изъ Руси необработанными, а возвращались въ обработанномъ видѣ и, конечно, съ удесятеренною цѣнностью. Эта обработанная кожа носила обыкновенно названіе хза[1]), и любимый цвѣтъ былъ зеленый и красный: у того же Даніила Галицкаго сапоги изъ „хза зеленаго“, говоритъ лѣтописецъ.

Но несмотря на распространенное употребленіе греческихъ тканей, покрой одежды остается не греческій, исключая порфиры, а восточный. Вотъ почему названіе носимыхъ народомъ одеждъ имѣетъ не греческое происхожденіе. Изъ этого видно, что климатическія условія имѣли верхъ надъ вліяніемъ цивилизованной страны.

Изъ того же источника получали наши предки пергаментъ, столь необходимый для книжнаго дѣла.

Изъ Греціи же, знаемъ мы изъ словъ Святослава, вывозились *вина и овощи разноличные*. У насъ вино нигдѣ не воздѣлывалось, а потреблялось во множествѣ, кромѣ того, что оно нужно было для богослуженія. Откуда же ему и взяться было, какъ не изъ Византіи?

Есть указанія, что и на Дону воздѣлывалось вино, вѣроятно, остатками хозаръ, жившихъ среди половцевъ, но это вино только случайно попадало въ Русь. Изъ плодовъ и овощей, вывозившихся изъ Греціи, упоминаются финицы, рожцы (царьградскіе стручья),

---

1) Отъ греческаго слова хасдіонъ.

черешни, на которыхъ указываетъ Даніилъ-паломникъ. Но къ названнымъ именамъ плодовъ надо прибавить и многія другія. Вообще надо полагать, что садоводство, которое такъ процвѣтаетъ теперь на югѣ Россіи, беретъ свое начало именно въ то время и, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ грековъ, которые привозили яблоки, груши, вишни, сливы и т. д.

Изъ этого краткаго очерка товаровъ, ввозившихся въ Россію изъ Византіи, мы можемъ смѣло заключить, что весьма значительная часть обстановки древнерусской жизни находилась въ прямой зависимости отъ того, что получалось путемъ торговли изъ Византіи — путь греческій дѣйствительно былъ жизненнымъ путемъ русскимъ, съ которымъ не могъ по важности сравниться никакой другой.

Прежде остановимся на второмъ, **залозномъ** пути изъ Кіева къ западу.

Этотъ путь, навѣрно, шелъ по двумъ направленіямъ: по одному — къ берегамъ Дуная, другимъ — чрезъ Галичъ, Моравію въ Регенсбургъ германскій и получилъ свое названіе отъ того, что онъ велъ за лозу, т.-е. камышъ, которымъ поросли берега Дуная; сношенія по нему были въ значительной степени оживлены, и русскіе люди того времени заходили такъ далеко на западъ, что намъ, зная положеніе Европы того времени, трудно себѣ это представить. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что русскіе имѣли постоянныя сношенія по Дунаю, которыя только впослѣдствіи потеряли въ борьбѣ со степью. Эти города „подунайскіе“ были въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, они отстояли такъ далеко отъ остальной Руси, что эта отдаленность вошла въ пословицу: „вѣдь мы не подунайскіе“, что намъ нельзя помочь, говорятъ жители одного города, прося помощи. Городъ Берладъ былъ значительнѣйшимъ среди нихъ и подчинялся галичскому князю.

По залозному пути идутъ товары какъ византійскіе, такъ и западно-европейскіе. По этому же пути производится и значительная внутренняя торговля. Такъ, напримѣръ, этимъ путемъ въ Кіевъ идетъ соль изъ Галича, первое извѣстіе о соляной торговлѣ мы встрѣчаемъ въ XI вѣкѣ. Патерикъ Печерскій говоритъ, что во время борьбы Святополка Изяславича съ Давидомъ Игоревичемъ послѣдній не пропустилъ возовъ съ солью въ Кіевъ, гдѣ поэтому „великая печаль“ распространилась въ народѣ; такъ какъ соль главнымъ образомъ привозилась изъ Галича, то за прекращеніемъ

торговли благодаря войнѣ произошло общественное бѣдствіе. Нѣкоторые купцы пользуются случаемъ и продаютъ соль впятеро дороже, слѣдовательно, являются купцы-монополисты, умѣющіе поживиться во время народнаго бѣдствія. Противъ этихъ купцовъ-монополистовъ выступаетъ монахъ Печерскаго монастыря, у котораго оказывается также запасъ соли: онъ продаетъ ее по обыкновенной цѣнѣ и наноситъ ударъ купцамъ; тѣ жалуются князю, князь принимаетъ сторону купцовъ, отбираетъ всю соль у монастыря и продаетъ ее по той же цѣнѣ, какъ и купцы. Такъ и князь не прочь побарышничать.

Насколько обширна была торговля солью, показываетъ то обстоятельство, что однажды во время наводненія Днѣстра потонуло 300 возовъ торговцевъ солью. Соль преимущественно вывозилась изъ галичскаго *Коломыя*. На сѣверѣ, собственно въ Галичѣ и Перемышлѣ, торгуютъ солью, вывозившеюся изъ сосѣдней Венгріи или добывавшейся въ Карпатскихъ горахъ (каменная соль Бохни и Велички); городъ *Удечевъ* также былъ пунктомъ развитой соляной торговли, такъ какъ онъ лежалъ на торговомъ западномъ пути.

По этому пути часто ходили торговцы. До насъ дошли отъ конца XII вѣка двѣ латинскія грамоты, Оттокара Штирійскаго и Леопольда Австрійскаго, которыя сообщаютъ намъ о *руссаріяхъ*, т.-е. о купцахъ, торговавшихъ въ Россіи, и, наоборотъ, конечно. Изъ этихъ грамотъ мы узнаемъ, что руссаріи ходили изъ Регенсбурга чрезъ Эмсъ, Вѣну, Угрію, Галичъ, Перемышль, Удечевъ въ Кіевъ. Оттуда же извѣстно, что многіе иностранцы жили въ Кіевѣ; тамъ же упоминается объ одномъ жителѣ Регенсбурга, который живетъ въ Кіевѣ и занимается постоянною торговлею. Какъ давно начались эти сношенія, не извѣстно, но извѣстно, что они были оживлены, потому что нѣмецкіе послы часто пріѣзжали въ Русь, а наши въ Германію. У насъ есть извѣстіе въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ о нѣмцахъ и моравахъ при дворѣ кіевскаго князя; вѣроятно, подъ этимъ надо разумѣть нѣмецкихъ и чешско-моравскихъ купцовъ.

Вообще надо замѣтить что въ XI—XII столѣтіяхъ сношенія Руси и Запада были тѣснѣе и ближе, чѣмъ въ послѣдующія времена, когда національная и религіозная рознь превратилась въ взаимную вражду.

Мы видѣли, напримѣръ, что русскіе князья очень часто женятся на германскихъ принцессахъ, какъ, напримѣръ, Святославъ Яросла-

вичъ и другіе, и, наоборотъ, западные государи берутъ русскихъ княженъ: русскіе князья находятъ убѣжище на западѣ, напримѣръ, Святополкъ у Генриха IV германскаго, вторая жена котораго была русская, и обратно.

Что же касается до товаровъ, то изъ Чехіи шло серебро, стекло, которымъ издавна она славилась („бемское“) и др.; изъ Венгріи — угорскіе иноходцы, носившіе названіе *фари,* что значитъ добрый, хорошо выѣзженный конь; тѣмъ же путемъ шли мануфактурныя германскія, а можетъ-быть, и италіанскія издѣлія („Виндици“ при дворѣ Святослава). Кіевъ же взамѣнъ посылалъ то же, что и въ Византію: мѣха, сырыя произведенія и иногда хлѣбъ, скотъ, и, конечно, товары отдаленнаго востока.

Теперь обратимся къ **третьему пути — соляному.**

Соляной путь велъ изъ Кіева въ степь, въ поле; онъ шелъ по Днѣпру до Протолчья, т.-е. до Днѣпровскихъ пороговъ, и оттуда шелъ самымъ полемъ, степью.

Самое названіе *соляной* указываетъ намъ на одинъ старый путь нашей торговли, который не измѣнился до настоящаго времени, такъ что въ этомъ отношеніи соляной путь представляетъ большой интересъ въ исторіи направленія торговыхъ путей.

Извѣстно, что еще до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма, преимущественно на Перекопскомъ перешейкѣ по берегу Сиваша или гнилого моря, находятся соляныя озера и солончаковая почва; отъ лучей солнца, которые заставляютъ воду испаряться, озера покрываются соляной коркой, которую снимаютъ; эта соль перекопская возится въ настоящее время въ Малороссію обозами чумаковъ, и несмотря на то, что способъ перевозки неудобенъ, медлителенъ, потому что возы тянутъ волы, но дешевизна продуктовъ и сказывающаяся въ немъ потребность поддерживаютъ эту торговлю до настоящаго времени. Эти же причины поддерживали ее на Руси въ XII и XIII вѣкахъ; вмѣстѣ съ каменной солью изъ Галиціи везлась соль морская изъ Крыма, и поэтому-то этотъ путь назывался солянымъ.

Однако не должно предполагать, что этотъ путь ограничивался Крымомъ, этотъ путь направлялся также въ степь; около Протолчья соединялись также караваны, „шедшіе изъ далекаго поля“.

„Поле“ въ то время населялось дикимъ народомъ, занимав-

шимся исключительно разбоемъ, — народомъ, совершенно неспособнымъ къ торговлѣ — *половцами:* поэтому наши сношенія съ средней Азіей начинаютъ падать; мы уже не встрѣчаемся съ такой живой торговой дѣятельностью, которую мы видѣли на берегахъ Волги. Однако, несмотря на то, что дикій степнякъ, несклонный къ торговлѣ и грабившій Русь, задерживалъ торговыя сношенія, торговля все-таки существовала, по крайней мѣрѣ мы имѣемъ, хотя очень скудныя, извѣстія объ этомъ.

Мы знаемъ, напримѣръ, что послѣ одного набѣга половцевъ русскіе князя отправились въ походъ на половецкія вѣжи, т.-е. кибитки, палатки, но тутъ русскимъ князьямъ встрѣчаются „гости“ *изъ половецъ,* которые указываютъ на мѣсто, въ которое перемѣщаютъ вѣжи. Какіе это были гости, заключить изъ такого скуднаго извѣстія ничего опредѣленнаго нельзя; предполагаютъ, что это были гости не русскіе, а иностранные и, по всей вѣроятности, восточные. Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ, что половцы дозволяли гостямъ торговать въ своихъ земляхъ и проходить по нимъ и, естественно, потому, что они пользовались этой торговлей, благодаря которой можно было сбывать какъ собственныя, такъ и награбленныя на Руси произведенія.

Собственныя произведенія страны Половецкой переходили въ руки нашихъ путемъ войны и путемъ обмѣна, хотя эти произведенія были немногочисленны. У половцевъ, какъ у всякаго степного народа, богатство заключалось въ стадахъ рогатаго скота и въ особенности въ лошадяхъ; эти богатства не могли не переходить различными способами въ руки русскихъ. Если русскіе, напр., брали въ плѣнъ половцевъ, то за выкупъ плѣнниковъ брали большею частью лошадей: такъ степныя лошади, какъ наиболѣе выносливыя, были особенно дороги для русскихъ, какъ впослѣдствіи татарскія, а теперь донскія. Такія произведенія степи могли, конечно, и мирнымъ путемъ попадать въ Русь, но чаще они были результатомъ войны, походовъ, которые русскіе князья постоянно предпринимали въ „поле“. При всякомъ походѣ русскихъ на половцевъ упоминается, что русскіе берутъ плѣнниковъ „кощеевъ“ и „чагъ“, „красныхъ дѣвокъ половецкихъ“, юношей и затѣмъ скотъ, коней и верблюдовъ. Что у русскихъ послѣдніе были, можно судить по тому, что венгерскій лѣтописецъ, пересчитывая дары, полученные отъ русскаго князя, упо-

минаетъ о мальчикахъ половецкихъ и верблюдахъ, какъ о рѣдкостяхъ и какъ о почетныхъ дарахъ. Но половецкая вѣжа, взятая русскими во время похода, представляла не одни степныя богатства; грабежъ, которымъ жили половцы, доставлялъ возможность накоплять произведенія всякаго рода. Половцы, нападая на русскія земли, доставали въ огромномъ количествѣ произведенія русской земли. Для половцевъ набѣги были положительнымъ источникомъ существованія, и этотъ промыселъ основывался главнымъ образомъ на добываніи русскихъ плѣнниковъ; „полонъ" русскихъ христіанъ, какъ называлось это, въ то время уводился въ громадномъ количествѣ; точныя извѣстія объ этомъ до насъ не дошли, но изъ одного лѣтописнаго извѣстія мы узнаемъ, что половцы, въ качествѣ союзниковъ одного русскаго князя, увели за разъ изъ Смоленска до 10 тысячъ человѣкъ; этотъ фактъ показываетъ, какъ пустѣла русская земля и какъ увеличивалось число русскихъ плѣнниковъ въ вѣжахъ, и поэтому-то почти при каждомъ удачномъ походѣ упоминается о большомъ количествѣ „челяди", „колодниковъ", „полону хрестьянскаго", отбитыхъ у половцевъ.

Русскій плѣнникъ составлялъ для хищника выгодную статью по слѣдующимъ причинамъ: во-1-хъ, половецъ могъ получить выкупъ, „искупъ", какъ говорили; выкупъ предлагался или родственниками плѣнника, или его приносили князья, просто, „христолюбцы", которые часто „спасенія ради души" выкупали извѣстное количество несчастныхъ невольниковъ; во-2-хъ, русскій плѣнникъ дѣлался рабомъ половца, а плѣнница шла на украшеніе гарема, и, наконецъ, въ-3-хъ, плѣнникъ могъ быть проданъ, и плѣнники русскіе особенно охотно покупались; такъ, мы знаемъ, что русскіе плѣнники приводились въ Корсунь и другіе греческіе города. Мы имѣемъ также извѣстія, что рускіе невольники встрѣчались и на далекомъ востокѣ, у арабовъ. По всей вѣроятности, караваны съ невольниками шли на востокъ, за Каспійское море, и тамъ-то несчастные безъ вѣсти пропадали въ далекой чужбинѣ, напрасно вздыхая о своей родинѣ.

Благодаря тому, что половцы имѣли постоянный избытокъ русскихъ плѣнниковъ, они взамѣнъ ихъ могли получить какъ произведенія Востока, такъ и Запада, большею частью изъ рукъ арабовъ, все еще продолжавшихъ ходить по Волгѣ; это подтверждается

тѣмъ, что русскіе князья всегда находили въ половецкихъ вѣжахъ восточныя и западныя произведенія.

Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ такими словами, напримѣръ, рисуетъ побѣду русскихъ надъ половцами: Игорь и братъ его буй-туръ Всеволодъ одерживаютъ побѣду надъ дикими, и вотъ побѣдители помчали по полю „красьныя дѣвъкы половецькыя“, затѣмъ пѣвецъ перечисляетъ добро, найденное въ вѣжахъ: „злато и паволокы и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами и кожюхы начаша мосты мостити по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ и вьсякыми узорочьи половецкыми“; изъ этого видно, что богатство въ вѣжахъ было велико; здѣсь мы встрѣчаемся съ названіями произведеній, которыя указываютъ на свое восточные происхожденіе, а именно: оксамиты (парча), кожухи, япончицы, орьтъмы (слово, очевидно, восточное, но еще неопредѣленное — означаетъ, вѣроятно, дорогой плащъ); всѣ эти товары приходили къ половцамъ путемъ торговли, а не грабежа; слѣдовательно, половцы извѣстнымъ образомъ вымѣнивали эти предметы, что̀ показываетъ, что сношенія съ Востокомъ еще не прекратились. По всей вѣроятности, оружіе, упоминаемое такъ часто съ восточными названіями въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, получалось тоже съ востока, но на Руси это оружіе смѣшивалось съ западнымъ, и вотъ почему часто рядомъ съ чисто восточнымъ названіемъ, какъ, напримѣръ, „шеломы оварскіе“, „мечъ харалужный“, мы встрѣчаемъ „латинскіе попорзы“ (т.-е. панцыри), „лядькія (польскія) сулицы“ (копья); встрѣчаемъ также названіе шереширы—самострѣлъ (отъ византійскаго слова сарисари, что̀ значитъ копье).

Кромѣ того, въ XII и XIII вѣкахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей появляются новые предпріимчивые торговые люди; это появленіе было результатомъ крестовыхъ походовъ и развитія торговли морскихъ городовъ Италіи: Венеціи, Генуи и др. Энергичные купцы европейскіе (венеціанцы и генуэзцы преимущественно) проникаютъ въ бывшія въ то время на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей греческія колоніи и употребляютъ всѣ усилія, чтобъ проникнуть внутрь степи, несмотря на ея сопротивленіе. Есть извѣстія, что въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ на берегу Азовскаго и Чернаго морей являются два пункта, въ которыхъ идетъ оживленная торговля, гдѣ промѣниваются предметы юго-восточныхъ странъ на предметы сѣверо-восточные. Первый пунктъ находился при устьѣ Дона и назывался *Орной* (впослѣдствіи Тана-

Азовъ), второй — *Солдая*, теперешній Судакъ, лежащій на южномъ берегу Крыма. Мы знаемъ, что въ Орнѣ сходились купцы русскіе, аланскіе, хозарскіе, остатокъ которыхъ сохранялся въ то время въ Крыму и занимался торговлей. Извѣстія о торговлѣ этой весьма скудны и темны за текущій періодъ, и потому мы только впослѣдствіи будемъ въ состояніи остановиться на этомъ предметѣ подробнѣе. Теперь достаточно сказать, что эта торговля существовала, что̀ подтверждается еще тѣмъ, что при дворѣ кн. Святослава встрѣчаются „веньдицы", или венеціанцы; а если вспомнить, что два вышеназванные города были единственными путями, чрезъ которые проходили венеціанцы въ древнюю Русь, то едва ли можно сомнѣваться въ существованіи этой торговли.

Мы видимъ, что соляной путь, несмотря на препятствія степи, по своей важности никогда не могъ прекратить своего существованія, и купцы преодолѣвали всевозможныя сопротивленія, встрѣчаемыя ими на этомъ пути.

Къ разсмотрѣннымъ нами тремъ главнымъ путямъ мы должны присоединить 2 менѣе главные пути, которые носятъ болѣе внутренній характеръ и служатъ для сообщенія внутри государства; это *верховой* и *суздальскій*.

Верховой путь велъ до Кіева и шелъ изъ Новгорода съ промежуточнымъ складнымъ мѣстомъ въ Смоленскѣ, находящемся на серединѣ пути „изъ варягъ въ греки" на волокѣ и поэтому служившемъ мѣстомъ перегрузки товаровъ, куда сходились особенно новгородскіе купцы. Что касается до Новгорода, то теперь достаточно сказать, что онъ завелъ сношенія съ западной Европой на Балтійскомъ морѣ, и новгородскіе купцы, пользуясь посредствующимъ положеніемъ своего города, доставлявшимъ имъ возможность добывать произведенія какъ сѣверной, такъ и южной Руси, промѣнивали эти произведенія на произведенія западныя. Кіевъ для нихъ въ этомъ дѣлѣ былъ особенно важенъ, потому что чрезъ Кіевъ преимущественно они могли получать дорогіе для нихъ византійскіе товары, и поэтому путь „изъ варягъ въ греки" и въ XII вѣкѣ сохраняетъ свое общеевропейское значеніе. Цѣня значеніе Кіева, новгородцы въ XII вѣкѣ часто живутъ въ немъ, имѣютъ свой дворъ и, по ихъ тогдашнему обычаю, собственную церковь Св. Михаила.

Товары, привозимые новгородцами въ Кіевъ, были двоякаго рода:

во-первыхъ, заграничные, именно нѣмецкіе и шведскіе, напримѣръ, нѣмецкое сукно; во-вторыхъ, предметы своей страны: сѣверные мѣха, которые удавалось добывать благодаря большому пространству владѣній Новгорода и предпріимчивости ихъ людей, желѣзныя вещи и въ особенно большомъ количествѣ лѣсъ, потому что безлѣсная южная Россія въ это время снабжалась лѣсомъ новгородскимъ.

Второй путь — суздальскій; въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ болѣе о значеніи этого пути, теперь ограничимся нѣсколькими словами.

За лѣсами, которые простирались сплошною массою отъ Мурома до Брянска, лежала такъ называемая *Залѣсная* страна; эта страна долго оставалась въ сторонѣ и была чужда всякой цивилизаціи и политической жизни; но предпріимчивый славянинъ началъ проникать чрезъ эти лѣса съ двухъ сторонъ: онъ шелъ со стороны Новгорода и Кіева вырубая эти лѣса и основывая тамъ свои колоніи. Таково скромное начало объединительницы Руси. Эта колонія, названная суздальскою, естественно, должна была поддерживать сношенія съ южной Русью, откуда колонія получила свое начало; поэтому неудивительно, что первый князь суздальскій, Юрій Долгорукій, весь проникнутъ южнорусскимъ духомъ и что онъ даетъ названія выстроеннымъ городамъ южнорусскія, напр., Переяславль, Галичъ и т. д.

Сношеніе Суздаля съ Кіевомъ было тѣмъ необходимѣе, что изъ Кіева въ Суздаль шло все то, что было нужно среди глуши: слѣдовательно приходили князья, духовенство и разные продукты, ставшіе потребностью сколько-нибудь развитого общества, но, съ другой стороны, и изъ Суздаля въ Кіевъ шли товары; эти предметы, конечно, были грубые, сырые, напр., тѣ же многократно упоминаемые мѣха. Вмѣстѣ съ тѣмъ суздальская страна была расположена по Волгѣ и лежала такимъ образомъ рядомъ съ древнимъ Булгаромъ, почему суздальскіе купцы должны были посѣщать этотъ торговый городъ. Положимъ, отношенія суздальцевъ къ болгарамъбыли болѣе враждебны, чѣмъ мирны, но торговля тѣмъ не менѣе завязалась и здѣсь. Путь, проходимый суздальцами, едва ли былъ легче степного пути: онъ велъ чрезъ Муромъ, на пути приходилось прорѣзывать громадные лѣса и мѣстности, въ то время совершенно ненаселенныя, гдѣ приходилось бороться съ лѣсными людьми, напримѣръ, съ муромой, мордвой и другими народами, которые залегали

въ своихъ дебряхъ и не пропускали людей въ Кіевъ. Не даромъ сохранилось преданіе объ этой борьбѣ въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, первый подвигъ котораго была побѣда надъ Соловьемъ-разбойникомъ, засѣвшимъ въ Муромскомъ лѣсу и не пропускавшимъ никого въ Кіевъ.

Мы окончили обозрѣніе русскихъ путей, сходящихся въ Кіевѣ; бросимъ теперь общій взглядъ на свойство этой торговли и на ея судьбу.

Мы видимъ, что Кіевъ есть дѣйствительный центръ земли русской, не только политическій и умственный, но и торговый. Кіевъ не даромъ называется матерью городовъ русскихъ и соперничаетъ съ Царьградомъ: дѣйствительно, въ Кіевѣ сосредоточиваются пути разныхъ странъ Европы, и замѣтимъ вообще, что русская земля въ этотъ періодъ играетъ немаловажную посредствующую роль, нисколько не уступая въ своемъ развитіи нѣкоторымъ западнымъ странамъ, напримѣръ, Венгріи, Польши, даже стоитъ выше: товары Германіи, напримѣръ, перевозятся чрезъ Польшу только для того, чтобы попасть въ Кіевъ. Это посредствующее значеніе зависитъ отъ положенія русской земли: она находится на серединѣ пути между Азіей и Европой и между сѣверо-западомъ и югомъ; купецъ моря Варяжскаго могъ сойтись съ купцами моря Русскаго. Кіевъ, далѣе, лежитъ на серединѣ караванной дороги въ степь, и поэтому здѣсь купецъ востока могъ столкнуться съ купцомъ запада, чешскимъ, венгерскимъ и германскимъ.

Въ этотъ періодъ русская торговля развилась и приняла болѣе правильный, систематическій характеръ. Является извѣстный центръ торговли, извѣстная постоянность — торговля сдѣлалась потребностью общества, что̀ видно изъ того высокаго положенія, которое начинаютъ занимать представители торговли и промышленности во взглядахъ общества и закона. Гость и ремесленникъ по Русской Правдѣ, поставленъ выше простого человѣка: за убійство послѣдняго платится 6 гривенъ, а за убійство перваго въ два раза болѣе—12 гривенъ. Замѣчательно также, что иностранные купцы живутъ въ Кіевѣ постоянно; это постоянное пребываніе указываетъ на правильный способъ торговли. Въ сознаніи общества является убѣжденіе, что торговля необходима, и князья русскіе сами идутъ „на протолчь“ защитить караваны отъ дикихъ степняковъ. Торговля настолько дѣ-

лается необходимой, что самъ князь занимается ею, какъ выгодной операціей. Русскіе купцы устраиваютъ правильныя спекуляціи: напримѣръ, воспользовавшись недостаткомъ соли, они возвышаютъ цѣну на нее въ 5 разъ; наконецъ, въ этотъ періодъ появляются правильныя пошлины вмѣсто прежнихъ неправильныхъ и неограниченныхъ.

Однако, несмотря на такое развитіе торговли, ея процвѣтаніе оказывается непрочнымъ; причина этого лежитъ какъ внутри русской земли, такъ и извнѣ. Разсмотримъ сначала причину *внутреннюю*.

Не забудемъ, что южная Русь за все это время не выработала правильныхъ государственныхъ началъ, и если она и сдѣлала шагъ впередъ, то этотъ шагъ былъ небольшой; варяжскіе князья, покоривъ славянъ, сами слились съ побѣжденными въ одинъ народъ, но русское государство отъ этого не сплотилось; князь русскій былъ предводитель дружины, а не земства, имѣлъ слишкомъ мало солидарныхъ съ земствомъ интересовъ; поэтому земство и князь стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, подчасъ соединяясь, но не сливаясь. Князь переходилъ съ мѣста на мѣсто и потому не привыкалъ къ своей землѣ; такимъ образомъ и происходило, что у земства были свои интересы, а у князя свои. Примѣръ этого видимъ изъ исторіи. Изяславъ Мстиславичъ боролся съ Юріемъ Долгорукимъ, Изяславъ II собирается съ дружиною въ походъ и зоветъ съ собою кіевлянъ, но кіевляне ему отвѣчаютъ, что на Ольговичей они пойдутъ, но на Мономаховичей руки не подымутъ: „на Ольговичей и съ дѣтьми пойдемъ, а на Володимере племя руки подъяти не можемъ". Въ результатѣ оказывается, что князь сдѣлать ничего не могъ, и идетъ одинъ съ своею дружиною. Съ другой стороны, въ русской землѣ не выработалось никакого единства; конечно, нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые думаютъ, что на Руси была постоянная и безсмысленная безурядица, такъ какъ каждый князь добывалъ любой столъ, но въ то же время нельзя не согласиться, что нѣчто подобное этому было; во-первыхъ, русская земля считалась достояніемъ всѣхъ Рюриковичей: „какъ не быть для насъ доли въ русской земли", говорили князья, „мы не угры и не ляхи, а единаго дѣда есмь внуцы". И хотя князь садился обыкновенно только на тотъ столъ, про который онъ могъ сказать, что это его „отчина и дѣдина", но и это

единственное обычное ограниченіе часто нарушалось: закона не было, а обычай не всегда можетъ замѣнить его. Такимъ образомъ русская земля раздроблялась все болѣе и болѣе. Во главѣ всѣхъ князей стоялъ князь старшій, который, какъ уважаемый всѣми, получалъ и старшій столъ, а такъ какъ старшій князь былъ имъ „вмѣсто отца“, а Кіевъ матерью городовъ русскихъ, то старшій князь получалъ Кіевъ, а остальные получали остальные столы, смотря по тому, кто изъ князей старше и какой столъ старше, но и на это не было закона, былъ обычай, а вы знаете, какъ не твердъ обычай. Когда родъ раздѣлился на многіе отдѣльные роды, то соблюденіе родовыхъ положеній сдѣлалось трудно, даже невозможно, обычай не соблюдался.

Къ тому же характеръ и размѣръ власти старшаго князя не были опредѣлены: она поддерживалась обычаемъ того времени, опиралась не на бóльшей силѣ, почетѣ, уваженіи къ лѣтамъ, не на бóльшемъ умѣньѣ ладить въ землѣ русской, мирить князей, но большею частью на *рядъ*, договорѣ съ народомъ и другими князьями; не всегда однако было, чтобы на старшемъ столѣ сидѣлъ достойный князь, который бы соединялъ въ себѣ всѣ качества, не всѣ князья, занимавшіе кіевскій престолъ, были Владиміромъ-Мономахомъ, и тогда порядокъ, установленный обычаемъ, нарушался, потому что народъ не хотѣлъ брать къ себѣ въ старшіе князья неспособнаго или нелюбого князь, и еще потому, что младшіе князья часто не уважали своего старшаго князя. Результатомъ всего этого было плачевное состояніе нашей родины. Центральной власти не было, и потому Кіевъ понемногу начинаетъ терять свое политическое значеніе, ибо рядомъ съ нимъ выростаетъ цѣлый рядъ областныхъ центровъ, и „мать городовъ русскихъ“ превращается въ обыковенный богатый городъ, богатства котораго составляютъ приманку для всѣхъ. И вотъ въ 1169 г. произошло важное событіе: Кіевъ былъ въ первый разъ разоренъ русскими войсками,—войсками сѣвернаго князя. Это событіе показало, что собирающее значеніе Кіева болѣе не существовало, и раздоры князей при занятіи престоловъ все болѣе и болѣе нарушали возможное единство Руси; а эти междоусобицы тяжело отзывались на благосостояніи русской земли; извѣстно, что изъ всѣхъ лѣтъ этого періода лишь очень немногіе прошли безъ междоусобій, и если прошли безъ междоусобій, то прошли

въ нападеніяхъ степняковъ. Русскіе во время междоусобій приводили дружины степныхъ народовъ, которые страшно грабили русскую землю[1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что на южной Руси не выработалось правильнаго понятія о государствѣ; она не объединила Руси и поэтому не выполнила своей исторической задачи. Эту задачу суждено было выполнить далекому сѣверу, гдѣ выразились впервые новыя понятія о государствѣ, гдѣ вмѣсто князя-дружинника является князь-вотчинникъ, который дорожитъ своей вотчиной и имѣетъ солидные, общіе съ земствомъ интересы. Образцомъ князя-дружинника можетъ служить Мстиславъ Удалой, который на своемъ вѣку все бродяжничалъ и перебывалъ княземъ вездѣ: въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Галиціи. Когда Мстиславъ Удалой пожелалъ быть княземъ въ Новгородѣ, его дружина отговаривала отъ этого: „не покидай твоей вотчины“, говорила она. „А чѣмъ Новгородъ мнѣ не вотчина!“ отвѣчаетъ Мстиславъ. Эти слова могутъ служить девизомъ южнаго русскаго князя XII и XIII вѣковъ.

Вторая причина паденія — *внѣшняя*, заключалась по преимуществу въ давленіи поля, степи. Степь и поле всегда выступали для русскихъ враждебно: поле мѣшаетъ цивилизаціи, и едва начинается русская исторія, какъ уже начинается кровавая борьба, — борьба лука съ плугомъ; едва появляются на Руси зародыши торговли, какъ печенѣги уже поджидаютъ купцовъ у Днѣпровскихъ пороговъ. Послѣ исчезновенія печенѣговъ Азія въ XII столѣтіи высылаетъ новый народъ. Этотъ народъ *половцы*, народъ еще болѣе грубый, необразованный, дикій, чѣмъ печенѣги. Половцы залегаютъ въ степи

[1]) Не одни только княжескія междоусобія, сопровождавшіяся повсемѣстно разореніемъ селъ и городовъ и тяжело такимъ образомъ отзывавшіяся на народѣ, подрывали благосостояніе русской земли; одной изъ главныхъ внутреннихъ причинъ упадка Кіевской Руси надо признать неблагопріятныя условія жизни, въ которыхъ находились низшія классы общ ства, особенно сельское населеніе. На порабощеніи этихъ низшихъ классовъ высшими было построено все благосостояніе государства, и естественно, что рабовладѣніе, достигшее высшаго своего развитія въ XII вѣкѣ, деморализируя общество, въ корень подрывало установившійся общественный строй; безправное положеніе рабочихъ классовъ, постепенное закрѣпощеніе свободнаго населенія немало содѣйствовали опустѣнію Кіевской Руси, откуда населеніе, не сочувствовавшее господствующему порядку, бѣжало на сѣверъ.

отъ Яика до Дуная и не пускаютъ русскихъ въ образованную Византію. Характеръ отношеній половцевъ къ русскимъ могъ быть только одинъ, который и рисуетъ намъ русскій лѣтописецъ въ слѣдующихъ словахъ: „Половцы,—говоритъ онъ,—законъ отцовъ держатъ, кровь проливаютъ". Понятно, что рядъ разорительныхъ набѣговъ послѣдовалъ съ водвореніемъ въ степи половцевъ, противъ которыхъ не помогали ровно никакія мѣры: не помогали ни шеломъ (валы), ни поселеніе цѣлой военной линіи, черныхъ клобуковъ, ни походы русскихъ князей, такъ какъ походы при раздорахъ не могли быть слишкомъ часты. Не бывши въ состояніи прекратить набѣги силою, русскіе князья пытались купить миръ деньгами, они предлагали половцамъ дорогіе дары, брали заложниковъ, но ничего не помогало: дикій хищникъ не стѣснялся никакими договорами и, не держа клятву, продолжалъ появляться на Руси такъ же неожиданно, какъ до клятвы; эта неожиданность и быстрота нападеній половцевъ на Русь пользовалась даже славой, напр., особенной славой пользовались Бонякъ въ XI и Кончакъ въ XII вѣкѣ. Слѣдствіемъ этихъ нападеній является крайнее разореніе страны, бѣдность ея обитателей, опустошеніе городовъ и селъ, жители которыхъ бѣгутъ въ лѣса. „У меня,—говоритъ одинъ князь,—въ городахъ и селахъ остались одни псари, да половцы сидятъ". Понятно, что при такихъ условіяхъ народъ съ блаженнаго юга уходилъ на далекій, негостепріимный сѣверъ, и такимъ образомъ мы видимъ, что степь заставила русскаго человѣка уйти на сѣверъ, т.-е. сдѣлать понятный шагъ въ своемъ развитіи. Цивилизація шла съ юга, и поддержаніе сношеній съ нимъ было для насъ вопросомъ жизни и смерти, а мы видимъ, что половцы отрѣзываютъ у насъ главный путь сношенія съ югомъ,—путь, котораго съ такимъ трудомъ добивались русскіе въ этотъ періодъ. Южная Россія была разорена; населеніе не могло оставаться тамъ и уходило въ глубину сѣвера—вотъ результатъ вліянія степи.

При такихъ условіяхъ южная Русь долго продержаться въ своемъ значеніи не могла и она должна была подчиниться вліянію своей сѣверной младшей сестры; если степи и не удалось побѣдить южную Русь въ лицѣ половцевъ, то она этого достигла, выставивъ новыхъ восточныхъ завоевателей—татаръ. Извѣстно, что южная Русь послѣ татарскаго погрома не могла уже подняться: она сыг-

рала свою историческую роль. Разореніе Кіева и вообще южной Руси, ея униженіе было полное, и не даромъ одинъ путешественникъ XIII столѣтія сообщаетъ, что вся южная Русь покрыта черепами и скелетами. ВъКіевѣ, прежнемъ соперникѣ Царьграда, гдѣ нѣкогда считалось однихъ торговыхъ рынковъ 8, гдѣ прежде гостили иностранные купцы — остались лишь развалины отъ пожара, до 200 бѣдныхъ лачугъ и хижинъ.

Таково развитіе и паденіе южной Руси. Если часть Россіи уцѣлѣла, то все-таки степное сосѣдство сказалось тяжкимъ образомъ на Руси; Русь, не имѣвшая единства, еще болѣе разъединяется, и нѣкоторыя части ея подпадаютъ вліянію иноземцевъ: Венгрія и Польша одержали верхъ надъ Галиціей, а остальная часть юго-западной Руси подпадаетъ литовскому владычеству. На этомъ мы остановимся впослѣдствіи, теперь перейдемъ къ другому торговому центру, къ Новгороду, на которомъ остановимся подробнѣе, начиная съ самаго начала его развитія до порабощенія его Москвою. Новгородъ по своему внутреннему развитію можетъ служить образцомъ внутреннихъ русскихъ городовъ, возвысившихся исключительно благодаря торговли.

IV.

Новгородъ Великій.

Итакъ переходимъ теперь къ сѣверному началу великаго воднаго пути „изъ варягъ въ греки". Какъ извѣстно, съ сѣвера на югъ шла эта жизненная артерія, и по ней было сильное кровообращеніе. Понятно, эта дѣятельная жизнь необходимо должна была сосредоточиться въ нѣкоторые постоянные центры, и дѣйствительно, явились такіе центры; ихъ было два: одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, Кіевъ, былъ при концѣ этого пути, другимъ же явился Господинъ Великій Новгородъ — въ началѣ его.

Новгородъ не былъ разсадникомъ просвѣщенія, какимъ былъ Кіевъ; онъ не задавался также объединеніемъ русской земли, какъ

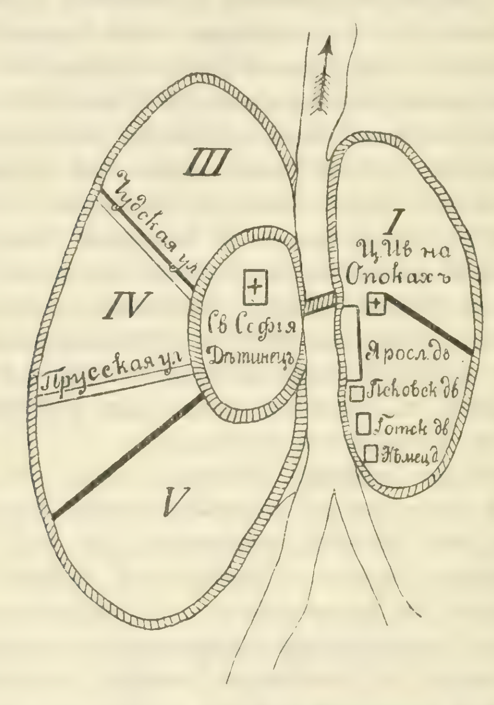
суздальская область; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ важное значенie въ исторiи русскаго народа. Онъ важенъ какъ торговый центръ, и задача его въ этомъ отношенiи состояла въ сближенiи Руси съ западной Европой через Средиземное море сѣвера, море Балтiйское. Слѣдовательно, ему предстояла задача такая же, какую выполняетъ теперь Петербургъ. Мы увидимъ впослѣдствiи, что Новгородъ по многимъ внутреннимъ и внѣшнимъ условiямъ своей исторической жизни не могъ выполнить своей задачи. Къ тому же, и самое сближенiе съ европейскимъ сѣверо-западомъ не могло имѣть того значенiя, которое оно получило для Россiи XVII вѣка. Такимъ образомъ Новгородъ могъ оставаться только исключительно торговымъ центромъ, и, какъ представитель этой торговли, можетъ познакомить насъ съ характеромъ, особенностями, направленiями и возможнымъ развитiемъ *русской до московской торговли.*

Прежде нежели приступить къ торговлѣ Новгорода, мы должны остановиться на исторiи Великаго Новгорода и, хотя въ общихъ чертахъ, бросить взглядъ на жизнь и политическую дѣятельность его общества, потому что главнымъ образомъ эти двѣ стороны полагаютъ тѣ рамки, въ которыхъ должна была дѣйствовать и кончиться торговая дѣятельность Новгорода.

Несмотря на свое названiе, Новгородъ одинъ изъ старинныхъ городовъ, онъ даже можетъ считаться древнѣе Кiева; есть даже предположенiе, что Новгородъ упоминается уже въ V вѣкѣ въ извѣстномъ сочиненiи Iордана о готахъ подъ именемъ Навего. Но едва ли вѣроятно это предположенiе — вѣроятнѣе всего отнести основанiе этого города къ тому времени, когда славяне съ береговъ Дуная явились въ россiйскую равнину, достигли здѣсь по великому водному пути крайняго его предѣла — озера Ильменя, клиномъ врѣзались здѣсь въ чуждыя племена, преимущественно въ чудское населенiе, и на границахъ этого клина образовали пункты, въ которыхъ сосредоточились славянскiя силы, оказавшiя претворяющее влiянiе на своихъ сосѣдей, финскiя полудикiя племена; между этими первоначальными поселенiями и выдвинулся впослѣдствiи Новгородъ[1]). Весьма вѣроятно также наше лѣтописное извѣ-

[1]) Если мы въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о призванiи князей русскихъ вмѣстѣ съ новгородскими славянами и кривичами встрѣчаемъ также и нѣкоторыя финскiя племена, то это можетъ служить намъ доказательствомъ

стіе, по которому вождь варяжской дружины, положившей начало русской землѣ, Рюрикъ, первоначально поселился въ Ладогѣ (знаменитый Aldejaborg скандинавскихъ сказаній) и только впослѣдствіи перебрался въ главную славянскую колонію этой мѣстности, срубилъ на правомъ берегу Волхова новый городъ (укрѣпленіе), за которымъ и осталось навсегда это названіе, распространившееся

впослѣдствіи и на первоначальную колонію лѣваго берега (Софійская сторона).

При ознакомленіи съ новгородской исторіей важно знать топографію Новгорода.

того, что претворяющее вліяніе славянской народности было очень сильно. О славянской колонизаціи намъ говоритъ тотъ фактъ, между прочимъ, что среди финскаго населенія мы встрѣчаемся съ городами съ чисто русскими названіями, напримѣръ, Бѣлозерскъ, Ростовъ. Самое названіе Новаго города, можетъ быть, дано славянами при поселеніи ихъ въ этихъ мѣстахъ уже существовавшему чудскому поселенію.

На правой сторонѣ Волхова находилась сторона торговая, сосредоточіе общей торговой дѣятельности. На этой сторонѣ были два конца — Плотницкій и Славянскій. Въ срединѣ между ними на самомъ берегу Волхова находился Ярославовъ дворъ съ вѣчевымъ колоколомъ и ступенью, на которой возсѣдалъ во время совѣщанія посадникъ, здѣсь же находилась церковь Ивана на Опокахъ, получившая свое названіе отъ урочища, на которомъ была поставлена. Торговая дѣятельность сосредоточивалась здѣсь около набережной.

Непосредственно за Ярославовомъ дворомъ слѣдовалъ Псковскій дворъ, а за нимъ готскій дворъ св. Олафа, около готскаго двора на плотахъ происходила торговля лѣснымъ матеріаломъ, наконецъ, за готскимъ дворомъ былъ нѣмецкій дворъ св. Петра. Съ этой стороны велъ мостъ черезъ Волховъ на сторону Софійскую, называемую такъ потому, что здѣсь находилась соборная церковь Св. Софіи.

Соборъ этотъ до такой степени сдѣлался для новгородцевъ святыней, что съ Св. Софіей новгородецъ соединяетъ самое представленіе о Новгородѣ: „не быть Новгороду Торжкомъ, а Торжку Новгородомъ“, говоритъ Мстиславъ Удалой, „а гдѣ Св. Софія, тамъ и Новгородъ“. Такое понятіе о городѣ сливалось, отождествлялось въ умахъ новгородскихъ съ понятіемъ о его святынѣ, и разнообразные враждующіе личные интересы находили свое примиреніе въ символѣ религіознаго единства.

Софійская сторона раздѣлялась на три конца: на сѣверѣ находился конецъ Неревскій, на югѣ — Гончарный или Людинъ, а на срединѣ между обоими былъ Загородный конецъ съ двумя улицами — Чудской и Прусской, изъ которыхъ первая разграничивала его съ Неревскимъ концомъ, а вторая прорѣзывала его. Именно то обстоятельство, что на Софійской сторонѣ мы встрѣчаемся съ названіемъ улицъ иностраннаго происхожденія, преимущественно финскаго, какъ, напримѣръ, двѣ самыя богатыя аристократическія улицы Загороднаго конца, служитъ намъ доказательствомъ того, что первоначальные жители Новгорода были фины, но не славяне. Что касается Неревскаго конца, то едва ли онъ не чудскаго происхожденія (Нарова?).

Первоначальная новгородская исторія извѣстна. Новгородцы совершаютъ призваніе князей для водворенія внутренняго спокойствія,

потому что у нихъ возсталъ родъ на родъ — такъ повѣствуетъ наша лѣтопись. Многіе считаютъ добровольное призваніе князей позднѣйшимъ искаженіемъ дѣйствительнаго факта, предполагая, что водвореніе князей имѣетъ завоевательный характеръ[1]). Какъ бы то ни было, но отсутствіе власти, исходящей изъ среды самого народа, порождавшее вражды партій, борьба родовъ, несогласія отдѣльныхъ лицъ между собой, словомъ, совершенное общественное нестроеніе, съ одной стороны, и безсиліе сдерживающей власти — съ другой, неизбѣжно должны были вызвать въ населеніи потребность имѣть у себя третье лицо въ качествѣ третейскаго судьи, — лицо, совершенно чуждое борющимся сторонамъ. Этимъ третьимъ лицомъ, видимъ мы, являются варяжскіе князья. И если основаніе Варяжскаго государства, весьма вѣроятно, было завоеваніемъ, то позднѣйшее его существованіе, какъ доказываетъ вся исторія новгородская, основывалось именно на этой необходимости третьяго лица, какъ посредника.

Первые князья недолго оставались въ одномъ Новгородѣ: естественный водный путь ведетъ на югъ, и ихъ манятъ къ себѣ богатства этого юга; на своихъ легкихъ ладьяхъ они пускаются на югъ по этому пути, встрѣчаютъ Кіевъ, берутъ его въ свои руки съ условіемъ защищать его отъ внѣшнихъ враговъ, и вотъ этотъ городъ, лежащій такъ далеко на югѣ, на границѣ со степью, крѣпнетъ подъ властью варяговъ, выростаетъ въ цивилизующій центръ и дѣлается

[1]) Темный вопросъ о появленіи варяжскихъ князей на Руси до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно наукой; проф. Ключевскій такъ изображаетъ процессъ образованія этихъ варяжскихъ княжествъ: уже въ IX вѣкѣ варяги появляются на Руси въ качествѣ вооруженныхъ купцовъ, пробиравшихся въ богатую Византію. Осаживаясь въ большихъ торговыхъ городахъ, которые образовывались по мѣрѣ развитія торговли изъ наиболѣе крупныхъ рынковъ и захватывали власть надъ прилегающимъ къ городу промышленнымъ округомъ, варяги нанимались здѣсь для охраны русскихъ торговыхъ каравановъ. Въ этихъ городахъ варяги встрѣчались съ ранѣе образовавшимся подъ вліяніемъ необходимости охраны торговыхъ интересовъ классомъ такихъ же вооруженныхъ мѣстныхъ купцовъ и входили въ его составъ. Почувствовавъ свою силу, наемные охранители легко могли превращаться во властителей обороняемыхъ ими городовъ. Такимъ образомъ нѣкоторыя городовыя области превращались въ варяжскія княжества, а изъ соединенія мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей образовалось великое княжество кіевское, сдѣлавшееся, благодаря своему центральному положенію, средоточіемъ русской торговли.

„матерью городовъ русскихъ". Но Новгородъ не хочетъ признавать верховенство Кіева; онъ какъ будто стремится въ сторону отъ общаго русскаго движенія, и въ то время, когда всѣ русскія силы сосредоточивались на югѣ, изъ-за котораго шла борьба, въ Новгородѣ вырабатывалась организація совершенно самобытнаго развитія. Онъ, будучи въ сторонѣ отъ общей жизни, мужаетъ и все болѣе и болѣе обособляется. Но, несмотря на всю любовь къ самостоятельной жизни, Новгородъ не могъ поставить себя абсолютно внѣ всякой зависимости отъ Кіева. Если Переяславль, Черниговъ и даже волынскіе города тянутъ къ Кіеву, то Новгородъ извѣстнымъ образомъ также связанъ съ „матерью русскихъ городовъ", а слѣдовательно, и съ остальной Русью. Съ южной Русью онъ связанъ религіей: изъ Кіева онъ получаетъ высшее духовное лицо — архіепископа, изъ Кіева же ему назначаютъ князя, но этимъ только и ограничиваются всѣ его связи. Эти связи не давали Новгороду отдѣлиться отъ общаго строя русской жизни, но, съ другой стороны, онѣ не были настолько обширны, чтобы связать Новгородъ съ интересами остальной Руси и не дать ему стать на собственныя ноги. Новгородцы скоро привыкли къ своему обособленному положенію и стали строго отдѣлять себя отъ остальной Руси. Это отчужденіе рѣзко сказывается въ новгородскихъ выраженіяхъ, въ которыхъ подъ „Русью" разумѣется только южная Русь, а подъ „Низомъ" — сѣверо-восточная суздальская Русь. Такъ, напримѣръ, новгородецъ, собираясь итти въ южную Русь, говорилъ, что онъ идетъ въ „Русь", а отправляясь въ Суздальскую область, сказывался, что идетъ на „Низъ" (Низовье).

Своимъ отчужденіемъ отъ остальной Руси новгородцы возбуждали противъ себя враждебныя отношенія другихъ земель русскихъ. Разсказъ Суздальской лѣтописи отъ XII вѣка, повѣствуя о походѣ своего князя Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, знакомитъ насъ съ тѣмъ взглядомъ, который господствовалъ относительно Новгорода: „Новгородцы взяли въ обычай", говоритъ лѣтописецъ, „прогонять своихъ князей, смѣнять ихъ, когда вздумаютъ, и порочить ихъ сыновъ и внуковъ. Да не подумаютъ при этомъ", прибавляетъ онъ, „что новгородцы когда-нибудь были освобождены дѣдами или прадѣдами; нѣтъ, но они самовольно поставили себя въ такое положеніе. То доколѣ Богови терпѣши надъ нами?"

Говоря о Новгородѣ, не надо однако полагать, что новгородецъ

совсѣмъ выдѣлился изъ строя убѣжденій и характера всѣхъ русскихъ городовъ вообще.

Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, выходя изъ такого взгляда, Новгородъ называли республикой, вѣчевой общиной, народоправствомъ и т. д. Всѣ эти выраженія, развѣ за исключеніемъ республики, были бы справедливы и мѣтки, если бы съ ними не соединялось понятіе, что другіе города древнерусскіе были совершенно непохожи на Новгородъ. Первоначальный строй новгородской жизни совершенно былъ такой же, какъ строй всѣхъ остальныхъ городовъ Руси: тѣ же начала, тѣ же убѣжденія, особенности — надо замѣтить только одно, что новгородцы, въ силу исторической жизни русскаго государства, самобытнѣе развили эти общія для всѣхъ формы и менѣе подчинялись пришлымъ элементамъ, и потому эти исконныя формы приняли характеръ чего-то самобытнаго, оригинальнаго.

Извѣстно, что со времени водворенія князей на Руси въ каждомъ русскомъ городскомъ центрѣ вмѣсто одной власти — вѣча, стали двѣ: вѣче и князь, представлявшія собою совершенно разнородные элементы и имѣвшіе свою независимую политику. Нельзя однако сомнѣваться, что иногда князь, несмотря на свой бродяжническій характеръ, не могъ оставаться совершенно чуждымъ интересамъ своей земли, но, съ другой стороны, и самъ народъ долженъ былъ по необходимости невольно подчиняться личному вліянію князя и его дружины, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ этого послѣдняго была сила. Въ южнорусскихъ городахъ, гдѣ въ особенности нуждались въ помощи княжеской силы, власть князя превысила вѣче; но совершенно противное мы видимъ въ Новгородѣ: благодаря своему удаленному (вдали отъ степи) положенію, онъ въ этомъ отношеніи сталъ самостоятельнѣе южнорусскихъ городовъ. Сперва въ немъ было также вѣче и князь, но мало-по-малу вѣче получаетъ первоначальное значеніе, если не исключительное, то во всякомъ случаѣ преобладающее. О паденіи власти князя въ Новгородѣ и о противорѣчіи, въ которое стало новгородское вѣче къ князю сравнительно съ другими городами, можно судить по слову „посадникъ“. Это было лицо, которое князь на время своего отсутствія сажалъ вмѣсто себя во главѣ города; но въ Новгородѣ посадникъ становится выборнымъ лицомъ всего народа и съ теченіемъ времени дѣлается представителемъ городского вѣча, а не

княжеской власти. Первоначально, надо полагать, въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ древнерусскихъ городахъ, представителемъ народа былъ тысяцкій, вождь городского ополченія, а не посадникъ.

Во всякомъ городѣ было прирожденное право у народа измѣнять нелюбому своему князю и призывать къ себѣ другого; такъ мы знаемъ, что кіевское вѣче не разъ пользовалось этимъ правомъ (напр., Изяславъ I, Святополкъ, Изяславъ II и т. д.), но фактически право это было стѣснено или княжескими родовыми счетами, по которымъ уже отводилась извѣстному князю земля, или же насиліемъ со стороны князя: случалось такъ, что какой-нибудь князь захватывалъ въ свои руки власть, и вѣче не было на столько сильно, чтобы выгнать его изъ города. Но новгородское вѣче не допускало у себя такихъ ограниченій своего права и относилось къ этому вопросу совершенно самостоятельно. Призывая къ себѣ князя, оно прежде всего заключало съ нимъ рядъ. Такихъ рядовъ до насъ дошло много, и большая часть ихъ начиналась требованіемъ: „держати ти, княже, Новгородъ по пошлинѣ по новгорочской; *яко уставилъ дѣдъ твой Ярославъ*“. Такимъ образомъ съ именемъ Ярослава начинается для новгородцевъ историческое воспоминаніе о своихъ правахъ. Грамота Ярослава до насъ не сохранилась, и о содержаніи ея мы можемъ только догадываться. Можно предположить, что Ярославъ, нуждаясь въ помощи новгородцевъ въ борьбѣ противъ брата своего Святополка, утвердилъ закономъ извѣстныя преимущества за новгородцами. Эти преимущества, вѣроятно, судя по послѣдующимъ договорамъ, состояли въ томъ, чтобы новгородцы могли: 1) ставить сами посадника, 2) имѣть свой собственный судъ помимо княжескаго и 3) управлять волостями своими волостелями, а не княжескими. Съ самостоятельнымъ положеніемъ Новгорода въ первый разъ мы встрѣчаемся въ XI вѣкѣ: когда въ 1095 году наиболѣе вліятельные князья на Руси, Святополкъ Кіевскій, Владиміръ Мономахъ Новгородскій, хотѣли заключить между собой рядъ, по которому Новгородъ доставался Давыду Смоленскому вмѣсто княжившаго тамъ Мстислава, сына Владиміра Мономаха, то новгородцы высказались прямо противъ этого рѣшенія князей: „мы сами себѣ вскормили князя“, „не ходи къ намъ“, говорятъ они Давыду. Этотъ вскормленный князь былъ Мстиславъ. Князья, не имѣя силы и не будучи въ состояніи итти вооружен-

ною рукою противъ Новгорода, поневолѣ должны были уступить. Съ этихъ поръ мы постоянно встрѣчаемся въ Новгородѣ съ выборомъ князей по собственному желанію народа. Если выбранный князь не оправдывалъ надеждъ и не нравился вѣчу, то оно прямо, не стѣсняясь, говорило ему: „кланяемся ти, княже, иди, князь, ищи себѣ новаго города въ другой странѣ, а мы тебя не хотимъ имѣть“. Иногда же перемѣна князя происходила и не по общему согласію, а вслѣдствіе борьбы партій. Понятно, что такой произволъ въ выборѣ и сверженіи князя все болѣе и болѣе ставилъ князей въ зависимость отъ народа и вѣча, и потому князья всегда были не прочь оставить Новгородъ, если представлялся къ тому удобный случай. Въ 30-хъ годахъ XII столѣтія, когда новгородскимъ княземъ былъ Всеволодъ Мстиславичъ, сынъ князя, вскормленнаго новгородцами, и когда между этимъ княземъ и Новгородомъ произошелъ раздоръ, тогда, можно сказать, окончательно установились эти новыя отношенія между княземъ и вѣчемъ новгородскимъ, и съ этого времени эти отношенія дѣлаются все болѣе и болѣе опредѣленными. Самая причина несогласія очень характерна. Всеволодъ покинулъ Новгородъ, но черезъ нѣсколько времени явился опять туда; новгородцы однако сочли себя оскорбленными и встрѣтили его съ слѣдующими словами: „Ты лишился насъ[1]), и ушелъ отъ насъ, а теперь мы хотимъ имѣть своего князя“.

Хотя положеніе князей новгородскихъ было несвободно и стѣснительно, тѣмъ не менѣе новгородцы, какъ бы опасаясь встрѣтить въ князѣ сильнаго врага своей независимости, всегда старались упрочить ее договорами при принятіи князя. Условія такихъ договоровъ сохранились и до нашего времени. Они обезпечиваютъ новгородцевъ въ самоуправленіе и не позволяютъ князьямъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла.

Главные пункты этого договора слѣдующіе:

1) Держати тебѣ, княже, все по пошлинѣ, не нарушать старины и не уничтожать старинныхъ договоровъ („грамотъ ти, княже, не нарушати“).

2) Судъ тебѣ, княже, судити съ мужи новгородскими и городскимъ посадникомъ; волостей тебѣ, княже, новгородскихъ своими мужами не держать, и держать мужами новгородскими.

---

[1]) Т.-е. погнушался нами.

Второй пунктъ опредѣляетъ отношенія князя къ гражданамъ. Онъ клонится къ тому, чтобы не дать князю возможности найти точку опоры противъ Новгорода въ волостяхъ, и новгородцы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы княжескіе мужи не ходили въ эти владѣнія князя за сборами даней, опасаясь того, что черезъ это можетъ увеличиться его вліяніе.

Въ этихъ двухъ пунктахъ, собственно говоря, и заключаются всѣ главныя условія, но въ заключеніе ряда новгородцы не забывали еще прибавлять того, что *въ выборѣ князя они вольны*. Русскіе князья большею частью признавали законнымъ это исконное право за Новгородомъ и подписывали условія, зная, что въ случаѣ ихъ отказа ими не понуждаются.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, съ одной стороны, Новгородъ сильно хлопочетъ о своей самостоятельности, но съ другой — никакъ не можетъ отрѣшиться отъ призванія князей. Это обстоятельство не должно насъ удивлять: бурный духъ и разгульная натура не давали Новгороду ужиться самому по себѣ, а вопіющее насиліе и произволъ отдѣльныхъ лицъ и партій требовали безпристрастнаго судью, вслѣдствіе чего необходимо было имѣть князя.

Притомъ, надо замѣтить, въ выборахъ себѣ князя новгородцы всегда останавливались на Рюриковичахъ [1]). Правда, иногда новгородцы не прочь были поддаться литовскому князю, но на это явленіе мы должны смотрѣть, какъ на исключеніе, какъ на временное состояніе, вынужденное безысходностью положенія. Такъ напримѣръ, въ XV вѣкѣ во время сильныхъ притязаній московскихъ князей новгородцы, чтобы сохранить свою пошлину, свою независимость, стали звать къ себѣ на княженіе Казимира литовскаго. Но это желаніе новгородцевъ присоединиться къ странѣ, самый строй жизни которой не соотвѣтствовалъ ихъ началу, среди самого Новгорода возбудилъ сильное негодованіе.

Что въ новгородскомъ характерѣ не было задатковъ государственныхъ понятій, что Новгородъ не могъ быть крѣпкимъ центромъ государственной жизни, мы увидимъ изъ разсмотрѣнія существовавшаго административнаго устройства въ Новгородѣ.

---

[1]) И впослѣдствіи, во время татарскаго владычества, выбирали обыкновенно великаго князя, потому что съ нимъ была татарская сила.

Устройство Новгорода не представляетъ намъ правильно развитыхъ государственныхъ формъ: не было правильныхъ опредѣленныхъ отношенiй между правительствомъ, княземъ и народнымъ вѣчемъ. Отношенiя къ князю являются какими-то случайными, колеблющимися. Новгородъ не могъ обойтись безъ князя, и почти не было попытокъ обойтись безъ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему участiе въ дѣлахъ правленiя, опредѣлить его отношенiя къ народу, вообще сдѣлать его не чуждымъ общимъ интересамъ города, не внѣшнимъ лицомъ для жизни народа, этого новгородцы сдѣлать не умѣли. Ихъ отношенiя къ князю рѣдко оставались добрыми, но почти всегда они были враждебныя, и, естественно, такое отсутствiе правительственнаго значенiя князя должно было отозваться на всей жизни Новгорода. Точно также не видимъ мы никакихъ правильныхъ попытокъ учредить крѣпкiя правительственныя начала внѣ князя, и поэтому понятно, чѣмъ болѣе князь становился лицомъ внѣшнимъ, тѣмъ болѣе должны были выдвигаться впередъ выборныя лица изъ новгородцевъ. Такимъ образомъ все управленiе городомъ сосредоточивается въ рукахъ посадника и тысяцкаго; договоры стали совершаться отъ ихъ имени; они прикладывали свою печать и выступали представителями города во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Но и эти высшiя власти Новгорода явились съ тѣми же случайными, неопредѣленными очертанiями. Не было опредѣлено ни продолжительности времени, ни срока ихъ служебной дѣятельности: одни правили годъ, другiе меньше, иные по нѣскольку лѣтъ[1]).

Посадникъ похожъ на казацкаго атамана, который пользовался по временамъ неограниченною властью, но въ то же время безъ всякаго суда могъ быть лишенъ своей власти; онъ легко могъ быть замѣняемъ другимъ и вполнѣ зависѣлъ отъ легко мѣнявшагося народнаго мнѣнiя. Вѣче, это народное собранiе, представляло нестройный казацкiй кругъ шумящихъ людей, никѣмъ не управляемыхъ. Здѣсь не выработалось понятiя о правильной подачѣ голосовъ, а приходили къ извѣстнымъ результатамъ большею частью вслѣдствiе настроенiя главной партiи въ извѣстную минуту. Вѣче

---

[1]) Въ началѣ XV вѣка, впрочемъ, въ Новгородѣ устанавливается уже опредѣленный срокъ для занятiя должностей — посадникъ и тысяцкiй смѣняются ежегодно.

поэтому очень часто представляло всеобщее побоище, такъ какъ дѣла рѣшались не силой убѣжденія и общимъ согласіемъ, но силой кулаковъ, неожиданностью нападенія и т. д. Иногда какой-нибудь уличникъ разгонялъ вѣче силою своихъ захребетниковъ и рѣшалъ дѣла по своему усмотрѣнію. Насъ не должно удивлять, что при такомъ нестроеніи вѣча, нѣкоторые успѣвали проводить свои мысли по заранѣе обдуманному плану. Они являлись на вѣче вооруженными и пріобрѣтали согласіе черни. Такъ, напримѣръ, какой-нибудь бояринъ, желая рѣшить извѣстный вопросъ по своему желанію, собиралъ всѣхъ своихъ подсусѣдниковъ, отправлялся на вѣче и бралъ перевѣсъ въ спорѣ. Случалось, что недовольная толпа съ вѣча направлялась къ посаднику, грабила его домъ и имущество, а иногда его самого бросала съ Волховскаго моста и тотчасъ же выбирала другого. Все это дѣлалось подъ впечатлѣніемъ минуты и часто безъ всякой вины со стороны посадника. Таже самая картина была и при выборѣ князя. Положимъ, что борятся двѣ партіи, обыкновенно такими партіями были суздальская и кіевская[1]), и кіевская беретъ верхъ и ставитъ своего князя, но суздальскій князь оскорбляется такимъ невниманіемъ къ себѣ или своему сыну, онъ объявляетъ войну новгородцамъ и прежде всего запрещаетъ вывозъ хлѣба. Въ Новгородѣ начинается голодъ; народное бѣдствіе производитъ дурное впечатлѣніе; настроеніе города мѣняется, бурная толпа отправляется на вѣче, обвиняетъ во всемъ противную партію, винитъ посадника и князя, и опять начинается расправа. Кіевскій князь изгоняется, достается также и посаднику, совершенно ни въ чемъ неповинному; приглашается суздальскій князь, и все это дѣлается для того только, чтобы вскорѣ поссориться съ этимъ послѣднимъ княземъ, прогнать его и снова просить кіевскаго; а при водвореніи этого снова повторяются тѣ же явленія.

Съ этими явленіями мы часто встрѣчаемся въ Новгородѣ, и эта безурядица, играя главную роль въ исторіи его, и была одна изъ главныхъ причинъ его паденія, потому что онъ не могъ усвоить себѣ болѣе прочныхъ началъ общественной жизни.

---

[1]) Партіи въ Новгородѣ складывались подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ наиболѣе крупныхъ представителей мѣстной денежной аристократіи.

При слабомъ правительствѣ мы встрѣчаемся, какъ и всегда въ средніе вѣка, съ господствомъ единичной силы, проявляется ли эта сила въ обществахъ, корпораціяхъ или отдѣльныхъ личностяхъ. Въ Новгородѣ также были всѣ эти элементы. Мы видимъ, что Новгородъ весь раздѣленъ на отдѣльные союзы, которые назывались обчинами, и такую общину съ извѣстнымъ независимымъ кругомъ дѣйствій представляла каждая частица Новгорода. Новгородъ дѣлился на концы, и въ каждомъ концѣ были свои улицы, но дѣленіе это было не административное или устроенное для удобства, напротивъ, каждая улица какъ бы представляла особую корпорацію, соединенную съ другими такими же корпораціями. Каждый конецъ имѣетъ своего кончанскаго старосту; каждая улица — своего уличанскаго старосту, и только въ лицѣ посадника, представителя всего города, эти разнородные элементы какъ будто соединяются въ одно цѣлое. Притомъ каждая улица ведетъ свои политическіе расчеты и враждуетъ съ другой или же съ какимъ-нибудь богатымъ вельможей. Мы имѣемъ, напримѣръ, фактъ, что одинъ бояринъ, желая проучить какую-то улицу, съ которою онъ поссорился, вѣроятно, изъ-за денегъ, собираетъ своихъ подсусѣдниковъ и захребетниковъ и съ ними идетъ грабить ту улицу. Если цѣлая улица могла терпѣть отъ какого-нибудь богатаго купца, то что̀ же могло обезпечить спокойствіе отдѣльныхъ лицъ при такомъ произволѣ и невозможности добиться правосудія?

Неудивительно, что при такомъ казацкомъ образѣ жизни, молодцы новгородскіе выходили изъ Новгорода съ тѣмъ, чтобы на свободѣ пораспрaвить свои силы, т.-е. заняться разбоемъ, и это явленіе не случайное, но постоянное: новгородцы жили такъ, какъ можно было только жить въ степяхъ. Какъ запорожскіе молодцы выѣзжали потѣшиться въ поле, такъ и новгородскіе ушкуйники заходили, куда только можно было зайти. И во время грабежа, щадя новгородцевъ, не щадили другихъ русскихъ. Не надо думать, что они являлись изъ среды низшаго слоя общества — здѣсь были сыновья самыхъ именитыхъ бояръ и купцовъ новгородскихъ, и они отправлялись на свои подвиги съ разрѣшенія и даже по требованію вѣча, отпускавшаго молодежь погулять.

Такимъ образомъ въ новгородской жизни мы не встрѣчаемся съ сознаніемъ государственныхъ понятій не только въ массѣ, но

и въ правительственныхъ лицахъ, хотя надобно бы было ожидать, что въ Новгородѣ при преобладанiи торговой силы дающее фактическое господство тѣмъ классамъ, которые обладаютъ торговымъ капиталомъ, самыя влiятельныя лица захватятъ въ свои руки всю власть и составятъ, какъ случилось въ Венецiи, олигархiю. Въ противоположность Венецiи, Новгородъ не выработалъ въ своемъ управленiи крѣпкой олигархiи, этому мѣшали обычныя явленiя новгородской жизни — борьба одной корпорацiи противъ другой, одной улицы противъ такой же улицы, раздоръ бояръ съ своими захребетниками и подсусѣдниками, съ цѣлыми улицами и т. д., а потому Новгородъ не могъ даже выдержать того времени, которое было назначено для него[1]).

Послѣ обозрѣнiя политическаго устройства Новгорода перейдемъ къ его торговлѣ, характеръ которой прямо вытекаетъ изъ разсмотрѣнныхъ нами условiй новгородской общественной жизни. Мы видѣли, что Новгородъ лежитъ въ началѣ великаго воднаго пути, и

[1]) Мы встрѣчаемся однако въ Новгородѣ съ правленiемъ, близко стоящимъ къ олигархiи. Въ теченiе всей исторiи этого вольнаго города фактическое преобладанiе принадлежитъ представителямъ мѣстной торговой знати: богатыя боярскiя фамилiи — „лучшiе“ или „вячшiе“ люди стоятъ во главѣ борющихся партiй и направляютъ жизнь Новгорода; „молодшiе“ или „меньшiе“ люди, какъ новгородская лѣтопись называетъ низшiе классы общества (купцовъ и черныхъ людей, т.-е. мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ) въ противоположность знати — боярамъ и житьимъ людямъ (капиталистамъ средней руки), всецѣло находясь въ экономической зависимости отъ капиталистовъ, всегда должны были слѣдовать за своими работодателями. Все управленiе въ Новгородѣ собственно захватили въ свои руки немногiе знатные дома; такъ, мы видимъ, напримѣръ, что двѣ боярскiя фамилiи, Михалчичи и Недзиничи въ теченiе многихъ лѣтъ поставляютъ исключительно изъ своей среды кандидатовъ на высшiя должности въ мѣстномъ управленiи Новгорода: изъ фамилiи Михаличей въ XIII и XIV вв. однихъ посадниковъ вышло двѣнадцать. Члены этихъ немногочисленныхъ знатныхъ фамилiй наполняютъ новгородскiй правительственный совѣтъ — „совѣтъ господъ“, т.-е. учрежденiе, которое предварительно подвергало разработкѣ проекты, вносимые на обсужденiе законодательнаго собранiя — вѣча. Въ составъ этого, въ сущности распорядительнаго, учрежденiя входили высшiя должностныя лица по новгородскому управленiю: степенные (т.-е. занимающiе въ данный моментъ свои должности — стоящiе на степени) посадникъ и тысяцкiй, кончанскiе и сотскiе старосты, бывшiе посадники и тысяцкiе, такъ называемые „старые“. Собирался этотъ совѣтъ господъ подъ предсѣдательствомъ новгородскаго архiепископа.

собственно этимъ обусловливается его торговое значеніе. Этотъ путь въ продолженіе среднихъ вѣковъ оставался главнымъ, черезъ который сѣверная Европа могла сноситься съ южной. Къ этому пути присоединялся путь, который велъ изъ Азіи черезъ Волгу, и сюда же примыкалъ еще путь, шедшій съ Урала. Въ центрѣ этихъ-то путей находился Новгородъ. Какъ промежуточный пунктъ, гдѣ сходились эти пути и стекались разнообразные товары, Новгородъ, естественно, сдѣлался важнымъ торговымъ городомъ. Новгородъ является съ болѣе опредѣленно развитыми формами и характеромъ русской городской общественной жизни, чѣмъ какой-либо другой городъ тогдашней Руси; поэтому, конечно, и новгородская торговля является съ болѣе опредѣленнымъ и развитымъ характеромъ; этимъ-то и можно объяснить то явленіе, что новгородскій купецъ, преслѣдуя свои торговыя цѣли, встрѣчается намъ во всѣхъ земляхъ. Купецъ новгородскій впервые на Руси получаетъ въ городѣ особое, высокое положеніе, и дѣйствительно, разсматривая государственныя грамоты и договоры, мы встрѣчаемся съ именами депутатовъ отъ новгородскихъ купцовъ. Купечество въ Новгородѣ получило болѣе правильное развитіе и болѣе правильное устройство, и можно предположить, что значительная часть бояръ новгородскихъ или занималась торговлею, или вышла изъ богатыхъ купцовъ[1]).

Общее свойство средневѣковой торговли — крайняя небезопасность, препятствія, которыя она встрѣчала, вызвали общія послѣдствія. Вездѣ мы замѣчаемъ въ средневѣковой Европѣ, что купцы для большихъ удобствъ соединяются въ общины, компаніи или артели. Такихъ артелей было много, и купцы раздѣлялись или по товару, которымъ торговали, или по мѣстности, куда они ходили; такимъ образомъ и въ Новгородѣ были купцы: низовскіе, поморскіе, ходившіе въ Варяжское море, прасолы, преимущественно занимавшіеся торговлею солью. Общность ихъ занятій, слѣдовательно ихъ интересовъ, заставляла ихъ соединяться въ артели. Между всѣми новгородскими артелями того времени выдѣлилась особенно одна: это была такъ называемая Иванова ста — Ивановская гильдія,

---

[1]) Бояре, являясь отчасти крупными землевладѣльцами, были и крупными капиталистами — банкирами, на оборотныя средства которыхъ торговали купцы.

могли бы мы сказать, употребляя современное слово. Понятно, такія общества или артели должны были имѣть мѣсто для совѣщаній; такимъ мѣстомъ въ средніе вѣка была церковь, какъ въ восточной, такъ и въ западной Европѣ; для Ивановой сотни такое мѣсто была церковь Св. Ивана на Опокахъ, недалеко отъ Ярославова двора. Всякій купецъ, желавшій вступить въ сотню или гильдію, долженъ былъ вносить вкладъ. Этотъ вкладъ, „вложеніе", состоялъ изъ 50 гривенъ единовременнаго взноса, и кромѣ того каждый купецъ долженъ былъ еще жертвовать $29\frac{1}{2}$ гривенъ въ пользу церкви Ивана на Опокахъ — такой купецъ уже навѣки дѣлался членомъ Ивановой сотни и передавалъ это право своему сыну, а тотъ своему и т. д. Такой купецъ въ отличіе отъ другихъ назывался „пошлымъ" купцомъ, т.-е. старымъ (пошлина = старина). У церкви обыкновенно находился общественный гостиный дворъ, въ которомъ купцы складывали свои товары и гдѣ собирались для общаго дѣла. Для того, чтобы съ большимъ порядкомъ завѣдовать своими дѣлами, купцы изъ своей среды выбирали старосту, а тотъ въ свою очередь, выбиралъ себѣ помощниковъ, которые распоряжались деньгами и завѣдовали дѣлами. Общественная касса находилась въ церкви. Въ тѣ грубыя времена, — времена разбоя и насилія, только одна власть внушала къ себѣ уваженіе и заставляла преклоняться передъ собой: это была именно власть церкви, и въ Новгородѣ при его буйномъ строѣ общественной жизни церковь не потеряла своего умиротворяющаго значенія. Глава новгородской церкви стоялъ рядомъ съ посадникомъ и тысяцкимъ и прикладывалъ свою печать на договорахъ; архіепископъ не былъ чуждъ жизни народа, среди котораго онъ находился, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на партіи.

Битвы во время вѣча, происходившія обыкновенно на Волховскомъ мосту, прекращались только тогда, когда владыка съ крестомъ въ рукѣ выходилъ изъ Софійскаго собора и становился между враждующими партіями. Но случалось иногда, что удаль не останавливалась и передъ церковной властью, и увѣщаванія архіепископовъ оставались втунѣ. Это выражено наглядно въ былинѣ о Буслаевѣ, который не только разогналъ все вѣче, но даже поднялъ руку и на старца пилигримища, т.-е. на самого владыку; но какъ бы то ни было, такіе случаи были исключеніемъ, и церковь все-таки

была единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ того времени, вотъ почему тогда церковь имѣла такое благотворное вліяніе и значеніе; храмъ не только былъ мѣстомъ молитвы, но былъ мѣстомъ безопаснымъ, гдѣ можно было собраться для совѣта, укрыться отъ преслѣдованій и скрыть все имущество; и церковь того времени приспособлялась къ этимъ требованіямъ. Постройкой своей церковь рѣзко отличалась отъ нынѣшней: она строилась съ темными камерами („комары") или налетами наверху, т.-е. хорами, которые назначались не для слушанія богослуженія, а для склада товаровъ; точно также подъ поломъ церкви устроены были подвалы, клѣти, какъ тогда ихъ называли, въ которыхъ хранилось наиболѣе драгоцѣнное имущество. Во время нашествія церковь дѣлалась крѣпостью, гдѣ запирался князь и жители съ своими женами и дѣтьми и куда приносили свое имущество и еще потому, что церковь была единственно каменнымъ зданіемъ среди массы деревянныхъ. Но такое значеніе церковь имѣла не только въ Новгородѣ, но и въ западныхъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ она вся была завалена товарами; только на самый алтарь изъ уваженія къ святынѣ запрещали класть товары подъ страхомъ опредѣленнаго денежнаго штрафа. Въ церкви Св. Ивана на хорахъ находились лари—стѣнные шкапы. Эти лари были государственнымъ архивомъ; здѣсь хранились торговыя книги, документы и всѣ новгородскія грамоты и договоры; въ ларяхъ же Св. Софіи находились и духовныя грамоты. Въ клѣтяхъ были товары и находилась общественная касса, ключи отъ которой были въ рукахъ старосты. Около церкви былъ торговый рынокъ и стояли вѣсы, на которыхъ вѣшали и перевѣшивали товары. Сначала на этихъ вѣсахъ вѣшались только главные предметы отпуска новгородской торговли, именно воскъ и медъ, но потомъ стали вѣшать и другіе товары. Около вѣсовъ были особые чиновники, которые должны были наблюдать за правильнымъ вѣсомъ и торговлею; вѣщики брали извѣстную пошлину за взвѣшиваніе и продажу товара. Въ то время пошлина бралась нѣсколько иначе, чѣмъ теперь; ее платилъ не тотъ, кто продавалъ товаръ, а тотъ, кто покупалъ его. Около большихъ вѣсовъ находились также малые вѣсы, на которыхъ взвѣшивали драгоцѣнные металлы. Чеканной монеты въ то время не было, и серебро рубилось и отпускалось на вѣсъ; эти-то отрубки, употребляемые вмѣсто

монеты, и вѣшались на малыхъ вѣсахъ; вѣщику за взвѣшиваніе серебра также полагалась извѣстная пошлина, и кромѣ того вѣщикъ за извѣстное небольшое вознагражденіе долженъ былъ сплавлять всѣ приносимыя вещи въ одинъ кусокъ. При церкви Ивана на Опокахъ также находился и судъ, по всей вѣроятности для торговыхъ дѣлъ, потому что въ немъ засѣдалъ тысяцкій, который и разбиралъ дѣла. Наконецъ, здѣсь же собирались купцы, когда нужно было рѣшить споръ, возникшій между иностраннымъ и новгородскимъ купцами. Если Св. Софія въ представленіи новгородцевъ являлась тогда тождественною съ единствомъ и существованіемъ Новгорода, то церковь Ивана на Опокахъ является центромъ торговли Великаго Новгорода, и Иванова ста заключаетъ въ себѣ самыхъ лучшихъ купцовъ того времени. Купцы, вписываясь въ такую сту, получали извѣстныя привилегіи: отпуская свои товары, они имѣли свои конвойные отряды, которые сопровождали эти товары и вмѣстѣ съ ними ходили собирать дань, даже на Уралъ; если купецъ проторговывался, дѣлался „изгоемъ“, по-теперешнему банкротомъ, онъ получалъ вспомоществованіе изъ общей кассы, и это раскладывалось на каждаго члена. Къ Ивановой стѣ преимущественно принадлежали самые богатые новгородскіе купцы, а самыми богатыми новгородскими купцами были купцы заморскіе, и торговое значеніе Новгорода опредѣлялось торговлею заморскою, такъ какъ эти купцы, купившіе товары на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, могли предавать эти товары на западъ и мѣнять на иностранные.

Сношенія Новгопода съ западной Европой начались уже съ глубокой древности, первоначально въ эту страну являются варяжскіе витязи-авантюристы съ полуразбойничьимъ и полуторговымъ характеромъ. Мы можемъ вѣрить показаніямъ сагъ, что въ Гардарику, страну городовъ (т.-е. Новгородъ), пріѣзжали уже въ VII и VIII стол. не только варяжскіе рыцари, но даже и варяжскіе купцы; эти купцы, желавшіе купить шелковыя ткани, парчи и паволоки, покупали ихъ у русскихъ купцовъ. Это было понятно потому, что, какъ намъ извѣстно, новгородскіе витязи ходили въ Византію и поддерживали свои сношенія съ Кіевомъ, откуда они могли получать все нужное. Въ XI и XII вѣкахъ торговля, о которой существуютъ такія древнія показанія, должна была усилиться, потому что варяги приходили въ Россію въ огромномъ количествѣ, и уже

въ X стол. мы встрѣчаемъ при дворѣ кіевскаго князя много варяговъ, русскій князь даже женатъ на варяжской княжнѣ, — все это указываетъ на тѣсныя отношенія между русскими и варягами, ходившими въ Girkialand[1]). Когда въ XI вѣкѣ въ Скандинавіи являются зачатки правильной государственной жизни и вмѣсто разбойниковъ, вождей дружинъ, появился король, тогда прекратилось движеніе варяговъ по великому водному пути; рѣдко они появлялись въ Новгородѣ, еще рѣже въ Византіи. Наконецъ, сама сплотившаяся Русь не позволяла варягамъ проходить разбойничьимъ образомъ по этому пути. Но если варяги перестали ходить въ Грецію, то они не переставали ходить въ Россію, по крайней мѣрѣ въ ея сѣверныя части. Самое прекращеніе этихъ путей способствовало тому, что товары покупались въ Новгородѣ, а не въ Византіи. Поэтому въ XI и XII вѣкахъ морское торговое движеніе не прекращается. Новгородскіе купцы ѣздятъ продавать свои товары на берега Швеціи и даже въ отдаленную Данію, гдѣ выростаетъ новый торговый городъ Шлезвигъ. Случайно въ разсказѣ о разореніи этого города упоминается, что напавшій на него какой-то конунгъ перебилъ русскихъ купцовъ, а товары ихъ раздѣлилъ между своей дружиной. Въ свою очередь и жители прибрежья совершаютъ правильные рейсы по Балтійскому морю. По словамъ Адама Бременскаго (лѣтописца XII вѣка), суда ходили и въ Острогардъ Руси (восточный городъ); нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ восточнымъ городомъ подразумѣвается Новгородъ.

Изъ городовъ, лежащихъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, былъ особенно замѣчателенъ нѣкоторое время Юсгинъ, полуславянскій и полуваряжскій городъ съ смѣшаннымъ населеніемъ разбойниковъ-авантюристовъ, сбывавшихъ за дешевую цѣну свою отовсюду награбленную добычу. Западныя сказанія указываютъ также намъ Альдейгаборгъ, по-нашему Ладога, который имѣлъ посредствующее значеніе между русскими и варягами. Чѣмъ болѣе проникаетъ торговля внутрь страны, тѣмъ болѣе развивается цивилизація на Бѣломъ (т.-е. Балтійскомъ) морѣ и тѣмъ болѣе она принимаетъ характеръ мирнаго развитія. Юсгинъ, будучи населенъ большей частью разбойниками, не могъ долго удержать своего

[1]) Варяги, являясь въ Россію, часто смѣшивали ее съ Греціей и называли Girkialand, т.-е греческой страной.

значенія; но съ увеличеніемъ потребностей должна была увеличиться и торговля; она также должна была выбрать новые пути и новые центры, соотвѣтствующіе характеру того времени. Такими новыми центрами въ XII вѣкѣ явились два города: Любекъ и Висби на Готландѣ или на готскомъ берегу, какъ говорили тогда новгородцы. Висби лежалъ почти на серединѣ пути, отчего и сдѣлался главнымъ посредствующимъ пунктомъ балтійской торговли. И дѣйствительно, мы знаемъ, что готы издавна живутъ въ Новгородѣ; у нихъ, какъ кажется, во времена Ярослава Мудраго въ Новгородѣ является свой готскій дворъ. Впослѣдствіи, когда на Балтійскомъ морѣ утвердились нѣмцы, настала пора развитія и германскихъ поморскихъ городовъ. Изъ городовъ, который былъ наиболѣе удобнымъ, чтобы сдѣлаться центромъ, является Любекъ. Сначала жители Любека являются только въ Висби и тамъ сбываютъ свои товары, но, по мѣрѣ того какъ нѣмецкая торговля развивается все болѣе и болѣе, этотъ городъ понемногу переходитъ въ руки нѣмцевъ, которые получали преобладающее значеніе на Балтійскомъ морѣ. Жители Любека сами начали ходить въ такіе города, откуда имъ привозили восточные товары, и рядомъ съ готскимъ дворомъ въ Новгородѣ является дворъ нѣмецкій. Торговля, производимая купцами нѣмецкими, приняла обширные и неслыханные до того времени размѣры, потому что купцы дѣйствовали не отдѣльно и даже не отдѣльными артелями, но сплотились въ одинъ довольно тѣсный союзъ, называемый Ганзой. Нѣсколько общинъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ одну общину — Ганзу; эта община растетъ и быстро увеличивается; наконецъ, Ганза мало-помалу привлекаетъ къ себѣ всѣ другіе торговые города Балтійскаго моря и становится посредницей между торговлей южно-европейской и средне-европейской, а черезъ Новгородъ и посредницей въ обмѣнѣ товаровъ европейскихъ на азіатскіе.

Первоначально ганзейскій союзъ имѣлъ только торговые интересы, но торговые интересы того времени соприкасались съ интересами политическими. Такимъ образомъ политика идетъ рука объ руку съ торговлей, и союзъ купеческій дѣлается могущественнымъ государствомъ. Это могущественное государство имѣло въ своемъ составѣ почти всѣ торговые города Балтійскаго моря, и нѣтъ ничего удивительнаго, что противъ такого тѣсно сомкнутаго цѣлаго государства

не могли устоять другія. Островъ Готландъ становится однимъ изъ союзныхъ и подвластныхъ Ганзѣ пунктовъ. Когда Ганза такимъ образомъ сплотилась — соединилась, то естественнымъ ея желаніемъ было расширить, укрѣпить и обезпечить свою торговлю и, наконецъ, регулировать жизнь тѣхъ купцовъ, которые жили въ чужихъ странахъ, имѣть тамъ своихъ особыхъ агентовъ и складочныя мѣста и вообще стараться содѣйствовать правильному успѣху этой торговли. Эти обстоятельства вызываютъ, съ одной стороны, постройку въ Новгородѣ двора[1]), гдѣ бы могли пребывать ихъ купцы, и, съ другой стороны, стремленіе обезпечить себя и свою торговлю договорами. Вотъ почему въ исторіи сношенія Новгорода съ ганзейцами мы встрѣчаемъ массу договоровъ. Самый древнѣйшій и достовѣрный договоръ, дошедшій до насъ, былъ договоръ 1270 года; но кромѣ того было много другихъ договоровъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія купцовъ. Ганзою издавались также особые законы, касавшіеся ея подданныхъ, жившихъ въ Новгородѣ, потому что нигдѣ не было такой потребности въ строгомъ соблюденіи порядка и предписаннаго закона, какъ здѣсь, въ чужой и часто враждебной средѣ. Эти законы извѣстны были подъ названіемъ (Die Skra van Novgarden) *скры*; это слово обыкновенно объясняется изъ исландскаго языка, оно значитъ: книга, доска, грамота; впрочемъ, важно обратить вниманіе на то, что скрою у ганзейцевъ назывались исключительно законы, касающіеся ихъ купцовъ, жившихъ на Руси, вслѣдствіе чего можно предположить, что это слово есть русское, происходящее отъ слова „скора“ (шкура, кожа), на которыхъ, по всей вѣроятности, могли писаться самые древніе договоры; впрочемъ, это одно только предположеніе, за которое совершенно ручаться нельзя. На основаніи этихъ договоровъ (всѣхъ договоровъ, заключенныхъ между Новгородомъ и Любекомъ, можно насчитать до 10) мы можемъ видѣть, какъ обширны и часты были сношенія нѣмецкихъ купцовъ съ новгородскими и какую важность придавали обѣ стороны этой торговлѣ[2]).

[1]) Этотъ дворъ въ Новгородѣ былъ первой нѣмецкой конторой и впослѣдствіи послужилъ образцомъ для Бергена, Лондона и др. ганзейскихъ торговыхъ конторъ; точно такъ же, какъ новгородскія „скры“ служили образцомъ торговыхъ законовъ для другихъ городовъ.

[2]) О значительности оборотовъ новгородской торговли можно судить по числу нѣмецкихъ купцовъ, жившихъ въ Новгородѣ, — нѣсколько сотенъ; нѣмцы по-

Изъ города Любска или Висби суда выходили караванами въ извѣстное, опредѣленное время; но мѣста, гдѣ проходили эти караваны, были не безопасны, потому что на Балтійскомъ морѣ жили морскіе разбойники, такъ какъ грабежъ въ то время былъ легкій и удобный способъ обогащенія. Они принадлежали къ различнымъ націямъ: здѣсь были славяне съ южнаго побережья, финны, корела, также можно было встрѣтить и удальцовъ новгородскихъ и нѣмецкихъ; удальцы соединялись подъ предводительствомъ атамана, который руководилъ ими во время похода. Даже въ XIV вѣкѣ есть нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что торговцы Балтійскаго моря должны были вступать въ договоры съ разбойниками, какъ бы съ особыми государствами: такъ Ганза въ 1382 году заключила перемиріе съ этими разбойниками, заплативъ, конечно, имъ приличное награжденіе; около того же времени Маргарита датская заключила съ ними перемиріе на 4 года, условившись платить извѣстную сумму денегъ. Для охраненія каравановъ нѣмцы держали особую военную стражу, которая сопровождала товары. Отправляющихся изъ Любека каравановъ было 2, и всѣ гости нѣмецкіе раздѣлялись на два отдѣла: на зимнихъ и лѣтнихъ. Зимніе пріѣзжали осенью, жили зиму и потомъ со вскрытіемъ рѣкъ уѣзжали, взамѣнъ же ихъ пріѣзжали гости лѣтніе.

Соединившись въ караваны, купцы ганзейскіе въ сопровожденіи военныхъ судовъ, охраняющихъ ихъ отъ морскихъ разбойниковъ, доходили до острова Кетлингена или Котлина, на которомъ теперь стоитъ Кронштадтъ. Здѣсь иностранные гости совершенно переходили въ руки новгородцевъ, которые давали имъ своихъ лоцмановъ и провожали ихъ до устьевъ Невы, гдѣ происходила перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на рѣчныя лодки, суда болѣе легкія[1]).

Черезъ Неву, Ладогу и Волховъ эти суда шли въ Новгородъ.

сылали даже молодыхъ приказчиковъ въ разныя мѣста новгородскихъ владѣній со спеціальной цѣлью изученія русскаго языка.

[1]) Для доставки нѣмецкихъ товаровъ въ Новгородѣ организовывались особые союзы лоцмановъ, лодочниковъ, сухопутныхъ возчиковъ, носильщиковъ (дрягилей) и т. д., представляющихъ прототипъ современныхъ артелей: члены товарищества устанавливали взаимный контроль, выбирая изъ своей среды

Нѣкоторыя суда останавливались у Гостинополя (въ верстахъ 35 отъ Ладоги), гдѣ у нѣмцевъ были особые склады и помѣщенія; другая же большая часть судовъ, управляемая искусными новгородскими лоцманами, шла дальше по Волхову въ Новгородъ. Не доѣзжая до Новгорода, суда останавливались, и здѣсь производился счетъ товаровъ. Наконецъ, суда приходили въ Новгородъ, гдѣ они разгружались и отвозились въ особыя для нихъ помѣщенія. По договору 1270 года, строго опредѣлялась цѣна, платимая возчиками за перевозку товаровъ; такъ, напримѣръ, до двора готскаго имъ платили 10 кунъ, а до двора нѣмецкаго, который отстоялъ нѣсколько дальше, платилось 15 кунъ.

Дворъ для иностранныхъ гостей представлялъ собою нѣчто особое, цѣлое, какъ будто государство въ государствѣ; онъ былъ обнесенъ высокою стѣною, и его охраняла стража. Въ договорахъ упоминаются даже цѣпныя собаки, которыя окружали этотъ дворъ въ большомъ количествѣ. Кромѣ того въ договорахъ запрещалось новгородцамъ строить зданія около этого двора и сваливать товаръ, а также собираться около него и играть въ свайку. За стѣной было выстроено большое зданіе, которое представляло собою большую комнату, „гридницу", въ которой собирались всѣ иностранные купцы; около этой комнаты была другая, меньшая, для слугъ, которыхъ привозили съ собой купцы; тутъ же помѣщались отдѣльныя спальни.

Кругомъ этого зданія были выстроены клѣти или амбары для склада товаровъ; но товаровъ было такое множество, что они не помѣщались въ этихъ амбарахъ, а сваливались въ общей комнатѣ или даже въ церкви. Видно было, что торговыя сношенія были преобладающими, потому что они заслоняли собою все остальное.

Ганзейскія власти старались обезпечить купцовъ, пріѣзжающихъ въ Новгородъ, относительно правильнаго соблюденія своей вѣры: такъ купцы были обязаны брать съ собою своего священника изъ Любека, который получалъ извѣстное жалованье и уѣзжалъ обратно вмѣстѣ съ купцами. Если былъ священникъ,

---

старосту, который долженъ былъ служить посредникомъ между нѣмецкимъ купечествомъ и членами артели, опредѣляли таксу за перевозъ товара и пр. Все это указываетъ на развитіе въ Новгородѣ товарищескаго принципа — характерная особенность торговли того времени.

то была и церковь; ихъ было дѣйствительно двѣ: церковь Св. Петра (на нѣмецкомъ дворѣ) и Св. Олафа (на готскомъ дворѣ), которыя содержались на общественныя деньги, на пожертвованныя и собранныя въ пользу Св. Петра, и на тѣ изъ штрафовъ, которые платили люди, преступившіе постановленія „скры". При церкви было и свое нѣмецкое кладбище. Изъ той же предосторожности и изъ опасенія столкновеній, которыя, естественно, должны были происходить, новгородскія скры старались какъ можно правильнѣе установить порядокъ этой временной нѣмецкой колоніи. Здѣсь является попытка правильнаго устройства власти; гости обязаны были выбирать изъ своей среды ольдермана, который долженъ былъ совѣщаться съ своими 4 помощниками ратманами, всѣ вмѣстѣ они составляли совѣтъ или *стевенъ*, и ему обязаны были повиноваться всѣ купцы. Прежде всего этотъ совѣтъ долженъ былъ держать порядокъ у себя дома; власть стевена была очень высока: онъ имѣлъ право даже предавать казни купцовъ, нарушившихъ его постановленія. Скра строго опредѣляла правила противъ столкновеній: въ ней даже предписано было, въ которомъ часу должны были гости возвращаться домой; однимъ словомъ, все было предусмотрѣно и опредѣлено.

Въ случаѣ, если происходило несогласіе между слугами и хозяевами или между равноправными купцами, всегда являлся ольдерманъ съ своими ратманами, и тотъ, кого онъ осуждалъ, долженъ былъ повиноваться его суду. Обыкновеннымъ наказаніемъ служилъ денежный штрафъ, иногда очень значительный. Если виновникъ оказывался несостоятельнымъ заплатить извѣстную сумму денегъ, то его сажали въ башню, которая находилась при дворѣ, и держали его тамъ до трехъ недѣль и болѣе на хлѣбѣ и водѣ. Если купцы недовольны были ольдерманомъ, то могли обращаться съ жалобою въ судъ въ Любекъ.

Изъ всего этого мы заключаемъ, какъ нѣмецкіе города заботились о правильномъ устройствѣ своего союза, и этимъ мы можемъ объяснить себѣ, почему нѣмецкіе купцы составляли такой тѣсный, правильно и систематически устраивавшій свои дѣла кружокъ. Это давало нѣмецкимъ купцамъ большой перевѣсъ передъ новгородскими, которые такого устройства не могли достигнуть, а потому ихъ роль относительно иностранныхъ купцовъ была пассивная. Ганзейскіе купцы имѣли въ виду распространить свою торговлю и

въ то же время не дать возможности новгородцамъ самимъ самостоятельно заниматься ею; имъ хотѣлось не свободной торговли, *а монополіи.* Нѣмецкіе купцы заранѣе уговаривались между собою о цѣнѣ и покупали товары у новгородцевъ по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ хотѣли такъ какъ новгородцы не представляли такой сомкнутой общины, то нѣкоторые изъ нихъ продавали товаръ дешевле и тѣмъ сбивали цѣну, давая такимъ образомъ возможность ганзейцамъ покупать товаръ по низкимъ цѣнамъ и забрать всю торговлю въ свои руки.

Правительство ганзейское, согласно духу времени и своимъ монополистическимъ цѣлямъ, вмѣшивалось до мелочей въ дѣла торговли своихъ купцовъ и строгими предписаніями стѣсняло ихъ свободную дѣятельность; такъ, напримѣръ, нѣмецкій купецъ, по законамъ ганзейскимъ, не имѣлъ права привозить съ собою товаровъ болѣе, чѣмъ на 100 марокъ (около 1000 руб. с.), и все, что оказывалось лишнимъ, должно было отдаваться въ пользу церкви Св. Петра или Олафа, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ платить штрафъ, половина котораго шла въ пользу церкви, а другая половина дѣлилась между общественной казной и ольдерманомъ съ его ратманами. По предписаніямъ тѣхъ же законовъ, нѣмецкіе купцы имѣли право производить торговлю только оптовую и не имѣли права ни брать, ни давать взаймы денегъ новгородцамъ, въ противномъ случаѣ они подвергались строгому наказанію. Если бы купцы ганзейскіе давали или брали взаймы деньги у новгородцевъ, то вслѣдствіе этого произошли бы несогласія и столкновенія, которыя, конечно, мѣшали бы хорошимъ отношеніямъ между двумя народами. Запрещался въ Новгородъ вывозъ красныхъ суконъ и всѣхъ другихъ за исключеніемъ зеленыхъ, также запрещалось привозить въ Новгородъ полотна высшихъ сортовъ и т. д. Въ настоящее время такія постановленія могли бы только стѣснять и убивать торговлю, но въ средніе вѣка эти законы, исходя часто изъ здравыхъ соображеній и торговыхъ потребностей, строго обязательныя для всѣхъ, давали именно Ганзѣ и ея дѣятельности тотъ разумный, правильный строй, который составлялъ тайну ея перевѣса, особенно надъ анархическою свободою Новгорода.

Такъ было обставлено и обусловлено положеніе иностранныхъ купцовъ въ Новгородѣ. Въ заключеніе можно сказать еще о пошлинѣ,

которая бралась съ товаровъ, привозимыхъ иностранными купцами. Такъ какъ этой торговлей дорожили тѣ и другіе, то пошлины брались весьма небольшія. Лѣтніе гости платили $^1/_4$ % со стоимости товаровъ, а зимніе, которые пріѣзжали большею частью не изъ далекихъ странъ, а приходили сухопутно, платили $^1/_8$ % пошлины. Пошлина уплачивалась при самой продажѣ товара и притомъ не продавцомъ, а покупателемъ; она называлась *мытомъ*. Кромѣ того, была такъ называемая *вѣсчая пошлина*, которая бралась за вѣсъ при взвѣшиваніи товаровъ на городскихъ вѣсахъ. Была еще пошлина *княжья*, которая шла въ пользу князя; впослѣдствіи эта пошлина перестала уплачиваться князю, а шла въ пользу двора.

Когда оканчивался срокъ пребыванія гостей въ Новгородѣ, ихъ замѣняли другіе съ новымъ ольдерманомъ, новымъ священникомъ и новыми ратманами. Никто не имѣлъ права долго оставаться въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ ѣхать съ тѣмъ караваномъ, съ которымъ пріѣхалъ. Если же у кого не былъ проданъ весь товаръ, то онъ просилъ разрѣшенія на нѣсколько дней отсрочки для полной распродажи его. Всѣ деньги должны были быть отправляемы изъ Новгорода въ общественную кассу, которая находилась въ Висби въ церкви Св. Маріи.

Мы видимъ, что ганзейскій союзъ возвышается посредствомъ монополіи, что является необходимостью въ средніе вѣка, когда свободная торговля была немыслима, и потому это общество имѣло очень крѣпкое устройство, все въ немъ было организовано и утверждено закономъ. Самое устройство ганзейскаго двора было взято образцомъ для устройства общинъ новгородскихъ. У нихъ также былъ свой дворъ въ Висби; но относительно этого двора не осталось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, и вообще, можно сказать, торговля новгородская носила не активный, а пассивный характеръ. Пріѣзжая въ Висби, новгородцы не встрѣчали тамъ свободной конкуренціи и свободной торговли, а покупали товаръ по заранѣе назначенной цѣнѣ. Это собственно и заставило новгородцевъ не ѣздить болѣе за море, а ожидать гостей у себя дома, что̀ было гораздо легче и спокойнѣе.

Въ XIII и XIV вѣкахъ, когда нѣмецкое населеніе въ Новгородѣ крѣпнетъ и число сухопутныхъ гостей значительно увеличивается, благодаря новому Ливонскому ордену, новый законъ опредѣляетъ

въ Новгородѣ 3 нѣмецкихъ двора; третій дворъ принадлежалъ рижанамъ, которые получали такія же права, но признавали старшинами прежнихъ ганзейскихъ купцовъ; они должны были брать священника изъ Любека или Висби и подчиняться одному ольдерману.

Не въ одномъ только Новгородѣ были нѣмецкіе купцы; они были въ Ладогѣ и Псковѣ и вскорѣ обратили вниманіе на тотъ путь, который велъ отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго. Этотъ путь шелъ по Двинѣ, потомъ волокомъ до Днѣпра и, наконецъ, по Днѣпру въ Черное море. При устьѣ Двины явился новый нѣмецкій городъ Рига, торговля котораго увеличивалась все болѣе и болѣе, потому что онъ сдѣлался полноправнымъ членомъ ганзейскаго союза. Ниже Риги по этому водному пути уже существовали русскіе торговые города: Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ. Сношенія этихъ городовъ съ иностранцами были также значительны, но они не были прочны: слабость князей полоцкихъ, борьба съ литовцами и, наконецъ, разореніе южной Руси — все это подавляетъ опасныхъ конкурентовъ Новгорода и ослабляетъ ихъ торговлю[1]). Притомъ Новгородъ опирался на свои громадныя владѣнія, которыя доходили вплоть до Урала и верховьевъ Волги, и, слѣдовательно, онъ могъ доставлять такіе товары, какъ, напримѣръ, восточные, какихъ не могли доставлять эти города. Былъ еще путь для иностранныхъ гостей для торговли съ Русью черезъ Бѣлое море, но при всѣхъ недостаткахъ этого пути и бѣдности жителей отдаленнаго сѣвера, этотъ путь въ данное время не имѣлъ никакого значенія, — такое онъ получилъ впослѣдствіи только, въ XVI столѣтіи. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что торговля главнымъ образомъ происходила черезъ Волховъ и Финскій заливъ, и что сношенія съ Западомъ въ этотъ періодъ должны были происходить и происходили черезъ Новгородъ.

Торговля новгородская, несмотря на свою кажущуюся прочность, носила однако какой-то непостоянный, нетвердый характеръ. Ганзейцы желали захватить эту торговлю въ свои руки и такимъ образомъ ввести монополію, что при буйномъ характерѣ новгородцевъ, которые постоянно сопротивлялись монополіи, неизбѣжно должно было вызвать безпрестанныя столкновенія.

---

[1]) Торговля этихъ городовъ была однако значительна и она продолжалась долѣе, чѣмъ новгородская, которая пала, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, вслѣдствіе особыхъ условій.

У насъ сохранилась грамота, написанная рижанами къ витебскому князю Михаилу Константиновичу въ 1300 году, очень интересная по своему содержанію, такъ какъ показываетъ, каковы были отношенія и недоразумѣнія между пришельцами и туземцами. Въ этой грамотѣ рижане жалуются на различныя обиды и притѣсненія и указываютъ на нѣсколько случаевъ такихъ обидъ:

1-й случай. Князь предложилъ рижанамъ проводника, чтобы проводить ихъ по Двинѣ, и потребовалъ себѣ въ вознагражденіе за это коня; они согласились, но на дорогѣ проводникъ ихъ бросилъ и сказалъ, что провожать ихъ дальше не намѣренъ. Они жаловались на него князю и требовали возвратить имъ коня.

2-й случай. Братъ князя торгуетъ у одного нѣмецкаго купца товаръ и сторговываетъ его за 30 изроевъ (особая, неизвѣстная намъ по цѣнности, монета Полоцкой земли), послѣ оказывается, что онъ 17 изроевъ уплачиваетъ, а 13 не отдаетъ.

3-й случай. Одинъ нѣмецкій купецъ идетъ въ литовскій лагерь, чтобы купить себѣ плѣнныхъ дѣвокъ, и проходитъ мимо монастыря. Изъ монастыря выскакиваютъ три вооруженныхъ монаха и бьютъ его. Рижанинъ этотъ требовалъ удовлетворенія, но не получилъ его и т. д. „Въ старину при твоемъ отцѣ этого не было", такъ заканчиваютъ свои жалобы рижане, „мы своей обиды не положимъ, а будемъ искать правды!" По всей вѣроятности, князь долженъ былъ уступить.

Результатомъ подобныхъ отношеній были враждебныя столкновенія, и мы постоянно встрѣчаемъ въ грамотахъ, что, съ одной стороны, новгородцы напали на нѣмцевъ: дворъ сожгли, товары разграбили и церковь предали огню; съ другой стороны, то же самое дѣлаютъ нѣмцы. Въ первый разъ такое извѣстіе въ лѣтописи встрѣчаемъ подъ 1134 г.: рубоша Новгородцы за моремъ въ Дони (т.-е. Даніи); въ другой разъ жаловались, что новгородцы обманываютъ ихъ при продажѣ воска и меда, примѣшивая туда какой-то дряни для большаго вѣса, и, въ свою очередь, также грабили въ Висби дворъ новгородцевъ и жгли ихъ дома. Въ 1382 году въ Новгородѣ дворъ нѣмецкій былъ разграбленъ, сожженъ, и купцы выгнаны. Ссора эта между новгородцами и ганзейцами продолжалась 9 лѣтъ; въ 1386 году она достигла такихъ значительныхъ размѣровъ, что правительство ганзейское хотѣло было перенести

свою контору изъ Новгорода въ одинъ изъ ливонскихъ городовъ, но измѣнить давно установившіеся пути не такъ легко. И потому мы видимъ, что въ 1390 году Ганза снова заключаетъ миръ съ Новгородомъ и строитъ себѣ дворъ; и этотъ миръ продолжается однакоже слишкомъ недолго, ибо уже въ 1391 году раздоръ вспыхнулъ еще съ большею силою. Съ 1277 по 1471 гг. между нѣмцами и новгородцами можно насчитать 18 серіозныхъ, кровавыхъ столкновеній, возникавшихъ не только изъ-за торговыхъ интересовъ, но и на почвѣ племени и религіозной розни[1]).

---

[1]) Враждебныя національныя отношенія, которыя установились между новгородцами и ихъ сосѣдями, являлись непреодолимымъ препятствіемъ для развитія торговли. Эти враждебныя отношенія прежде всего установились съ шведами, которые старались захватить чудскія племена; ямь и корелу, жившія на берегу Финскаго залива, гдѣ находились и владѣнія новгородцевъ; борьба эта принимаетъ также извѣстный религіозный оттѣнокъ.

Въ то грубое время, когда воюющія державы не полагали различія между воиномъ и мирнымъ купцомъ, военное время, конечно, тяжело отзывалось на торговлѣ: свеи, какъ тогда называли шведовъ, не пускали ни нѣмецкихъ гостей въ Новгородъ, ни новгородскихъ въ Ганзу. Естественно, что со стороны торгующихъ народовъ являлись и тогда попытки нейтрализовать купцовъ во время этой войны. Такъ, шведскій король Бюргеръ даетъ Ганзѣ обѣщаніе пропускать купцовъ въ Новгородъ, съ условіемъ однако, чтобы въ экипажѣ приходилось на одного русскаго не менѣе трехъ нѣмцевъ. Новгородцы, съ своей стороны, также иногда пытались условиться съ шведами относительно этого предмета: хотя бы и война была, но гостямъ воля отправляться по своимъ торговымъ дѣламъ — говорится иногда въ договорныхъ грамотахъ. Но такія условія или совсѣмъ не соблюдались, или соблюдались очень рѣдко: вражда заставляла позабывать данныя обѣщанія, и снова терпѣлъ торговый людъ отъ шведскихъ нападеній и въ особенности торговый людъ Новгорода, враждовавшаго со шведами. Результатомъ такихъ нападеній было то, что новгородцы мало-по-малу отвыкли отъ этого опаснаго хожденія за море, и ихъ торговля все болѣе и болѣе принимала характеръ торговли пассивной.

Другія столкновенія у новгородцевъ происходили съ ганзейцами, не прямо собственно съ ними, но преимущественно съ ливонцами, утвердившимися при Рижскомъ заливѣ.

Въ прежнее время страна, называемая теперь Остзейскою, была населена чудью, въ среду которой понемногу сталъ проникать и русскій элементъ; явились города и укрѣпленія по Двинѣ и другимъ рѣкамъ (Юрьевъ — Дерптъ, Колывань — Ревель). Въ XII и особенно въ XIII вѣкѣ на берега этого залива стали появляться стройныя дружины монаховъ-солдатъ; новгородцы не только вытѣсняются изъ страны, но имъ и самимъ грозитъ даже иноземное нашествіе

Такимъ образомъ мы видимъ, что торговыя сношенія Руси съ Западомъ въ то время безпрестанно прерывались, какъ бы велись только въ промежутки перемирія, и самая торговля, если можно такъ выразиться, какъ бы носила характеръ военной торговли или стоящей на вооруженной ногѣ: купецъ долженъ былъ быть всегда готовымъ на всякую опасность и, обладая смѣтливымъ умомъ коммерсанта, долженъ былъ обладать и ловкостью воина. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю шаткость этой непрочной, хотя и обширной торговли, обнимавшей собою все побережье Балтійскаго моря, ею дорожили съ обѣихъ сторонъ, ее старались продолжить какъ новгородцы, такъ и ганзейцы. Новгородцы понимали, что основаніемъ ихъ политическаго могущества была торговля; торговлю считали они опорой своей власти и потому, выбирая князя, ставили ему въ условіе: „(а) иноземцевъ (тебѣ, князь) не жать (и), нѣмецкихъ гостей не притѣснять“ и на нѣмецкомъ дворѣ не торговать, а вести торговлю съ иноземными гостями черезъ посредство новгородскихъ купцовъ.

Ганзейцы, съ своей стороны, сознавали, что значительнымъ источникомъ ихъ богатства былъ Новгородъ, доставлявшій имъ

въ ихъ собственныя земли. Псковъ, Полоцкъ, Витебскъ и самъ Новгородъ подчасъ не безъ труда должны были отбиваться отъ этихъ нападеній, и новгородцы должны были въ концѣ концовъ отказаться отъ своего завѣтнаго желанія приблизиться къ морю, отъ котораго, какъ мы видѣли, они, съ одной стороны, были отрѣзаны шведами, а съ другой — ливонцами.

Первое время отношенія между Ганзой и Ливоніей также были самыя враждебныя, но впослѣдствіи, когда Ливонія сама сдѣлалась членомъ этого торговаго союза, отношенія между ними приняли совершенно противоположный характеръ. Конечно, сближеніе Ганзы съ Ливоніей не могло не отозваться на отношеніяхъ новгородцевъ къ ганзейскимъ купцамъ, и, дѣйствительно, новгородцы, по сказаніямъ современниковъ, нерѣдко вымещаютъ насилія со стороны ливонцевъ на купцахъ ганзейскихъ. Съ другой стороны, и ливонцы не преминули воспользоваться своимъ союзомъ съ Ганзою. Теперь, ведя войны съ новгородцами, они не ограничивались, какъ прежде, тѣмъ, что вели эти войны собственными силами, — нѣтъ, они старались сдѣлать частное ливонское дѣло общенѣмецкимъ. Они довольно часто обращались къ своимъ союзникамъ съ просьбою, чтобы „все христіанство“ прекратило свои сношенія съ Новгородомъ, и эти просьбы по большей части бывали небезуспѣшны: Ганза запрещала нѣмецкимъ купцамъ ѣздить въ Новгородъ и оставаться тамъ и не пускала къ себѣ новгородскихъ купцовъ.

продукты сѣверо-востока. При этомъ сознаніи и при желаніи захватить и сохранить въ своихъ рукахъ монополію этой торговли, ганзейцы старательно избѣгали того, чтобы эта монополія перешла въ руки другихъ иностранныхъ купцовъ. Если въ Новгородъ разъ и являлся фландрскій, ломбардскій [1]) или другой какой неганзейскій купецъ, то во второй разъ, благодаря козням ганзейцевъ, онъ въ Новгородъ не ѣздилъ.

Говоря объ этой торговлѣ, мы должны также познакомиться и съ ея предметами — съ товарами, которые шли изъ Ганзы въ Новгородъ и изъ Новгорода въ Ганзу.

Гости ганзейскіе доставляли Новгороду по преимуществу обработанные продукты — мануфактурныя издѣлія. Въ первое время собственно ганзейская промышленность не представлялась особенно развитою, и ганзейцы развозили чужія мануфактуры. Главными предметами такого рода были: 1) *полотна*, изъ которыхъ особенно славилось *валансьенское* или, вообще, фландрское, и 2) *сукна*, выдѣлка которыхъ сосредоточивалась также во Фландріи, чѣмъ именно и объясняется важное значеніе фландрской торговли въ средніе вѣка. Впослѣдствіи же, когда у нѣмцевъ явились собственныя фабрики и развилась своя собственная промышленность, нѣмецкіе купцы старались ввозить въ Новгородъ предметы своего производства: опять-таки главнымъ образомъ сукна и полотна было, въ ходу и англійское сукно, позже польское. Намъ уже извѣстно, какимъ стѣсненіямъ — принудительности подвергла Ганза торговлю этими предметами, но новгородцы, съ своей стороны, также неохотно покупали эти собственно нѣмецкія произведенія, и потому нѣмецкимъ купцамъ часто приходилось отступать отъ своего заранѣе обдуманнаго плана. Кромѣ сукна и полотна, ганзейцы привозили въ Новгородъ и другія произведенія. Это были, во-первыхъ, *металлы*, доставляемые какъ въ кускахъ, такъ и въ издѣліяхъ (колокола, жестянные листы для кровли и пр.), по преимуществу *свинецъ, англійское олово, чугунъ, желѣзо, мѣдь*; во-вторыхъ, чешское (бемское) *стекло;* въ-третьихъ, разная *посуда*, главнымъ образомъ мѣдная (церковные сосуды). Все это находило хорошій сбытъ въ Новгородѣ, потому что здѣсь мѣстное производство было не развито.

---

[1]) У насъ есть такія извѣстія въ источникахъ.

Затѣмъ въ Новгородъ могли привозиться продукты чисто балтійскіе. Такъ, мы знаемъ, изъ Штральзунда, Любека, Данцига сюда привозилась *соль* и *сельдь*, которой изобиловало Балтійское море, почему сельдяной промыселъ былъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ ганзейскомъ союзѣ. Любекъ, преимущественно занимавшійся этой ловлей, сдѣлался главою ганзейскаго союза, именно благодаря этой рыбной торговлѣ. Наконецъ, въ Новгородъ могли привозиться *издѣлія восточныя*, которыя попадали въ руки ганзейскихъ купцовъ черезъ посредство венеціанцевъ, но количество восточныхъ товаровъ, привозимыхъ ганзейцами въ Новгородъ, едва ли могло быть значительно. Этимъ собственно въ главныхъ чертахъ и ограничиваются товары, которые доставлялись нѣмецкими купцами въ Новгородъ, хотя можно указать и на нѣкоторые другіе. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ указанія на то, что нѣмцы привозили сюда *лошадей*, даже *оружіе*, несмотря на то, что ввозить его въ Новгородъ было запрещено шведами; далѣе можно предположить, что сюда привозились разныя *издѣлія изъ кожи:* мы знаемъ, что въ Новгородѣ были извѣстны *нѣмецкія* „перчатки" и сафьянъ; провозился пергаментъ, крашенная пряжа, сѣра и пр., въ годы неурожая и хлѣбъ. Однимъ словомъ, общій характеръ этой торговли со стороны ганзейцевъ былъ сбытъ продуктовъ или своей собственной фабричной дѣятельности, или ближайшихъ къ нимъ сосѣднихъ странъ.

Что же взамѣнъ всего этого могли давать новгородцы ганзейскимъ купцамъ? Говоря вообще, это были сырые, необработанные продукты; но для того, чтобы отвѣтить болѣе подробно на этотъ вопросъ, намъ нужно познакомиться съ внутренними путями новгородской торговли.

На первомъ планѣ мы должны поставить Двинскій или Заволоцкій путь, ведущій въ обширный сѣверо-востокъ Европы. Весь этотъ сѣверо-востокъ, и теперь еще малолюдный, не имѣющій удобныхъ путей сообщенія, неразвитой, дикій и мало доступный для жизни, въ началѣ средневѣковой исторіи представляется намъ еще пустыннѣе и мрачнѣе. Въ то время его огромныя болотистыя пространства были заселены народами чудскаго племени. Эти бѣдные и дикіе народы, управляемые своими князьями, жили въ своихъ мѣстныхъ „твердяхъ" и мало вступали въ сношенія съ другими народами.

Благодаря тому, что проникнуть въ этотъ сѣверо-востокъ Европы по его негостепріимной суровости и совершенной дикости было

очень трудно, мы имѣемъ весьма скудныя и темныя свѣдѣнія о народахъ, его населявшихъ. Такъ, напримѣръ, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ писателемъ XII вѣка Адамомъ Бременскимъ, которому, по его положенію, страна эта могла быть извѣстна болѣе, чѣмъ другимъ западнымъ писателямъ, ясно указываютъ намъ на то, какъ мало была извѣстна эта страна въ то время: эти свѣдѣнія мало чѣмъ отличаются отъ передаваемыхъ Геродотомъ. Перечисляя имена народовъ, тамъ живущихъ, Адамъ Бременскій говоритъ о какомъ-то народѣ, который исключительно питался человѣческимъ мясомъ, вѣроятно, подразумѣвая подъ нимъ самоѣдовъ; далѣе передаетъ извѣстія о какомъ-то другомъ народѣ, который совершенно не говорилъ по-человѣчески, а лаялъ по-собачьи, при чемъ наивно разсказываетъ, что русскіе очень часто имѣли у себя плѣнниковъ изъ этого народа; наконецъ, сообщаетъ свѣдѣнія еще о какомъ-то народѣ, который отличался блѣдно-зеленоватымъ цвѣтомъ лица и своею долговѣчностью.

Русскимъ предстояла честь открыть эту страну, воспользоваться ея естественными богатствами, населить, колонизовать ее, и новгородцы, дѣйствительно, въ извѣстной степени исполнили это дѣло. Мѣстное богатство сѣвера, заключавшееся преимущественно въ мѣхахъ и металлахъ, легкая возможность одолѣть жившія тамъ племена и обложить ихъ данью — вотъ условія, которыя побудили новгородцевъ къ этому сѣверо-восточному движенію.

Первое чудское племя, съ которымъ новгородцы столкнулись въ этомъ движеніи, было *корела*, жившее по Онежскому озеру; оно вполнѣ подчинилось вліянію пришельцевъ, и скоро все Обонежье совершенно обрусѣло: корела съ своими племенными оттѣнками уцѣлѣло только въ немногихъ укромныхъ мѣстахъ. Далѣе за Обонежьемъ начинается великая рѣка Двина, которая по своему центральному положенію въ этой мѣстности дѣлается главнымъ пунктомъ поселенія новгородцевъ. Земли по Двинѣ и далѣе назывались Двинскою землей или Заволочью. Сначала подъ Заволочью разумѣли нѣчто очень обширное и мало опредѣленное, впослѣдствіи же этимъ именемъ стали называться земли, лежащія по Двинѣ и Онегѣ. Здѣсь-то преимущественно и поселились новгородскіе промышленники, они захватили себѣ массы земель и сдѣлались богатыми землевладѣльцами, а позднѣе боярами. Такъ какъ сношенія этихъ землевладѣльцевъ

съ Новгородомъ по своей трудности были весьма рѣдки, то и немудрено, что въ странѣ этой мы встрѣчаемся съ какимъ-то особеннымъ духомъ сепаратизма, который нерѣдко заставлялъ этихъ землевладѣльцевъ имѣть мнѣнія, совершенно противоположныя съ новгородскими, и сноситься съ сосѣдними князьями, суздальскими и московскими. Но здѣсь не останавливался новгородскій молодецъ. Онъ окружалъ себя дружиною-ватагой и самъ становился ея ватагоманомъ (ватманомъ) — слово по происхожденію нѣмецкое. Все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ двигался онъ съ этой дружиной купцовъ-солдатъ и заходилъ все въ болѣе и болѣе невѣдомыя страны. Въ странѣ печорской онъ встрѣчался съ другимъ чудскимъ племенемъ, печорою, а спускаясь южнѣе по Камѣ, входилъ въ пермскую землю. Нужно замѣтить, что это были по большей части предпріятія не государственныя, а предпріятія единичныхъ людей — и очень часто людей, почему-нибудь не поладившихъ съ новгородскимъ вѣчемъ. Такіе вольные люди, удаляясь на востокъ, основывали здѣсь совершенно независимыя отъ Новгорода колонію: такъ на притокахъ Камы, въ странѣ вотяковъ, въ 1174 году основались города: Хлыновъ, Вятка и другіе, болѣе или менѣе соединенные подъ именемъ Вятской земли и составившіе свое народное правленіе, независимое отъ Новгорода. Новгородскіе удальцы очень рано заходили въ эти мѣстности, и, по всей вѣроятности, это движеніе началось задолго до основанія руской земли: уже въ концѣ XI вѣка мы встрѣчаемся съ указаніями, что сюда приходили новгородскіе купцы[1]).

---

[1]) Несторъ, говоря о разныхъ народахъ, нападающихъ на русь, и предполагая, что народы эти заклепаны Александромъ Македонскимъ въ горы, передаетъ, между прочимъ, разсказъ новгородскаго купца Гуряты Роговича, который послалъ „отрока“ своего собирать дань съ печоры: отъ печоръ отрокъ этотъ отправился къ уграмъ, которые сообщили ему, что если зайти за луку морскую, то видны будутъ горы вышиною „акы“ до небеси! Тамъ живетъ какой-то невѣдомый народъ. Въ горахъ тѣхъ пробито „оконце малое“, въ которое эти невѣдомые люди „помаваютъ рукою“, показывая знаками, чтобы имъ дали желѣза, и если кто дастъ имъ желѣза или ножъ, или сѣкиру, то они „даютъ скорою противу“. Этотъ разсказъ въ легендарной формѣ рисуетъ нѣмую торговлю, которая дѣйствительно существовала въ этой мѣстности: арабскіе путешественники разсказываютъ, что болгары ходили въ какую-то страну Вису, въ которой торговали нѣмымъ образомъ — подобно тому какъ финикіяне торговали съ народами Африки. Кромѣ того, существованіе у насъ нѣмой торговли под-

Занимая эти сѣверо-уральскія мѣстности, новгородцы, конечно, мы знаемъ это, встрѣчали сильное сопротивленіе, и потому чѣмъ далѣе эти мѣстности удалялись на востокъ, тѣмъ менѣе онѣ были заселены новгородцами. Отношенія между новгородцами и туземными племенами были такія же, какія позднѣе установились между Московскимъ государствомъ и сибирскими инородцами. Новгородцы предоставляли этимъ племенамъ полную свободу жизни[1]) и ограничивались только тѣмъ, что сбирали съ нихъ дань, но дань иногда бывала слишкомъ тяжела, такъ что ее приходилось собирать силою, которая иногда вызывала сопротивленія. Мы имѣемъ, напримѣръ, одно извѣстіе, относящееся къ XII столѣтію, которое можетъ дать намъ понятіе объ этихъ столкновеніяхъ. Новгородскіе денщики являются къ югрѣ собирать дань, но югра отказывается и избиваетъ денщиковъ. Тогда является болѣе сильный отрядъ новгородцевъ и осаждаетъ городъ, въ которомъ заперся югорскій князь съ своимъ войскомъ. Князь этотъ, видя, что силою не совладать съ новгородцами, прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ обѣщается уплатить дань, прося только для ея уплаты извѣстный срокъ, и приглашаетъ воеводу новгородскаго съ двѣнадцатью лучшими мужьями къ себѣ на пиръ. Приглашеніе, конечно, оказывается обманомъ: явившіеся новгородцы были перебиты. Потомъ югорскому князю удалось заманить еще 20 человѣкъ новгородцевъ, участь которыхъ была такая же, какъ и первыхъ; затѣмъ онъ зазвалъ къ себѣ еще

тверждается указаніями на нее писателя и путешественника XVI вѣка Герберштейна. „Русскіе, — говоритъ онъ, — переходили черезъ каменный поясъ до р. Оби и тамъ занимались грабежомъ; въ XIV вѣкѣ они разорили всю страну (конечно, это — преувеличеніе, которое однако не мѣшаетъ думать, что русскіе были въ Сибири до XV столѣтія). За каменнымъ поясомъ“, продолжаетъ Герберштейнъ, „живетъ странный народъ грустинцы, у которыхъ съ юграми существуютъ такого рода торговыя сношенія. Югра обыкновенно засыпаетъ на зиму и на время сна выкладываетъ неподалеку отъ себя товары. Грустинцы приходятъ и берутъ выложенные товары, взамѣнъ которыхъ оставляютъ свои собственные. Югра, просыпаясь, беретъ оставленные грустинцами товары, но, находя ихъ мало, очень часто бываетъ недовольна, вслѣдствіе чего нерѣдко между ними и грустинцами происходятъ войны!“ Разсказъ, очевидно, баснословный, но подобный разсказъ указываетъ намъ на то, что нѣмая торговля должна была существовать въ этихъ мѣстностяхъ.

[1]) До XVI вѣка мы встрѣчаемся съ князьями пермскими и югорскими, изъ которыхъ нѣкоторые однако уже приняли христіанство.

50 человѣкъ изъ оставшихся лучшихъ людей новгородскихъ и тѣхъ перебилъ. Теперь болѣе увѣренные въ успѣхѣ, югорцы прямо напали на новгородцевъ, у которыхъ, между тѣмъ, голодъ и смута, раздоры и измѣны. Вполнѣ разстроенная новгородская ватага не могла устоять передъ дружнымъ натискомъ югорцевъ и потерпѣла полное пораженіе, такъ что едва 80 человѣкъ успѣли спастись бѣгствомъ и, явившись въ Новгородъ, объявить тамъ о случившемся. Мы не знаемъ, чѣмъ все это кончилась, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что новгородцы отправили туда новое, болѣе сильное и осторожное войско, и югорскій князь волей-неволей долженъ былъ признать себя данникомъ Новгорода.

Собирая въ этихъ мѣстностяхъ дань, новгородцы занимались здѣсь и торговлей, которая, говоря вообще, была торговлею болѣе цивилизованнаго народа съ менѣе цивилизованнымъ. Извѣстный уже намъ разсказъ Гуряты Роговича, можно сказать, вполнѣ характеризуетъ эту торговлю: просятъ ножъ, мечъ и сѣкиру, а взамѣнъ даютъ скору мѣха. Дѣйствительно, главное богатство этихъ странъ состояло въ необыкновенномъ обиліи пушныхъ звѣрей. Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ болѣе распространяется цивилизація въ этихъ странахъ, чѣмъ болѣе онѣ заселяются, тѣмъ далѣе и далѣе на сѣверъ и востокъ отходятъ эти богатства: изъ Кіева къ Новгороду, изъ Новгорода въ землю суздальскую, изъ которой все болѣе и болѣе приближаются къ Уральскому хребту, наконецъ, перебрасываются въ Азію и въ наше время переходятъ къ Великому океану, но въ то время, о которомъ говоримъ, эти мѣстности были непочатымъ угломъ. Богатство этихъ мѣстностей пушными звѣрями было такъ велико, что рисовалось въ воображеніи народа чисто въ миѳическихъ формахъ. Въ эти страны, разсказываетъ одно старинное русское преданіе, находятъ тучи великія, изъ которыхъ ниспадаютъ бѣлки и олени, и эти бѣлки и олени разбѣгаются оттуда по всей землѣ. Можетъ-быть, подъ этими тучами можно подразумѣвать уходящій вершинами въ облака Каменный поясъ, черезъ который къ намъ перебѣгали изъ Азіи эти звѣри, но для насъ важно не столько объясненіе, сколько существованіе подобнаго разсказа. Кромѣ бѣлокъ и оленей, здѣсь въ огромномъ количествѣ водились соболя, куницы и многіе другіе пушные звѣри, огромный запасъ которыхъ былъ причиною того, что мѣха въ нов-

городской землѣ были общимъ мѣриломъ для другихъ цѣнностей. Въ новгородской землѣ счетъ велся на 40 соболей, огромное количество куньихъ мѣховъ замѣняютъ для новгородцевъ деньги, и потому общее тогда названіе денегъ было *куны*, т.-е. куньи мѣха; мордочки этихъ животныхъ тоже употреблялись, какъ монета, и назывались мордками. Мѣха, собираемые новгородцами въ странѣ пріуральской, имѣли для нихъ большую важность, потому что мѣха-то и были главною статьею отпуска за границу.

Съ своей стороны, новгородецъ могъ привозить сюда издѣлія, необходимыя для этихъ полудикихъ народовъ, которые своимъ трудомъ не могли удовлетворять своимъ самымъ обыкновеннымъ потребностямъ. Сюда привозились прежде всего издѣлія, касающіяся одежды: полотно, сукно, готовую одежду, издѣлія изъ кожи, напримѣръ, сапоги, а производствомъ сапогъ новгородцы славились, благодаря обилію кожи въ ихъ странѣ, и, наконецъ, при незнакомствѣ съ желѣзомъ, при неумѣніи обдѣлывать этотъ металлъ въ издѣлія, желѣзо и издѣлія изъ него цѣнились здѣсь всего дороже — вотъ почему миѳическій народъ все давалъ за желѣзо, въ которомъ онъ нуждался, какъ говоритъ разсказъ, для того, чтобы просѣчь горы Уралъ, но не горы хотѣлъ просѣчь этотъ народъ: желѣзо ему нужно было для войны и охоты.

Заходя въ страну пермскую, новгородцы кромѣ мѣховъ встрѣчали новые продукты. Мы, напримѣръ, знаемъ, что у новгородцевъ было закамское серебро, которое собирали также и съ югры въ взносъ дани. Откуда же приходило это золото и серебро? Этотъ вопросъ до сихъ поръ еще остается неразъясненнымъ. Припомнимъ, что скандинавскія саги сообщаютъ намъ о какой-то миѳической странѣ Біарміи, которая, по мнѣнію норвежца Отера, путешественника временъ Альфреда (IX в.), есть пермская земля; жители этой страны, говорятъ скандинавскія саги, отличаются необыкновеннымъ богатствомъ: здѣсь самые разнообразные товары и всего болѣе золота, и серебра. Нѣкоторые историки, принимая во вниманіе позднѣйшую бѣдность *Перміи*, приходили къ убѣжденію, что разсказъ о богатствѣ этой страны легендарный и что тамъ не было ни золота ни серебра, а если и было, то добывать ихъ не умѣли, но въ то же время нельзя отвергать того, что югра платила дань новгородцамъ золотомъ и серебромъ, и даже того, что серебро, называвшееся у

новгородцевъ закамскимъ, шло изъ Перми, хотя этимъ же именемъ могло называться серебро, привозимое арабами и привозимое, надо думать, въ значительномъ количествѣ, потому что арабскіе диргемы и до сихъ поръ встрѣчаются во множествѣ при раскапываніи кургановъ. Кромѣ того, въ пермской области въ большомъ количествѣ находятъ древніе сосуды и украшенія, хотя довольно грубой работы, но все-таки сдѣланные изъ металла; кромѣ обыденной утвари, встрѣчаются даже металлическія изображенія идоловъ, и, наконецъ, между мѣстными преданіями сохранилось одно, которое говоритъ, что тамъ жилъ народъ чудаки, т.-е. чудь, который умѣлъ добывать руду; слѣдовательно, руда тамъ дѣйствительно была.

Изъ всего сказаннаго можно прійти къ такому заключенію: пермская земля, если сама по себѣ и не была торговою страной, то во всякомъ случаѣ была пунктомъ, куда сходились народы для торговыхъ сношеній. Дѣйствительно, Пермь для торговли находится въ очень выгодномъ положеніи: здѣсь течетъ рѣка Кама, слѣдовательно сюда могли приходить товары съ Волги, т.-е. арабскіе, а за Ураломъ въ этой области начинаются въ недальнемъ разстояніи притоки такихъ рѣкъ, какъ Обь и Тоболь. Мы видимъ, что страна эта вводитъ насъ въ глубь Азіи, откуда въ пермскую землю могло привозиться золото и серебро. Что въ Азіи издавна добывалось золото и серебро, въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію. Получая же эти металлы изъ Азіи, пермяки, естественно, дѣлали попытки добывать ихъ у себя въ Уралѣ. Почему Пермь не выдвинулась впередъ этой торговлей, почему въ странѣ этой мы не встрѣчаемъ позднѣе народовъ, превосходящихъ югру своею цивилизаціею? Положительнаго отвѣта на это дать нельзя, а можно только объяснить народными переворотами въ Азіи: народъ, жившій при истокахъ Енисея и оставившій послѣ себя городище, рудники и изображенія идоловъ, могъ погибнуть отъ нашествія дикихъ средне-азіатскихъ ордъ.

Получаемые въ этихъ мѣстностяхъ дорогоцѣнные металлы новгородцы употребляли въ торговлѣ съ нѣмцами, потому что торговля съ ними производилась на наличныя. Нѣмцы, жадные на эти металлы, очень ловко умѣли выманивать ихъ у новгородцевъ; сами же, вслѣдствіе запрещенія Ганзы, не ввозили ихъ въ Новгородъ (впрочемъ, это запрещеніе не всегда соблюдалось, и иногда золото и

серебро привозилось нѣмцами въ Новгородъ). Новгородцы, къ сожалѣнію, сбывая эти металлы за границу, не умѣли воспользоваться ими для введенія у себя правильной монетной системы. Ихъ система есть продолженіе древне-русской: куны-рубли, куски серебра и гривны замѣняютъ у нихъ монету. Монета, въ строгомъ смыслѣ этого слова, явилась у насъ на Руси только послѣ татарскаго нашествія, но сначала эта монета не была русская, она была или нѣмецкая — *любская*, или чеканенная по образцу татарской.

Очень возможно, что въ той же пермской странѣ, и пріуральской вообще, новгородцы пріобрѣтали разные восточные товары — арабскіе. Такъ мы знаемъ, что югра платила дань новгородцамъ разными „узорочьями", подъ которыми можно разумѣть или одежды изъ оленьихъ шкуръ, которыя приготовляла сама югра, или же какія-нибудь восточныя ткани, которыя могли привозиться сюда изъ Болгаріи, съ которой, какъ извѣстно, торговали арабы. Едва ли, впрочемъ, можно предположить, чтобы торговля восточными товарами была здѣсь правильная.

Странами пріуральскими не ограничивались новгородцы. Сѣверовостокъ былъ богатъ и въ другомъ отношеніи. Рѣка Двина ведетъ къ Бѣлому морю, а Бѣлое море издавна было богато разными рыбными промыслами. Рыбная торговля имѣла для новгородцевъ очень важное значеніе: уже издавна оцѣненъ былъ ими этотъ промыселъ, уже издавна сдавали они для рыболовства разныя рѣки и озера, уже издавна рыболовство производилось ими въ громадныхъ размѣрахъ и было однимъ изъ главныхъ предметовъ ихъ промышленности. Намъ извѣстно, что новгородцы цѣлыми караванами, которые, какъ и сухопутные, назывались *ватагами*, ходили въ море къ берегамъ Мурманскому, около Архангельска, и Терскому, который по одной грамотѣ, былъ уступленъ ими своему князю съ исключительнымъ правомъ охоты. Здѣсь бился преимущественно всякій морской звѣрь; здѣсь добывались *рыба, сало, китовый усъ*; но въ особенности дорожили моржовымъ промысломъ, потому что онъ доставлялъ *моржовые клыки*, которые были у насъ извѣстны подъ именемъ *рыбьяго зуба*. Этотъ рыбій зубъ новгородцы могли продавать или своимъ купцамъ, или ганзейскимъ, хотя послѣдніе могли добывать его и инымъ путемъ — черезъ Норвегію. Вообще, надо полагать, новгородцы были хорошо знакомы съ мо-

ремъ: новгородскіе ушкуйники были здѣсь какъ у себя дома, но правильныхъ поселеній здѣсь мы все-таки не встрѣчаемъ. До насъ дошли свѣдѣнія, что многіе новгородскіе промышленники ходили на Соловецкій островъ, который, слѣдовательно, былъ первымъ пунктомъ, около котораго собирались промышленники за рыбой. Есть еще одно естественное богатство этихъ сѣверо-восточныхъ мѣстностей, а именно *соль*, добычей которой новгородцы также занимались. Здѣсь при многихъ мѣстныхъ озерахъ въ Старой Русѣ, Устюжнѣ и т. д. были соляныя варницы, но главнымъ мѣстомъ, гдѣ добывалась соль, было Поморье.

Второй изъ внутреннихъ путей новгородскихъ по важности своей былъ *путь низовой*, который велъ изъ Новгорода къ верховьямъ Волги. По этому пути новгородцы ходили такъ же давно, какъ и по другимъ путямъ.

При первомъ взглядѣ на карту намъ станетъ ясно, какъ должны были ходить изъ Новгорода на низъ, а именно: новгородцы ходили на то мѣсто, гдѣ Волга становится шире, и куда можно пройти прямымъ путемъ, слѣдовательно, они ходили къ рѣкѣ Тверцѣ или вообще къ этимъ частямъ Волги. Дѣйствительно, здѣсь была торная новгородская дорога въ центральную Русь. Естественно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Волги нужно было переходить въ ея притоки, или гдѣ путь сухопутный превращался въ рѣчной, должно было появиться складочное мѣсто для товаровъ. Такимъ складочнымъ мѣстомъ дѣйствительно и сдѣлался Новый-Торгъ, теперешній Торжокъ. Это былъ торговый пунктъ, онъ принадлежалъ новгородской области; здѣсь могли сходиться купцы суздальскіе и новгородскіе и мѣняться другъ съ другомъ своими произведеніями. Насколько важно было значеніе этого города въ новгородской торговлѣ, мы видимъ изъ того, что, когда въ 1215 году Ярославъ, разсорившись съ новгородцами, взялъ Торжокъ, онъ перехватилъ тамъ и новгородскихъ гостей, число которыхъ простиралось до 2000,—число весьма значительное и не для одного только того времени. Мы знаемъ, что новгородскіе купцы жили массами въ Новомъ-Торгѣ, имѣли тамъ свою церковь Св. Михаила, они тамъ строили также и торговые дворы. Если Новый-Торгъ получаетъ такое важное значеніе для Новгорода, то мы можемъ задать вопросъ, какіе товары шли черезъ этотъ городъ? Товары большею частію состояли въ мѣстныхъ произве-

деніяхъ земли суздальской, а именно, сюда привозились ленъ, конопля и, по всей вѣроятности, мѣстныя издѣлія, суздальскіе мѣха, которые, конечно, не могли конкурировать съ мѣхами, привозимыми изъ пріуральскихъ странъ, потому что были низшаго сорта, но имѣли свое значеніе. Этимъ же путемъ новгородцы имѣли возможность получать произведенія странъ приволжскихъ и восточныхъ. Но главное значеніе этого пути заключалось въ томъ, что имъ въ Новгородъ привозили хлѣбъ.

Новгородъ лежитъ на болотистой почвѣ, а потому земледѣліе въ этой мѣстности не развито, и вотъ почему урожай составляетъ здѣсь довольно рѣдкое явленіе: мы очень часто встрѣчаемся въ новгородскихъ лѣтописяхъ съ указаніемъ на голодъ. Цѣна хлѣба, немедленно послѣ неурожая, увеличивается въ два и въ три раза, и это колебаніе цѣнъ на хлѣбъ составляетъ самое обыкновенное явленіе новгородской жизни и указываетъ на больную ея сторону. Для того, чтобы какъ-нибудь прокормить свое населеніе, новгородцы должны были прибѣгать къ помощи другихъ народовъ и привозить хлѣбъ изъ чужихъ странъ. Но если и въ наше время неурожай такъ тяжело сказывается на мѣстахъ, пораженныхъ имъ, то въ то время, при болѣе худыхъ путяхъ сообщенія, онъ сказывается еще тяжелѣе. Мы знаемъ, что нѣмецкіе купцы привозили въ Новгородъ свой хлѣбъ изъ Ливоніи, но эта страна сама не отличалась плодородіемъ, къ тому же эта доставка была очень трудна по причинѣ морскихъ пиратовъ, которые разъѣзжали по Балтійскому морю и захватывали въ свои руки все, что имъ ни попадалось. Вслѣдствіе этихъ причинъ главною житницею Новгорода сдѣлалась низовская земля: отсюда въ Новгородъ тянулись громадные обозы съ хлѣбомъ. Это обстоятельство ставило Новгородъ въ извѣстную зависимость отъ земли суздальской,— и мы видимъ, что чисто экономическое явленіе имѣетъ сильное вліяніе на политическіе результаты. Когда князья суздальскіе ссорились съ новгородцами, то ихъ обыкновеннымъ способомъ мести было то, что они нападали на Новый-Торгъ, брали его, захватывали новгородскихъ гостей въ свои руки, при чемъ они перехватывали у послѣднихъ возы съ хлѣбомъ. Это и имѣло обыкновенно рѣшительное значеніе: новгородцы или шли походомъ противъ суздальской земли, или старались заключить миръ. Перехватъ возовъ съ хлѣбомъ отзы-

вался въ Новгородѣ страшнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, которое доходило иногда до такихъ размѣровъ, что намъ это кажется почти невѣроятнымъ. Напримѣръ, мы узнаемъ изъ повѣствованія одного новгородскаго лѣтописца, что въ 1215 году князь Ярославъ, взявъ Новый-Торгъ, не пустилъ въ Новгородъ обозовъ съ хлѣбомъ. Лѣтописецъ начинаетъ описаніе тогдашняго положенія Новгорода слѣдующими словами: „Велика скорбь бяше въ людехъ и нужа“, далѣе онъ говоритъ, что люди мерли съ голода, питались корою, листьями, вообще всѣмъ, что попадалось подъ руку[1]). Такой неестественный голодъ сопровождался обыкновенно страшнымъ моромъ: „О! горе тогда, братіе, бяше дѣти свои даяхуть одерень (т.-е. въ кабалу, въ холопство) и поставиша скудельницу и наметаша полну. О! горе бяше! по торгу трупе, по полю трупе, не можаху пси изъѣдали человѣкъ“ — говоритъ лѣтописецъ. (Скудельницею въ Новгородѣ или Божевимъ домомъ въ Москвѣ называлось клабдище, куда хоронили умирающихъ случайною смертію на улицѣ или за городомъ). Изъ этого разсказа мы видимъ, какими ужасными послѣдствіями для Новгорода грозилъ захватъ возовъ хлѣба суздальскою землей. Этотъ разсказъ о событіи 1215 г. всего яснѣе показываетъ намъ, какія дѣйствительно тѣсныя связи соединяли Новгородъ съ этой низовой землей.

Хотя Новгородъ и смотритъ на суздальскую землю, какъ на источникъ пропитанія, но онъ мало умѣетъ пользоваться обстоятельствами. новгородцы не замѣчали того, что если бы верховье Волги могло находиться въ ихъ рукахъ, то торговля ихъ должна бы была принять вслѣдствіе этого болѣе обширные размѣры. Новгородцы какъ бы игнорировали этой торговлей и ставили ей всевозможныя препятствія. Главнымъ препятствіемъ для торговли по Волгѣ были новгородскіе молодцы, ушкуйники, ходившіе на добычу. Они часто являются не пособниками новгородцевъ, а ихъ злѣйшими врагами, что̀ въ особенности можно было отнести къ поволжскимъ землямъ. Этотъ великій водный путь представлялъ много простора и много привлекательнаго, и Волга съ неудержимою силою тянула къ себѣ добычниковъ изъ Новгорода. Такіе добычники обыкновенно отправлялись на Волгу съ согласія вѣча; но бывало такъ же очень часто, что они

[1]) Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1215 годомъ.

собирались въ многочисленныя разбойничьи дружины и производили грабежи безъ разрѣшенія вѣча и навлекали, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, на Новгородъ жестокую кару.

По поводу походовъ новгородскихъ ушкуйниковъ интересенъ разсказъ лѣтописи[1]) подъ 1375 годомъ. Какой-то новгородскій удалецъ Прокопій, а съ нимъ одинъ бѣглый смольянинъ собрали дружину повольниковъ около 2000 человѣкъ. Эта разбойничья шайка изъ двинской земли проникла на Волгу, и первый встрѣтившійся ей городъ была Кострома. Великокняжескій воевода, узнавъ о приближеніи новгородскихъ повольниковъ, бѣжалъ, и городъ, лишенный всякой защиты, попалъ въ руки разбойниковъ. Городъ былъ страшно разоренъ, торговые дворы разграблены, купцы перебиты, но многіе, въ особенности женщины, дѣвицы и дѣти, были взяты въ плѣнъ. Изъ Костромы они двинулись на Нижній Новгородъ, здѣсь они напали на суда бесерменскія, купцы были всѣ перебиты, при чемъ расходившіеся разбойники не щадили также и христіанскихъ купцовъ. Изъ Нижняго Новгорода эти ушкуйники доходили до города Булгара, здѣсь эти *русскіе люди* промѣнивали болгарамъ *русскій плѣнъ* и вообще все награбленное ими въ ихъ отечествѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что чувство наживы заставляетъ умереть въ человѣкѣ всякое національное и даже религіозное чувство. Продавъ въ Булгарѣ своихъ плѣнниковъ, они идутъ далѣе по Волгѣ, бьютъ на пути басурманъ и грабятъ купцовъ, и долго они продолжали бы свои грабежи, если бъ на ихъ долю не выпалъ обыкновенный конецъ всякихъ подобныхъ набѣговъ. Когда они приблизились въ лодкахъ къ Астрахани, то одинъ татарскій владыка, Солчей, лестью выманилъ ихъ на берегъ, напоилъ ихъ и потомъ коварно перебилъ. Этотъ походъ новгородскихъ повольниковъ можетъ служить образцомъ всѣхъ другихъ новгородскихъ походовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что новгородцы ходили на востокъ не съ мирною цѣлію, а часто для грабежа, что̀, естественно, должно было отозваться на самомъ Новгородѣ. Такъ, дѣйствительно, и бывало. Если Димитрій Донской тотчасъ же послѣ разоренія въ 1375 году Костромы и Нижняго Новгорода не могъ отомстить

---

[1]) 1-я Софійская лѣтопись.

Новгороду, по случаю того, что онъ былъ занятъ войной съ татарами, то въ 1386 году, освободившись отъ этой войны, онъ собралъ всѣхъ подвластныхъ себѣ князей русскихъ и отправился походомъ, и намъ извѣстно, что новгородцы принуждены были заплатить 5000 гривенъ за подвиги своихъ соотечественниковъ.

Третій внутренній путь — былъ *путь южный*, который издавна велъ изъ Новгорода въ Кіевъ и Черное море. Вначалѣ этотъ путь былъ самый важный изъ всѣхъ новгородскихъ путей, и онъ долгое время сохранялъ свое посредствующее значеніе. Новгородцы, нуждаясь въ восточныхъ товарахъ, дорожили Кіевомъ, они жили тамъ цѣлыми массами, устраивали свои особые дворы, имѣли даже свою церковь Св. Михаила. Предметомъ закупки новгородцевъ въ Кіевѣ были главнымъ образомъ товары восточные и южные; на этихъ-то товарахъ и было основано посредствующее значеніе новгородской торговли. Но обстоятельства измѣнились, и этотъ великій водный путь утратилъ свое важное значеніе. Съ нашествіемъ татаръ Кіевъ былъ взятъ, разграбленъ и преданъ огню; степь залегла непроходимыми преградами и отдѣлила такимъ образомъ сообщеніе между Византіей и Кіевомъ, вслѣдствіе чего этотъ великій водный путь и начинаетъ терять свое посредствующее значеніе — съ появленіемъ татаръ восточные товары не могли уже проходить этимъ путемъ. Правда, новгородскіе купцы продолжаютъ еще ѣздить на югъ, но эти поѣздки ограничиваются большею частью близкими городами: Смоленскомъ, Витебскомъ и Псковомъ.

Итакъ, этотъ путь потерялъ для новгородцевъ всякое значеніе, а что касается до другого пути — поволжскаго, то мы видѣли, что они не умѣли воспользоваться имъ.

Разсмотрѣвъ внутренніе пути новгородскіе, мы можемъ сказать, на чемъ основывалось торговое значеніе Новгорода, и какіе товары онъ отправлялъ за море. Торговое значеніе Новгорода опиралось именно на то, что онъ доставлялъ въ Европу богатства центральной Россіи, а оттуда получалъ ихъ уже готовыми. Товары, отправлявшіеся въ Ганзу, были слѣдующіе: во-1-хъ, главнымъ образомъ мѣха; во-2-хъ, серебро закамское въ слиткахъ; въ-3-хъ, произведенія Бѣлаго моря, куда новгородцы ходили на промыселъ; къ этимъ товарамъ принадлежали: китовый и тюленій жиръ, шкуры животныхъ и въ особенности дорого цѣнившаяся моржовая кость; въ-4-хъ,

произведенія центральной Руси, именно: ленъ, хмѣль и конопля, медъ и воскъ, также отчасти вывозили и соль, несмотря на то, что они сами получали ее иногда изъ нѣмецкаго города Штральзунда, расположеннаго на берегу Балтійскаго моря; въ-5-хъ, Новгородъ могъ доставлять нѣкоторые восточные и южные товары, хотя и въ незначительномъ количествѣ; наконецъ, Новгородъ вывозилъ мѣстные продукты природы: лѣсъ и, вѣроятно, продукты, добываемые изъ лѣса, — поташъ, деготь, смолу и пр. Дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ продуктами, добываніе которыхъ сопряжено было съ большою трудностью, но тѣмъ не менѣе эти продукты вывозились необработанными, невыдѣланными. Сравнивая товары новгородскіе съ ганзейскими, мы убѣждаемся, что торговля новгородская имѣла пассивный характеръ. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ характеръ новгородской торговли, все-таки она была важна и, несомнѣнно, господствовала на всемъ сѣверо-востокѣ, и пока Новгородъ не имѣлъ въ этой мѣстности конкуренціи, онъ не могъ потерять своего важнаго посредствующаго значенія.

Торговля Новгорода была такъ важна, что самъ Новгородъ исключительно занимался ею, и, благодаря ей, онъ былъ дѣйствительно великъ и силенъ своимъ богатствомъ: не даромъ его называли Господиномъ Великимъ Новгородомъ. Большая часть новгородскихъ людей преимущественно занималась этой торговлей, даже и бояре, изъ которыхъ нѣкоторые, по всей вѣроятности, были не болѣе, не менѣе, какъ разбогатѣвшіе купцы новгородскіе. Въ Новгородѣ купецъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствуетъ себя общественной силой. Никакой договоръ, никакое рѣшеніе не проводится безъ согласія купца. Новгородскія былины характеризуютъ намъ личность новгородскаго купца въ яркихъ краскахъ. Такъ, напримѣръ, извѣстная былина о Садкѣ богатомъ гостѣ рисуетъ намъ надменную и самосознательную удаль новгородскаго купца-богача. Уже тотъ фактъ, что ни въ какой другой области не являлись подобнаго рода былины, даетъ намъ понять живѣе всякихъ словъ, что только тамъ, въ Новгородѣ, въ сознаніи народа могъ явиться такой миѳическій образъ, какъ Садко. Этотъ новгородскій гость настолько чувствуетъ себя богатымъ, что онъ смѣется надъ цѣлой новгородской общиной, говоря, что онъ въ состояніи скупить всѣ товары новгородскіе. Но ему приходится убѣдиться, что есть ку-

нецъ побогаче его, а этотъ купецъ есть самъ Господинъ Великій Новгородъ. Такимъ образомъ новгородскій гость смиряется предъ новгородской общиной, потому что она заключала въ себѣ нѣсколько такихъ купцовъ, а потому община была сильнѣе всякаго отдѣльнаго индивидуума.

Изъ обозрѣнія новгородской торговли мы можемъ вывести то заключеніе, что Новгородъ есть типъ-образецъ русскаго торговаго города. Несмотря на такое развитіе торговли Новгорода, въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемся уже съ ея постепеннымъ упадкомъ; эта торговля не удержалась въ томъ пунктѣ, который она избрала своимъ средоточіемъ, и Новгородъ падаетъ быстро. Измѣняются обстоятельства, измѣняются торговые пути, и Новгородъ падаетъ съ высоты своего величія, и отъ него остаются только одни жалкіе остатки его прежняго могущества, въ настоящее время это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и незначительныхъ городовъ Россіи. Главныя причины паденія Новгорода заключались, во-первыхъ, внутри самого Новгорода, въ устройствѣ его общества. Этотъ городъ, несмотря на всѣ благопріятныя условія, мы уже знаемъ, не выработалъ правильныхъ государственныхъ взглядовъ и понятій. Въ Новгородѣ не развивается совершенно никакихъ понятій о правительствѣ и власти, и если мы встрѣчаемся тамъ со властью, то она заключается тамъ въ самомъ народѣ, въ видѣ вѣча; но самое вѣче не представляло собой опредѣленной правительственной формы правленія; съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ощущается въ Новгородѣ потребность перемѣны формы правленія, но мы видимъ, что Новгородъ не удовлетворяетъ этой потребности. Анархія становится все сильнѣе и сильнѣе, ею пользовались только вліятельные люди для проведенія своихъ взглядовъ и убѣжденій, люди же незначительные ею пользоваться не могли. Такимъ образомъ въ Новгородѣ является олигархія и охлократія вмѣстѣ: олигархія, т.-е. господство немногихъ разбогатѣвшихъ людей, но рядомъ съ этой олигархіей продолжается также господство черни. Такое соединеніе правительственныхъ началъ есть самая неудобная и безпорядочная форма правленія[1]). Мы знаемъ, что нѣкоторые люди

[1]) Новгородская чернь, какъ мы видѣли, всецѣло находилась въ матеріальной зависимости отъ высшихъ классовъ, и это имущественное неравенство должно было, конечно, особенно раздражающе дѣйствовать на толпу при демократи-

окружали себя сторонниками и съ ними считали себя самостоятельными владыками, и при отсутствіи законовъ и нравственныхъ началъ они дѣлали, что только хотѣли. Народная былина мѣтко схватываетъ черты новгородскаго насилія въ лицѣ удальца Василія Буслаева, сына одного богатаго боярина. Василій Буслаевъ собираетъ около себя ватагу вольныхъ людей, разгоняетъ вѣче, и вообще, расходившійся боярскій сынъ не чувствуетъ надъ собой никакой власти; онъ смѣется надъ самимъ вѣчемъ, называя членовъ его мужиками-горланами. Василій Буслаевъ не останавливается и предъ тою силой, которая одна могла бы сдержать его. Если ушкуйники продавали русскій плѣнъ, то что удивительнаго, если въ самомъ Новгородѣ представитель религіи не могъ удержать расходившуюся удаль молодецкую, и старчище-пилигримище, въ которомъ рисуется церковь новгородская, подвергается нападенію со стороны расходившагося Василія Буслаева! Такимъ образомъ мы видимъ, что реформы правительственной власти въ Новгородѣ были необходимы, но вмѣсто того зло становится все болѣе и болѣе вопіющимъ, а исправленій никакихъ не происходило. Въ особенности страдалъ мирный классъ, т.-е. среднее сословіе, на которое всего болѣе опирается благосостояніе государства. Если въ Новгородѣ не развивается сколько-нибудь правильныхъ государственныхъ понятій, то естественно, что онъ долженъ былъ пасть въ борьбѣ, гдѣ противъ него стало бы дѣйствовать организованное государство. И дѣйствительно, мы видимъ, что паденіе Новгорода, начинаясь само внутри, переходитъ въ область дѣйствительнаго факта.

Новгородъ, несомнѣнно, долженъ былъ пасть, когда выдвинулась впередъ Москва т.-е. центръ Великороссіи, въ экономической зависимости отъ которой находилась нехлѣбородная Новгородская область. При всѣхъ недостаткахъ московскаго устройства, этотъ городъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ одно достоинство — здѣсь господствовалъ порядокъ и крѣпкая государственная власть, здѣсь не было мѣста такимъ проявленіямъ, какъ казачество и ушкуйничество. Москва поставила себѣ задачею объединеніе всей Руси, и

ческой формѣ правленія Новгорода, гдѣ всѣ свободные граждане пользовались равными политическими правами. Эта рознь классовъ новгородскаго общества лишала торговую республику внутренняго единства.

главнымъ препятствіемъ къ этому объединенію былъ Новгородъ. Естественно, что между этими двумя русскими центрами должна была произойти открытая борьба, въ исходѣ которой сомнѣваться было нельзя, имѣя въ виду, что новгородское вѣче руководствовалось не народными интересами, а интересами немногихъ бояръ[1]). Съ XV вѣка мы все болѣе и болѣе замѣчаемъ въ Новгородѣ общественную апатію, и это понятно: съ увеличеніемъ богатства, съ господствомъ купцовъ мирные интересы преодолѣваютъ всякіе другіе; дѣйствительно, мы видимъ, что купеческая община боится войны, потому что война нарушаетъ мирное теченіе ея торговли. Воинственный духъ древнихъ новгородцевъ исчезаетъ въ ихъ потомкахъ, и намъ нерѣдко приходится слышать, что Новгородъ старается большею частью откупиться отъ своихъ враговъ. Такъ, напримѣръ, когда Витовтъ объявляетъ имъ войну, то новгородцы мира ради платятъ ему 5000 гривенъ, также и Василію московскому Новгородъ въ два пріема выплачиваетъ 8000 гривенъ — суммы довольно значительныя для того времени. При Іоаннѣ III непривычка новгородцевъ къ войнѣ сказывается еще сильнѣе: ополченія торгового города, при слабости военного устройства, не могло оказать сопротивленія княжскимъ полкамъ. Новгородъ не падаетъ съ достоинствомъ, какъ Кіевъ въ борьбѣ съ своимъ вѣчнымъ врагомъ, онъ подчиняется, не испытавъ борьбы, по крайней мѣрѣ, не исчерпавъ своихъ послѣднихъ средствъ. Новгородъ прибѣгаетъ къ помощи Литвы и этою помощію онъ не умѣетъ воспользоваться, онъ не умѣлъ вызвать со стороны литовскаго князя болѣе дѣятельное участіе въ этой войнѣ.

---

[1]) Новгородъ въ борьбѣ съ объединенной Москвой долженъ былъ неминуемо пасть и потому, что его область, охватывая огромный сѣверный районъ, доходившій до Урала и верховьевъ Волги, въ сущности не представляла собой что-нибудь цѣлаго. Ближайшія къ Новгороду земли, составляли такъ называемыя пятины, зависѣвшія въ управленіи отъ городского конца, къ которому были приписаны; земли, пріобрѣтенныя позднѣе, образовывали особый рядъ волостей, имѣвшія отличное отъ пятинъ управленіе, и часто были политически почти независимы отъ Господина Великаго Новгорода; многіе бывшіе пригороды также образовывали самостоятельныя единицы, какъ, напр., Псковъ, сдѣлавшійся въ XIV в. „младшимъ братомъ" Новгорода. Такимъ образомъ въ новгородской территоріи не было единства.

Присоединение Новгорода къ Москвѣ разрушаетъ весь строй прежней новгородской жизни, и естественно это должно было отразиться на новгородской торговлѣ. Дѣйствительно, Новгородъ теряетъ свое независимое, первенствующее значеніе, онъ могъ бы оставаться торговымъ, но только въ зависимости отъ Москвы, что̀ конечно, значительно уменьшило бы эту торговлю.

Но кромѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, случились другія, которыя не только уменьшили, но совершенно почти убили торговлю новгородскую. Извѣстно, что главное значеніе Новгорода опиралось на торговлю съ Ганзой; въ XV же вѣкѣ въ самой Ганзѣ мы встрѣчаемся съ признаками паденія, и ея господствующее значеніе на Балтійскомъ морѣ прекращается. Причины этого паденія были слѣдующія: поляки и литовцы наносятъ ударъ тевтонскому ордену, и господствующее положеніе нѣмцевъ становится непрочнымъ. Ливонія, вмѣсто Новгорода, дѣлается сосѣдкою болѣе сильнаго князя московскаго. Между ею и Русью происходитъ вражда, за которой слѣдуетъ борьба, побѣда остается на сторонѣ Россіи, и Ливонія, принужденная платить дань, чтобы не попасть подъ власть русскихъ, раздѣляется на двѣ партіи, изъ которыхъ одна бросается подъ защиту Польши, а другая передается въ руки шведскаго короля. Кромѣ этого въ 1398 г. произошла Кальмарская унія, т.-е. соединеніе скандинавскихъ государствъ, которыя находились въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Ганзѣ. Наконецъ, около половины XV столѣтія начинается измѣненіе всей европейской торговли, открывается новый морской путь въ Индію, вслѣдствіе чего Ганза становится лишнею и падаетъ, а вмѣстѣ съ нею естественно падаетъ и Новгородъ, который держался на торговлѣ съ ганзейцами. Къ тому же надо прибавить, что всѣ нѣмцы вообще находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ московскому князю, и въ 1494 г. Іоаннъ III далъ насильственный толчокъ прекращенію этой торговли. Въ упомянутомъ году Іоаннъ III явился въ Новгородъ, и здѣсь произошелъ погромъ всего ганзейскаго, тамъ бывшаго: нѣмецкіе дворы были опечатаны, нѣмецкіе гости въ числѣ 50 человѣкъ были отведены въ плѣнъ въ Москву, всѣ товары ихъ на сумму около 100000 руб. были захвачены; это уже былъ послѣдній годъ пребыванія ганзейцевъ въ Новгородѣ, послѣ котораго дружескія отношенія ганзейцевъ съ новгородцами не возобновлялись,

вслѣдствіе чего значительная до сего времени торговля Новгорода пала, и торговымъ центромъ сдѣлалась Москва. Московскій князь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Москвѣ, переселилъ изъ Новгорода въ Москву 7000 семействъ, взамѣнъ которыхъ переслалъ туда 7000 семействъ изъ Москвы. И пришлые люди прервали послѣднія нити, которыя хотя еще нѣсколько связывали воспоминанія новгородцевъ съ прошедшимъ могуществомъ ихъ отечественнаго города[1]).

VI.

Суздальская Русь и татары.

Разсматривая исторію русской торговли, мы все останавливались на великомъ западномъ пути, потому что русская исторія началась здѣсь, на западѣ. Теперь же перейдемъ на другой водный путь — восточный, потому что здѣсь зарождается и вдали отъ всякаго западнаго вліянія, но подъ сильнымъ вліяніемъ Востока, развивается (самостоятельная) русская жизнь.

Объединеніе Руси не могло быть совершено ни югомъ, ни западомъ, эта задача выпала на долю земли суздальско-московской. Весь сѣверо-востокъ съ VIII и IX вв. представляется намъ грубымъ, необработаннымъ, — силы природы, естественныя, находятся въ полномъ развитіи и торжествуютъ надъ силами культурными, обрабатывающими. Громадные лѣса и болота дѣлаютъ почти невозможнымъ пребываніе тамъ человѣка. Человѣкъ, живущій тамъ, принадлежитъ къ племени, которое еще не вышло изъ первыхъ ступеней развитія и

---

[1]) Не надо думать, что торговля въ Новгородѣ совсѣмъ была уничтожена: онъ и позже служитъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Ливоніей, одно время прекратившихся; мы знаемъ, что въ началѣ XVI в. сюда приходятъ московскіе, тверскіе и смоленскіе купцы съ различными произведеніями сельскаго хозяйства, рыболовства и пчеловодства; эти товары (особенно медъ и воскъ) вымѣниваются иностранными купцами и идутъ черезъ Иванъ-Городъ (основанный противъ нѣмецкой Нарвы) и Псковъ въ Ригу и Ливонію; но торговая вольность вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности Новгорода была уничтожена навсегда.

подчиняется влiянiю своей дикой неразвитой природы. Весь сѣверо-востокъ занятъ племенами чудскаго происхожденiя.

По верховьямъ Волги живутъ чудь, весь, мурома и отчасти мордва. Бытъ этихъ племенъ не извѣстенъ въ полной достовѣрности, такъ какъ исторiя ничего не сохранила о такомъ отдаленномъ перiодѣ; но недостатокъ историческихъ памятниковъ, по возможности, пополняется археологическими раскопками. Раскопки, произведенныя въ тысячѣ могилъ, показываютъ, что племя меря, могущее служить представителемъ другихъ племенъ, находилось на низшей ступени развитiя: у него еще нѣтъ желѣза, и употребляется только бронза. Племя это является намъ съ неразвитымъ земледѣльческимъ характеромъ, потому что земледѣльческихъ орудiй не найдено при этихъ раскопкахъ, а присутствiе тамъ топора можетъ указывать намъ на бытъ охотника-звѣролова. Этотъ народъ строитъ себѣ дома и, по всей вѣроятности, живетъ въ нихъ отдѣльными родами. То обстоятельство, что могилы большею частью сгруппировываются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ среди лѣсовъ и по берегамъ рѣкъ, заставляетъ предполагать, что населенiе подвигалось впередъ по воднымъ путямъ и по берегамъ рѣкъ вырубало лѣса, дѣлало такимъ образомъ искусственныя поляны, на которыхъ и поселялось.

Тѣ же самыя раскопки показываютъ намъ, что историческая жизнь въ IX в. начала проникать въ эти мѣстности; въ могилахъ было найдено много различныхъ предметовъ совершенно нѣмецкаго происхожденiя. Многiе предметы, сдѣланные изъ металла, камня и стекла въ видѣ ожерелiй, серегъ и колецъ и носящiе на себѣ отпечатокъ Востока, могли попадать сюда не иначе, какъ путемъ торговли съ Востокомъ. Вѣроятно, болгарскiе торговцы проникали до этихъ мѣстностей, чтобы добыть дорогiе мѣха, и взамѣнъ ихъ привозили предметы болѣе развитой восточной обрабатывающей промышленности. Довольно значительное количество арабскихъ монетъ, разсыпанныхъ въ видѣ кладовъ и находимыхъ въ могилахъ, можетъ указывать намъ на то, что значенiе денегъ, какъ орудiя мѣны, начинаетъ становиться извѣстнымъ въ то время.

Въ эту-то страну пришли русскiе колонисты; но кто именно и когда — это намъ не извѣстно по недостатку научныхъ изслѣдованiй. Большая часть мѣстныхъ географическихъ названiй чисто финскаго происхожденiя; преимущественно рѣки сохранили свои старинныя

названія, такъ какъ онѣ не подвергаются такимъ быстрымъ измѣненіямъ, какъ все, созданное руками человѣческими. Москва, Волга, Ока — это все названія не русскія, а чудскія. Въ словѣ Ока мы ясно слышимъ звукъ „іокки", что̀ до сихъ поръ у финлядцевъ значитъ „рѣка", въ имени Москва звукъ „ва" означаетъ „вода", и, наконецъ, слогъ „га" въ названіи „Волга" значитъ во многихъ финляндскихъ нарѣчіяхъ тоже „рѣка" (ср. Оне-га, Пине-га и т. д.). Чѣмъ дальше итти на сѣверъ, тѣмъ больше встрѣчаются эти чудскія названія, переименованныя русскими. Если бы можно было изслѣдовать такимъ образомъ въ дальней мѣстности географическія названія, то тогда можно бы указать, откуда шла эта колонизація. Можно сдѣлать предположеніе, что она подвигалась по великимъ воднымъ путямъ. Въ этой центральной странѣ сходятся верховья Волги и Оки, слѣдовательно, и колонизація должна итти съ двухъ сторонъ: по Волгѣ и Окѣ. Верховья Оки были заселены дикимъ племенемъ вятичей, которые еще въ XII вѣкѣ упорно держатся своей старины и замучиваютъ печерскаго монаха Кукшу, который проповѣдуетъ имъ христіанство; слѣдовательно, съ этой стороны цивилизація въ раннее время итти не могла. По верховьямъ Волги жили кривичи и славяне новгородскіе. Новгородцы ближе всѣхъ находились въ сношеніи съ Западомъ и принадлежали къ числу племенъ, рано развившихся. Они первые завязали развитую торговлю съ этою страною; насколько стариннa эта торговля, мы судить не можемъ, но есть указанія, что она почти исконная. Мы знаемъ, что̀ обусловливало эту торговлю — новгородцы ходили въ эту дикую, лѣсную и болотистую страну для добыванія дорогихъ мѣховъ. По всей вѣроятности, они отправлялись, минуя истокъ Волги, прямо по рѣкѣ Тверцѣ и оттуда волокомъ могли переходить въ другія рѣки (самое названіе города „Волоколамскъ", т.-е. „волокъ Ламскій", рѣка Лама, показываетъ на торговое движеніе по этому водному пути). Слѣдовательно, первая колонизація этихъ мѣстностей должна быть приписана новгородцамъ; но и кривичи, жившіе по верховьямъ Днѣпра и Волги, естественно, должны были проникать далѣе во внутрь этой дикой страны, и, какъ кажется, ихъ колонизація имѣла болѣе значенія, чѣмъ колонизація новгородцевъ. Такимъ образомъ мы еще въ половинѣ IX столѣтія встрѣчаемся въ этой мѣстности съ русскими названіями, какъ-то: Бѣлоозеро, Ростовъ и др.

Впослѣдствіи къ этой колонизаціи прибавляется еще значительная колонизація съ юга. Князья овладѣваютъ этою землею и дѣлятъ ее между собою, она получаетъ по главному городу названіе суздальской земли, и у ней является свой суздальскій князь.

Хотя у этого князя и были свои владѣнія на югѣ, но рано или поздно у него должны были вырасти мѣстные интересы, тѣмъ болѣе, что суздальская земля дѣлается для него важнѣе и богаче, нежели его южное переяславское княжество, разоренное половцами. Юрій Долгорукій первый начинаетъ обращать на нее серіозное вниманіе, онъ строитъ города, его сынъ — тоже. Появленіе въ странѣ князя влечетъ за собою обыкновенно наплывъ населенія, и вотъ, дѣйствительно, населеніе прибываетъ съ юга, и именно изъ земли переяславской; вотъ почему цѣлый рядъ вновь выстроенныхъ городовъ носитъ южнорусскія названія: напр., Юрьевъ, Переяславль. Даже самая рѣка, протекающая чрезъ Переяславль-Залѣсскій, называется Трубежемъ, то же имя, которое носитъ рѣка, протекающая чрезъ Переяславль южный.

Населеніе, прибывавшее съ юга, связывало эту дикую страну съ югомъ Россіи, откуда приходило просвѣщеніе, а потому самая жизнь и все устраивалось по тому же образцу, по которому все устраивалось на югѣ Россіи. Но мало-по-малу эта жизнь получаетъ самостоятельный характеръ, соотвѣтствующій климатическимъ условіямъ страны, и населеніе ея получаетъ совершенно самостоятельное значеніе. Московское и суздальское нарѣчіе представляются намъ съ совершенно особыми оттѣнками, чѣмъ другія. Особенность эта проявляется не въ одномъ языкѣ, но также въ бытѣ и обстановкѣ. Въ особенности любопытно обратить вниманіе на постройку крестьянскаго дома, такъ какъ она есть большею частію признакъ принадлежности къ извѣстной народной особенности. Оказывается, что постройка крестьянскаго дома великорусскаго отличается отъ постройки южнорусскаго. Великорусская постройка соединяетъ обыкновенно подъ одною крышею и домъ и дворъ, тогда какъ южнорусская состоитъ изъ двухъ; великорусская изба своего узкою стороною выходитъ на улицу, а дверь ея находится на дворѣ — въ этомъ какъ бы сказывается характеръ великорусса, склоннаго къ уединенію и семейной жизни; тогда какъ постройка малорусская своею широкою стороною выходитъ на улицу, сообразно ха-

рактеру племени, склоннаго къ общественной жизни. Когда мы изъ Московской губерніи переходимъ въ Тульскую и Калужскую, то мы замѣчаемъ, что тамъ постройка дома измѣняется и скорѣе подходитъ къ южнорусской — здѣсь, по всей вѣроятности, находится этнографическая граница. Великоруссъ по своему характеру составляетъ совершенную противоположность малороссу. Онъ серіозенъ, важенъ, угрюмъ, его пѣсня большею частію заунывна, какъ и окружающая его природа, онъ сосредоточенъ, медлителенъ и осторожснъ въ своихъ поступкахъ, онъ менѣе, чѣмъ малороссъ, способенъ къ изліянію чувства, вообще, въ немъ разсудокъ преобладаетъ надъ чувствами, тогда какъ въ малороссѣ — чувство надъ разсудкомъ. Въ великоруссѣ вырабатывается привычка къ труду, смѣтливость, устойчивость и энергія, благодаря окружающей его дикой природѣ, которая ничего не давала даромъ и гдѣ все приходилось брать съ боя и тяжелымъ трудомъ. Эти обстоятельства доставили великоруссу возможность выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ врагомъ, — изъ борьбы, которую онъ велъ съ постоянной расчетливостію, по извѣстному систематическому плану, и исполнить такимъ образомъ великую задачу объединенія Руси. Разница характеровъ рано сказывается въ типахъ князей, которые намъ представляются уже въ XIII вѣкѣ. Обыкновенно, какъ двѣ рѣзкія противоположности ставятъ Всеволода III Большое гнѣздо и Мстислава Удалого. Дѣйствительно, трудно найти характеры болѣе противоположные. Мстиславъ Удалой—князь южный,бродяга, который переходитъ съ мѣста на мѣсто и становится искателемъ приключеній. Онъ ищетъ себѣ „чти и славы“ — и находитъ то и другое; но его храбрость и рыцарскіе подвиги не много пользы приносятъ его народу. Всеволодъ III въ противоположность ему медлителенъ, остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не ищетъ рыцарскихъ подвиговъ, не любитъ рѣшительныхъ битвъ и предпочитаетъ отсидѣться, онъ большею частью руководится извѣстнымъ расчетомъ, и этотъ расчетъ его не обманываетъ: въ результатѣ борьбы оказывается, что южный князь долженъ преклониться предъ княземъ сѣвернымъ, несмотря на свою временную и блестящую удачу. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III являются сильнѣйшими государями Руси, они, по выраженію пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“, могутъ шеломами Донъ вылить, а веслами Волгу раскропить.

Главная причина успѣха князя сѣверо-восточнаго заключается въ томъ, что на сѣверо-востокѣ кладутся начала правильнаго государства. Мы, конечно, не можемъ искать въ средніе вѣка въ народѣ развитыхъ политическихъ понятій, такъ какъ ихъ еще нѣтъ, но зато здѣсь, сообразно съ условіями страны, вырабатываются основы для будущаго государства.

Въ сѣверной Руси прежде всего устраивается такой же порядокъ, какъ и въ южной Руси: мы встрѣчаемся съ тѣмъ же отношеніемъ князя къ народу, съ тѣмъ же вѣчемъ. Потомъ начинаетъ вырабатываться самостоятельный характеръ, но это идетъ постепенно, такъ какъ, естественно, что сразу ничего не могло выработаться другого, противоположнаго прежнему порядку. Человѣкъ, переселенный на сѣверъ, привыкаетъ къ своей странѣ и становится осѣдлымъ, и князь, выростающій въ этой странѣ, привыкаетъ къ ней, тогда какъ у южнаго князя-бродяги, собственно говоря, не было любви къ родинѣ, хотя онъ иной разъ и говоритъ, что готовъ за отчизну положить свою голову. Для него всякая отдѣльная земля была родиной, онъ въ ней охотно уживался, словомъ, онъ былъ бродяга. Напротивъ, князь сѣверный привыкаетъ къ своей странѣ, дѣлается осѣдлымъ и сродняется съ интересами родного края.

Этотъ переходъ изъ полукочующаго состоянія въ осѣдлое составляетъ значительный шагъ на пути развитія народа. Князь, осѣвшись, долженъ былъ совершенно иначе относиться къ своей странѣ, чѣмъ князь неосѣдлый; если на югѣ вѣче и князья имѣли особые интересы, подчасъ несходные, то такого рѣзкаго различія не могло быть на сѣверѣ, и такимъ образомъ естественно должно было произойти сліяніе князя съ вѣчемъ и народомъ.

Городъ на сѣверѣ былъ выстроенъ самимъ княземъ и населенъ его людьми; онъ не имѣлъ той прошедшей исторіи, которую имѣлъ городъ южнорусскій, а потому, хотя онъ и принималъ форму вѣчевую южнорусскую, но эта форма въ немъ не установилась крѣпко. Путемъ историческаго развитія и съ потребностью правильнаго государства она начинаетъ понемногу уничтожаться, такъ что въ XIV и XV вѣкахъ она представляется уже аномаліей: когда во время нашествія Тохтамыша на Москву князь покинулъ столицу, и народъ по этому поводу собирается на сходку, то лѣтописецъ называетъ это преступленіемъ, мятежнымъ проявленіемъ и кра-

мольничествомъ: „мятежници, крамольници сзвониша вѣче“, говоритъ онъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ розни между землею и княземъ является возможность болѣе развитой жизни, и кладется болѣе правильное отношеніе между княземъ и народомъ. Съ другой стороны, мы можемъ еще замѣтить, что князь, сдѣлавшись осѣдлымъ, и пріобрѣтаетъ любовь къ родинѣ, начинаетъ заботиться объ увеличеніи своихъ собственныхъ постоянныхъ владѣній. (Подобные примѣры мы видимъ и въ южной Руси, но случайные, почему это и не заслуживаетъ особаго вниманія, тогда какъ на сѣверѣ это имѣетъ особое значеніе.) Князь такимъ образомъ становится землевладѣльцемъ, помѣщикомъ (вотчинникомъ), и чѣмъ сильнѣе становится онъ, тѣмъ больше распространяетъ онъ свои вотчинныя притязанія на всѣ (остальныя) земли.

Конечно, князь-помѣщикъ не есть государь, въ нашемъ смыслѣ слова (и это смѣшеніе понятій о государѣ есть признакъ неразвитой политической жизни), но тѣмъ не менѣе этотъ прогрессивный шагъ ведетъ къ объединенію Руси. Замѣтимъ то, что, указывая на эти прогрессивныя явленія, мы не должны забывать, что формы, въ которыхъ проявляются эти идеи, не всегда бываютъ симпатичны, напротивъ, онѣ представляются намъ какъ бы огрубѣніемъ, шагомъ назадъ. Впрочемъ, это естественно, потому что народъ, удаленный на угрюмый сѣверъ и осужденный на вѣчную борьбу за свой хлѣбъ насущный, не имѣлъ ни возможности, ни времени для своего развитія умственнаго и интересовъ духовныхъ, а потому прошло много времени, прежде чѣмъ сѣверная Русь достигла того духовнаго развитія, котораго уже давно достигла южная Русь. Кіевъ — городъ, въ которомъ собирались всѣ иностранцы, гдѣ процвѣтали науки и просвѣщеніе, гдѣ кипѣла живая дѣятельность, не могъ быть сразу замѣненъ городомъ, недавно выросшимъ среди болотъ и лѣсовъ. Но мы не должны увлекаться явленіями, которыя бросаются въ глаза. Мы должны помнить, что извѣстный упадокъ уровня умственнаго и нравственнаго въ сѣверной Руси замѣняется извѣстными прогрессивными явленіями и, главное, возможностью новаго развитія, между тѣмъ какъ южнорусская жизнь достигла нѣкоторой степени развитія, но для дальнѣйшаго развитія не находила въ себѣ достаточной силы.

Мы видимъ также, что Новгородъ, хотя и поставленный въ до-

вольно выгодное положеніе, не въ состояніи былъ отрѣшиться отъ старыхъ основъ; Москва же, по выраженію людей старины, „премѣняла“ эту старину, и открыла русскому народу обширный путь историческаго развитія. Для блага русскаго народа необходимо было, чтобы появилась новизна, которая у насъ въ XV и XVI вѣкахъ и называлась новизною московскою. Эта новизна сосредоточилась именно въ Москвѣ, какъ и все то, что выработалось во всей суздальской землѣ, нашло себѣ выраженіе въ этомъ одномъ центрѣ — въ Москвѣ. Первоначальныя причины возвышенія Москвы намъ извѣстны; упомянемъ о выгодномъ географическомъ положеніи на пути съ юга на сѣверъ, вдали отъ татарскаго нашествія, далѣе приливъ населенія изъ разоренныхъ южныхъ земель, наконецъ, политика князей-скопидомовъ, собирателей земли русской (напоминающая политику Капетинговъ).

Но говоря объ усиленіи Москвы, мы не должны забывать главной причины ея усиленія: мы здѣсь впервые видимъ единство князя съ народомъ; такого единства еще нигдѣ не бывало; мы встрѣчаемъ въ Москвѣ поразительное единодушіе во всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго человѣка, что такъ наглядно проявляется въ извѣстной борьбѣ Василія Темнаго съ Димитріемъ Шемякой.

Такимъ образомъ центръ тяжести изъ Руси юго-западной сталъ мало-по-малу переноситься въ сѣверо-восточную, но окончательно этотъ центръ былъ перенесенъ послѣ извѣстнаго татарскаго нашествія. Южная Русь была разорена и не могла оправиться; между тѣмъ сѣверная Русь, которая была разорена не менѣе южной, нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы подняться и, даже больше, она могла сжиться съ татарами и сумѣла извлечь пользу изъ этого обрушившагося на Русь несчастія.

Первое время послѣ татарскаго погрома всѣ торговыя сношенія были нарушены. Торговля, какъ говоритъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Атейръ, вся остановилась[1]), перерывъ ея на этотъ разъ былъ значительный, но она не утратилась окончательно и впослѣдствіи возродилась съ новою силой.

[1]) Татарскій погромъ, опустошившій сотни городовъ и селъ на Руси и нанесшій непоправимый ударъ кіево-византійской торговлѣ, не коснулся лишь Новгорода, торговое значеніе котораго въ XIII вѣкѣ благодаря сношеніямъ съ нѣмцами усилилось.

Татары являются намъ не одними хищниками и грабителями, они стояли по своему развитію выше печенѣговъ и половцевъ, и это доказывается тѣмъ, что у нихъ является нѣчто подобное государству, у нихъ есть свой государь — ханъ, который и управляетъ ими. Завоевывая средне-азіатскія земли, татары не могли не поддаться вліянію магометанской (арабской) цивилизаціи; ихъ собственное удобство требовало перениманія хорошаго у подчиненныхъ имъ народовъ (такъ они усвоиваютъ болѣе развитыя учрежденія персидскія), и у нихъ встрѣчается даже отголосокъ китайской цивилизаціи, и потому татары не представляются намъ тою шайкою разбойниковъ, какою являются прежніе жители южно-русскаго поля. Благодаря имъ, къ намъ на Русь начинаютъ проникать восточныя государственныя понятія и учрежденія, и такимъ образомъ татары противъ своей воли дѣлались проводниками восточной цивилизаціи у насъ. Весь періодъ, о которомъ мы будемъ говорить, можетъ быть исключительно названъ Восточнымъ.

Что татары покровительствовали торговлѣ, это подтверждается многими фактами; они сами даже занимались ей, но къ активной торговлѣ они были неспособны. Мы знаемъ, что они устанавливаютъ свои правила торговли у насъ на Руси: новгородцы, напр., требуя, чтобы пошлина, собираемая съ нихъ въ суздальской землѣ, не увеличивалась, ссылаются при этомъ прямо на цареву грамоту; купцамъ татарскіе владѣтели стараются до извѣстной степени покровительствовать, что̀ можно подтвердить, напр., слѣдующимъ примѣромъ: въ XIII в. случилось однажды, что татары въ Рыльской области захватили въ плѣнъ цареградскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, но когда узнали, что они занимались торговлей, то немедленно ихъ отпустили и возвратили отнятые товары. Подобные факты доказываютъ намъ, что татары не были совершенно чужды торговлѣ и имѣли о ней довольно ясное понятіе; есть извѣстіе, что татары даже устроили на Дону особое поселеніе, жители котораго исключительно должны были заниматься перевозомъ иностранныхъ гостей и пословъ. На берегахъ Чернаго моря въ это время являются итальянскія колоніи. Итальянскіе купцы не только живутъ среди татаръ, но даже заходятъ и въ глубь ихъ страны: такъ извѣстные путешественники Рубруквисъ и Марко-Поло проникаютъ изъ западной Европы даже до Китая. Итальянскіе купцы часто приходили съ

татарскими послами и въ самую Москву. Почти во всѣхъ земляхъ татарскихъ мы встрѣчаемся съ гостями изъ разныхъ странъ: такъ въ городѣ Булгарѣ встрѣчаемъ гостей армянскихъ и бесерменскихъ; на Кавказѣ, въ гор. Дербентѣ, по поводу убіенія князя Михаила черниговскаго сообщаютъ намъ о гостяхъ нѣмецкихъ.

Восточный путь для Россіи становится отнынѣ преобладающимъ, и торговля восточная пріобрѣтаетъ всеобщее значеніе: великая рѣка восточно-русская — Волга открываетъ путь въ Каспійское море и приводитъ къ центру Азіатской цивилизаціи. Все тянетъ Русь къ Востоку; ея восточная торговля становится настолько важною, что даже и западные товары идутъ по юго-восточному пути. Во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ татары вводятъ болѣе или менѣе одинъ порядокъ, объединеніе же земли подъ одною властью для торговли всегда оказывается выгоднымъ, потому что она испытываетъ при такихъ условіяхъ гораздо менѣе стѣсненій. Теперь купцы уже не останавливаются передъ заставами, пошлинами и другими препятствіями, а идутъ все далѣе и далѣе. Въ XV вѣкѣ русскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ въ Самаркандѣ, они стараются пробраться даже въ отдаленную Индію: у насъ есть извѣстія, что въ XV вѣкѣ русскія полотняныя издѣлія господствуютъ на средне-азіатскихъ рынкахъ и даже въ отдаленномъ индустанскомъ городѣ Дели; слѣдовательно, товары русскіе въ разсматриваемый нами періодъ заходили въ такія мѣстности, которыя впослѣдствіи оставались надолго закрыты для нихъ, а отчасти недоступны и до настоящаго времени, особенно вслѣдствіе невозможности выдержать конкуренцію съ болѣе совершенными произведеніями западной Европы; восточная торговля поэтому представляетъ особенную для насъ важность, интересъ не только теоретическій, но и чисто практическій, въ виду того значенія, которое, особенно въ настоящее время, получаютъ средне-азіатскіе рынки для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій.

Вліяніе татарское на торговлю сказалось главнымъ образомъ въ трехъ нововведеніяхъ, а именно: въ устройствѣ почты, правильной денежной системы, налоговъ и пошлинъ. Татары въ первое время собирали дань въ высшей степени неправильно и неравномѣрно, и сборъ дани скорѣе походилъ на грабежъ, чѣмъ на дань, да и собирать ее правильно было очень трудно по многимъ причинамъ. Съ теченіемъ времени татары учредили болѣе правильный и равно-

мѣрный сборъ дани. Почти въ каждомъ большомъ русскомъ городѣ появились татарскіе баскаки или намѣстники, которые и произвели перепись жителей тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, куда они были назначены: конечно, это исчисленіе народа было сдѣлано совершенно не съ научной цѣлью, а просто, чтобы узнать, сколько можно брать дани съ извѣстнаго города или мѣстечка, но въ этомъ мы уже видимъ извѣстный шагъ впередъ на пути государственнаго развитія. Чтобы имѣть понятіе о той дани, которую брали татары съ русскаго народа, достаточно привести два примѣра: съ каждой деревни брали по полтинѣ, а съ Коломенской области, которая считалась самою большою и богатою, брали 430 руб. — суммы, какъ видно, очень небольшія для нашего времени, но тогда и такая дань считалась очень обременительною, доказательствомъ чему служатъ неоднократныя жалобы современниковъ. Первоначально татары не могли поручать сборъ дани кому-ни-будь изъ туземцевъ и поэтому за данью посылали своего чиновника — дарогу, котораго русскій человѣкъ и долженъ быть возить на тройкѣ; эта повинность получила татарское имя „ямъ“ [1]). Впервые правильный почтовый гонъ у насъ появляется такимъ образомъ во времена татарскаго ига [2]).

Собирая дань, татары пытаются болѣе или менѣе опредѣлить ея размѣры. Въ прежнее время на Руси дань, какъ намъ извѣстно, по большей части платилась натурою, какъ-то: скорой, медомъ, воскомъ, а литва даже платила лыкомъ. Но татары привыкли не къ такой дани, вслѣдствіе своихъ сношеній съ Азіей, —

---

[1]) Наше слово дорога, по всей вѣроятности, произошло отъ татарскаго дарога, что значитъ чиновникъ, сборщикъ податей; гонецъ, привыкшій возить этого чиновника изъ одного города въ другой, называлъ и самый путь этотъ не иначе, какъ дорога.

[2]) Хотя усовершенствованіе правильныхъ путей сообщенія и много способствовало развитію торговли, но тѣмъ не менѣе водный путь и по сію пору остался главнымъ и самымъ важнымъ. Такъ извѣстно, что митрополитъ Пименъ во время своего путешествія въ Царьградъ ѣхалъ не сухимъ путемъ, а преимущественно воднымъ. Сперва онъ проплылъ Москву-рѣку, вступилъ въ Оку, и когда миновалъ эту рѣку, то струги были вытащены изъ воды, и ихъ потащили волокомъ до самаго Дона; здѣсь струги опять были спущены на воду, и, начиная съ Дона, водный путь уже не прекращался до самаго Царьграда.

они привыкли къ цѣннымъ металламъ и даже у арабовъ и персовъ научились чеканить монету. До татаръ на Руси правильной чеканки монетъ не было, такъ что въ этомъ случаѣ татары являются учителями русскихъ. Завоеватели начали отказываться отъ той дани, которую имъ платили побѣжденные, и стали отъ нихъ требовать золото и серебро. Конечно, прежде можно было близкому князю платить дань и натурою, но когда теперь приходилось перевозить дань черезъ такое громадное пространство, какъ изъ Москвы, напр., въ Сарай, то такая перевозка была въ высшей степени неудобна и затруднительна; слѣдовало эту дань замѣнить рано или поздно другою, и вотъ почему на Руси придумали чеканить монету. Впервые монета появилась на Руси въ XIV вѣкѣ, въ суздальской землѣ. Первоначально монеты имѣли болѣе или менѣе круглую форму или иногда продолговатую; каждый чеканщикъ имѣлъ для монеты свою печать, которую онъ и прикладывалъ обыкновенно къ монетѣ, но такъ какъ чеканщикъ былъ не одинъ, и у каждаго была своя печать, то вслѣдствіе этого всѣ монеты имѣли печати разныя; единства монетной системы не было. Такъ какъ чеканкѣ монетъ русскіе научились у татаръ, то вслѣдствіе этого и русское слово куна замѣнилось татарскимъ теньга, позднѣе перешедшее въ нашу деньгу. Наше слово копейка, очень вѣроятно, тоже татарскаго происхожденія: у нихъ оно звучало купегъ, купега[1]) и взято ими съ персидскаго языка. Кромѣ „деньги", счетною единицею въ то время у насъ на Руси былъ еще алтынъ, тоже татарское названіе, что̀ значитъ шесть, т.-е. 6 денегъ или 3 копейки. Изъ суздальской земли искусство чеканить монету перешло и въ Русь сѣверо-западную, что служитъ доказательствомъ слабости западнаго вліянія на насъ за то время и того, что Новгородъ недостаточно проводилъ къ намъ западную цивилизацію; мы видимъ это на самомъ Новгородѣ: въ 1420 г. встрѣчается извѣстіе, что новгородцы отмѣнили куны и замѣнили ихъ любскими артугами, но эти деньги оказались неудобными, и новгородцы спустя 9 лѣтъ, т.-е. въ 1429 г., приняли общерусскія, т.-е. заимствованныя у татаръ деньги. Счетъ

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые объясняютъ слово копейка другимъ образомъ, утверждая, что это слово произошло отъ копья всадника, изображавшагося на московскихъ деньгахъ; но это предположеніе едва ли можно считать достаточно вѣрнымъ.

на рубли впервые появился въ Псковѣ. Восточное происхожденіе первыхъ русскихъ монетъ доказывается тѣмъ, что большая часть ихъ имѣла надпись арабскую или татарскую; такъ, на одной монетѣ временъ Дмитрія Донского встрѣчаемъ арабскую надпись, гласящую: „Да здравствуетъ ханъ Тохтамышъ султанъ, на многія лѣта!" Какъ въ другомъ, такъ и въ этомъ татары извѣстнымъ образомъ дѣлаются нашими учителями изъ своихъ выгодъ, не самостоятельно, но пассивно прилагая къ дѣлу то, что давно было выработано въ средней Азіи.

Денежное дѣло и его развитіе должны были содѣйствовать развитію русской торговли, такимъ же образомъ дѣйствовало и введеніе правильныхъ пошлинъ. Пошлины, которыя обыкновенно татары брали съ торгующихъ купцовъ, равнялась 3% стоимости товара, а иногда и болѣе; эти пошлины были слѣдующія: 1) *Тама* (откуда происходитъ наше слово таможня), которая прямо шла къ татарскому хану за покупку и продажу товара; 2) *Мытъ*, собственно — пошлина провозная („а поѣдетъ безъ товару, ино мыта нѣту"), которая бралась, напр., въ суздальской землѣ обыкновенно въ размѣрѣ двухъ векшъ съ воза и одной — съ ладьи; 3) *Костка* — пошлина съ кости, т.-е. съ проходившаго человѣка[1]). Когда товаръ привозился въ какой-нибудь городъ для продажи, то при этомъ взимались особыя пошлины: *гостиное*, бравшееся за помѣщеніе товара въ Гостиномъ дворѣ, который и устраивался для этой цѣли иногда въ очень большихъ размѣрахъ, какъ, напр., впослѣдствіи дворъ Московскій (въ способѣ постройки Гостинаго двора сказалось также вліяніе Востока, гдѣ уже давно строились такъ называемые караванъ-сараи для пріема купцовъ и для складки ихъ товаровъ); кромѣ этихъ двухъ пошлинъ, при продажѣ товаровъ были еще и другія, какъ-то: *помѣрная* (за мѣру), *вѣсчая* (за вѣсъ), *писчая* (за прописку товара), *клеймо* (за наложеніе клейма), *явленое* (за засвидѣтельствованіе товара) и т. д. Если товаръ случалось провозить черезъ какой-нибудь мостъ, то владѣлецъ его имѣлъ право собирать свой мытъ съ каждаго провозимаго воза. Тѣ люди, которые занимались сборомъ пошлинъ или мыта, носили названіе мытарей и не пользовались расположеніемъ народа. На мытоимство

[1]) Смыслъ здѣсь, кажется, тоже татарскій, ибо различіе человѣка по кости (напр., бѣлая кость, черная кость — знатный и незнатный родъ) свойственно до сихъ поръ тюркскимъ степнякамъ.

народъ смотрѣлъ какъ на дѣло небогоугодное, и мытарей считали великими грѣшниками. „Мытоимство разбойничества злѣе“, — таковъ былъ голосъ народный. Рядомъ съ мытомъ стоитъ также и рѣзъ, т.-е. процентъ. Въ XIV и XV вѣковъ мало-по-малу является потребность въ кредитѣ, а такъ какъ денегъ взаймы никто не давалъ безъ вознагражденія, то за заемъ приходилось платить проценты или рѣзъ, какъ они тогда назывались; рѣзъ въ то время иногда доходилъ отъ 14 до 20% въ годъ, а иногда и до 40%, если деньги давались на менѣе продолжительные сроки, — цифры, какъ видно, и въ наше время очень значительныя. Духовенство возставало противъ рѣза, противъ „кроваваго рѣзоимства“ („Плоть братскую ѣдятъ рѣзоимцы“, объясняетъ эпитетъ „кровавый“ митрополитъ Никифоръ въ одномъ изъ своихъ поученій) и настаивало на томъ, чтобы рѣзъ взимался только „на пять шестой“, т.-е. не болѣе 10—14%[1]).

Торговля для Суздальской Руси была единственнымъ источникомъ всякаго жизненнаго комфорта.

[1]) Въ нашей древней литературѣ сохранилось оригинальное сказаніе о посадникѣ новгородскомъ Щилѣ, которое наглядно рисуетъ намъ взглядъ народный на ростовщиковъ-рѣзоимцевъ. Въ молодости Щилъ былъ великій рѣзоимецъ и нажилъ себѣ очень большое состояніе. Но вотъ настаетъ старость, пора подумать и о смерти, и Щилъ, чтобы загладить свои грѣхи, предпринимаетъ постройку обширнаго храма. Чрезъ нѣсколько времени новый храмъ готовъ, и Щилъ на его освященіе приглашаетъ архіепископа, который и исполняетъ его желаніе. Храмъ освятили, но Щилъ все непокоенъ, его все тревожатъ старые грѣхи, и вотъ онъ рѣшается спросить владыку о томъ, что ему надлежитъ сдѣлать, чтобы совершенно очиститься отъ грѣховъ. Архіепископъ совѣтуетъ ему сдѣлать гробъ, надѣть саванъ и лечь въ него, какъ подобаетъ настоящему мертвецу, и велѣть совершать надъ собою отпѣваніе. Щилъ не колеблется и немедленно исполняетъ совѣтъ владыки. Но когда мнимаго мертвеца принесли въ церковь и стали совершать надъ нимъ обрядъ отпѣванія, вдругъ совершается чудо, и гробъ проваливается въ открывшуюся внезапно пропасть. У Щила остался сынъ, которому стало очень жалко отца; онъ не знаетъ, что дѣлать, и обращается за совѣтомъ къ тому же архіепископу. Послѣдній совѣтуетъ ему служить панихиды по пропавшемъ отцѣ во всѣхъ церквахъ и отчитывать, а когда найдется пропавшій, то похоронить его близъ церкви, которую онъ самъ построилъ. Любовь къ отцу у сына такъ велика, что онъ, ни минуты не медля, исполняетъ приказаніе владыки, и, дѣйствительно, скоро проявляется чудесная сила молитвы: все болѣе и болѣе показывается изъ пропасти гробъ стараго грѣшника и, наконецъ, является внѣ пропасти, которая немедленно закрывается.

Русская промышленность въ этой сѣверной странѣ не могла сдѣлать значительныхъ успѣховъ: слишкомъ много было гнета отъ завоевателей, и русскіе во всякомъ случаѣ чувствовали себя рабами, потому и трудъ ихъ былъ рабскій, необезпеченный, а что дѣлается рабомъ изъ-подъ кнута, то не можетъ достичь значительной степени совершенства. Къ тому же, русская промышленность, перейдя съ юга на сѣверъ, какъ бы снова должна была передѣлывать то, что она дѣлала прежде на югѣ. Потому мы и замѣчаемъ, что она носитъ характеръ какъ бы крѣпостной дѣятельности, группируясь около монастыря, владыки, князя. Мы встрѣчаемъ различныя слободы, населенныя крестьянами владыки, князя или боярина, а въ этихъ слободахъ и извѣстные добывающіе промыслы, каковы: бобровниковъ, сокольниковъ, рыболововъ (Рыбаньская слобода, теперь Рыбинскъ) и т. д., работающихъ, очевидно, не для себя, а для князя, владыки и т. д. Наконецъ, встрѣчается въ довольно значительныхъ размѣрахъ промышленность соляная. Соляныя варницы встрѣчаются не только во владѣніяхъ Новгорода, но и въ суздальской землѣ: такъ, уже въ то время извѣстностью пользуется соль *галичская* (Солигаличъ, Костромской губ.); соль вообще начинаютъ добывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ теперешней Тверской и Костромской губерніяхъ и въ Подвинской области. Что же касается до обрабатывающей промышленности, то если она существуетъ, то существуетъ въ зародышѣ, собственно говоря, мы встрѣчаемся только съ однимъ произведеніемъ нашей обрабатывающей промышленности, которое хорошо расходится и дорого цѣнится, — это русское полотно, которое, какъ извѣстно, распространяясь по всему востоку, доходило до Самарканда и даже Индіи; можно, впрочемъ, предположить, что рядомъ съ полотняными стояли льняныя, кружевныя и вообще всѣ издѣлія, требующія единичнаго труда. При маломъ развитіи домашней обрабатывающей промышленности приходилось добывать извнѣ все, что хоть сколько-нибудь выходило изъ ряда обыкновеннаго. И насъ поражаетъ скудость деревенской обстановки въ сѣверной Руси. Самые князья, эти представители народа, живутъ бѣдно, патріархально, а вещами, добытыми извнѣ, дорожатъ тѣмъ болѣе, что тогда не существовало моды, такъ быстро измѣняющей потребности. Изъ рода въ родъ переходятъ эти вещи,

какъ родовое наслѣдство: шуба, которую носилъ дѣдъ, носилъ и внукъ и даже правнукъ, закладывалъ ее въ сундуки и надѣвалъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Насколько бѣдна обстановка даже князя, видно изъ княжескихъ духовныхъ грамотъ. Въ этихъ грамотахъ встрѣчаемся не съ государемъ великаго народа, обставленнаго уваженіемъ этикета, а съ обыкновеннымъ помѣщикомъ, дорожащимъ больше всего своимъ незатѣйливымъ достаткомъ. Въ духовной грамотѣ князь раздаетъ вотчины, а рядомъ съ селомъ отдаетъ онъ и шубу съ своего плеча, икону чеканную, которой благословила его бабка, или поясъ, усыпанный каменьями, и т. д. Слѣдовательно, этими вещами дорожатъ, какъ рѣдкостью, и онѣ цѣнятся чуть ли не болѣе городовъ. Это доказываетъ намъ исторія знаменитаго пояса, изъ-за котораго ссорятся князь московскій съ княземъ галичскимъ. Изъ-за пояса Софья Витовтовна позволяетъ себѣ рѣзкую выходку: оскорбляетъ пріѣзжихъ гостей; слѣдовательно, поясъ былъ дорогъ, и нашелся бояринъ, который разсказалъ цѣлую исторію этого пояса: видно, всякая драгоцѣнность скудной княжеской обстановки была болѣе или менѣе извѣстна. Ясно такимъ образомъ, что все являвшееся туда, въ сѣверную глушь, хотя нѣсколько выходящее изъ ряда обыкновеннаго, было иноземное, являлось только благодаря торговлѣ или дѣлалось руками выписныхъ чужестранцевъ.

Дѣйствительно, въ тѣ времена у насъ часто появляются иноземные мастера. Такъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ XV в. Фотій, митрополитъ Новгородскій, выстраиваетъ себѣ каменныя палаты, а рядомъ съ этимъ извѣстіемъ встрѣчаемъ, что эти палаты строились „заморскими", т.-е. нѣмецкими мастерами. Подобныя каменныя зданія являются чрезвычайною рѣдкостью въ то время, и производили сильное впечатлѣніе на народъ, — не даромъ, въ болѣе позднее время, за Москвою, поражавшею обиліемъ такихъ зданій, усвоивается въ народѣ прозвище Бѣлокаменной. Когда же приходится изукрасить чѣмъ-нибудь такую каменную постройку, то опять является потребность въ иностранныхъ мастерахъ. Чаще всего такая потребность встрѣчалась при постройкѣ церквей, и въ удовлетворенія этой потребности южная Русь стояла несравненно выше сѣверной. Мы знаемъ, напримѣръ, что, когда былъ выстроенъ Успенскій соборъ при Іоаннѣ Калитѣ и надо было

изукрасить его иконною живописью, то опять призываются иностранные мастера — греки; понадобилось колокола лить, и ихъ льетъ иностранецъ, Борисъ Римлянинъ. Нужно въ Псковѣ вылить свинцовыя двери для церкви, опять обращаются къ нѣмцамъ, а нѣмцы не пускаютъ своихъ мастеровъ, тогда митрополитъ Московскій присылаетъ туда своихъ собственныхъ мастеровъ; эти собственные мастера состояли изъ постоянно жившихъ въ Россіи грековъ-иностранцевъ и ихъ русскихъ учениковъ. Потребность, остававшаяся такимъ образомъ трудно удовлетворяемою, заставляла невольно самихъ русскихъ учиться, и уже въ XIV и XV столѣтіи мы встрѣчаемся съ русскими живописцами, имена которыхъ славились въ то время. Одинъ изъ такихъ изографовъ, Андрей Рублевъ, пріобрѣлъ такую славу, что Стоглавый соборъ XVI вѣка прямо предписываетъ писать иконы, какъ ихъ писалъ Рублевъ; его стиль сохранился даже до сихъ поръ у нашихъ староѣровъ, и его иконы у нихъ цѣнятся на вѣсъ золота.

Только съ XV вѣка начинаютъ появляться у насъ такія диковинки, которыя служатъ украшеніемъ города: такъ въ 1404 году, т.-е. когда Москва уже стала возвышаться надъ другими низовыми городами, явились въ ней стѣнные часы, сдѣланные опять-таки иностранцемъ, Лазаремъ Сербомъ. Появленіе этихъ часовъ производитъ такое впечатлѣніе, что лѣтописецъ упоминаетъ о нихъ въ своей лѣтописи, удивляясь болѣе всего тому, что, когда имъ надо бить, то они бьютъ сами собой: „не человѣкъ бо то ударяше, но человѣковидно, самодвижно, самозвонно, страннолѣпно, нѣкака устроено есть человѣческою премудростію, преизмечтанно, преухищренно“. Самый наборъ такихъ довольно дикихъ словъ свидѣтельствуетъ о степени удивленія современниковъ. Иностранцы, удовлетворявшіе изысканнымъ потребностямъ русской жизни, носятъ общее названіе мастеровъ. Слово мастеръ, какъ видно, нѣмецкое, что̀ могло бы вызвать предположеніе, что большая часть ихъ являлась черезъ Новгородъ, но на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ такими мастерами являются не нѣмцы, а греки и единоплеменный намъ народъ Балканскаго полуострова. Въ особенности въ церковномъ благолѣпіи лучшими помощниками и учителями были, конечно, греки въ качествѣ единовѣрцевъ. Могли приходить мастера этого дѣла и съ востока, но часто опасности степи мѣшали

тому. Однако мы знаемъ, какъ сильно сказалось восточное влiянiе на нашей архитектурѣ.

При такихъ условiяхъ торговля для суздальской Руси является источникомъ всякаго благосостоянiя, и потому начинаетъ принимать обширные размѣры. Занимаются ею всѣ; занимается ею и князь, посылающiй своихъ собственныхъ людей продавать собранные оброки, тѣмъ болѣе, что эти оброки собирались натурой и ему приходилось мѣнять ихъ на деньги или на болѣе цѣнные восточные товары. Торговлею занималось и духовенство: такъ мы встрѣчаемся съ купчинами Сергiевскаго монастыря; занимается ею и самъ митрополитъ, который посылаетъ своихъ людей въ Орду, Болгарiю и другiя мѣстности. Сознанiе важности торговли, проникая въ сознанiе народа, выражается въ различныхъ торговыхъ условiяхъ и договорахъ, заключавшихся между владѣтелями. Такова, напримѣръ, договорная грамота, заключенная въ 1451 году между Борисомъ Алексѣевичемъ и Василiемъ Васильевичемъ Темнымъ; она можетъ служить намъ свидѣтельствомъ того, какъ устанавливались между князьями торговыя условiя. „О новыхъ вымытахъ не замышлять“, говоритъ эта грамота, „а на старахъ имати пошли съ воза деньга, а костко съ человѣка деньга же“; далѣе слѣдуетъ условiе о промытѣ, т.-е. о штрафѣ съ избѣгнувшаго какимъ-либо образомъ уплаты мыта, и, наконецъ, условiе о свободномъ пропускѣ гостей: „а межи насъ людямъ нашимъ и гостемъ нашимъ путь чистъ безъ рубежа“ (путь чистъ безъ рубежа — значитъ свободный пропускъ безъ задержки), условiе необходимое, потому что товару приходилось пройти много мелкихъ княжествъ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ мѣста продажи. Итакъ, если торговля могла доставлять товары, удовлетворявшiе потребностямъ, выходящимъ изъ ряда обыденныхъ, то должны существовать и пути торговые, которые вели бы къ мѣстностямъ, гдѣ можно было добывать такiе товары; такихъ путей въ Руси суздальской было главнымъ образомъ два: путь западный и путь восточный. Путь западный шелъ черезъ Новгородъ, и шедшiе этимъ путемъ были товары заморскiе, нѣмецкiе, уже намъ извѣстные.

Гораздо важнѣе для насъ путь юго восточный, который дѣлается жизненнымъ путемъ для Россiи того времени. Этотъ путь, въ свою очередь, дѣлиться на три части: 1) путь, по которому

привозились товары чисто степные; 2) путь по великой рѣкѣ Волгѣ, по которому шли товары закаспійскіе, и 3) путь по Дону къ Азовскому — Сурожскому морю. Самымъ важнымъ путемъ здѣсь вообще является путь по Волгѣ.

Волга въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ представляется намъ рѣкой съ весьма оживленною торговлею, на ней множество купеческихъ судовъ, какъ изъ окрестныхъ, такъ и изъ отдаленныхъ мѣстностей; здѣсь были купцы армянскіе, гости ордынскіе ходили съ своими товарами въ Русь, а гости русскіе на своихъ стругахъ ходили въ Орду. На Волгѣ является нѣсколько торговыхъ центровъ, впослѣдствіи возрастающихъ и служащихъ зародышами теперешнихъ поволжскихъ торговыхъ городовъ. Какъ на остатокъ старины, можно указать на городъ *Булгаръ*, въ которомъ еще продолжается торговля, хотя онъ не имѣлъ и не могъ имѣть прежняго значенія. Булгаръ падаетъ, во-1-хъ, отъ разоренія, причиненнаго татарскимъ нашествіемъ, а во-2-хъ, отъ разноплеменности этой мѣстности. Товары сѣверной Руси идутъ уже черезъ Новгородъ за море Варяжское въ руки нѣмецкихъ купцовъ или черезъ московскихъ людей въ Орду, или европейцамъ, поселившимся на Азовскомъ морѣ, и отъ нихъ уже расходятся по югу. Такимъ образомъ кругъ передаточной дѣятельности Булгара значительно сокращается, особенно когда въ пріуральскомъ краѣ являются русскія поселенія, центромъ которыхъ дѣлается Вятка. Хотя въ Булгаръ и ѣздятъ еще купцы, но рядомъ съ этимъ городомъ, немного сѣвернѣе, на той границѣ, гдѣ русское племя проникло далѣе всего по Поволжью и столкнулось съ инородческимъ населеніемъ, тамъ появляется новый торговый центръ, а именно Нижній Новгородъ, основанный довольно поздно Юріемъ II суздальскимъ. Нижній Новгородъ является уже въ то время важнымъ торговомъ центромъ, такъ какъ онъ лежитъ при устьѣ другой русской рѣки — Оки, и въ немъ сходятся самые разнообразные товары.

Такъ какъ Нижній былъ крайнимъ пунктомъ русскихъ поселеній, то за нимъ начинается уже населеніе дикое, инородческое. Его торговля подвигается впередъ довольно медленно, потому что ему приходится быть въ постоянной борьбѣ и терпѣть отъ разоренія, какъ городу пограничному; новгородцы притягиваютъ сюда купцовъ, и мы встрѣчаемъ извѣстіе, что, когда ушкуйники подошли къ Ниж-

нему Новгороду съ цѣлью его ограбить, то около него нашли болѣе кораблей, чѣмъ гдѣ-либо. Изъ этого мы хорошо видимъ будущность новой ярмарки, зародышъ которой могъ зародиться только тогда, когда сталъ падать Булгаръ и начало распространяться въ этой мѣстности русское владычество. Есть и другіе торговые города на Волгѣ: такъ въ Твери бываютъ гости ордынскіе, такъ значительнымъ торговымъ центромъ является Москва, но на подробностяхъ ея торговли мы остановимся впослѣдствіи[1]).

По Волгѣ можно было добывать мѣстныя приволжскія произведенія. Русскій человѣкъ везъ по Волгѣ уже извѣстные намъ товары; степь также обмѣнивалась съ нами собственными произведеніями, но ея произведенія, конечно, не могли быть многочисленны, прежде всего степь могла выставить лошадей. Мы знаемъ, что послы татарскіе, являясь къ намъ, приводили и лошадей на продажу: такъ, въ XV столѣтіи явился въ Москву татарскій посолъ Каранчукъ и привелъ съ собою для продажи 40000 лошадей, — число значительное, показывающее, что этотъ товаръ находилъ легкій и хорошій сбытъ. Татары настолько дорожили своимъ богатствомъ, что запрещали продавать степныхъ лошадей за границу, по крайней мѣрѣ, въ первое время; князь Андрей суздальскій былъ замученъ именно потому, что вопреки запрещенію хана продавалъ татарскихъ лошадей иноземнымъ купцамъ. Лучшими изъ этихъ лошадей считались ногайскія, соотвѣтствовавшія нашимъ донскимъ, и лошадь, имѣвшая ногайское степное клеймо — пятно, всегда легко находила себѣ сбытъ. Изъ приволжскихъ степныхъ мѣстностей вывозились мѣстные продукты, напримѣръ до сихъ поръ вывозимые арбузы (арбузъ — слово татарское, равно и бахча, на которой онъ выводится). Въ то время окрестные жители умѣли цѣнить богатство рыбою, которою изобиловала Волга. Рыба въ различныхъ видахъ добывалась въ Астрахани, напримѣръ балыкъ (опять слово татарское и значитъ просто *рыба*).

Путь волжскій для купцовъ русскихъ былъ весьма труденъ. Много терпѣли они отъ дикости жителей: грабили ихъ и русскіе ушкуйники, часто не разбирая христіанина отъ бесермянина, и часто тому же

[1]) Среди поволжскихъ торговыхъ пунктовъ можно отмѣтить также село Кимры, города Ярославль и Балахну, пріобрѣтавшихъ постепенно важное значеніе какъ рынковъ для хлѣба, соли и скота.

бесермянину продавали полонъ христіанскій; грабежомъ занимались и самые жители степи—татары, въ особенности, когда Орда стала распадаться. Извѣстныя понятія о правильномъ государствѣ, заимствованныя у персовъ, арабовъ и китайцевъ, не могли надолго оставить слѣда въ жителяхъ степи. Несмотря на всѣ желѣзныя усилія Чингисхановъ, Тамерлановъ, цивилизація скользнула какъ бы внѣшнимъ образомъ, и внѣшнія правительственныя формы, не выросшія среди народа, а перенесенныя извнѣ, не имѣли никакого вліянія на степняка: степнякъ остался степнякомъ. Орда попрежнему осталась ордою, юртою, шатромъ. И чѣмъ болѣе распадалась Орда, тѣмъ болѣе въ этомъ степнякѣ обнаруживалась его природная страсть къ грабежу и разбою. Ханъ могъ давать свою опасную грамоту, даже стражу, купцы могли платить деньги, чтобы ихъ провели въ опасныхъ мѣстахъ; деньги брались, но поручиться за степняка было невозможно: онъ бралъ деньги и сообщалъ своимъ собратьямъ о караванѣ купцовъ, а тѣ уже нападали и разграбляли его.

Купцы русскіе, сплавлявшіе товары по Волгѣ, съѣзжались въ *Сарай*, столицѣ хановъ Золотой Орды, напоминавшемъ по образу жизни древній итальянскій или хозарскій городъ. Въ Сараѣ существовалъ особый кварталъ для иноземныхъ гостей. Въ этомъ кварталѣ были гости иностранные и русскіе: русскихъ было особенно много. Сюда прибывали большіе полоны русскихъ, которые или обращались въ рабство, или поступали на службу хана. Кромѣ того, близость ханскаго двора заставляла многихъ русскихъ жить здѣсь по своимъ дѣламъ. Наконецъ, сами князья пріѣзжали сюда на поклонъ хана или за тарханными (льготными) грамотами. Въ такомъ городѣ, гдѣ жилъ царь обширнаго государства, являлось всегда изобиліе товаровъ, какъ награбленныхъ, такъ и накупленныхъ; сюда стекали товары какъ русскіе (мѣха по преимуществу), такъ восточные и итальянскіе. Какъ евреевъ въ запорожскую страну влекла всегда надежда, хотя и подъ опасностью смерти, легко поживиться послѣ удачнаго похода, когда въ кошелѣ казацкомъ заведется много денегъ, такъ то же самое побужденіе влекло многихъ купцовъ въ Сарай и заставляло пренебрегать въ этомъ случаѣ всѣми опасностями. Между русскими, жившими въ Ордѣ, безъ сомнѣнія, было много такихъ людей, которые отказывались отъ своей вѣры и, дѣлаясь ренегатами, были хорошо принимаемы въ Ордѣ, но тѣмъ не менѣе православныхъ тамъ было

такъ много, что въ 1265 году, слѣдовательно черезъ какія-нибудь 30 лѣтъ послѣ татарскаго погрома, явилась необходимость устроить особую сарайскую епархію, къ которой причислена была потомъ и епархія подонская.

Еще южнѣе Сарая, у самаго устья волжскаго, близъ теперешней Астрахани, русскіе купцы и вообще везшіе сѣверныя произведенія сталкивались съ тѣми людьми, которые везли продукты съ Каспійскаго и Чернаго морей. Это были гости, торговавшіе тѣмъ, что они могли добыть отъ итальянскихъ купцовъ. Необыкновенно важное значеніе получаютъ тѣ продукты, которые везлись съ Чернаго моря и везлись поселившимися тамъ иноземцами, именно генуэзцами. На этихъ товарахъ мы должны будемъ остановиться, такъ какъ эти товары составляли основу московской торговли. У насъ, въ Москвѣ, напримѣръ, въ то время считались самыми богатыми гостями суконщики и сурожане, что̀ въ сущности одно и то же.

VII.

Итальянскіе купцы и юго-восточная торговля въ XIV—XV вв.

Изъ исторіи крестовыхъ походовъ мы знаемъ, какъ повліяло на европейца, закоченѣвшаго въ своей деревенской необщительности, знакомство съ Востокомъ и какое оживляющее и возбуждающее дѣйствіе оказало оно на города, лежащіе по берегамъ Средиземнаго моря; мы знаемъ, какъ благодаря могущественной силы торговли эти города возникли изъ своего упадка и сдѣлались богатѣйшими центрами, и какъ, наконецъ, ихъ богатство доставило имъ силу: прежде незначительныя Генуя и Венеція сдѣлались дѣйствительно царицами Средиземнаго моря. Исторія итальянскихъ республикъ есть славная страница въ исторіи торговли, она намъ указываетъ на ту мощную силу, которая таится въ этомъ элементѣ человѣческой дѣятельности. Италіанцы, сдѣлавшись въ короткое время господами

Средиземнаго моря, черезъ это стали господствовать надъ всей Европой; они ходили за товарами въ однѣ страны, передѣлывали ихъ и развозили по другимъ странамъ. Итакъ, мы видимъ, что дѣятельность ихъ была не пассивная, и въ этомъ отношенiи ихъ можно сравнить только съ арабами.

Итальянецъ постоянно старался отыскать новые рынки для сбыта своихъ и для добычи новыхъ товаровъ, въ этой попыткѣ разыскать новые товары онъ проникаетъ и въ Черное море. Уже съ XII столѣтія онъ по достоинству оцѣнилъ эти мѣстности. Проѣхать на сѣверъ онъ не могъ, но степь давала ему своё и получала диковины заморскія. Такимъ образомъ при устьѣ Дона являются *Тана* или *Орна* (Азовъ) — поселеніе венеціанцевъ и пизанцевъ, а на Черномъ морѣ въ Крыму появляется цѣлый рядъ колоній генуэзскихъ. Татары сознавали всю выгоду этой торговли и сознавали въ то же время свою собственную неспособность къ ней, потому они положительно нуждались въ дѣятельности итальянцевъ, вслѣдствіе чего въ 1260 году въ этихъ мѣстностяхъ основывается торговый городъ *Кафа* (Ѳеодосія). Мы знаемъ, что между венеціанцами и генуэзцами вслѣдствіе конкуренціи въ торговыхъ интересахъ происходили частыя столкновенія. Венеціанцы дорожили Чернымъ моремъ: принимая дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ и помогая основанію Латинской имперіи, они получили право жить въ Константинополѣ и имѣть безпошлинный проходъ въ Черное море; генуэзцы были удалены оттуда. Именно это обстоятельство заставило генуэзцевъ соединиться съ остатками византійцевъ противъ Латинской имперіи и венеціанцевъ. Соединенныя силы генуэзцевъ съ греками напали на Латинскую имперію во время отсутствія ея императора; латиняне сознавали свое полное безсиліе и потому безъ всякаго сопротивленія уступили свои владѣнія законнымъ владѣтелямъ. Генуэзцы, конечно, получили награду за свои услуги: имъ предоставлены были два квартала въ Константинополѣ — Пера и Галата, и позволено было обнести ихъ каменной стѣной. Генуэзцы воспользовались присутствіемъ своего флота для того, чтобы перерѣзать враждовавшихъ съ ними венеціанцевъ, и съ этого времени сдѣлались полными господами Чернаго и Азовскаго морей. Чтобы имѣть складочный пунктъ, они основали городъ *Кафу* и заселили его своими колонистами. Такъ какъ эти мѣстности были заселены народами, подчиненными татарамъ, то, понятно, что это

было сдѣлано съ согласія татарскаго хана и на извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія состояли, во-1-хъ, въ томъ, что генуэзцы были обязаны платить дань татарамъ 3% со всей торговли, за чѣмъ наблюдалъ особый татарскій чиновникъ, и, во-2-хъ, генуэзцы въ важныхъ дѣлахъ обязаны были обращаться къ хану, — таково было невидное начало этого города, находившагося подъ вліяніемъ татаръ, платившаго имъ дань и обязаннаго признавать власть татарскаго чиновника. Но этотъ городъ жилъ торговлею, и торговля дала ему такую грозную силу, что предъ нимъ должны были преклониться татарскій ханъ, византійскій императоръ и венеціанскій дожъ. Всѣ они были побѣждены генуэзцами, и не даромъ Кафа получила названіе таврическаго, крымскаго Константинополя.

Кафа сдѣлалась значительнымъ центромъ товаровъ идущихъ изъ всѣхъ черноморскихъ мѣстностей. Сначала генуэзцы купили небольшой клочокъ земли съ правомъ тамъ выстроить свои торговыя помѣщенія, причемъ они обязывались признать верховную власть татаръ и платить извѣстный установленный %, а именно 3% съ продаваемыхъ товаровъ; но такъ какъ торговля все болѣе и болѣе возрастала, то увеличивалось благосостояніе генуэзцовъ, которымъ, благодаря развитымъ торговымъ и политическимъ взглядамъ, удалось настолько поднять значеніе своего города, что онъ сдѣлался почти независимымъ. Прошло немного времени, и генуэзцы выстраиваютъ, незамѣтно для татаръ, твердое каменное укрѣпленіе, которое дѣлало этотъ городъ совершенно безопаснымъ; наконецъ, то политическое правильное устройство, которое является тамъ, также возвышаетъ его передъ другими городами. Генуя устроила у себя особое правительство, которое должно было наблюдать за торговлей Чернаго моря. Правительство это состояло изъ 8 выборныхъ и утвержденныхъ дожемъ купцовъ и называлось *хозарскимъ трибуналомъ.* Этотъ трибуналъ собирался въ дворцѣ или церкви Св. Георгія, тамъ, гдѣ находился знаменитый въ тѣ времена банкъ Генуэзскій; онъ имѣлъ право назначать начальниковъ въ черноморскія колоніи и отправлять туда эскадры. Всякій купецъ, желавшій отправить корабль въ Черное море, долженъ былъ обращаться къ трибуналу и только съ его разрѣшенія онъ могъ отправиться въ путь и не одинъ, а вмѣстѣ съ эскадрой, во главѣ которой находился капитанъ съ неограниченною властью:

во время плаванія ему даже было предоставлено право смертной казни, а для того, чтобы самъ капитанъ не позволялъ себѣ своеволія, на флотѣ обыкновенно находились еще два купца, спеціально выбранные трибуналомъ для надзора за нимъ. Для управленія Кафою выбирался консулъ (его назначалъ также трибуналъ); консулъ выбирался на одинъ годъ, по истеченіи котораго долженъ былъ возвратиться въ Геную и дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ пользовался большою властью и носилъ громкій титулъ верховнаго консула Хазарской имперіи и всего Чернаго моря; въ его рукахъ была печать, которую онъ прикладывалъ ко всѣмъ бумагамъ. Помощникомъ его былъ канцлеръ, обязанность котораго была составлять бумаги къ иностраннымъ сосѣдямъ; рядомъ съ нимъ стоялъ кастелянъ, который былъ начальникомъ и особенной военной стражи, управлявшей полиціею въ городѣ. Порядокъ, господствовавшій въ Кафѣ, былъ такъ привлекателенъ, что даже татары въ своихъ спорахъ обращались къ итальянцамъ и просили третейскаго суда; поэтому въ Кафѣ было 4 деревенскихъ судьи, которые должны были разбирать какъ дѣла между татарами и генуэзцами, такъ и дѣла между самими татарами; все это придавало Кафѣ твердое политическое устройство, подобное которому можно было найти развѣ только въ Венеціи, и это сознательное стремленіе къ порядку, къ государственному устройству придавало генуэзцамъ необыкновенную силу. Активная торговля въ развитыхъ формахъ, не случайное, а систематическое отношеніе къ дѣлу еще болѣе возвышали колоніи, такъ что въ XIV в. Кафа могла показать всѣмъ своимъ сосѣдямъ ту силу, которую она пріобрѣла.

Кромѣ Кафы, была другая колонія Тана; если Кафа была городомъ европейскимъ, то Тана была городомъ полуевропейскимъ и полустепнымъ. Это былъ городъ татарскій, но татары уступили иностранцамъ извѣстное мѣсто, кварталъ, въ которомъ жили главнымъ образомъ венеціанцы, но также котланцы и флорентійцы. Генуэзцы успѣли проникнуть и въ Тану, несмотря на сильное желаніе венеціанцевъ помѣшать имъ; здѣсь они имѣли также своего собственнаго консула и пытались воздвигнуть свои укрѣпленія, но зависимость отъ татаръ была здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ Кафѣ, и поэтому между генуэзцами и татарами часто происходили столкновенія.

Однажды на рынкѣ Таны поссорился генуэзецъ съ татариномъ. Татаринъ въ пылу спора ударилъ генуэзца по щекѣ; послѣдній, не вытерпѣвъ оскорбленія, убилъ татарина. Это сильно раздражило татаръ; немедленно объ убійствѣ донесли хану. Въ то время ханомъ былъ сынъ Узбека — Чанибекъ; ему стала подозрительна эта постепенно возвышавшаяся и усилившаяся колонія, которая и теперь самовластно управлялась и не признавала его авторитета. Чанибекъ рѣшился наказать надменныхъ европейцевъ, выдвинулъ войско и подступилъ къ Танѣ. Европейскіе жители Таны покинули свои дома и нашли убѣжище въ Кафѣ. Чанибекъ разорилъ до основанія европейскій кварталъ и сжегъ всѣ дома, затѣмъ онъ двинулся къ Кафѣ, но передъ Кафой разбились всѣ усилія могучаго татарскаго хана. Его остановили крѣпкія укрѣпленія, воздвигнутыя тутъ европейскими руками, и хотя онъ продолжалъ вести блокаду, но всѣ старанія его были безуспѣшны; генуэзцамъ удалось воспользоваться безпечностью татаръ, разрушить всѣ ихъ осадныя орудія, и Чанибекъ, довольствуясь разореніемъ нѣсколькихъ мѣстностей, принужденъ былъ отступить. Генуэзцы рѣшились упорно вести борьбу и не уступать; они увеличили свой флотъ и объявили всѣ берега, занятые татарами на Азовскомъ морѣ, въ блокадѣ. Такъ продолжалось нѣкоторое время; генуэзцы не отступали отъ разъ принятаго ими рѣшенія и нашли сочувствіе въ папѣ Климентѣ, который даже проповѣдывалъ крестовый походъ противъ мусульманъ. Но этимъ случаемъ хотѣли воспользоваться тѣ люди, которые всегда завидовали генуэзцамъ, именно венеціанцы. Несмотря на то, что первые ихъ предупреждали, что море Азовское находится въ блокадѣ, они тайкомъ пробирались черезъ него и привозили для продажи татарамъ европейскіе товары. Генуэзцы рѣшились, въ свою очередь, не допустить этого нарушенія блокады и однажды захватили венеціанскіе корабли; послѣдствіемъ такого поступка была война между республиками. Казалось, что побѣда должна быть на сторонѣ венеціанцевъ, тѣмъ болѣе, что ихъ сторону приняли греки, но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Генуэзцы остались побѣдителями, именно въ этой борьбѣ они показали всю свою силу и все свое могущество. Подъ стѣнами Константинополя греческій и венеціанскій флотъ потерпѣли пораженіе, и греческій императоръ долженъ былъ принять мирныя условія, которыя ему предложили генуэзцы. Однимъ

словомъ, миръ этотъ былъ блистателенъ для генуэзскихъ колоній. Когда венеціанцы потерпѣли пораженіе у береговъ Италіи, то они должны были также согласиться на миръ. По этому миру генуэзцы дозволили имъ торговать на Азовскомъ морѣ и жить въ Танѣ, если татары позволятъ имъ поселиться тамъ, но только подъ надзоромъ генуэзцевъ. Чанибекъ уже болѣе не пытался напасть на Кафу, убѣдясь въ ея неприступности, а продолженіе войны оказалось слишкомъ невыгоднымъ для него. Между татарами начались сильныя неудовольствія, потому что вслѣдствіе блокады они не получали иноземныхъ товаровъ, особенно суконъ, въ которыхъ нуждались, и не имѣли сбыта для своихъ произведеній, такъ что въ Танѣ накопилась цѣлая масса товаровъ, привозимыхъ съ востока; ихъ нужно было продать и отправить на западъ, но этого сдѣлать было нельзя по причинѣ блокады ихъ городовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ Чанибекъ также долженъ былъ согласиться на миръ, по которому онъ уступилъ генуэзцамъ всѣ прежнія привилегіи, т.-е. право жить въ Кафѣ и поселиться въ Танѣ. Татарскій начальникъ или, какъ его называли, дарога долженъ былъ являться въ городъ и присутствовать при таможенномъ сборѣ; генуэзцы должны были сдѣлать эту уступку для татаръ, потому что послѣдніе были необходимы для нихъ. Такимъ образомъ Генуя и ея колонія Кафа въ 50-хъ годахъ XIV столѣтія являются побѣдителями византійскаго императора, венеціанскаго дожа и татарскаго хана. Могущественная сила торга и развитіе государственнаго устройства являются здѣсь въ выразительныхъ чертахъ.

Сношенія съ татарами долго еще не могли уладиться, но свобода Кафы была обезпечена; впослѣдствіи консулу города подъ строгимъ штрафомъ было запрещено называть себя вассаломъ кипчакскаго хана или вообще чѣмъ-нибудь напоминать прежнія зависимыя отъ татаръ отношенія. Когда въ 70-хъ годахъ того же столѣтія возобновились опять непріязненныя отношенія между степняками и итальянцами, генуэзцы вторично показали татарамъ всю свою силу и могущество. Изъ военныхъ дѣйствій того времени сохранился до насъ разсказъ о походѣ генуэзцевъ, который достаточно рисуетъ намъ смѣлость и предпріимчивость генуэзскихъ купцовъ. Въ 1374 году итальянскій искатель приключеній Луккино Тариго собралъ нѣсколько лодокъ и съ подобными себѣ удальцами пробрался на Донъ, оттуда волокомъ на Волгу, гдѣ разграбилъ

корабли, набралъ себѣ несмѣтное количество богатствъ и возвратился назадъ. Хотя часть сокровищъ была отнята во время шествія степью, но тѣмъ не менѣе больше половины было спасено, и итальянцы возвратились съ большою добычею. Любопытно, что экспедиція Луккино Тариго совершилась за нѣсколько мѣсяцевъ до похода извѣстнаго новгородскаго ушкуйника Прокопа въ 1375 году. Оригинально было время, когда на берегахъ великой русской рѣки могли сойтись ушкуйникъ новгородскій съ ушкуйникомъ итальянскимъ.

Послѣ этого независимость Кафы была совершенно обезпечена, и ея богатства росли все болѣе и болѣе. Весь южный берегъ Крыма покрывается цѣлымъ рядомъ генуэзскихъ колоній. Прежде въ Крыму съ Кафою могъ соперничать старый городъ, которымъ такъ дорожили греки, именно Херсонесъ или, какъ его называли по-итальянски, Харпзенда, но по договору византійцевъ съ генуэзцами онъ былъ отданъ въ руки послѣднихъ; генуэзцы явились въ этотъ городъ, разрушили его, и съ тѣхъ поръ Херсонесъ уже не поднимался. Послѣ этого соперниковъ въ Крыму собственно не было. Чтобы обезпечить себѣ господство на Азовскомъ морѣ, генуэзцы заняли пунктъ близъ теперешней Керчи, гдѣ основали городъ *Черко* и селеніе *Еникале*, а на противоположномъ берегу городъ *Матраки* (наша старинная Тмутаракань), гдѣ выстроили крѣпкія укрѣпленія. Съ того времени господство генуэзцевъ вполнѣ утвердилось надъ Керчинскимъ проливомъ, такъ что во всякую минуту генуэзцы имѣли возможность закрыть для венеціанцевъ проходъ въ Азовское море; съ этихъ поръ всякая возможная конкуренція со стороны венеціанцевъ была прекращена. На южномъ берегу Крыма было выстроено много городовъ. На мѣстѣ греческаго города Символиса итальянцы выстроили городъ *Чембаро* (нынѣшняя Балаклава); немного ближе къ Кафѣ появляется другой торговый городъ *Солдайя*, мѣстные жители называли этотъ городъ другими именами: Судакъ и Сурожъ; у насъ это послѣднее имя было болѣе распространено, и впослѣдствіи подъ именемъ сурожанъ соединялись въ глазахъ русскихъ всѣ итальянцы Черноморья и Азовскаго — Сурожскаго моря. Въ Солдайѣ на неприступныхъ скалахъ была выстроена, скорѣе высѣчена, крѣпость, которая могла быть не однимъ оплотомъ, но и въ случаѣ несчастія здѣсь могли безопасно сохраняться товары. Замокъ Сурожъ въ развалинахъ сохранился еще до нашего времени и

есть одинъ изъ замѣчательныхъ генуэзскихъ памятниковъ; онъ свидѣтельствуетъ о трудѣ, энергіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о процвѣтаніи генуэзскихъ колоній. Занявши такимъ образомъ всѣ берега Крыма, сосѣднія мѣстности, обезпечивъ себя договорами и трактатами и держа въ своихъ рукахъ татарскаго хана, генуэзцы дѣйствительно сдѣлались господами Чернаго моря, и это море вмѣсто русскаго могло, по справедливости, назваться моремъ итальянскимъ, генуэзскимъ. Въ XIV вѣкѣ Кафа могла выставить 630 кораблей, не считая кораблей мелкихъ и кораблей, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ; таможные доходы были громадны. Кафинскіе моряки своими судами перекрещивали море Черное по всѣмъ направленіямъ; ихъ смѣлость и предпріимчивость были необычайны. Обыкновенно запрещалось купцамъ плавать по Черному морю отъ декабря до марта, зимою, когда это море является самымъ бурнымъ, и Понтъ евсинскій становится напоминающимъ свое старое, негостепріимное названіе — аксинскаго. Никто изъ моряковъ не рѣшался плавать въ это бурное время; только купцы генуэзскіе выпрашивали себѣ разрѣшеніе плавать и въ это время къ великому изумленію жителей Константинополя и другихъ мѣстъ Понтійскаго побережья смѣло бороздили море и въ это бурное время. До сихъ поръ жители Трапезунда употребляютъ для прибрежнаго плаванія лодки особой формы и утверждаютъ, что эти лодки сохранились у нихъ отъ временъ и образцовъ генуэзскихъ. Черное море хорошо было извѣстно генуэзцамъ, и они, рано сознавъ важность хорошаго географическаго изученія составили цѣлый рядъ картъ Чернаго моря, называемыхъ обыкновенно периплами (обводъ озера). На этихъ картахъ обозначали они города, мѣстности, и, конечно, это картографическое знакомство много помогло ихъ торговлѣ. Можно сказать, что первая карта частицы настоящей Россіи была составлена генуэзцами.

Итакъ Кафа, какъ мы видѣли, дѣлается складочнымъ мѣстомъ всѣхъ европейскихъ товаровъ, и въ Кафу съѣзжаются купцы изъ самыхъ отдаленныхъ сосѣднихъ мѣстностей. Прежде всего встрѣчаются здѣсь купцы татарскіе; они привозили сюда свои степныя произведенія, по всей вѣроятности, степныхъ лошадей, привозили также скотъ и случайно попавшіе имъ въ руки товары русскіе и восточные, но болѣе всего должны были привозить деньги, на

которыя покупали все необходимое для себя. Генуэзцы привозили произведенія италіянскихъ фабрикъ и въ особенности много сукна, которое, служа защитой отъ суроваго климата, являлось однимъ изъ наиболѣе потребляемыхъ татарами товаровъ: татары больше нигдѣ не могли достать этого произведенія, такъ какъ на востокѣ выдѣлывались однѣ только мягкія, тонкія ткани. Сукно привозилось сюда разное, но преимущественно красное, яркое, сюда же привозили и готовое платье — наши однорядки тоже яркаго цвѣта; болѣе высокаго сорта сукна шли не для обыкновенныхъ татаръ, а для хана и его мурзъ. Сюда же привозились и другіе товары фабричной промышленности: напримѣръ, различная посуда, металлическія вещи, стеклянныя издѣлія, такъ какъ Венеція начинала уже заводить свои знаменитыя стеклянныя и зеркальныя фабрики въ Мурано; привозится сюда также полотно, которое генуэзцы сами производили или привозили изъ Фландріи. Здѣсь также можно было найти южныя произведенія италіянской природы: плоды и, наконецъ, вино. Вина въ то время славились апулійскія и анконскія; крымскія вина также обязаны своимъ происхожденіемъ генуэзцамъ, которые первые начали вести правильное винодѣліе въ Крыму. Эти вина находили большой сбытъ среди степного населенія, такъ какъ мурзы татарскіе, легко нажившіе массы денегъ, послѣ грабежей любили предаваться разгулу; немудрено потому, что степняки очень дорожили генуэзскими купцами, черезъ которыхъ могли получать всѣ предметы роскошнаго Запада, а тѣ, въ свою очередь, удовлетворяя ихъ потребности, брали съ нихъ за это значительныя суммы денегъ. Кромѣ татарскихъ купцовъ, приходили сюда и русскіе купцы; приходили они различными путями: нѣкоторые изъ нихъ шли черезъ Сарай и Волгу, другіе прямо черезъ Донъ. Можетъ-быть, нѣкоторые пускались не воднымъ путемъ, а караванной степной дорогой, хотя этотъ путь былъ очень затруднителенъ: по крайней мѣрѣ, Дмитрій Донской, когда шелъ противъ Мамая, взялъ съ собою гостей сурожанъ (т.-е., вѣроятно, русскихъ, торговавшихъ съ Сурожемъ), „повѣдованія ради дальнихъ путей степныхъ“[1]).

[1]) Такимъ караваннымъ путемъ еще въ XV вѣкѣ (въ 1476 г.) ѣхалъ, между прочимъ, изъ Астрахани въ Москву путешествовавшій по Россій Контарини — знатный венеціанецъ, посолъ Венеціанской республики, отправленный для воору-

Нѣтъ сомнѣнія, что и генуэзцы пріѣзжали въ Москву, куда они для большей безопасности приходили съ татарами. Въ XIV вѣкѣ является къ намъ татарскій посолъ и вмѣстѣ съ нимъ сурожане; надо замѣтить, что генуэзскіе или фряжскіе купцы назывались у насъ не кафаскими гостями, а сурожанами; объяснить причину этого мы съ полною достовѣрностью не можемъ. Хотя въ Сурожѣ и была своя контора, но главные товары во всякомъ случаѣ сосредоточивались въ Кафѣ, и было даже постановленіе, чтобы въ Сурожѣ корабли итальянскіе не могли оставаться долѣе трехъ дней, по прошествіи которыхъ должны были отправляться въ Кафу; но если русскіе называли гостей итальянскихъ сурожанами, то ясно, что для нихъ главный торговый пунктъ, на время по крайней мѣрѣ, находился въ этомъ городѣ, но почему и какимъ образомъ, источники не даютъ намъ на это никакого отвѣта. Купцы сурожане, какъ русскіе, такъ и генуэзскіе, довольно часто упоминаются у насъ на Руси съ XIV вѣка, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ въ Москвѣ постоянно ихъ можно было встрѣтить; у насъ даже устраивается въ Гостиномъ дворѣ особый рядъ сурожскій, и гости сурожане и суконники были тождественны между собою. Если сукно, доставляемое иностранной торговлей, было такъ необходимо для татаръ, то конечно, оно является одинаковой потребностью и для насъ при суровомъ климатѣ. Очевидно, что эти товары, привозимые изъ Сурожа, были особенно важны для насъ, и потому естественно, что суконные торговцы играли важнѣйшую роль въ нашей торговлѣ; притомъ въ то время нельзя было предполагать особой спеціализаціи товаровъ, почему гость-суконникъ былъ въ то же время для Москвы гостемъ сурожскимъ, привозившимъ всѣ западныя диковинки. Кромѣ сукна, сурожскіе купцы привозили тѣ же самые продукты итальянской дѣятельности, которыми они снабжали татаръ, и, кромѣ всего этого, они привозили

женія Польши, Россіи и Персіи противъ возрастающаго могущества турокъ и оставившій, между прочимъ, любопытное описаніе своей поѣздки. Дорога эта шла обыкновенно по правому берегу Волги (иногда по лѣвому, чтобы избѣжать нападеній отъ татаръ Золотой Орды) до того мѣста, гдѣ Волга въ своемъ теченіи приближается къ Дону, и оттуда черезъ степь; она была столь трудна и опасна, что по большей части восточные и русскіе купцы съ товарами присоединялись къ посольствамъ, идущимъ отъ астраханскихъ хановъ въ Москву или обратно. Естественно, что при такихъ условіяхъ этой степной караванный путь не могъ играть большой роли въ тогдашней русской торговлѣ.

въ Русь рыбу, потому что при устьѣ Дона были весьма важные рыбные промыслы, которыми генуэзцы не приминули воспользоваться. Что же касается до товаровъ, привозимыхъ русскими, то между ними мы не можемъ найти ничего новаго сравнительно съ тѣми, которые уже намъ извѣстны. Важнѣйшіе были мѣха, изъ которыхъ собольи цѣнились очень дорого, лѣсъ, кожа, соль медъ и воскъ. Сурожъ имѣлъ еще и другое значеніе для русскихъ, кромѣ торговаго: черезъ него русскіе могли продолжать свои сношенія съ Византіей, которыя преимущественно обусловливались церковными потребностями: оттуда приходили къ намъ митрополиты, поставляемые греческимъ патріархомъ; оттуда же приходили греческіе художники, мастера, переписчики книгъ, учителя и даже греческіе монахи, какъ для поученія, такъ и для сбора милостыни, и такимъ образомъ извѣстное стремленіе Россіи къ этому европейскому центру (Византіи), несмотря на затруднительное сообщеніе, не прерывалось, благодаря посредничеству итальянцевъ. Указаніемъ на эти сношенія могутъ служить браки князей и царей византійскихъ на русскихъ княжняхъ. Такъ, напримѣръ, на дочери Василія I Аннѣ женился греческій царевичъ Іоаннъ; такимъ же доказательствомъ могутъ служить путешествія русскихъ, напр., хожденіе митрополита Пимена. Итальянцы служили посредниками въ этихъ сношеніяхъ: не иначе, какъ на корабляхъ генуэзскихъ, русскіе могли предпринять эти далекія плаванія. То, что одна пріазовская мѣстность на итальянскихъ картахъ называлась Porto-rosso, можетъ навести на догадку, что русскіе имѣли даже постоянное поселеніе на берегахъ Азовскаго моря, но это догадка, которую подтвердить мы не можемъ.

Въ Кафу съѣзжались купцы и съ западныхъ береговъ Чернаго моря: молдавскіе, валахскіе и болгарскіе. Генуэзцы рано сознали важность Дуная и постарались заключить договоры съ правительствомъ Молдавіи и Болгаріи, по которымъ бы имъ дозволялась безпошлинная провозка товаровъ черезъ Дунай и, наконецъ, устроить тамъ свои торговыя помѣщенія и колоніи. Изъ такихъ колоній генуэзцевъ мы можемъ упомянуть о Киліи (Килійскій рукавъ Дунайскаго устья). Кромѣ размѣнныхъ другихъ товаровъ, которые могли здѣсь добываться, генуэзцы вывозили отсюда особенно необходимый для нихъ продуктъ — хлѣбъ. Мѣстности эти

славились своими обильными жатвами, и поэтому генуэзцы занимались хлѣбною торговлею, какъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, потому что они, какъ народъ торговый, не занимались хлѣбопашествомъ, такъ и для западной Европы. Оттуда же въ значительномъ количествѣ вывозился медъ и воскъ.

Утвердясь на Черномъ морѣ и принимая къ себѣ иноземныхъ купцовъ, генуэзцы обращали главное вниманіе на востокъ; не степные товары и даже не сѣверо-русскіе составляли для нихъ главную приманку: ихъ привлекали товары средне-азіатскіе, китайскіе, индѣйскіе, персидскіе и арабскіе. Хотя естественный и прямой путь изъ Европы въ эти мѣстности велъ по караванной дорогѣ черезъ Сирію, но, какъ извѣстно, крестовые походы, борьба правовѣрныхъ съ мусульманами, папскія запрещенія, появленіе турокъ, неспособныхъ ни къ какой промышленной и торговой дѣятельности — все это полагало неодолимое препятствіе, и хотя венеціанцы употребляли всевозможныя усилія, чтобы преодолѣть эти препятствія, но удобнѣе и естественнѣе былъ путь черезъ Кафу, тѣмъ болѣе, что здѣсь могли сосредоточиваться не только товары средне-азіатскіе, но также сѣверные и китайскіе. Три пути могли вести изъ Кафы въ среднюю Азію: первый велъ черезъ колонію Трапезундъ и далѣе черезъ Арменію и Курдистанъ; второй — прямо черезъ Кавказъ на Каспійское море и третій — черезъ Донъ и Сарай въ Золотую Орду.

Путь первый давно уже былъ усвоенъ генуэзцами; они издавна жили въ Трапезундѣ, имѣли тамъ свои кварталы, конторы, своего консула и, по обычаю, сильно желали захватить въ свои руки этотъ греческій городъ; они требовали себѣ всевозможныхъ привилегій, надмѣнно обращались съ жителями Трапезунда, а это приводило къ столкновеніямъ. Второй путь велъ черезъ Кавказъ. Кавказъ въ то время былъ очень важнымъ владѣніемъ генуэзцевъ, и можно сказать, что Кавказъ былъ вполнѣ въ ихъ рукахъ. Въ то время Кавказъ былъ населенъ различными мелкими горными племенами, которыя не отличались своею развитостью и образованностью, а потому генуэзцы явились сюда учителями и полными хозяевами: съ одной стороны, проникали они по Кубани и основали здѣсь цѣлый рядъ укрѣпленій, съ другой — они входили въ устья рѣки Фазиса и здѣсь, по этой рѣкѣ, вступали во внутренность страны. Генуэзцы на Кавказѣ занимались разработкой серебряной

руды, и въ данномъ случаѣ имъ первымъ принадлежитъ эта иниціатива. Вліяніе генуэзскихъ купцовъ на Кавказѣ было такъ велико, что они совершенно распоряжались мѣстными князьями, и не даромъ теперь сохранилось сказаніе о томъ, что многіе горцы ведутъ свое начало отъ френговъ, т.-е. генуэзцевъ. Добывая здѣсь серебро, медъ, воскъ и предметы дикой кавказской природы, напримѣръ, дикихъ козъ, они дорожили однако Кавказомъ не столько по этимъ товарамъ, сколько по громадному запасу невольниковъ, которыхъ они вывозили оттуда: можно сказать, что Кавказъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, былъ главнымъ центромъ и источникомъ невольничей торговли, такимъ же, какимъ впослѣдствіи явилась Гвинея. Источникъ рабства заключался въ раздѣленіи кавказскихъ полудикихъ племенъ на множество отдѣльныхъ родовъ, которые всѣ находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою. Мелкій князекъ, иногда просто изъ удали или жажды мести, нападалъ на другого князька, а тамъ былъ обычай, очень строго соблюдавшійся, несмотря на всеобщее беззаконіе, что всѣ плѣнники дѣлались достояніемъ ихъ побѣдителя, только самого побѣжденнаго князька привязывали къ лошади, у которой обрѣзывали уши и пускали на волю. Чувствуя свою личную безопасность, князьки обыкновенно часто предпринимали набѣги. Такъ какъ набѣговъ было множество, то и невольниковъ было много, и кромѣ того, при грубости и дикости нравовъ, черкесы и другіе горные жители охотно продавали въ рабство своихъ дѣтей, преимущественно дочерей; черкешенки славились своей красотою, а потому и покупателей на нихъ было много. Гораздо болѣе дорожили они своими сыновьями и продавали ихъ только въ крайнихъ случаяхъ — тогда, когда необходимость заставляла ихъ избавиться отъ голода, а голодъ бывалъ довольно часто, такъ что и сыновей продавали они въ рабство также довольно часто. Однимъ словомъ Кавказъ составляетъ источникъ для невольниковъ. Съ одной стороны, онъ отпускаетъ невольниковъ въ восточную Персію, Аравію и городъ Дербентъ, съ другой — онъ отправляетъ ихъ въ большомъ количествѣ на западъ черезъ генуэзцевъ и венеціанцевъ.

Изъ другихъ замѣчательныхъ генуэзскихъ колоній были: Тана при устьѣ Дона, Тамань и Сухумъ-Кале. Въ Тану доставлялись невольники преимущественно отъ татаръ; что же касается до гор-

цевъ, то они сбывались въ Сухумъ-Кале. Главный сбытъ невольниковъ былъ въ Египтѣ: египетскій Суданъ, нуждаясь въ рабахъ, покупалъ ихъ для своей арміи, а женщинъ для гаремовъ; изъ этихъ же плѣнныхъ пополнялись грозные мамелюки. По всей вѣроятности, въ числѣ невольниковъ встрѣчалось много русскихъ, такъ какъ не только татары торговали ими, но, какъ мы видѣли, и свои собственные ушкуйники безъ содроганія сердца продавали въ рабство своихъ братьевъ. Для покупки рабовъ въ Танѣ и другихъ мѣстностяхъ жили, какъ намъ извѣстно, особые египетскіе агенты, должность которыхъ состояла въ томъ, что они покупали и отправляли невольниковъ по назначенію. У насъ есть извѣстіе, что изъ одной Мингреліи вывозилось ежегодно до 12 тысячъ человѣкъ; свѣдѣнія эти, быть можетъ, и преувеличеныя, все-таки даютъ намъ понятіе о томъ, въ какомъ громадномъ размѣрѣ производился этотъ торгъ людьми.

Остановимся теперь на характеристикѣ торговыхъ сношеній европейскаго Запада съ азіатскимъ Востокомъ черезъ посредничество генуэзцевъ, на пути въ среднюю Азію, собственно Индостанъ, съ которымъ на берегахъ Каспійскаго моря черезъ Трапезундъ, Кавказъ и Сарай соединялся путь китайскій.

Къ XIV вѣку въ средней Азіи произошло много перемѣнъ — такъ много, что трудно въ короткихъ словахъ и наглядно представить исторію ея за это время. Съ паденіемъ арабскаго халифата здѣсь перебывали многіе народы: турки-сельджуки, турки-османы, монголы и различныя другія племена, менѣе извѣстныя въ исторіи. Цѣлый рядъ государствъ быстро появляется, но такъ же быстро и уничтожается. Трудно прослѣдить всѣ перемѣны, но одно замѣчаемъ мы, что среди всѣхъ этихъ перемѣнъ могущественно легло вліяніе арабской цивилизаціи и той религіи, которая была создана ею. Тотъ народъ, который произвелъ этотъ толчокъ, давно уже успокоился подъ яснымъ небомъ аравійскихъ степей; бедуины остались прежними бедуинами, но жизнь, которую они пробудили, не угасла. Мы, конечно, не встрѣчаемся съ той энергіей, съ тѣмъ богатствомъ многосторонняго развитія, съ той удалью, которая такъ могущественно подчиняла всѣхъ арабскому вліянію, но тѣмъ не менѣе та развитая общественная и государственная жизнь, которая была вызвана храбскимъ халифатомъ, не угасла. Попрежнему здѣсь,

по указаннымъ нами путямъ, идутъ торговля и промышленность, и громъ войны и разоренія этимъ мѣстностей не могли уничтожить блистательнаго развитія.

Средняя Азія этого времени остается во многихъ отношеніяхъ болѣе развитою, чѣмъ западная Европа. Европейцу приходилось являться въ Азію не только для того, чтобы добыть невѣдомые товары далекаго Востока, но вмѣстѣ съ тѣмъ добывать также произведенія обработанныя, которыя стояли много выше европейскихъ. Такимъ образомъ Востокъ остается для Западной Европы источникомъ для удовлетворенія потребностей, и не сырые матеріалы вывозятся оттуда, какъ въ настоящее время, но значительно обработанные.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, нѣтъ уже съ прежнимъ, почти всемірнымъ, значеніемъ роскошнаго Багдада, нѣтъ перла Востока — Дамаска, этого политическаго, культурнаго и промышленнаго центра. Роскошные города, развившіеся подъ вліяніемъ арабскаго халифата, теряютъ свою жизненную энергію, толкавшую впередъ арабовъ на пути развитія; но все-таки эти города попрежнему остаются центрами промышленности и торговли, и къ нимъ присоединяются другіе, въ которыхъ кипитъ живая, развитая городская дѣятельность. Такихъ центровъ было такъ много, что мы съ трудомъ могли бы ихъ всѣ перечислить. Мы огранимся указаніемъ немногихъ мѣстностей. Если начнемъ съ Сиріи, мы встрѣтимся съ знакомымъ намъ *Дамаскомъ*, славившимся сабельными клинками, тонкими кольчугами и шлемами, которые черезъ посредство татаръ переходили и къ намъ на Русь; на востокъ отъ Дамаска, на Тигрѣ, лежитъ *Багдадъ*, славившійся своими шелковыми тканями, въ особенности же тафтой, златотканной парчой, которыя расходились на западъ и на востокъ, и у насъ являлись въ обиліи. На сѣверѣ отъ этого послѣдняго, на Тигрѣ же, лежалъ городъ *Мосулъ*, также извѣстный своей фабричной дѣятельностью и оставившій надолго свое названіе въ матеріи мосулинъ (муслинъ). Затѣмъ городъ *Тебрисъ* на сѣверѣ Персіи (въ Курдистанѣ), извѣстный своими матеріалами, персидскими хрущатыми тканями; *Халебо* — въ Палестинѣ, на сѣверѣ отъ Дамаска, близъ Антіохіи: „халяпскіе шелки и тафты“, какъ у насъ на Руси называли ихъ, вполнѣ служатъ доказательствомъ того, что они въ немногомъ уступали про-

изведеніямъ Багдада; *Ширазъ* — въ центрѣ Персіи, среди мѣстности, которую называютъ, и не совсѣмъ, быть можетъ, преувеличенно, земнымъ раемъ, — мѣстности, гдѣ цвѣтутъ массами розовые кусты, изъ которыхъ выдѣлываютъ розовое масло; здѣсь же массами росли виноградники, и ширазскія благовонныя вина вмѣстѣ съ антіохійскими считались лучшими и вывозились генуэзцами въ Европу; эти вина были извѣстны также у насъ на Руси и слыли предметомъ роскоши. Городъ *Іездъ*, немного на сѣверо-западъ отъ Шираза, славился металлическими издѣліями. У насъ въ XIV и XV вѣкахъ упоминаются „іезднинскія“ металлическія блюда, что служитъ доказательствомъ далекой распространенности металлическихъ издѣлій этого города. Затѣмъ городъ *Токатъ* въ Курдистанѣ. токатскія тафты упоминаются у насъ на Руси вмѣстѣ съ „халяпскими“. Много можно было бы привести еще и другихъ городовъ, но достаточно и перечисленныхъ въ подтвержденіе того, что въ средней Азіи была развитая промышленность. Дѣятельное торговое общеніе было также въ высшей степени развито — производилось ли оно караваннымъ, или морскимъ путемъ, или же рѣками. На пути между этими городами, въ мѣстностяхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ, образовываются торговые центры, которые обиліемъ товаровъ, богатствомъ и многолюдствомъ превосходили всѣ европейскіе рынки, хотя не могли сравняться съ Венеціанской или Генуэзской республикою по своей предпріимчивости. Изъ этихъ городовъ упомянемъ слѣдующіе неподалеку отъ Тебриса находился городъ *Султанія* или, по-арабски, Султаніахъ; *Ургенчъ* — неподалеку отъ нынѣшней Хивы; съ XV вѣка появляется *Самаркандъ*, отстроенный и увеличенный Тимурленкомъ (Тимуромъ). Затѣмъ на караванномъ пути отъ Чернагоморя къ Персидскому идетъ цѣлый рядъ городовъ, изъ которыхъ важны: *Бассора*, на рѣкѣ Шатъ-аль-Арабѣ, городъ, гдѣ производилась перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на суда рѣчныя; *Ормузъ*, на проливѣ, который ведетъ изъ Персидскаго моря въ Индійскій океанъ и у котораго сходились пути отъ Каспія и Чернаго моря въ Индустанъ. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ гаваней индійскихъ, гдѣ нагружались товары, отправлявшіеся на западъ Европы; изъ нихъ — главныя: *Бамбей* и *Коликотъ* на Малабарскомъ берегу; городъ Коликотъ — тотъ самый, который первый былъ открытъ Васко-де-Гамой и извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Каликута* (не слѣдуетъ смѣшивать съ Калькутою).

Кромѣ самостоятельной торговли, которую вела Азія, она служила также важнымъ транзитомъ для индійскихъ и китайскихъ товаровъ, и Каликутъ былъ пунктомъ, черезъ который шли эти товары; этимъ удвоивалось его значеніе.

Собственно этими оконечностями, т.-е. Индіей, съ одной стороны, и съ другой — пунктомъ, черезъ который она имѣла сношенія съ западной Европой, т.-е. Кафой, и опредѣлялся европейско-азіатскій караванный путь товаровъ — морскимъ путемъ товары могли итти въ средніе вѣка только черезъ Сирію и Египетъ. Товары индійскіе шли караванною дорогою въ Европу по тремъ направленіямъ.

Первый путь велъ черезъ материкъ Индіи и большимъ обходомъ черезъ Кандагаръ на Ургенчъ; впрочемъ, этотъ путь былъ мало посѣщаемъ вслѣдствіе трудности перехода черезъ высокія горы. Гораздо болѣе значенія имѣлъ другой — водный путь, который велъ изъ Индіи къ Каспійскому морю черезъ среднюю Азію, черезъ Иранъ: транзитъ товаровъ направлялся черезъ Персидское море въ Ормузъ и потомъ черезъ Тебрисъ доходилъ до Каспійскаго моря. Тебрисъ принадлежалъ къ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ торговымъ городамъ, тамъ, сообщаютъ намъ, было 300 караванъ-сараевъ (т.-е. гостиныхъ дворовъ). Каждый купецъ безпрепятственно могъ въ немъ останавливаться съ своими товарами, и многіе европейцы старались основать здѣсь постоянныя поселенія. Генуэзцы имѣли здѣсь свою контору, и ихъ было такъ много, что они составили изъ своихъ купцовъ совѣтъ, выбирали консула, который былъ въ Тебрисѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ ольдерманъ въ Новгородѣ, и который находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ консуломъ Кафы. Генуэзцы, сознавая для себя важность Тебриса, старались какъ-нибудь укрѣпиться здѣсь, какъ въ Танѣ, но попытки ихъ были тщетны; здѣсь они имѣли дѣло не съ полудикими народами, каковы были татары, но съ людьми развитыми. Тебрисская легенда разсказываетъ, что будто однажды по недосмотру хана генуэзцамъ удалось выпросить позволеніе на постройку крѣпости; они немедленно принялись за дѣло, но кто-то во-время открылъ глаза хану. Ханъ объявилъ генуэзцамъ, что, хотя онъ и продалъ имъ землю подъ крѣпость, но это не значитъ, что они могутъ строить ее въ его владѣніяхъ, а если имъ угодно возвести укрѣпленіе, то пусть прежде вынесутъ купленную землю изъ его

государства. Генуэзцы старались уговорить хана, а сами между тѣмъ дѣятельно продолжали работу; тогда ханъ обьявилъ генуэзцамъ, что если они не прекратятъ постройки, то онъ велитъ всѣмъ каменщикамъ и работникамъ отрубить руки и голову. Угроза эта заставила смѣлыхъ итальянцевъ отказаться отъ своего намѣренія. На тебрисскихъ рынкахъ, говорятъ намъ, было множество товаровъ, особенно индійскихъ, и ихъ можно было найти всевозможныхъ родовъ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Обыкновенно въ іюнѣ и іюлѣ приходили сюда караваны съ этими товарами, и такъ же, какъ на нашей Нижегородской ярмаркѣ прибытіе китайскихъ товаровъ опредѣляетъ сроки на ней и размѣръ ея оборота, можно сказать, прибытіе индійскихъ товаровъ на тебрисскій рынокъ опредѣляло число прибывшихъ купцовъ и, слѣдовательно, размѣръ его торговыхъ операцій, потому что, если мало привозилось индійскихъ товаровъ, то индійскіе купцы не могли много закупить европейскихъ товаровъ, а, съ другой стороны, европейскіе купцы при недостаточномъ сбытѣ своихъ товаровъ не имѣли возможности пріобрѣсти товаровъ восточныхъ.

Таможенный доходъ, собираемый со множества привозимыхъ товаровъ, былъ такъ значителенъ, что, по словамъ иностранныхъ путешественниковъ, ни одинъ изъ государей европейскихъ не могъ похвалиться доходами со всего государства предъ тѣми, которые получались съ одного азіатскаго города; когда, напримѣръ, въ XV вѣкѣ сборъ торговыхъ пошлинъ въ Султаніи былъ отданъ на откупъ одному лицу, то откупщикъ получилъ чистой прибыли 60 тысячъ фунтовъ серебра. Султанія по количеству своего дохода и по массѣ товаровъ, скоплявшихся въ ней, не многимъ уступаетъ Тебрису, потому что сюда пріѣзжали не только сухимъ путемъ черезъ Кавказъ и Трапезундъ, но и черезъ Каспійское море. Генуэзцы имѣли также и здѣсь свою контору и дѣятельно вели торговлю.

Вообще средняя Азія того времени была доступнѣе, чѣмъ теперь, или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIX вѣка. Множество итальянскихъ купцовъ стремилось туда, а вслѣдъ за ними пріѣзжали и другіе европейцы запада. Изъ всѣхъ путешественниковъ запада наиболѣе интересное описаніе всѣхъ путей и торговли доставилъ намъ донъ Луисъ Гомесъ де Клавихо, посолъ Генриха III кастильскаго, который отправилъ его въ эти мѣста съ цѣлью заключить торговый

трактатъ съ мѣстными владѣльцами; мы знаемъ также случаи, когда генуэзцы бывали послами государей азіатскихъ къ государямъ западно-европейскимъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ они, живя постоянно на востокѣ, среди восточныхъ людей, ближе свыкались съ ними и оказывались способнѣе ихъ на дипломатическомъ поприщѣ.

Отъ Султаніи и Тебриса товары шли караваннымъ путемъ черезъ *Іездъ*, находившійся на серединѣ этого пути, и приходили въ *Ормузъ*. Этотъ городъ оставляетъ за собой все, о чемъ говорилось до сихъ поръ. Описаніе этого города, сохранившееся въ источникахъ какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ, говоритъ намъ о поразительномъ богатствѣ этой мѣстности. Ормузъ представляетъ намъ поразительный примѣръ развитія, исключительно обязаннаго торговлѣ; онъ лежитъ на островкѣ, выжженномъ палящими лучами знойнаго тропическаго солнца, слѣдовательно, на почвѣ неблагодарной, но вблизи его, въ морѣ, находится богатство, которое искони привлекало и привлекаетъ къ себѣ множество добывателей и промышленниковъ, и благодаря этому Ормузъ развился и разбогатѣлъ: недалеко отъ Ормуза лежатъ Багрейнскіе о-ва, около которыхъ производилась жемчужная ловля. Арабы и индійцы массами стекались сюда на эту ловлю. Понятно, добывателямъ жемчуга нуженъ былъ безопасный складочный пунктъ, чтобы очистить и разсортировать жемчугъ; скалистый островъ представлялся самымъ удобнымъ мѣстомъ, и естественно, въ своемъ выборѣ они остановились на немъ. Сюда стали являться купцы, чтобы изъ первыхъ рукъ купить дорогой товаръ — таково начало, а черезъ нѣсколько времени на этой безводной скалѣ выросъ роскошнѣйшій городъ Азіи: прекрасныя зданія, поражавшія своей богатой обстановкой и обращавшія вниманіе своимъ великолѣпнымъ убранствомъ, узкія улицы, покрытыя цыновками и коврами, на которыхъ сидятъ разбогатѣвшіе жители, окруженные невольниками и невольницами, предъ которыми въ изобиліи находилось все, что только могъ придумать восточный умъ, — были обыкновеннымъ явленіемъ. Здѣсь уже не жизненный комфортъ, но жизненная роскошь въ полномъ смыслѣ этого слова; здѣсь можно найти все: сюда привозились товары Индіи — золото и серебро, драгоцѣнные камни и всѣ другія диковинныя произведенія благодатнаго индійскаго полуострова, арабійскіе благовонные товары, шелковыя и парчевыя ткани Ирана,

мѣха съ сѣвера, а черезъ генуэзцевъ получались произведенія и далекой Италіи и другія европейскія диковинки.

Извѣстно, что роскошь производитъ крайнее растлѣніе нравовъ; то же было и въ Ормузѣ, но новый Содомъ востока, какъ его называли, благодаря своему положенію, благодаря ходу развитія своей жизни, слѣдовательно благодаря своей исторіи, выработалъ торговыя правила и извѣстную общественную безопасность: всякій купецъ былъ увѣренъ, что его товаръ не будетъ тронутъ. Тамъ была такая безопасность, какой не было ни въ какомъ другомъ городѣ Азіи и Европы; не даромъ на востокѣ Ормузъ называли „Даръ-эль-Аманъ", что значитъ убѣжище безопасности.

Какъ въ Тебрисѣ торговое движеніе обусловливалось прибытіемъ каравановъ изъ Индіи, такъ и въ Ормузѣ торговая дѣятельность опредѣлялась размѣромъ добычи жемчуга; жемчужные ловцы являлись обыкновенно въ апрѣлѣ (въ этомъ мѣсяцѣ преимущественно производится ловля). Добытый жемчугъ, уложенный въ мѣшкахъ, каждый купецъ долженъ былъ представлять чиновнику, который бралъ условную пошлину размѣромъ въ 10% со стоимости жемчуга. Этой пошлиной и обезпечивалось благосостояніе города. Жемчугъ взвѣшивался, разсортировывался, и затѣмъ ему назначали цѣну, преступить которую купецъ не могъ ни въ какомъ случаѣ. Если купецъ находилъ для себя невыгодной назначенную цѣну, онъ могъ не продавать своего товара, но повысить цѣну не имѣлъ права. Для покупки жемчуга приходили купцы съ сѣвера и изъ Индіи, и тутъ-то происходила живая торговая дѣятельностъ. Изъ Индіи привозились кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ и камней: индиго, лакъ, ревень, опіумъ, клей, сандалъ и пр., и уже изъ Ормуза эти товары шли далѣе на сѣверъ, сначала въ Султанію, а потомъ въ Тебрисъ. Среди этихъ товаровъ былъ также и жемчугъ. Караванный путь отъ Ормуза до Султаніи требовалъ 60 дней. Изъ Тебриса этотъ путь велъ черезъ Кавказъ къ намъ на Русь и въ остальную Европу; у насъ жемчугъ издавна былъ извѣстенъ подъ именемъ бурмицкихъ или гурмыжскихъ, т.-е. ормузскихъ зеренъ.

Кромѣ того, изъ Ормуза выходилъ другой путь, ведшій черезъ Персидское море до устьевъ Шатъ-аль-Араба; здѣсь, въ Бассорѣ (которая не имѣла самостоятельнаго значенія, а была мѣстомъ перегрузки — чѣмъ-то въ родѣ Рыбинска на Волгѣ) товары пере-

гружались на рѣчныя суда и по Тигру поднимались на Мосулъ, потомъ сухимъ путемъ привозились въ Трапезундъ, потому что онъ находился на другомъ концѣ торговаго пути; отсюда уже эти товары направлялись въ Кафу. Трапезундъ былъ также важнымъ торговымъ пунктомъ и генуэзцы не преминули устроить здѣсь контору.

Второй разрядъ товаровъ, которые были всего важнѣе для генуэзцовъ, были товары китайскіе. Сообщеніе съ Китаемъ могло исключительно производиться черезъ татарскую столицу Сараї, откуда шелъ караванный путь въ Китай; поэтому мирныя отношенія генуэзцевъ съ татарами были для первыхъ чрезвычайно важны. Одинъ изъ италіанскихъ купцовъ *Пеголотти* оставилъ очень подробный маршрутъ путешествія въ Китай. Разсмотрѣніе этого маршрута показываетъ, что не особенно трудно было пробраться въ то время въ эту изолированную страну: въ этомъ отношеніи XIV и XV вѣка стоятъ выше не только послѣдующаго, но отчасти и нашего времени. Изъ Сарая, говоритъ Пеголотти, можно было легко прибыть въ Сарайчикъ (находившійся близъ теперешняго Оренбурга и Уральска на рѣкѣ Яикѣ), откуда шла караванная дорога на Ховарезмъ, т.-е. мѣстность, лежащую по бассейну Аму-Дарьи, въ то время весьма населенную и часть посѣщаемую.

Главный городъ Ховарезма, Джурджанія, была когда-то, какъ намъ извѣстно, центромъ торговли арабовъ съ болгарами и русью. Такою страною остается Ховарезмъ въ XII и XIII вѣкахъ — вѣка всеобщаго погрома. Правда, и здѣсь пронеслась грозная степная буря Чингисхана; много городовъ легло въ развалинахъ, но постояннаго разоренія здѣсь не было. Въ азіатскихъ завоевателяхъ, подобныхъ Чингисхану, мы видимъ не только однихъ разрушителей, но также и созидателей городовъ. Гораздо опаснѣе были позднѣе туркмены, у которыхъ вовсе не было никакого понятія о государствѣ — тогда степь одолѣла начало цивилизаціи, и Ховарезмъ превратился въ современную намъ дикую Хиву. Въ описываемое нами время мы не встрѣчаемся однакоже съ Джурджаніей съ ея прежнимъ значеніемъ; ея мѣсто, какъ столицы Ховарезма, занимаетъ другой городъ *Ургенчъ*, хотя и лежащій въ очень недальнемъ отъ нея разстояніи.

Пеголотти говоритъ, что здѣсь европеецъ можетъ разсчитывать на скорый и выгодный сбытъ своихъ товаровъ, и обстоятельно описы-

ваетъ дальнѣйшій путь, который велъ черезъ Бухару въ степь Монгольскую. Онъ подробно объясняетъ, что надо дѣлать и какъ поступать тамъ европейскимъ купцамъ; обстоятельно передаетъ разстояніе между городами: видно, что этотъ путь былъ хорошо знакомъ. Изъ этого описанія можно видѣть, что самая опасная часть этого пути была не въ монгольскихъ степяхъ, какъ въ наше время, а отъ Таны до Сарая и Сарайчика, т.-е. въ теперешнихъ русскихъ степяхъ, потому что здѣсь разбойничали и свой бродяга итальянецъ и русскій бродникъ, а къ нимъ, кромѣ того, присоединялся и татаринъ.

По расчету Пеголотти, въ 260 дней можно было добраться до Пекина. Въ Пекинѣ купецъ встрѣчался съ другими обычаями, съ другими понятіями, здѣсь онъ долженъ былъ приспособляться не только къ совершенно чуждой жизни, но и незнакомому способу производства торговли. Все свое золото и серебро онъ принужденъ былъ вымѣнивать на извѣстныя ассигнаціи — „бабиши", какъ называли ихъ генуэзцы (это были четыреугольныя костяныя марки, которыя обязательно ходили на здѣшнихъ рынкахъ, благодаря чему правительство много выигрывало); однако, несмотря на это кажущееся притѣсненіе, торговля въ Китаѣ производилась легко подъ покровительствомъ законовъ: мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы на европейцевъ здѣсь смотрѣли какъ на опасныхъ соперниковъ среди множества другихъ чужеземцевъ; это объясняется тѣмъ, что тогдашняя Европа не была еще политической силой, и не могла внушать никакого опасенія Азіи. Это было время полнѣйшаго господства гордой Азіи и ея покровительственнаго отношенія къ своей младшей европейской сестрѣ.

Въ концѣ XIV стол. мѣстности по Аму-Дарьѣ и Сыръ-Дарьѣ были разорены грознымъ нашествіемъ Тимурленка, но Тимурленкъ имѣлъ, какъ и Чингисханъ, созидающія начала: онъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ устройствѣ Самарканда, который захотѣлъ сдѣлать своей резиденціей и столицей всего міра. Съ этой цѣлью онъ употреблялъ мѣры чисто азіатскія: приказывалъ массами сгонять населеніе въ Самаркандъ, въ особенности ремесленниковъ, ученыхъ и купцовъ; воздвигалъ великолѣпныя зданія и придумывалъ всевозможныя украшенія, и тщательно устроенныя заставы, никого не пропускавшія, должны были удерживать жителей на ихъ

новой родинѣ. Тимурленкъ былъ дѣйствительно повелителемъ всей почти Азіи, и неудивительно, что эта столица не могла также не привлекать къ себѣ массу охотниковъ поискать милости ханской, не могли не являться туда также купцы, которыхъ манила легкая нажива, потому что здѣсь за безцѣнокъ они могли пріобрѣсти различные товары. А этихъ товаровъ здѣсь было много у окружающихъ Темурленка азіатскихъ грабителей-завоевателей. И дѣйствительно, Самаркандъ на нѣкоторое время становится дѣятельнымъ торговымъ центромъ, и до сихъ поръ сохраняетъ значеніе святого города мусульманъ съ своими мечетями, училищами, гробницами святыхъ, своими преданіями о древней славѣ и т. д.; но того міроваго значенія, которое хотѣлъ придать Тимурленкъ своему любимому дѣтищу, Самаркандъ не получилъ. Но за то и разоренный Ургенчъ не поднялся изъ развалинъ. Путь становился все труднѣе, и купцы уже съ меньшей охотой пускались въ такое отважное путешествіе. Когда центральная масса Орды распадается на множество частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ и паденіе государственныхъ идей, не усвоенныхъ степняками, тогда и цивилизованныя части Азіи (Туркестанъ) дѣлаются какъ бы оазисомъ, окруженнымъ пустынями, куда позднѣе такъ трудно было проникнуть и европейскому мечу и европейскому товару.

Таковы были пути, которые вели въ эти мѣстности. Главными дѣятелями, служившими посредниками двухъ частей свѣта, здѣсь являются, конечно, генуэзскіе купцы, но намъ извѣстно, что многіе восточные купцы занимались также исключительно торговой дѣятельностью, и не только у себя дома на востокѣ, но заходили и далеко на сѣверъ. Въ особенности ихъ много было на Волгѣ[1]). Обыкновенно при существованіи выгодной и обширной торговли являются народы, которые по своему характеру склонны къ факторству, посредничеству, комиссіонерству. Если на западѣ начинаютъ брать на себя эту роль евреи, то на востокѣ такими факторами являются армяне. Русскіе купцы съ своими товарами были также не чужды этимъ путямъ, хотя ихъ торговая дѣятельность не могла быть обширною, потому что сама Русь того времени

[1]) Между прочимъ, Астрахань въ XV в. служила складочнымъ пунктомъ товаровъ, направляющихся изъ Венеціи черезъ Тану на Востокъ.

была слишкомъ неразвита; ея населеніе слишкомъ еще борется со скудной природой; но тѣмъ не менѣе эта торговля существовала, и русскіе купцы въ XIV и XV вѣкахъ заходили далеко съ своими товарами. Въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ русскихъ купцовъ на Кавказѣ, русскіе товары доходили даже до города *Маджаръ* на рѣкѣ Кумѣ. Они ѣздили также въ Самаркандъ; тамъ встрѣчали ихъ иностранные купцы и покупали у нихъ произведенія холоднаго сѣвера; наконецъ, русскіе товары заходили, переходя съ рынка на рынокъ, далеко на югъ и востокъ. Въ половинѣ XV вѣка одинъ изъ русскихъ купцовъ, именно тверитянинъ Аѳанасій Никитинъ, съ удивительной самостоятельностью, рѣдкой энергіей захотѣлъ пробраться въ глубь этихъ мѣстностей. Аѳанасій Никитинъ въ 1466 году предпринялъ путешествіе, которое закончилось только въ 1472 году. Это шестилѣтнее путешествіе, названное имъ „хожденіемъ за три моря“, было направлено собственно въ Индію и совершилось за нѣсколько лѣтъ до того, когда морской путь въ Индію былъ открытъ португальскимъ мореплавателемъ Васко-де-Гамой. По той предпріимчивости и наблюдательности, по той силѣ характера и умѣнью ужиться съ совершенно чуждыми народами, которыми отличался русскій путешественникъ, его „хожденіе за три моря“ представляетъ много интереса и для исторіи торговли, и для исторіи самой Индіи; нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что изслѣдователи находятъ, что его путешествіе можетъ быть поставлено на ряду съ путешествіемъ Васко-де-Гамой, быть можетъ, даже выше.

Сама личность Аѳанасія Никитина представляетъ интересное явленіе. Это — первый русскій купецъ послѣ миѳическаго Садка, личность котораго рисуется намъ съ достаточною ясностью и рѣзко ограниченными чертами; на этомъ основаніи мы остановимся нѣсколько подробнѣе на личности этого замѣчательнаго русскаго купца XV вѣка и на его „хожденіи за три моря“. Эти три моря (въ порядкѣ его путешествія) слѣдующія: Каспійское, Индійское и Черное. Самое обстоятельство, которое вызвало это путешествіе, указываетъ на усиливающуюся торговлю Руси съ Востокомъ, на усиленіе русской самостоятельности и самодѣятельности. Поводъ къ путешествію былъ слѣдующій: въ 1466 году къ великому московскому князю Іоанну III прибыло посольство отъ владѣтеля Шамахи ширванъ-шаха Ферухъ-Эсара съ предложеніемъ завязать торговыя сношенія съ Кавказомъ.

Московскій князь на это посольство отвѣчалъ также посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ Василій Папинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ предложенія къ русскимъ купцамъ: не пожелаетъ ли кто изъ нихъ отправиться съ своими товарами вмѣстѣ съ посольствомъ въ Персію. На это предложеніе отозвалось нѣсколько предпріимчивыхъ купцовъ, а въ числѣ ихъ и тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ. Онъ съ своими товарищами снарядилъ 2 корабля, нагрузилъ ихъ „рухлядью" и отправился изъ Твери, предварительно заѣхавъ къ великому князю (тверскому) Михаилу Борисовичу взять у него проѣзжую грамоту; получивъ благословеніе у тверского владыки и поклонившись Спасу Золотоверхому, ибо съ святыней соединялось понятіе о самой родинѣ (какъ въ Новгородѣ съ Св. Софіею), торговцы отправились внизъ по Волгѣ въ надеждѣ около Нижняго Новгорода догнать Василія Папина; но оказалось, что они опоздали, потому что Василій Папинъ уже уѣхалъ. Здѣсь Аѳанасій Никитинъ прождалъ двѣ недѣли Аганъ-бега, ширванскаго посла, который пришелъ въ Нижній Новгородъ съ 2 кораблями; чьи это были судна и какой націи купцы, — Аѳанасій Никитинъ намъ не объясняетъ; но, по всей вѣроятности, это были купцы московскіе.

Такимъ образомъ Аѳанасій Никитинъ отправился далѣе внизъ по Волгѣ. Путешествіе первоначально было благополучно: ни ушкуйникъ новгородскій, ни татаринъ на этотъ разъ ихъ не тронулъ; но эта безопасность продолжалась однако недолго: когда они дошли до *Бузани* (рукава Волги), то къ нимъ пришла вѣсть, что ханъ *Кайсымъ* провѣдалъ о проѣздѣ гостей и стережетъ ихъ съ тремя тысячами татаръ.

Шамахинскій посолъ, наградивъ татаръ, принесшихъ эту вѣсть, по куску полотна и по „однорядкѣ", склонилъ ихъ провести суда безопасно мимо Бузани къ Астрахани; татары исполнили послѣднее, но дали знать о проѣздѣ купцовъ своимъ друзьямъ въ Астрахань. Мимо Астрахани путешественникамъ пришлось нестись на всѣхъ парусахъ, соблюдая возможную предосторожность, но тѣмъ не менѣе они были замѣчены ханомъ и за ними начали гнаться съ крикомъ: „стойте, качьма". Большимъ судамъ посчастливилось пройти безопасно, но два меньшіе суда наткнулись на рыболовныя снасти; завязалась борьба, исходъ которой былъ тотъ, что оба судна были разграблены татарами. Такимъ образомъ изъ 4 кораблей изъ Волги вышли два, и теперь начинается путешествіе по морю Хвалынскому.

Если прежде путешественникамъ приходилось бороться съ людьми то теперь приходится бороться съ другимъ врагомъ — съ природой. Неподалеку отъ города Тарки застала ихъ сильная буря вслѣдствіе которой одно русское судно было выброшено на берегъ. Сбѣжавшіеся горцы разграбили товары, а самихъ русскихъ потащили въ рабство.

Такъ неудачна была первая попытка русскихъ ходить самимъ на востокъ съ своими товарами. Правда, когда русскіе прибыли въ *Дербентъ*, къ ширванъ-шаху, то горцы по настоянію послѣдняго отпустили русскихъ плѣнниковъ, предварительно, конечно, ограбивъ ихъ; но этимъ и ограничилась помощь ширванъ-шаха; когда явившіеся русскіе стали просить его, чтобы онъ имъ помогъ возвратиться на родину, ширванъ-шахъ отвѣчалъ имъ прямымъ отказомъ. „Заплакавъ, — говоритъ Аѳанасій Никитинъ, — разошлися мы кто куда: у кого что есть на Руси, пошелъ на Русь; а кто былъ долженъ, тотъ пошелъ куда очи понесли, одни остались въ Шамахѣ, другіе отправились на заработки въ Баку“. Но куда же отправился Аѳанасій Никитинъ? Онъ пошелъ на востокъ для ближайшаго знакомства съ восточными товарами, которые привозились въ Москву и продавались за дорогую цѣну. На востокъ влекла его не одна торговая корысть, но и любознательность — посмотрѣть на диковинки дальняго востока. Аѳанасій Никитинъ рѣшается итти въ персидскія земли. Въ Персіи онъ пробылъ два года; оттуда идетъ въ Индію, потомъ опять возвращается въ Персію и уже изъ послѣдней ѣдетъ на Русь; но въ 1472 гору онъ умеръ въ Смоленскѣ, не доѣхавъ до родного города.

Прежде всего, какъ сказано, Аѳанасій Никитинъ отправился въ Персію, и путешествіе въ ней продолжалось два года.

Путешествуя въ разныхъ городахъ, Аѳанасій Никитинъ прицѣнялся къ товарамъ, самъ торговалъ и особенно изучалъ персидскій языкъ, что доказываютъ его нѣкоторыя замѣтки въ дневникѣ (напримѣръ, цѣны нѣкоторыхъ товаровъ), писанныя на персидскомъ языкѣ и притомъ, по утвержденію знатоковъ, очень правильнымъ.

Различными путями пробрался путешественникъ до персидскаго города *Ездь*, т.-е. на югъ Персіи, а оттуда началъ опять подыматься къ сѣверу Персіи и добрался до города *Тебрисъ*, который, какъ извѣстно, былъ центромъ тогдашней персидской торговли.

Тебрисъ былъ столицею Аганъ-бега, который основалъ обширное государство, былъ грозою всѣхъ сосѣдей и своимъ могуществомъ даже угрожалъ турецкому владычеству. Это было то время, когда Магометъ II только готовился громить Константинополь, съ паденіемъ котораго пробилъ послѣдній часъ самостоятельности греческой Имперіи: въ 1453 году Константинополь былъ взятъ турками, и лишь въ немногихъ мѣстахъ уцѣлѣла независимость греческихъ владѣній. Аганъ-бегъ былъ могущественный соперникъ завоевателя греческой Имперіи. Аѳанасій Никитинъ описываетъ намъ обстановку двора персидскаго государя, и показанія русскаго путешественника въ этомъ мѣстѣ возвышаются до степени важныхъ историческихъ источниковъ: такъ во всѣхъ отношеніяхъ Аѳанасій Никитинъ проявляетъ себя человѣкомъ любознательнымъ и наблюдательнымъ.

Надо замѣтить, что Афанасій Никитинъ о Персіи сравнительно записалъ мало; это обстоятельство показываетъ, что Персія русскому купцу XV столѣтія не была диковинкою; она была болѣе или менѣе знакома русскому человѣку, и мало было товаровъ въ этой странѣ, которые ему не были бы извѣстны. Но Афанасій Никитинъ не ограничился одною Персіей: его манило далѣе, на востокъ, къ диковиннымъ произведеніямъ Индустана; его манило въ ту страну, откуда являлись на Русь товары, такъ дорого цѣнимые, въ ту страну, о которой ходили баснословныя, фантастическія сказанія. Въ 1469 году Афанасій Никитинъ отправился изъ Ормузда, замѣчательнаго складочнаго пункта индійскихъ товаровъ, моремъ въ Индію; здѣсь путешественнику пришлось пробыть долѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ: онъ пробылъ тамъ почти три года.

Въ 1469 году Афанасій Никитинъ высадился на индійскомъ берегу, въ одной изъ значительныхъ гаваней Индустана, въ городѣ *Чувилъ*, гдѣ, по словамъ самого путешественника, ему въ невѣдомой странѣ было дико, непонятно и гдѣ онъ самъ былъ ненормальнымъ явленіемъ: Афанасія Никитина поражаютъ черные люди, а эти черные люди, въ свою очередь, удивлялись, что онъ бѣлый человѣкъ, и ходили толпой за нимъ.

Въ Индію Афанасій Никитинъ явился не съ пустыми руками: въ Персіи онъ узналъ, что въ Индіи были лошади, а потому купилъ персидскаго жеребца, съ которымъ и отправился въ глубь страны.

Прежде всего онъ изъ города Чувили попалъ въ городъ *Чунейръ*

(теперешній Джюнпръ); если прежде Аоанасію Никитину приходилось терпѣть насилія, то въ Индіи онъ могъ убѣдиться, что приключенія еще не окончены. Въ этомъ городѣ князь Джунсибъ, узнавъ, что Афанасій Никитинъ христіанинъ, призываетъ его къ себѣ и отнимаетъ у него его послѣднее достояніе — жеребца. „Если хочешь сдѣлаться нашимъ", сказалъ ханъ, „то я не только отдамъ жеребца, но прибавлю еще 1000 золотыхъ". Но русскаго христіанина не соблазнило это лестное предложеніе, и онъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, хотя и много трудовъ стоило черезъ хозяина Афанасія Никитина убѣдить хана возвратить путешественнику отнятое имущество. Горько восклицаетъ по этому поводу русскій путешественникъ „Ино братья, русстіи христіяне", говоритъ онъ, „кто хочетъ пойти въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнувъ Махмета, да пойди въ Гундустанскую землю".

Изъ Джюнира нашъ путешественникъ отправился въ городъ *Бедеръ*, въ столицу индійскаго государства. При этомъ надо замѣтить, что Индустанъ въ значительной степени подвергся мусульманскому вліянію вслѣдствіе движенія монголовъ; въ то время вся Индія раздѣлялась на двѣ части: одна часть находилась подъ вліяніемъ мусульманъ, въ другой части древній брахманизмъ боролся съ новымъ буддизмомъ. Прибрежность Индійскаго моря находилась подъ вліяніемъ арабовъ и держалось вѣры мусульманской; главный городъ этой части былъ *Бедеръ*. У купца, являющагося въ новый городъ, конечно, возбуждаются торговые интересы, и Афанасій Никитинъ поэтому отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова: „Въ Бедери, — говоритъ онъ, — торгуютъ конями, камкой, шелкомъ и другимъ подобнымъ товаромъ, да черными людями, съѣстными вещами, овощами, а для русской земли товара тамъ нѣтъ". Немудрено это потому, что русскій товаръ не былъ многообразенъ и не могъ подходить къ потребностямъ южнаго, жаркаго климата.

Никитинъ осматривалъ окрестности почти всѣхъ городовъ, въ которыхъ онъ бывалъ, въ томъ числѣ города *Рачюря*, и съ особеннымъ вниманіемъ остановился на знаменитыхъ алмазахъ. Онъ старательно записываетъ цѣнность алмазовъ, которые въ то время цѣнились на *почки* (замѣнявшія въ то время теперешніе караты и равныя $^1/_2$ золотника). Почка алмазовъ, говоритъ Афанасій Никитинъ, „продается по 5 рублей, а лучшаго по 10", притомъ цѣна

алмазовъ различалась, какъ теперь, по цвѣтамъ. Алмазъ родится — прибавляетъ онъ — въ каменной горѣ, „и локоть этого камня съ алмазомъ продается по 2 тысячи дизитовъ золота, а локоть биркона (высшій сортъ алмаза) по 10 тысячъ дизитовъ золота“. Замѣчательно, что эти цѣны алмазовъ у Никитина записаны на персидскомъ языкѣ; очевидно, эти цѣны онъ хотѣлъ держать втайнѣ отъ другихъ купцовъ, которымъ бы могли попасться его записки.

Любознательность нашего купца не ограничивается одними торговыми предметами, его интересуетъ все окружающее, да и не могло не интересовать сѣвернаго человѣка то, что было въ городѣ далекой, невѣдомой его соотечественникамъ южной страны, въ роскошномъ тропическомъ климатѣ: Афанасій Никитинъ обращаетъ вниманіе на особенности страны, подробно описываетъ городъ, его роскошныя зданія, описываетъ народъ, обитавшій въ Индустанѣ, его нравы — и въ томъ отношеніи записки русскаго путешественника могутъ быть поставлены наравнѣ съ записками Васко-де-Гамы, прибывшаго въ Индустанъ нѣсколько позже.

Съ особенной подробностью Афанасій Никитинъ описываетъ богатую обстановку тогдашняго султана, его роскошь, и эти свѣдѣнія напоминаютъ намъ сказочныя описанія султанскаго двора въ „1001 ночи“; когда султанъ выѣзжаетъ на прогулку, разсказываетъ Никитинъ, его сопровождаютъ 300 слоновъ, на которыхъ надѣты пушки и пищали; впереди идетъ „благой“ слонъ, обязанность котораго состоитъ въ томъ, что онъ расчищаетъ дорогу для шаха, за нимъ идутъ 1000 коней безъ всадниковъ, всѣ въ золотѣ, 100 верблюдовъ съ барабанами, 300 трубачей, 300 плясуновъ и 300 наложницъ султана. Самъ султанъ ѣдетъ верхомъ на конѣ, убранномъ въ золото, на золотомъ сѣдлѣ; кафтанъ султана весь саженъ яхонтами, на шишакѣ большой алмазъ, лукъ изъ золота съ яхонтами. Султана провожаютъ его родственники подъ золотыми балдахинами; за ними ѣдутъ 10 тысячъ коннаго войска и идетъ 50 тысячъ пѣшаго.

Можно представить то впечатлѣніе, которое произвело это великолѣпіе на русскаго человѣка, прибывшаго изъ деревенской глуши; для него казалось все это фантастическимъ, если онъ сравнивалъ свое бѣдное отечество съ этой роскошной обстановкой. Если русскій человѣкъ на родинѣ видѣлъ бѣдность, то его невольно влекло на востокъ, гдѣ уже развился вкусъ и развились потребности.

Поэтому немудрено, что русское государство всегда стремилось на востокъ, чтобы перенять восточный этикетъ и восточную обстановку. Съ большими усиліями могла собрать русская земля значительное войско при Дмитріи Донскомъ для борьбы съ Мамаемъ, а между тѣмъ у одного незначительнаго султана въ Индустанѣ находится постоянно готоваго войска 300 тысячъ, притомъ въ этомъ числѣ множество слоновъ. Все это должно было представляться уму русскаго человѣка, и онъ дѣлалъ невольно сравненіе между своимъ простымъ повелителемъ и недосягаемымъ султаномъ.

Любознательность заставила Никитина сблизиться съ индійцами, не съ мусульманами, а съ туземцами, и они сошлись особенно потому, что обѣ стороны нашли въ себѣ общее чувство: это ненависть къ мусульманамъ; любознательность же заставила Никитина отправиться въ знаменитый священный буддійскій городъ — *Парватъ*. Афанасій Никитинъ подробно описываетъ то, что онъ узналъ отъ другихъ о богѣ *Буддѣ* и что онъ разузналъ о немъ у самихъ буддистовъ. „Я разспрашивалъ ихъ объ ихъ вѣрѣ", говоритъ Никитинъ, „и они сказывали, что мы вѣруемъ въ Адама", что „Бута" — это Адамъ и весь родъ его. Впрочемъ, вѣръ у нихъ восемьдесятъ четыре: всѣ вѣруютъ въ Бута; но поклонники одной вѣры не сближаются съ другой ни въ питьѣ, ни въ пищѣ, ни въ женитьбѣ". Заговоривъ о пищѣ, Никитинъ сообщаетъ и о ней нѣсколько подробностей. „Индіане,— замѣчаетъ онъ,—не ѣдятъ никакого мяса, ни ловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины; пища ихъ плоха: рисъ (брынецъ) и марковь (кичири) съ масломъ, разныя травы, вареныя на маслѣ и на молокѣ; вина и саты не пьютъ; ѣдятъ они дважды днемъ, а ночью не ѣдятъ. Иные ѣдятъ, правда, и мясное, баранину, куръ, рыбу, яйца, но ужъ говядину не употребляетъ никто; ѣдятъ все съ помощью правой руки, такъ что лѣвою никто не приметcя ни за что, не нуждаясь въ ножѣ и не зная ложки. Съ „блерменами" не только не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ, но кроются отъ нихъ въ пищѣ до того, что если блерменъ только заглянулъ въ кушанье, то ужъ не станутъ ѣсть; да и вообще, когда ѣдятъ, то закрываются платомъ, чтобы никто не могъ увидѣть. Передъ тѣмъ какъ садятся ѣсть, они омываютъ себѣ руки и ноги и выполаскиваютъ ротъ".

Афанасій Никитинъ обращалъ вниманіе и на окружающую индійскую природу: онъ сообщаетъ намъ о знаменитыхъ чащахъ, „дебряхъ

зѣло дикихъ", которыхъ такъ много въ Индіи; указываетъ на знаменитые джунгли (камыши), въ которыхъ водятся различные звѣри, напр., тигры, буйволы, змѣи; говоритъ особенно подробно объ обезьянахъ и передаетъ разсказы индусовъ, что есть такія обезьяны, которыя очень похожи на человѣка и у которыхъ есть свой „князь обезьянскій", а у послѣдняго своя рать; говоритъ Никитинъ о различныхъ продуктахъ растительнаго царства, напримѣръ, о кокосовыхъ орѣхахъ и пр. Но слѣдить за всѣми похожденіями нашего путешественника было бы утомительно; достаточно прибавить, что онъ въ Индіи пробылъ три года, большую часть ея видѣлъ самъ лично, исходилъ ее во всѣхъ направленіяхъ, — „и стосковался о русской землѣ". Это желаніе вернуться домой онъ приписываетъ необыкновенному „внушенію свыше". „И ту окаянный азъ рабище Аѳонасіе Бога вышняго", говоритъ Никитинъ, „творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіанской, и по крещеньи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ святыхъ отецъ устроенныхъ, и по заповѣдѣхъ апостольскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь".

Эта тоска по родинѣ началась въ городѣ Дабылѣ; отсюда Никитинъ отправился въ Каликутъ, въ ту пристань, въ которую впервые прибылъ Васко-де-Гама. Говоря объ этомъ городѣ, Аѳанасій Никитинъ прибавляетъ, что на Индійскомъ морѣ очень много разбойниковъ: „а кто Калекотъ не увидитъ", говоритъ онъ, „тотъ не пройдетъ моремъ благополучно". Кромѣ этого замѣчанія о Каликутѣ, у Никитина мы встрѣчаемъ перечень продуктовъ, встрѣчающихся въ этомъ городѣ: инбирь (зеньзебиль), перецъ, корица, гвоздика и различные коренья. Въ болѣе или менѣе подробныхъ чертахъ говоритъ Никитинъ и о другихъ городахъ, напримѣръ, о городѣ *Гурмызѣ*, и въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ торговлю этого города: „сюда сходятся люди, и свозится всякаго рода товаръ со всего свѣта; что ни родится на свѣтѣ, все есть въ Гурмызѣ, только пошлина велика — десятая доля". Изъ Гурмыза Никитинъ съ попутнымъ караваномъ возвращается въ Персію, благополучно проходитъ, торгуя товарами, черезъ владѣнія Аганъ-бега и рѣшается пробраться на Русь. Для безопасности Никитинъ выбралъ не тотъ путь, по которому онъ ѣхалъ въ Персію, а другой, — черезъ Трапезундъ; но путь былъ выбранъ неудачно: торговля и путешествіе по Азіи были болѣе затруднительны при подозрительности жителей, при постоянныхъ

распряхъ и войнахъ между Аганъ-бегомъ и турецкимъ султаномъ. Никитинъ на себѣ долженъ былъ испытать всю тяжесть выбраннаго имъ пути: его заподозрили въ шпіонствѣ, потому что онъ явился изъ лагеря Аганъ-бега, и радъ былъ Никитинъ, что сохранилъ свою жизнѣ цѣною бывшаго съ нимъ товара, который путешественникъ везъ, быть можетъ, съ надеждою показать своимъ роднымъ. Съ попутнымъ вѣтромъ Никитинъ отплылъ въ Кафу, а изъ Кафы, сухимъ ли путемъ или рѣкою, отправился вверхъ на Русь. Неудалось однако Никитину добраться до своей родину: въ Смоленскѣ онъ неожиданно заболѣлъ и умеръ, оставивъ недоконченнымъ свое „хожденіе за три моря“.

Оставимъ нашего странника, къ которому мы должны отнестись съ невольнымъ уваженіемъ, потому что предпринять такое большое путешествіе и притомъ въ такое трудное время было верхъ самоотверженія. Путешествіе его было важно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно наглядно показало намъ, насколько Востокъ былъ важенъ для русской земли, какъ учитель во многихъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, оно указало, какъ было трудно для русскаго человѣка самостоятельно дѣйствовать на *Востокѣ*, вдали отъ родины [1]).

---

[1]) Мы видѣли, что Никитинъ возвращается черезъ Кафу, какъ черезъ центральный портъ Чернаго моря, но онъ видитъ ее уже не въ прежнемъ блескѣ: это былъ городъ уже не итальянскій, а турецкій.

Въ свое время мы говорили, какого блеска достигла первая незначительная колонія итальянцевъ, и видѣли, что она держалась среди самыхъ невыгодныхъ условій, такъ какъ ей часто грозили опасности: такъ во время грознаго нашествія Тимурленка жители Кафы трепетали, но онъ ограничился только тѣмъ, что разграбилъ Кафу и заставилъ иностранныхъ купцовъ искать себѣ убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Погибель Кафы наступила не изъ степи, но изъ Азіи: Азія грозою шла съ юга въ лицѣ турокъ, и эта гроза была опаснѣе грозы татарской. Османскіе турки были враждебны всякой торговлѣ; они были способны только разрушать, а не создавать, и на этомъ основаніи они въ значительной степени содѣйствовали прекращенію торговли между Европой и Азіей, слѣдовательно, содѣйствовали паденію торговли Венеціанской и Генуэзской республикъ. Завоеватель Малой Азіи, Сиріи, Египта совершенно прекратилъ торговыя сношенія Запада съ Востокомъ; оставался еще одинъ путь для провоза западныхъ товаровъ — Константинополь, но и онъ палъ въ 1453 году. Послѣ паденія Константинополя Кафа просуществовала только 13 лѣтъ; скоро берега Босфора были заперты; помощи съ родины не было, а средства, оказавшіяся достаточными для борьбы съ нестройными толпами татаръ, ока-

Познакомившись изъ предшествующаго изложенія съ русской торговлей и ея славными представителями, подведемъ теперь общіе итоги.

Мы видѣли, что съ XIII вѣка въ исторіи русскаго народа происходитъ весьма важный переворотъ: дальнѣйшая исторія развитія нашихъ предковъ переносится изъ одной мѣстности въ другую — съ великаго воднаго пути „изъ варягъ въ греки", гдѣ началась русская исторія, на путь восточный — великоволжскій. Естественно, что съ измѣненіемъ мѣстности и великаго воднаго пути должно было измѣниться развитіе нашей жизни, наша жизнь должна была принять новое направленіе. Съ XIII вѣка юго-западъ Россіи перестаетъ быть русскимъ, съ одной стороны, а съ другой — перестаетъ вводить въ свою жизнь новыя начала: прогрессивное движеніе прекращается. Земли кіевская, черниговская и другія, находящіяся близъ степи, теряютъ свое значеніе, и Кіевъ, по словамъ Плано-Карпино, изъ столицы, соперничавшей съ самимъ Константинополемъ, превращается въ груду развалинъ съ двумя сотнями жалкихъ лачугъ. Движеніе русскаго населенія въ степи на югъ не только прекращается, но даже пустѣютъ и заселенныя степныя земли: напримѣръ, населеніе черниговской земли, укрываясь отъ татаръ, бѣжитъ на сѣверъ. Многіе народные центры въ этомъ юго-западѣ Руси уничтожаются, и только на ея окраинахъ продолжается еще историческая жизнь. Одной изъ такихъ окраинъ является Галичъ, на который можно было возлагать большія надежды, но жизнь окраины никогда не можетъ замѣнить жизни центральной — въ особенности, если окраина эта, вслѣдствіе какихъ-нибудь условій, оторвана отъ своего національнаго корня. Такимъ именно и былъ Галичъ, отрѣзанный татарами отъ остальной Руси: онъ тянулъ на Западъ, и строй его жизни развивается подъ вліяніемъ этого Запада, которое сказалось и въ религіозномъ отношеніи, — недаромъ князь

зались недостаточными для борьбы съ регулярнымъ войскомъ. Въ 1475 году явился къ Крымскому полуострову турецкій флотъ, осадилъ Кафу, принудилъ ее къ сдачѣ и разорилъ. Нѣкоторое время чрезъ Сурожъ продолжались наши сношенія съ Византіей, изъ которой все еще шли предметы, крайне необходимые для Россіи, какъ-то: книги, духовенство, мастера и пр., но и этотъ источникъ нашего просвѣщенія попалъ въ руки турецкаго владычества, и такимъ образомъ для насъ оказался запертымъ послѣдній ходъ въ Европу.

галичскій получаетъ корону отъ папы Иннокентія. Мы знаемъ, что религіозные интересы одержали верхъ, но тѣмъ не менѣе самый фактъ этотъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велико было вліяніе Запада на Галичь: его политическая жизнь складывается подъ вліяніемъ аристократическихъ основъ сосѣднихъ Венгріи и Польши. Лѣтописецъ волынскій, сообщая о жизни этой окраины, даетъ намъ понять, куда тянула она: не о дѣлахъ Руси разсказывается преимущественно въ этой лѣтописи, а о дѣлахъ Польши и Венгріи. Политическій складъ этихъ двухъ государствъ отозвался въ высшей степени вредно на галичскомъ строѣ. Если уже во времена Даніила Романовича лѣтописецъ жалуется на то, что „бояре Данило себѣ княземъ назваху, а сами собой землю державу", то чѣмъ далѣе въ глубь XIII вѣка, тѣмъ болѣе усиливается это иноземное вліяніе. Въ городахъ галичскихъ являются иностранные выходцы: поляки, венгерцы, евреи, молдаване, и одинъ изъ послѣднихъ князей галичскихъ Юрій пишетъ свои грамоты на латинскомъ языкѣ, называя себя герцогомъ Лодомеріи и Малой Руси. Оторванный отъ связи съ своей національностью, Галичъ не удерживаетъ своего назначенія, теряетъ всякую роль въ русской исторіи и, наконецъ, утрачиваетъ свою политическую самостоятельность, переходя въ руки венгерцевъ и поляковъ.

Другая окраина Руси находилась на сѣверо-востокѣ — это была окраина новгородская. Новгородъ, какъ мы видѣли, не теряетъ своего значенія въ XIII вѣкѣ; напротивъ, усиливающаяся торговля обусловливаетъ его богатство и дальнѣйшее развитіе; кромѣ того, Новгородъ не теряетъ своей связи съ остальною Русью, и связь эта коренится преимущественно въ естественныхъ условіяхъ Новгорода, ибо отсюда изъ центра земли русской добываетъ Новгородъ нужные товары, да и его матеріальное благосостояніе зависитъ отъ земли суздальской-низовой: почва новгородской земли скудна — хлѣбъ въ Новгородъ идетъ изъ низовой земли. Но Новгородъ, какъ мы видѣли, не развилъ въ себѣ новаго строя жизни, онъ не развилъ въ себѣ государства: анархія и отсутствіе закона составляютъ обычное явленіе его внутренней жизни. Опираясь на торговлю, онъ въ торговлѣ однако является болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ участникомъ. Находясь на границѣ земли русской съ европейскимъ Западомъ, Новгородъ не подчинился, какъ Галичъ,

строго западной жизни, зато онъ не сыгралъ той роли, которую могъ бы сыграть: онъ не сблизилъ Востока Европы съ Западомъ и самъ не принялъ благотворныхъ, развивающихъ идей Запада.

Такимъ образомъ окраины русскія или подчинились, какъ Галичъ, иноземному вліянію и потеряли для русской исторіи въ дальнѣйшемъ развитіи всякое значеніе, или, развившись односторонне, какъ Новгородъ, не оказали никакого вліянія на остальную Русь — по крайней мѣрѣ, такого вліянія, какое бы могли оказать при своемъ положеніи.

Итакъ, для насъ остается Русь сѣверо-восточная — Русь суздальская, низовая. Мы видѣли, какъ начинается жизнь въ этой странѣ, отъ какого скуднаго начала идетъ эта жизнь, какъ русская жизнь должна была начаться вновь въ этой странѣ — вновь пройти эти тяжелыя ступени перваго развитія, но зато на этомъ самомъ сѣверо-востокѣ является возможность лучшаго, является надежда на прогрессивное движеніе впередъ: тамъ развивается самобытное русское государство, тамъ развиваются болѣе независимо, чѣмъ на юго-западѣ, основы русской національной жизни. Отдаленность страны дала русскому человѣку возможность сосредоточенно образовать самого себя, выработать энергію, устойчивость — именно тѣ качества, которыхъ недоставало нашему юго-западу. Конечно, и у насъ на сѣверѣ не могло обойтись безъ иноземнаго вліянія, но вліяніе это было болѣе слабое и менѣе прочное, чѣмъ вліяніе на нашъ юго-западъ. Находясь на великомъ Волжскомъ пути, который прямо открывался въ Каспійское море и на востокъ, земля суздальская не могла не испытывать на себѣ восточнаго вліянія — и дѣйствительно, тотъ періодъ, который мы разсматриваемъ, въ полномъ смыслѣ можетъ назваться періодомъ преобладающаго вліянія на насъ Востока, — періодомъ татарскимъ и не по имени только, а по сущности дѣла. Стремясь на востокъ и отдаляясь отъ запада, получая на востокѣ все, что нужно, русскій человѣкъ невольно увлекался обычаями восточной жизни. Одинъ извѣстный обычай, распространившійся въ землѣ суздальской, именно такъ называемое затворничество женщинъ, есть неоспоримое вліяніе татаръ. Все, что можно было взять для жизненнаго комфорта, добывалось у насъ съ востока, что доказывается тѣмъ, что большинство названій одеждъ, тканей и другихъ издѣлій въ на-

шемъ русскомъ языкѣ взяты у татаръ или, вообще, съ востока[1]). Въ самомъ дѣлѣ, если шелковыя матеріи, камка персидская, изъ которой дѣлались наши лучшіе костюмы, являются къ намъ съ востока, то весьма естественно, что и самый покрой — самая мода должна была явиться къ намъ съ востока. Если въ XVIII вѣкѣ у насъ французскія ткани являются господствующими, то, какъ намъ извѣстно, и французская мода становится у насъ преобладающей, а французская мода способствовала извѣстнымъ образомъ распространенію между нами французскихъ идей. Одинаковыя обстоятельства вызываютъ всегда одинаковыя явленія: восточная мода способствовала распространенію у насъ восточныхъ идей. Оружіе, всѣ принадлежности военнаго дѣла заимствованы нашими предками также у татаръ.

Вліяніе татаръ простирается даже до такой отдаленной окраины, какъ Галичъ. Мы знаемъ, по свидѣтельству лѣтописца, что Даніилъ Романовичъ является на помощь къ своему союзнику, королю венгерскому, исполчившись по-татарски, и это невиданное вооруженіе татарское вызываетъ удивленіе у западныхъ державъ. Если Даніилъ Романовичъ исполчился на восточный ладъ, то въ землѣ суздальской наши побѣдители должны были оказать въ этомъ еще большее вліяніе, и, дѣйствительно, главнымъ войскомъ у насъ понемногу является конное — по татарскому образцу, способъ битвы — татарскій: битва рѣшается посредствомъ засадъ. Припомнимъ знаменитую битву Куликовскую. Припомнимъ также, что московскіе князья принимаютъ къ себѣ на службу татарскія войска, образуютъ особое ханство Касимовское, которымъ эти служивые царевича управляютъ отъ его имени.

Восточное вліяніе должно было сказаться и въ складѣ понятій политическихъ. Дѣйствительно, понятія царя московскаго въ значи-

---

[1]) Вотъ тѣ восточныя названія костюмовъ, которыя распространились у насъ за этотъ періодъ: армякъ, куртка, чекмень, сарафанъ, кафтанъ, терликъ (костюмъ въ родѣ халата, какъ показываетъ и самое названіе: татарскій терликъ по-русски значитъ халатъ), кушакъ, колпакъ, покрышка для головы; названія тканей: парча, камка и др., и эти названія весьма наглядно подтверждаютъ восточное вліяніе. При первомъ взглядѣ на костюмы высшихъ классовъ, легко можно замѣтить, что они по своему покрою восточнаго, а не западнаго происхожденія; они имѣютъ длиннополую халатную форму, а не короткую, которая свойственна одеждѣ европейца.

тельной степени вырабатываются подъ вліяніемъ воспоминаній о царѣ татарскомъ — восточномъ. Допуская восточное вліяніе на насъ, мы объясняемъ себѣ многія страницы русской исторіи. Если восточное вліяніе, несмотря на то, что оно было такъ сильно, не измѣнило насъ совершенно ни въ религіозномъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи, не лишило насъ національности, не передѣлало насъ въ татаръ (народы менѣе устойчивые, какъ, напр., болгары, башкиры, черемисы, мордва, совершенно отуретчились, принявъ и вѣру и языкъ турецкій (татарскій), то это зависѣло и отъ того, что европейскій строй нашей жизни не могъ совершенно измѣниться подъ восточнымъ вліяніемъ, и отъ того, что сами татары не заключали въ себѣ перерабатывающей силы. Татары предоставили русскимъ полную возможность жить самостоятельно, жить по своей вѣрѣ и обычаямъ.

Обратимся теперь къ нашему спеціальному предмету — торговлѣ. Мы не станемъ повторять уже сказаннаго въ этомъ отношеніи; намъ достаточно припомнить, что русская торговля не падаетъ за этотъ періодъ; она даже, можно сказать, развивается: русскіе умѣли пользоваться своимъ положеніемъ на востокѣ. Торговля русскаго купца не есть только торговля пассивная, но также и активная. Въ лицѣ Аѳанасія Никитина мы видѣли прекрасный примѣръ той энергіи, которую выработалъ суздальскій купецъ. Промышленность за этотъ періодъ у насъ не развилась, да и не могла развиться вслѣдствіе скудости и бѣдности нашей родины. Вообще на этотъ періодъ мы должны смотрѣть, какъ на начало будущаго развитія. Въ концѣ этого періода въ суздальской области появляется центръ, около котораго группируются всѣ жизненныя силы сѣверо-восточной Руси; этотъ общій центръ есть Москва. Когда Москва мало-по-малу заняла это мѣсто, когда сгруппировала около себя сѣверо-восточную Русь, она объединила ее на новыхъ началахъ и основаніяхъ и сдѣлалась родоначальницей русскаго могущества. Объединеніе Москвы является не только внѣшнею формальностью; нѣтъ! Москва дѣйствительно сдѣлалась внутреннимъ жизненнымъ сосредоточіемъ русской земли. Съ этого времени начинается новый періодъ въ русской исторіи, а слѣдовательно, и въ исторіи русской торговли. Періодъ этотъ, по справедливости, можетъ назваться періодомъ московскимъ.

Теперь же познакомимся съ документами, относящимися къ торговлѣ домосковскаго періода. Прежде всего замѣтимъ, что въ этотъ періодъ мы встрѣчаемся съ первой попыткой векселя, который въ то время носилъ названіе заемной, закладной, кабальной (грамоты); проценты въ такой закладной обыкновенно не обозначались. Образцомъ такой закладной можетъ служить грамота, относящаяся къ XV вѣку, къ 1428—1434 годамъ, и принадлежащая Ивану Кобачину.

„Се язъ Иванъ Кабачинъ занялъ у игумена Христофора полтину да тридцать бѣлъ[1]), а въ томъ если игумену Христофору заложилъ пожню[2]) на Намчеровѣ наволоцѣ свой жеребей[3]); а внизъ по рѣцѣ съ Васильемъ межа по большой кустъ на березѣ, а съ большаго куста прямо на малый кустецъ къ лѣсу, а съ Мачефою межа верхъ рѣки по колью и по ямамъ на полы[4]); а занялъ есми полтину и бѣлки до Юрьева дни, а не уплачю на срокъ кунъ, ино моя пожня въ томъ[5]). А на то послуси[6]): Тихонъ чернецъ да Микита Ондреевъ. А написалъ сію кабалу[7]) Семенъ Поповъ Окуловъ. А кабалу есми далъ безъ печати“[8]).

Образцомъ жалованныхъ грамотъ можетъ служить грамота, на село Оксиньинское, данная какимъ-то московскимъ бояриномъ московскому Успенскому собору.

---

[1]) Полтина въ то время, какъ мы видимъ, является большою суммой, а 30 бѣлъ показываютъ, что монетная система установилась у насъ еще невполнѣ: счетъ идетъ и монетой и мѣхами.

[2]) Покосъ = поемный лугъ.

[3]) Свой участокъ.

[4]) Пополамъ, то-есть по одну сторону принадлежитъ одному, а по другую — другому. Весьма интересно описаніе границъ этого покоса: въ то время плановъ не было, и границы опредѣлялись по пригороднымъ отмѣткамъ. Но какимъ образомъ отличали большой кустъ отъ малаго — весьма трудно сказать. Обыкновенно свидѣтели обходили съ крестнымъ ходомъ владѣніе, замѣчали его границы и въ случаѣ спора изъ-за границъ рѣшали дѣло. Нельзя умолчать обо одномъ очень куріозномъ обычаѣ того времени, который состоялъ въ томъ, что въ подобные ходы брали съ собой малыхъ дѣтей и жестоко сѣкли ихъ на выдающихся мѣстахъ, и, дѣйствительно, средство это было хорошее: эти люди до глубокой старости помнили, гдѣ и при какихъ условіяхъ ихъ такъ немилосердно выдрали.

[5]) То покосъ мой останется за игуменомъ.

[6]) Свидѣтели.

[7]) Въ кабалу шелъ всякій, кто дѣлалъ заемъ и не выплачивалъ его — шелъ или своей натурой, если у него ничего не было, или, если былъ зажиточнымъ человѣкомъ, шелъ въ кабалу или всѣмъ, или частью своего владѣнія.

[8]) Обыкновенно къ такимъ грамотамъ прикладывалась печать, и если грамота дана безъ печати и если этого обстоятельства не оговорено въ самой грамотѣ, грамота считалась недѣйствительной.

„Милостію Божіею и пречистыя его Матере и молитвою св. чюдотворца Петра, М-та всея Руси, се язъ Игнатій Васильевичъ далъ есмь св. Богородици съ борной на Москвѣ въ домъ и св. чюдотворцу Петру, м-ту всеа Руси, село свое Оксиньинское, свою отчину, съ церковью съ св. Николою, въ звенигородскомъ уѣздѣ, и господину своему Іонѣ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополью руськую[1]), или кто по немъ будетъ иный митрополитъ, и съ деревнями, что къ нему напередъ того потягивали[2]), куды моя соха ходила, куды и топоръ ходилъ и съ луги, и съ пожнями[3]): и съ лѣсомъ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ нему издавна потягло; а господинъ мой[4]) держитъ то село въ дому пречистыя Богородици, а не продасть его, ни дастъ ни кому, нимѣнитъ ни съ кѣмъ; а далъ есмь то село напоминокъ своимъ родителемъ и себѣ и всему своему роду. А на то послуси[3]). Иванъ Ильичь, Ананья діакъ митрополичь, Иванъ Истлѣнье. А грамоту писалъ Семенъ чернецъ; а запечалъ есмь хрестцемъ“[5]).

Въ той же формѣ писались и купчія, которыя появились у насъ съ XIV вѣка; до этого же времени продажа и купля совершались безъ письменныхъ актовъ — только при свидѣтеляхъ.

Приведемъ, какъ образецъ, купчую Кириллова монастыря относящуюся къ XV вѣку.

„Се язъ Касіянъ игуменъ Кириллова монастыря, Пречистой въ домъ купилъ есмь Островьскомъ ѣзу полноги (рыбу ловить), у Ондрея у Борисова; и далъ есмь полтора рубля новгороцкіе. — А на то послуси: старець Илья, старець казначеи Сергѣи, старець Тимоѳеи, Гридя поповъ, Василь поповъ, Самойло. А грамоту писалъ чернецъ Митрофанъ; а грамота безъ печати“.

Достаточно приведенныхъ образцовъ для того, чтобы видѣть, какъ писались грамоты. Впрочемъ, мы остановимъ наше вниманіе еще на одной грамотѣ, которая намъ покажетъ, что иногда жаловались не самыя помѣстья, а нѣкоторыя статьи дохода. Мы прочитаемъ жалованную льготную грамоту Троице-Сергіеву монастырю на соляныя варницы.

„Святыя дѣля Троицы, по отца свои грамотѣ великог князя Василья Дмитреевич, се яз князь велики Василей Васильевич пожаловал есмь Сергеева монастыря игумена Зиновіа съ братею, или кто будет по нем иным игумен: что их 4 варници оу Переяславьскые Соли и волостели мои оусольскые и их тивуни[6]) и их доводщики с тѣх варниць пошлин никаких не емлют, ни поборов не берут, ни явленог съ водоливовъ[7]).

---

[1]) Т.-е. назначенному на митрополію, но не рукоположенному еще въ Константинополѣ.

[2]) Т.-е. съ деревнями, составлявшими его тягло.

[3]) См. примѣчанія къ предыдущей грамотѣ.

[4]) Т.-е. господинъ Іона.

[5]) Печать, на которой было изображеніе креста.

[6]) Тіуны.

[7]) Т.-е. пусть монахи безпошлинно занимаются солевареньемъ на монастырскихъ варницахъ. Водоливы = чаны, въ которые разливается разсолъ.

да что их дворъ тутож оу Солида деревня их на Хупанѣ горѣ да починок[1]), и кто оу них имет жити людей в том дворѣ и в деревнѣ и тѣм людем манастырьскимъ ненадобѣ им ни мытъ[2]), ни тамга[3]), ни восменичее[4]), ни вѣсчее[5]), ни двора моего ставити[6]), ни коня кормити[7]), ни закосъ имъ ненадобѣ[8]), ни портъное[9]) ни подводы, ни къ дворьскому, ни к сотнику не надобѣ[10]) им тянути никоторыми пошлинами и[11]) намѣстници мои переяславьскые и волостели оусольскые и их тивуни дворян своих не всылають къ тѣм людем монастырскымъ къ хупанньскым и къ оусольскым ни по что, нисудят их, опроче душегубьства; ни доводчики оу них побора неберутъ, а пятеньщик мои к ним не въ ездит, ни коневъ оу них не пятнит[12]), а держат игумен свое пятно оу своих людей оу монастырьскихъ или кому прикажет. А вѣдает и судит свои люди игумен самъ или кому прикажет; а смѣшается суд монастырскым людем о городскыми людми[13]) или о волостными, и намѣстници мои переяславьскые и волостели оусольскые и их тивуни судят, а игумен съ ними или кому прикажет; а будет прав или виноват манастырьскый человѣкь, и онъ

---

[1]) Починка — выселокъ, маленькая деревенька. Въ этой грамотѣ интересенъ перечень поборовъ, которые могъ платить деревенскій житель. Вотъ этотъ перечень:

[2]) 1. *Мытъ* — торговая пошлина.

[3]) 2. *Тамга* — пошлина съ проданнаго товара.

[4]) 3 *Восменичи* — пошлина съ мѣховъ.

[5]) 4. *Вѣсчее* — пошлина за взвѣшиваніе.

[6]) Натуральныя повинности:

5. *Дворъ княжій ставить,* т.-е. срубать въ случаѣ надобности хоромы для князя.

[7]) 6. *Кормить княжьихъ лошадей.*

[8]) 7. *Косить траву на княжескихъ лугахъ.*

[9]) 8. *Доставлять князю одежду* (по всей вѣроятности, полотномъ).

[10]) 9. *Поставлять подводы для княжьихъ чиновниковъ.*

[11]) Съ этого мѣста жалованной грамоты начинается ея вторая половина: *несудимая грамота.* Монастырскіе люди освобождаются отъ княжьяго суда, за исключеніемъ душегубства (уголовныхъ преступленій). Нужно замѣтить, что въ то время на судъ смотрѣли, какъ на финансовый источникъ: князь кормился судомъ.

[12]) Въ то время конокрадство было сильно развито, и для того, чтобы лошадь чѣмъ-нибудь отличить отъ другихъ, ее клеймили (пятнами). Клеймо имѣлъ право ставить только князь, который за это бралъ себѣ небольшую пошлину. Если лошадь пропадала и если на ней не было клейма, то просить въ судъ на вора было нельзя.

[13]) Если въ преступленіи замѣшаются городскіе и монастырскіе люди, то устраивается такъ называемый *смѣшанный судъ* изъ княжьихъ и монастырскихъ людей.

игумен и в правдѣ и въ винѣ, а намѣстници мои и волостели не вступаються в монастырьског человѣка ни въ праваг, ни в виноватаг[1]), а игумен или кому прикажет не въступается въ их человѣка въ переяславскаг, и в оусольског ни в правог, ни в виноватог. А черезъ сю мою грамоту кто на них что возмет или чим изобидит, быти от меня въ казни... рую грамоту дамъ грамоту, а на сюю гра...(моту) грамоты нѣтъ"[2]).

VIII.

Торговля въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв.

Вторая половина XV, весь XVI и XVII вѣкъ составляютъ такъ называемый московскій періодъ нашей исторіи вообще и исторіи торговли въ особенности. Мы должны нѣсколько остановиться на общихъ чертахъ этого московскаго періода, потому что самая торговля, имѣющая свои особенности за этотъ періодъ, обусловливается историческими его свойствами.

Во второй половинѣ XV и въ первой XVI вѣка на востокѣ Европы происходитъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же самый переворотъ, который происходилъ и на Западѣ. Въ западной Европѣ въ то время падаютъ средневѣковыя начала и являются новыя. Главнымъ образомъ эти новыя начала заключаются въ появленіи правильнаго государства, въ постепенномъ господствѣ идеи о государственной жизни. Государство появляется на западѣ Европы въ формѣ монархіи, потому что это была въ данный моментъ единственная форма государства, могшая доставить настоящее единство, потребность въ которомъ тогда сильно ощущалась въ народѣ въ противоположность средневѣковой разобщенности. Тѣ условія, которыя вызвали усиленіе монархіи въ западной Европѣ, должны были вызвать явленія государства и у насъ, въ Россіи. Горькій опытъ долженъ былъ убѣдить Россію въ томъ, что единство Руси есть необходимое условіе для существованія, для свободы народа. Иго татарское со всѣми его тяжелыми послѣдствіями было вызвано по преимуществу раздробленіемъ русской земли, отсутствіемъ общаго центра. Теперь

[1]) Ни въ праваго, ни въ виноватаго.

[2]) Т.-е. эту грамоту не можетъ уничтожить никакая другая.

этотъ центръ является, это — Москва; является также и лицо, въ которомъ выражается это стремленіе къ единству, это — царь. Такимъ образомъ и у насъ утверждается государство въ формѣ монархіи; и у насъ, несмотря на извѣстные недостатки и несимпатичныя формы, въ которыхъ проявляется эта новая власть, государство составляетъ необходимую ступень историческаго прогресса.

Конечно, государство и царская власть являются у насъ совершенно самобытнымъ и оригинальнымъ началомъ. Тождественныя условія вызываютъ тождественныя явленія, но русская жизнь не могла, естественно, представить условій, тождественныхъ съ западными; здѣсь могло быть сходство только въ общихъ чертахъ. Наша монархическая власть развивается оригинально. Разсматривая однако личность, значеніе и обстановку царя XVI и XVII вѣковъ, мы не можемъ не замѣтить, что самое понятіе о царѣ, объ его обстановкѣ, образѣ его мыслей и взглядовъ обусловливается въ значительной степени вліяніемъ идей иноземныхъ.

Если въ западной Европѣ государство и понятіе о государствѣ разрабатывались въ XV и XVI вѣкахъ въ значительной степени подъ вліяніемъ возродившагося знакомства съ античнымъ міромъ, преимущественно съ древне-римскими понятіями по тому предмету, то, слѣдовательно, Европа на новыхъ своихъ политическихъ путяхъ нуждалась въ учителѣ, въ помощи. У насъ совершалось почти то же самое. Понятіе о царѣ выработалось подъ вліяніемъ византійскимъ и татарскимъ. Русь была тѣсно связана съ Византіей, и эта связь не прерывалась въ самый тяжелый періодъ ея существованія. Въ 1453 году Византійской имперіи не стало, не стало, слѣдовательно, того, кого мы привыкли называть царемъ, но князь московскій женился на послѣдней отрасли того рода, который носилъ императорскую корону въ Константинополѣ. Много условій соединилось для того, чтобы московскій князь могъ считать себя законнымъ преемникомъ и наслѣдникомъ греческой монархіи. Главное условіе было то, что онъ одинъ остался независимымъ представителемъ греческой православной вѣры, и сами греки невольно въ московскомъ князѣ вызывали мысль, что онъ единственный столбъ и опора для православной имперіи. То обстоятельство, что этотъ князь женился на наслѣдницѣ императорской короны, могло еще болѣе узаконить эти права въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ

его подданныхъ и греческихъ единовѣрцевъ. Бракъ Софіи Палеологъ въ этомъ отношеніи имѣетъ дѣйствительное вліяніе и значеніе въ русской исторіи; это чувствовали современники. Князь Курбскій, представитель боярской оппозиціи, недовольный тѣмъ превращеніемъ, которое совершилось въ XVI вѣкѣ, — князя въ царя, одно изъ своихъ посланій начинаетъ такъ: „Презлыми жены чародѣицы“ и продолжаетъ далѣе: „взошло зло въ издревлѣ добрый родъ россійскихъ князей“, и именно Софьѣ Палеологъ приписываетъ онъ это превращеніе князя въ царя. Мысль Курбскаго не стоитъ отдѣльно, это есть общая мысль всѣхъ бояръ. Другой знаменитый представитель боярской оппозиціи временъ Василія III, Берсенъ-Беклемишевъ, въ задушевной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ говорилъ, что „именно эта греческая царица Софья Ѳоминична на наше нестроеніе пришла“. Подъ нестроеніемъ бояре признавали введеніе новыхъ порядковъ въ нашу старину. Мы, конечно, не можемъ придавать преувеличеннаго значенія какой-нибудь отдѣльной личности, потому что эта личность не создаетъ идеи вѣка. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, которое весь переворотъ относитъ къ извѣстной иноземной личности, но, съ другой стороны, такъ какъ индивидуальнаго вліянія нельзя отрицать въ исторіи, мы не должны слишкомъ умалять значеніе греческой царевны: какъ наслѣдница короны, она могла усилить вліяніе Византіи и поддерживала въ Иванѣ III мысль, которая родилась еще до этого брака. Принимая на себя такимъ образомъ наслѣдіе Царьграда, князь московскій принимаетъ на себя также и обычаи и обстановку византійской короны. Онъ долженъ ввести этикетъ, долженъ поставить себя выше, чѣмъ прежде стоялъ; словомъ, онъ долженъ обратить себя изъ князя въ царя. Обстановка царей византійскихъ въ значительной степени вырабатывалась подъ вліяніемъ Востока. Такимъ образомъ, если идея о власти приходила въ западную Европу изъ болѣе чистыхъ европейскихъ источниковъ, то къ намъ она являлась въ значительно испорченной формѣ.

Восточное вліяніе у насъ на Руси является не только черезъ Византію, но и другимъ самостоятельнымъ путемъ. Князь, превращаясь въ царя, старается подражать бывшему византійскому императору, но его уже нѣтъ, сама Византія далека, но есть образцы болѣе близкіе. Въ XIV и XV вѣкахъ слово „царь“ для

нашихъ предковъ имѣло только одинъ смыслъ: у насъ былъ только одинъ царь — это ханъ Золотой Орды. Естественно, когда князь сдѣлался самъ царемъ, онъ не могъ не подчиниться тому вліянію, подъ гнетомъ котораго выросли его предки. Ханъ татарскій, въ свою очередь, въ своей обстановкѣ, въ понятіи о своей власти руководствовался извѣстными обычаями, издавна существовавшими на востокѣ, особенно въ Персіи. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этикетѣ, обстановкѣ, самомъ отношеніи царя къ подданнымъ сказалось въ значительной степени воспоминаніе объ этомъ азіатскомъ вліяніи, сказалось подражаніе тому, что продолжало дѣлаться на востокѣ. Не говоря о томъ, что понятіе о царѣ вырабатывалось подъ вліяніемъ восточно-византійскимъ, мы не должны забывать одного — самостоятельности нашего общаго начала. Князь, превращаясь въ царя, не переставалъ отъ этого быть княземъ, и его власть представляла тотъ оригинальный оттѣнокъ, который выработался самостоятельно въ суздальской землѣ во время татарскаго періода; поэтому въ царѣ нашемъ преобладалъ оттѣнокъ князя, въ особѣ царя является помѣщичій колоритъ. Какъ прежде князь московскій являлся вотчинникомъ, помѣщикомъ своей земли, съ такимъ же характеромъ остается и нашъ царь. Помѣщичій характеръ московскаго царя проявляется прежде всего въ томъ, что все государство считается его вотчиною, собственностью. При неразвитомъ государственномъ порядкѣ и на западѣ было то же самое: и тамъ казна королевская и казна государственная смѣшивались въ одно цѣлое. Но у насъ то же самое понятіе вырабатывается еще проще, еще патріархальнѣе: царь есть законный владѣтель своей земли и всѣхъ его доходовъ. Если на западѣ Европы мысль о тождественности государя съ государствомъ достигла значительной степени, то у насъ это было еще естественнѣе, и русскій царь съ большимъ правомъ могъ сказать извѣстную фразу Людовика XIV: „L'etat c'est moi“. Тамъ эта фраза отзывается какою-то поддѣльною искусственностью и вызывала извѣстное оппозиціонное впечатлѣніе и, во всякомъ случаѣ, могла выражать собою только политическое отождествленіе государя съ государствомъ; у насъ эта фраза не говорилась, но она чувствовалась и всѣми сознавалась, и отождествленіе было гораздо естественнѣе, такъ какъ господствовало родовое, патріархальное представленіе о государѣ

какъ „отцѣ“. Конечно, и у насъ не все обошлось безъ борьбы, но эта борьба не имѣла того серіознаго характера, какъ на западѣ.

Отношеніе царя къ своимъ подданнымъ вырабатывается почти такъ же, какъ отношенія помѣщика къ своимъ холопамъ, крестьянамъ. Это проявлялось въ самой обрядной формѣ, и, если въ XVI вѣкѣ всѣ сословія, не исключая потомковъ когда-то независимыхъ князей Рюриковичей, бьютъ челомъ, снимаютъ шапки, когда входятъ на царскій дворъ, и подписываются на челобитной къ великому государю: „князишко, холопишко твой такой-то, челомъ бьетъ“, то это была не форма, не одинъ только внѣшній видъ; здѣсь видно полное внутреннее сознаніе. Потому и самая столица, сама Москва, вырабатывается въ формѣ усадьбы; правда, это была усадьба, вотчина такого помѣщика, у котораго владѣній было больше многихъ европейскихъ государей. Всѣ государственныя отношенія вытекаютъ совершенно изъ такого же понятія, которое опредѣляется характеристикой царской власти московскаго періода.

Понятно, что появленіе государства вызвало у насъ борьбу, — весь XVI и отчасти XVII вѣкъ наполнились подобною борьбою, которая ведется въ самой разнообразной формѣ. Эта борьба идетъ со стороны различныхъ областей и волостей земли русской, которыя привыкли къ своему вѣчевому укладу, самостоятельной жизни и выказывали свою оппозицію противъ того объединенія, того тягла, которыя заставляли ихъ тянуть Москва: Новгородъ, Псковъ, Рязань, Вятка и Казань. Можно сказать, что русскіе города долго сохраняютъ преданія о своей прежней самобытности. Борьба идетъ противъ государства со стороны тѣхъ людей, которые не свыклись съ новыми порядками, напримѣръ, со стороны бѣглыхъ людей, холопей, которые прикрѣплены государствомъ къ землѣ; со стороны казаковъ, этихъ авантюристовъ, уходившихъ въ степь точно такъ же, какъ это дѣлали недовольные въ западной Европѣ; борьба идетъ со стороны боярства, — точно такъ же въ XVI и XVII вѣкахъ на западѣ Европы мы встрѣчаемся съ возстаніемъ рыцарей въ Германіи, съ временами фронды во Франціи. Боярство особенно сильно придерживается старины и боится измѣнить ей. „Та земля, которая премѣняетъ свою старину и свои старые обычаи перестанавливаетъ, и та земля не долго стоитъ“, — высказываетъ боярское убѣжденіе Берсенъ-Беклемишевъ. Боярство борется съ Іоанномъ IV и въ лицѣ

своего талантливаго литератора, князя Курбскаго, высказываетъ свои идеи о прежнихъ правахъ боярскихъ, въ противоположность тѣмъ идеямъ, которыя высказывалъ Іоаннъ IV: „мы на землю свою пришли царствовать самодержавно, съ благословенія Божьяго, а не боярскимъ изволеніемъ“, „страна своими самодержцы управляется, а не боярскимъ синклитомъ“. Наконецъ, наступаетъ смутное время, которое для насъ, русскихъ, явилось пробнымъ камнемъ. Здѣсь должно было сказаться, въ состояніи ли государство русское выдержать борьбу съ этою массою противогосударственныхъ элементовъ, здѣсь должно было сказаться, выдержитъ ли русское единство; составляетъ ли оно постоянную, историческую потребность или оно было случайнымъ, временнымъ явленіемъ; удержится ли русская земля при тѣхъ государственныхъ формахъ, которыя она выработала. Намъ уже извѣстно, что русская земля съ честью вышла изъ тяжелаго испытанія и показала, что она способна къ исторической жизни. Національное возстаніе земли русской очистило ее отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и первымъ дѣломъ русскихъ людей было собраться и возстановить ту форму, съ которой они свыклись въ XVI вѣкѣ. Боярская оппозиція, какъ бы она ни возставала противъ того, что сдѣлали цари, не сумѣла представить ничего лучшаго, и всякій разъ, когда боярство становилось во главѣ правленія, оно показывало неспособность, точно такъ же, какъ неспособнымъ оказалось къ этой роли феодальное дворянство въ западной Европѣ. Во Франціи феодалы должны были преклониться передъ волей Ришельё; у насъ же боярство само должно было сознаться въ необходимости возстановленія государства, но въ то же время жизнь доказала необходимость широкаго совмѣстнаго сотрудничества правительства и общества, — только при помощи народныхъ представителей новая династія справилась въ концѣ концовъ съ задачей возстановленія расшатаннаго порядка въ эпоху „великой разрухи“. Именно смутное время доказало всю необходимость и потребность непосредственнаго участія народа въ управленіи, и московскіе государи обращаются къ содѣйствію населенія и созываютъ народъ на „всероссійское вѣче“, — на земскіе соборы. Этою общею характеристикою мы пока и ограничимся.

Переходя къ спеціально занимающему насъ предмету, мы должны замѣтить, что особенности характера торговли русской въ описы-

ваемый нами періодъ въ значительной степени проистекаютъ изъ сдѣланной исторической характеристики этого періода. Если царь русской земли есть ея владѣтель, считающій своими собственными ея средства, то въ то же самое время онъ и вымѣниваетъ свои произведенія на другія иноземныя, является торговцемъ. Одинъ англійскій наблюдатель, знакомый съ московскимъ порядкомъ, справедливо замѣчаетъ, что царь русскій есть первый купецъ своего государства.

Дѣйствительно, казна сама вела значительную торговлю: всѣ лучшіе товары доставлялись обыкновенно казнѣ; царскіе чиновники имѣли право осматривать товары и лучшіе изъ нихъ за опредѣленную или произвольную цѣну брали въ казну для великаго государя. Мы видимъ, слѣдовательно, что здѣсь толчокъ и направленіе исходятъ изъ общаго центра. Особенности полутатарскаго быта того времени могутъ объясняться особенностями нашей торговли за то время. Промышленность наша получила свой толчокъ опять-таки изъ этого общаго центра. Точно также, если бы мы вообразили себѣ господскую усадьбу и попытались представить, какимъ образомъ появляются тамъ первые признаки мануфактурной промышленности, мы естественно пришли бы къ заключенію, что эта дѣятельность прежде всего удовлетворяетъ самого владѣльца усадьбой. Эта дѣятельность развивается изъ потребности помѣщика: изъ тканья полотна, пряжи и т. д., однимъ словомъ, изъ выдѣлки различныхъ предметовъ, которые шли для самого владѣльца усадьбы. То же самое можно сказать о торговлѣ и промышленности XVI вѣка[1]). Такъ какъ промышленность и торговля исходятъ изъ одного, общаго центра, то намъ, естественно, нужно приступить къ этому центру. Этотъ центръ есть, очевидно, царская резиденція, это — Москва, торговое значеніе которой сильно возрастаетъ въ этотъ періодъ. Дѣйствительно, Москва въ буквальномъ смыслѣ можетъ назваться полнымъ сосредоточіемъ всей торговли и промышленности, это — сердце Россіи: отсюда идутъ распоряженія, здѣсь живутъ всѣ богатые купцы, однимъ словомъ, все сосредоточено въ Москвѣ. Отсюда идутъ всѣ главные пути; всѣ торговые законы и другія

[1]) За этотъ періодъ мы имѣемъ обстоятельное и подробное изложеніе, именно сочиненіе Костомарова: „Очерки торговли Московскаго государства въ XV и XVI вв.“

особенности этого періода выходятъ изъ Москвы, а потому мы прежде всего должны остановиться на Москвѣ.

Какъ уже сказано, Москва въ это время есть царская усадьба. Этотъ характеръ Москвы, какъ царской усадьбы, сохранился очень долго; память о немъ хранится до нашего времени въ различныхъ мѣстныхъ названіяхъ. Въ серединѣ Москвы стоитъ дворъ (городъ) вотчинника — кремль; ближе къ нему находились дворы и вотчины бояръ и царскихъ прислужниковъ. Царская усадьба окружалась ближайшими потребностями этого вотчинника. Кругомъ усадьбы расположены слободы, гдѣ живутъ люди дворовые, назначеніе которыхъ состояло въ удовлетвореніи потребностей этого вотчинника. Названія этихъ слободъ, сохранившіяся и до сихъ поръ, наглядно показываютъ намъ, какъ русская промышленность получила первый толчокъ отъ царскаго двора. Около усадьбы царской лежитъ большая слобода Басманная; здѣсь жили хлѣбники царскіе. Можетъ-быть, здѣсь были люди, которые занимались басменнымъ, т.-е. чеканнымъ дѣломъ (татарскій *басмакъ* — чеканить, печатать, выбивать). Затѣмъ въ числѣ слободъ мы встрѣчаемъ слободы: Поварскую (Поварская до сихъ поръ окружена переулками: Ножовымъ, Столовымъ, Хлѣбниковымъ, Скатертнымъ и т. п.); Хамовники, гдѣ занимались хамовнымъ дѣломъ, т.-е. тканьемъ полотна для великаго государя; слободы Кожевники, Гончарная и др. прямо указываютъ на то, что онѣ были населены людьми, доставлявшими продукты во дворецъ. Около Москвы идетъ извѣстный рядъ селеній, занимающихся отдѣльными промыслами. Если разыскивать начало этого промысла, то въ большинствѣ случаевъ окажется, что оно беретъ начало въ московскомъ періодѣ и проистекаетъ отъ потребностей двора. Ростовскій уѣздъ съ своимъ огородничествомъ и плодоводствомъ, Владиміръ съ вишнями, Бронницкая Гжель съ глиняной посудой — все это началось вслѣдствіе поставки ко двору великаго князя-вотчинника. Такимъ же образомъ развивалась первоначально и торговля московская.

Дѣлаясь центромъ, Москва притягиваетъ массу народа и быстро разрастается въ XVI и XVII столѣтіи. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, говорятъ намъ о ея обширности и многолюдствѣ ея населенія. При такомъ многолюдномъ населеніи, Москва является намъ городомъ, замѣчательнымъ по своему значительному торговому развитію. Не надо

забывать одного, что русскій народъ, по отзывамъ иностранцевъ, народъ, въ высшей степени способный къ торговлѣ. Одинъ иностранецъ разсказываетъ съ нескрываемымъ изумленіемъ, что одинъ русскій купецъ, бравшій товаръ у него въ долгъ, столько успѣвалъ сдѣлать оборотовъ съ этимъ товаромъ, что по прошествіи нѣкотораго времени отдавалъ ему тотъ же товаръ дешевле, чѣмъ покупалъ, и иностранцы говорили, что хоть вези товаръ назадъ въ Амстердамъ, — такъ дешево продавалъ русскій купецъ эти товары. Къ этой способности присоединяется и любовь къ торговлѣ, которую отмѣчаютъ у нашихъ предковъ иностранцы, указывающіе, что всѣ русскіе люди безъ исключенія занимаются торговлею. Дѣйствительно, самъ царь былъ первый купецъ, бояре торгуютъ также и не считаютъ это занятіе унизительнымъ, что изумляло приходившихъ съ запада людей, ибо у себя они привыкли къ совершенно иному взгляду на торговлю и ремесло со стороны дворянства; монастыри также ведутъ торговлю, митрополиты и архіепископы тоже не пренебрегаютъ ею[1]). Эта способность и любовь къ торговымъ занятіямъ въ особенности выдвигаютъ впередъ Москву, какъ торговый центръ.

Въ XVI вѣкѣ главная торговля сосредоточивается въ Москвѣ около царской усадьбы въ Китай-городѣ. Красная площадь является оживленнымъ торговымъ рынкомъ, на которомъ можно было найти все необходимое для удовлетворенія нашихъ потребностей. Кромѣ того, были и другіе значительные рынки; былъ рынокъ рыбный, около Москвы-рѣки, гдѣ зимою лежали цѣлыя горы рыбы; большое значеніе имѣлъ конный рынокъ, на который приводили иногда до 30 и даже 40 тысячъ головъ татарскихъ лошадей. Кромѣ того, по средамъ и пятницамъ на каждой сколько-нибудь значительной площади были базары, носившіе, конечно, тотъ же характеръ сбыта сельскихъ произведеній, какъ и теперь.

Въ Москвѣ было много иностранныхъ купцовъ. Здѣсь были англичане, поляки, литовцы, шведы, персіяне, армяне и мн. др. Торговля главнымъ образомъ сосредоточивалась въ нѣсколькихъ гостиныхъ дворахъ, изъ которыхъ главныхъ было восемь. Слѣ-

[1]) Въ серединѣ XVII в. однако торговля уже сдѣлалась преимуществомъ городского сословія, которое этимъ самымъ было выдѣлено изъ другихъ сословій Московскаго государства.

довательно, въ этомъ отношенiи Москва далеко оставляла за собою число гостиныхъ дворовъ въ другихъ городахъ. Центромъ торговли была Красная площадь. Ближе къ кремлю было два двора: Старый и Новый, основанный въ 1662 году при Алексѣѣ Михайловичѣ, которые считались лучшими[1]). Эти гостиные дворы въ Москвѣ строились по образцу восточныхъ дворовъ и караванъ-сараевъ, которые представляли то, что у насъ теперь называется рядами, именно собранiе лавокъ въ одно цѣлое и преимущественно торгующихъ однимъ и тѣмъ же товаромъ. Въ срединѣ Новаго двора, состоящаго изъ нѣсколькихъ рядовъ, сохранившихся до нашего времени, находилась непокрытая площадь, въ срединѣ которой помѣщались вѣсы, необходимые при продажѣ оптомъ. Царскiе чиновники надзирали за торговлею и брали пошлины. Наконецъ, здѣсь же собирались купцы для совѣщанiй о своихъ дѣлахъ; слѣдовательно, это была биржа. Обычай собираться на воздухѣ, избѣгать особо назначенныхъ для того зданiй — есть также восточный; дворъ съ площадью посрединѣ указываетъ намъ на то, что это зданiе было выстроено по восточному образцу: здѣсь подражали восточнымъ караванъ-сараямъ, хотя тамъ они имѣли другое значенiе. Гостиные дворы были выстроены отъ государства, и лавки отдавались внаймы отъ 10 до 25 руб. въ годъ. Рядомъ съ упомянутыми Старымъ и Новымъ гостинными дворами находился богатый дворъ Персидскiй, гдѣ торговали купцы восточные: персидскiе и арабскiе. Кромѣ этихъ дворовъ, были слѣдующiе: 4) Шведскiй, который находился около Неглинной рѣчки, 5) Литовскiй, 6) дворъ Армянскiй на Срѣтенкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Армянскiй переулокъ, 7) Греческiй на Никольской, 8) дворъ Англiйскiй, который нѣкоторое время былъ одинъ изъ богатѣйшихъ московскихъ гостиныхъ дворовъ; онъ находился на Варваркѣ, близъ церкви Максима-исповѣдника.

Мы видимъ такимъ образомъ, что гостинные дворы въ Москвѣ, раздѣляются по нацiональностямъ купцовъ; это дѣленiе указываетъ на то, что торговля сохранила въ значительной степени свои прежнiя свойства: взаимное недовѣрiе, желанiе иноземцевъ замкнуться, жить своею жизнью, чуждою русскому народу, и такое же

---

[1]) Находившiеся на Красной площади гостинные дворы расположены были на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Старый и Новый гостинные дворы.

отчужденіе со стороны русскихъ. Только нашему времени принадлежитъ честь уничтоженія этихъ національныхъ преградъ въ дѣлѣ торговыхъ сношеній различныхъ народовъ.

Надо замѣтить, что торговля разсматриваемаго нами періода носитъ характеръ оптовой торговли, которая собственно и производилась изъ гостиныхъ дворовъ; торговля же мелочная, торговля для потребителей сосредоточивалась обыкновенно въ рядахъ, существовавшихъ въ Москвѣ помимо гостинныхъ дворовъ и подворьевъ. Самое названіе „рядъ" указываетъ на устройство этихъ мелочныхъ лавокъ, которыя всѣ соединялись вмѣстѣ въ одинъ рядъ, подъ одну крышу по образцу гостиныхъ дворовъ. Устройство этихъ рядовъ, заимствованное съ востока, прямо указываетъ на азіатскій способъ торговли, совершенно противоположный европейскому, — болѣе индивидуальному[1]). У насъ ряды сохранились какъ остатокъ старины и даже какъ потребность соединенія въ ряды товаровъ одного рода, но гораздо дальше шло подобное соединеніе въ Москвѣ XV—XVII вѣковъ: даже мелкіе ремесленники, какъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, соединялись въ одинъ опредѣленный рядъ, вслѣдствіе этого рядовъ было безчисленное множество. Здѣсь мы не будемъ перечислять ихъ всѣхъ, а замѣтимъ только самые главные: Лоскутный или Ветошный рядъ, соединявшій въ себѣ, несмотря на свое названіе, всевозможные предметы для костюма; Рыбный рядъ на берегахъ Москвы-рѣки, въ которомъ производилась огромная торговля рыбою (по словамъ иностранцевъ, здѣсь цѣлыя массы рыбы лежали на открытомъ воздухѣ), бывшей предметомъ первой необходимости при строгости постовъ того времени; Охотный рядъ, въ которомъ продавались не только продукты охоты, но и всякая живность и прочіе съѣстные припасы. Но кромѣ рядовъ, по свидѣтельству иностранцевъ, на площадяхъ, обыкновенно по средамъ и по пятницамъ, бывали еще рынки (по преимуществу близъ Москвырѣки у пристаней, а зимой „на льду"), на которые свозились различные сельскіе продукты, издѣлія изъ дерева, глины и прочія нехитрыя подѣлки. Такіе рынки, вслѣдствіе отсутствія мелочныхъ лавочекъ и магазиновъ, имѣли въ то время большое значеніе, и на нихъ закупались припасы на цѣлую недѣлю и больше, а нѣкоторые закупали

[1]) Азіатскій способъ требуетъ рядовъ, а европейскій наоборотъ: лавка или магазинъ строятся отдѣльно и существуютъ сами по себѣ.

даже на цѣлый годъ и находили такую покупку болѣе выгодною — въ наше время на такихъ рынкахъ или базарахъ (татарское слово „базаръ“ замѣнило русское — „рынокъ“) такъ закупаютъ только одни помѣщики, живущіе далеко отъ города. Изъ московскихъ рынковъ того времени, на которыхъ по преимуществу мы можемъ остановить наше вниманіе и которые имѣли не столь узкое значеніе, какъ остальные, замѣчательны три: первый — Толкучій на Красной площади, второй — на Ивановской и третій — на Конной площади. Красная площадь имѣла центральное значеніе для Москвы, она была для нея тоже почти, что форумъ для римлянъ. Здѣсь сосредоточивались главные акты общественной жизни; здѣсь съ лобнаго мѣста читались царскіе указы; здѣсь стоялъ храмъ Василія Блаженнаго, который по своей причудливой архитектурѣ служилъ для всѣхъ русскихъ предметомъ гордости; здѣсь совершалъ патріархъ свое обычное шествіе для освященія воды, здѣсь же происходило вербное шествіе того же патріарха на осляти, когда царь велъ подъ уздцы осла, на которомъ возсѣдалъ патріархъ; на этой же площади происходили судъ и расправа, пытка, правежъ; здѣсь же производилась торговая казнь, которая и получила свое названіе отъ того, что она производилась публично, на площади, на торгу. Объ этой площади упоминаетъ въ своемъ сочиненіи Олеарій, знаменитый путешественникъ того времени (половина XVII в.); онъ говоритъ, что на Красной площади всегда толпятся массы народа, между которыми ходятъ торговцы различныхъ предметовъ[1]). Въ самомъ кремлѣ, передъ Чудовымъ монастыремъ и Ивановскою колокольнею, гдѣ теперь плацъ, находилась площадь Ивановская, имѣвшая оригинальное, самобытное значеніе: здѣсь происходилъ торгъ людьми, здѣсь можно было купить или продать „холопей“ (здѣсь же продавались и плѣнники). Главными дѣйствующими лицами были дьяки и подьячіе, расхаживавшіе съ перомъ за ухо по площади и громко предлагавшіе свои услуги по составленію кабальныхъ грамотъ, безъ которыхъ купля или продажа не могла быть дѣйствительна. Дьяки очень громко предлагали свои услуги, отчего даже произошла пословица: „кричать во всю Ивановскую“. На этой же площади, да еще на крестцѣ на Николь-

[1]) На большомъ рынкѣ на Красной площади у церкви Василія Блаженнаго было особое мѣсто, гдѣ женщины продавали издѣлія своей домашней работы; здѣсь же вблизи находилось до 200 винныхъ погребовъ.

ской, среди людей, предлагавшихъ свои услуги, мы могли бы встрѣтить и священниковъ. Это были большею частью священники-бродяги, которые не имѣли своихъ приходовъ. Если, напримѣръ, какой-нибудь бояринъ задумывалъ отслужить въ своей домовой церкви обѣдню, то онъ обыкновенно обращался къ такимъ священникамъ, и, вдоволь наторговавшись, нанималъ какого-нибудь изъ нихъ, а если торгъ начиналъ становиться очень упорнымъ, то претендентъ, желая его поскорѣе окончить въ свою пользу, бралъ въ руки калачъ, заранѣе для этой цѣли приготовленный, и угрожалъ словами: „сейчасъ закушу", и нанимающій, убѣжденный такимъ важнымъ доводомъ, такъ какъ священникъ, разъ уже закусившій, не могъ служить обѣдни, давалъ ему настоящую цѣну.

Третій рынокъ, находившійся на Конной площади, былъ, какъ показываетъ самое названіе площади, центромъ продажи лошадей. Конная торговля въ Москвѣ въ то время была значительно развита, вслѣдствіе потребности на войско, которое по преимуществу было конное. Лошади пригонялись степныя, преимущественно отъ татаръ изъ степей ногайскихъ, чѣмъ обусловливается самое положеніе Конной площади, именно на той сторонѣ, гдѣ шла ногайская дорога (за Серпуховской заставой). Въ извѣстные опредѣленные сроки на этой площади происходила ярмарка. Лошади пригонялись не одними только торговцами, но часто и татарскіе послы, приходя къ намъ на Русь, кромѣ цѣли посольской имѣли въ виду цѣли торговыя и приводили иногда съ собою на продажу огромное количество лошадей. Какъ велико было это количество, мы можемъ судить изъ дошедшаго до насъ извѣстія о татарскомъ послѣ Коначукѣ, который, явившись къ намъ при Иванѣ III, привелъ съ собою для продажи 40 тысячъ лошадей. Вообще же число продаваемыхъ лошадей на этой площади въ продолженіе года было не менѣе 50 тысячъ, а иногда даже и болѣе[1]).

Кто же торговалъ въ этомъ городѣ съ такою очевидно обширною торговлею? По свидѣтельству иностранцевъ, главнымъ торговцемъ былъ самъ царь Московскій. Дѣйствительно, имѣя въ виду уже

[1]) Среди крупныхъ Московскихъ рынковъ можно отмѣтить еще лѣсной рынокъ, гдѣ продавались, между прочимъ, готовые срубы — товаръ весьма ходкій въ то время при частыхъ и опустошительныхъ пожарахъ въ Москвѣ; были также рынки хлѣбные, сѣнные и пр.

знакомое намъ устройство Московскаго государства, исходившее изъ той идеи, что царь есть вотчинникъ и помѣщикъ — собственникъ всей земли, а всѣ подданные его холопы, естественно было этому помѣщику заботиться объ увеличеніи своихъ собственныхъ доходовъ, а такъ какъ торговля въ то время была главнымъ источникомъ этого увеличенія, то она и сосредоточивалась въ его рукахъ и его „большой казны“ (въ царскую казну шло все лучшее, что привозили иностранцы, и купецъ, прибывшій съ заморскимъ товаромъ въ Москву, не имѣлъ права начать торговли, пока не будетъ произведенъ выборъ изъ его товара для царской казны), также поэтому правительство руководило торговлею, вмѣшивалось во всѣ ея отправленія и само вело ее. Съ нашей точки зрѣнія подобныя вещи были бы весьма стѣснительны, во многихъ случаяхъ это было даже и тогда, но въ то время это казалось вполнѣ естественнымъ и было всѣмъ понятно. Вслѣдствіе такого взгляда на вещи, многіе предметы изъ статьи отпуска находились, какъ монополія, въ рукахъ царской казны, и такими товарами другіе торговать не имѣли права. Это были товары заповѣдные или указные, т.-е. такіе, которые были поименованы въ указѣ царскомъ; они были весьма разнообразны, и часто съ нѣкоторыхъ изъ нихъ снималось запрещеніе, а на другіе накладывалось между тѣмъ. Такъ, при Алексѣ Михайловичѣ такими заповѣдными товарами, продажа которыхъ иностранцамъ принадлежала исключительно царской казнѣ, были слѣдующіе: 1) *пенька,* 2) *смола или смольчугъ,* 3) *юфть,* 4) *сало,* 5) *соболиные мѣха и нѣкоторые другіе (шелкъ).* Вообще же къ числу заповѣдныхъ товаровъ принадлежали всѣ тѣ, которыми наиболѣе дорожили иноземцы, а такъ какъ спросъ измѣнялся, то измѣнялись, какъ было уже выше замѣчено, и указные товары или, смотря по временамъ, становились то одни, то другіе; напримѣръ, къ числу заповѣдныхъ товаровъ со временъ Бориса Годунова стало принадлежать вино: частная продажа его была запрещена, торговля имъ стала производиться въ особо устроенныхъ для этой цѣли царевыхъ кабакахъ подъ наблюденіемъ особыхъ выборныхъ присяжныхъ людей, называвшихся цѣловальниками, должность которыхъ исполнялась, конечно, безвозмездно[1]). Продажа вина доста-

[1]) Безвозмездная служба по казенной продажѣ вина подъ строгой имущественной отвѣтственностью являлась одной изъ государственныхъ повинностей, возложенныхъ на торгово-промышленное сословіе.

вляла царской казнѣ большія выгоды, и учрежденіе Бориса Годунова удержалось на долгое время; когда впослѣдствіи оно было отмѣнено, то все же питейные сборы составляли одну изъ самыхъ значительныхъ статей государственнаго дохода (напр., въ 1795 г., т.-е. въ концѣ царствованія Екатерины II, питейный доходъ считался въ 24 мил. руб., т.-е. составлялъ почти $^{1}/_{3}$ государственныхъ доходовъ[1]).

Къ числу заповѣдныхъ товаровъ, какъ было выше упомянуто, принадлежали мѣха, составлявшіе одно изъ главныхъ богатствъ государства Московскаго, какъ они его прежде составляли въ Великомъ Новгородѣ. Мѣха замѣняли собою во многихъ случаяхъ монету и вообще служили мѣновою единицею. Благодаря открытію Сибири, русскимъ открылся новый, казалось, неисчерпаемый источникъ мѣхового богатства, начинавшій уже было истощаться въ Европейской Россія. Правительство, хотя совсѣмъ и не запрещало частной торговли мѣхами, подвергало ее однако такимъ стѣсненіямъ, при которыхъ едва ли она могла производиться успѣшно; такъ, купцы не имѣли права разъѣзжать по юртамъ и покупать мѣха у инородцевъ прежде сбора ясака (ясакомъ называлась подать, платимая инородцами натурою, преимущественно же мѣхомъ), и только когда ясакъ былъ собранъ, когда сборщики осмотрѣли всю пушнину, находящуюся въ юртахъ инородцевъ, и выбрали самую лучшую, тогда только купцы могли покупать мѣха въ юртахъ, а то могли ихъ покупать въ Сибири не иначе, какъ въ гостиныхъ дворахъ. Купецъ не имѣлъ также права пускать въ продажу мѣха дороже 20 рублей за пару и 300 рублей за сотню, всѣ же высшіе сорта обязанъ былъ отдавать въ казну, откуда ему выдавалась извѣстная сумма, часто далеко ниже стоимости представленнаго товара. Все это дѣлалось въ тѣхъ видахъ, чтобы лучшіе товары не ускользали отъ правительства, а сосредоточивались въ

[1]) Исключительно казенная торговля виномъ („кабаки на вѣрѣ") держалось, впрочемъ, недолго, и правительство примѣняло большею частью смѣшанную систему взиманія дохода съ вина, а при Екатеринѣ II казенная монополія была замѣнена системой откуповъ, отмѣненной въ 1863 г., когда вмѣсто нея введена была акцизная система. Съ 1894 г., однако, правительство вновь стало переходить къ казенной продажѣ вина, распространившейся въ настоящее время почти повсемѣстно.

его рукахъ. Правительство, какъ мы могли видѣть, ради увеличенія своихъ собственныхъ доходовъ всячески стѣсняло отдѣльную дѣятельность частныхъ лицъ, оно не понимало, да, впрочемъ, и не могло еще понимать, выгоды и пользы свободной торговли. Вообще это время было временемъ полнаго господства самаго крайняго протекціонизма, и если въ западной Европѣ запретительная система находилась еще въ полной силѣ, то въ Россіи она была еще естественнѣе и проще при знакомомъ уже намъ отношеніи государя-помѣщика къ своимъ подданнымъ — какъ къ холопамъ.

Кромѣ этихъ указныхъ товаровъ, были еще и такіе, которыми не торговала и сама „большая казна", и торговля которыми, конечно, была запрещена и прочимъ торговцамъ: такову запрету подвергался, напр., вывозъ оружія и продажа его сибирскимъ инородцамъ. Торговля нѣкоторыми товарами, какъ, напр., табакомъ, запрещалась еще потому, что считалась вредною и противною закону русскому и національности, но, несмотря на всѣ запрещенія, торговля этими товарами весьма успѣшно производилась контрабандою. Такъ же строго былъ воспрещенъ вывозъ и нѣкоторыхъ товаровъ въ западную Европу.

Слѣдя за правильнымъ ходомъ торговли и за сборомъ многочисленныхъ пошлинъ Московское правительство издавало спеціальные торговые законы — большею частью, впрочемъ, по совѣту и желанію лучшихъ торговыхъ людей Московскаго государства: таковы, по крайней мѣрѣ, два извѣстные намъ торговые устава: первый 1653 года, а второй 1667 года.

Гостиные дворы и подворья были точно такъ же всѣ правительственные; купецъ, явившійся въ такой дворъ, долженъ былъ обратиться къ правительственному чиновнику и вытребовать у него помѣщеніе какъ для товара, такъ и для самого себя, при чемъ былъ обязанъ внести извѣстную плату. Плата эта называлась избною и полавочною; первая вносилась за избу, т.-е. за помѣщеніе для самого купца, а вторая за лавку — за помѣщеніе для товара. Лавки въ Старомъ гостиномъ дворѣ сдавались отъ 6 до 12 руб. въ годъ, а въ Новомъ — плата доходила до 25 руб., такъ какъ послѣдній былъ лучше устроенъ.

Пошлины за товаръ платились обыкновенно при его продажѣ; онѣ шли въ царскую казну и собирались особыми выборными, назы-

вавшимися таможенными головами, которые при назначеніи въ эту должность крестъ цѣловали въ томъ, что добра государства они утаивать не будутъ и никакого лиха дѣлать не станутъ. Пошлины эти были весьма разнообразны и стѣснительны для туземныхъ торговцевъ, между тѣмъ какъ иноземные гости пользовались правомъ безпошлинной торговли, впрочемъ, впослѣдствіи такая привилегія была отнята у нихъ, и они стали платить наравнѣ съ московскими гостями. Пошлина, которая, какъ мы уже замѣтили выше, взималась обыкновенно съ продаваемаго товара, равнялась 10 деньгамъ съ рубля, т.-е. 5%.

Весь свой лучшій товаръ купецъ по требованію царскаго чиновника, составлявшаго подробную опись и оцѣнку товаровъ, долженъ былъ безпрекословно отдавать въ царскую казну, поэтому-то купцы, какъ справедливо замѣчаютъ иностранцы, страшно боялись этихъ чиновниковъ, „дозорщиковъ“, какъ они ихъ называли, и при ихъ приближеніи запрятывали, какъ только можно дальше, всѣ свои лучшіе товары.

Выше мы сказали, что первымъ торговцемъ въ Московскомъ государствѣ былъ самъ царь московскій; мы уже видѣли, какъ этотъ первый купецъ относился къ торговлѣ, какъ онъ ее эксплуатировалъ въ свою пользу, нисколько не заботясь объ интересахъ своихъ подданныхъ, но, кромѣ этого главнаго купца, въ Московскомъ государствѣ того времени было много купцовъ второстепенныхъ, т.-е. настоящихъ купцовъ, которые, хотя и не раздѣлялись на гильдіи, какъ это было въ западной Европѣ, но тѣмъ не менѣе довольно рѣзко различались между собою по своей торговой дѣятельности. Во-первыхъ, это были гости; во-вторыхъ, собственно такъ называемые торговцы, раздѣлявшіеся въ Москвѣ на двѣ сотни: гостиную и суконную; различіе между этими разрядами основывалось на богатствѣ и на суммѣ торговыхъ оборотовъ.

Гости были купцы-капиталисты, купцы первостатейные, торговые обороты которыхъ простирались отъ 20 до 100 тысячъ рублей въ годъ. Они пользовались значительными привилегіями, были приближены къ царю, назначались въ почетныя должности, имѣли вѣсъ и значеніе въ обществѣ, имъ давались, хотя мелкія, но тѣмъ не менѣе важныя преимущества, какъ, напримѣръ, право курить свое собственное вино въ извѣстное время безвыимошно, т.-е. безпо-

шлинно. Остальные купцы были торговцы гостиной и суконной сотенъ. Почему существовало такое подраздѣленіе на сотни: гостиную и суконную, сказать точно довольно трудно, по всей же вѣроятности, оттого, что торговцы, составлявшіе первую сотню, торговали первоначально въ гостиныхъ дворахъ, а суконная сотня образовалась изъ тѣхъ торговцевъ, которые прежде занимались исключительно продажею сукна, но впослѣдствіи такое различіе изгладилось, и уцѣлѣло лишь одно названіе въ смыслѣ подраздѣленія.

Невольно представляется вопросъ, какъ же велико было количество такихъ частей и торговцевъ. Отвѣтить на это точно мы, по недостатку свѣдѣній, не можемъ, но, по всей вѣроятности, число это было весьма значительно; если же вѣрить указаніямъ Котошихина, знаменитаго эмигранта временъ Алексѣя Михайловича, который говоритъ, что гостей человѣкъ съ 30, а торговцевъ по 200 человѣкъ въ сотнѣ, то пришлось бы вывести такое заключеніе, что купцовъ было всего 430 человѣкъ, но такой выводъ былъ бы невѣренъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что кромѣ московскихъ купцовъ было много купцовъ иногородныхъ, во-вторыхъ, число это не показываетъ настоящаго количества купцовъ, а показываетъ только число купеческихъ семей, къ которымъ причислялись и всѣ родственники купца и даже его приказчики, хотя бы и самостоятельно торговавшіе.

Низшій разрядъ торговцевъ Московскаго государства состоялъ изъ посадскихъ и черныхъ сотенъ, которыхъ всего было 10. Посадскимъ людямъ соотвѣтствуетъ наше теперешнее названіе мѣщанъ[1]) и горожанъ. Черныя сотни обыкновенно выбирали себѣ старшинъ, къ которымъ присоединялись цѣловальники или присяжные, творившіе судъ и расправу и завѣдывавшіе различными торговыми и промышленными сборами (по продажѣ вина, напр.), раскладкой податей и т. д. Каждая сотня имѣла опредѣленное мѣсто жительства, которое и называлось слободой. Нѣкоторыя изъ слободъ имѣли опредѣленное ремесло, это было нѣчто въ родѣ нашихъ фабрикъ, т.-е. мѣстъ скученнаго производства, и находились въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ полукрѣпостномъ состояніи. Такихъ слободъ въ Москвѣ

[1]) Слово „мѣщанинъ“ произошло отъ польскаго слова „място“, что значитъ городъ.

въ то время было очень много, и большая часть изъ нихъ носила названіе того производства, которымъ жители ея занимались; такъ, мы встрѣчаемъ слободы Басманную, Хамовники, въ которыхъ производилось хамовное или полотняное дѣло, Поварскую, въ которой жили повара, и многія другія слободы. Чтобы имѣть понятіе о тогдашней слободѣ, можно взять за образецъ подмосковную замоскворѣцкую слободу Кадашеву. Слобода эта была приписана къ мастерской палатѣ государыни и состояла подъ вѣдомствомъ такъ называемой Большой казны, куда отнесены были также и нѣсколько другихъ слободъ; къ слободѣ этой было приписано до 1000 жителей. Производство, которымъ занимались жители, было хамовное[1]), т.-е. полотняное. Для удобства работъ сперва были выстроены палаты деревянныя, но потомъ ихъ замѣнили каменными. Обыкновенно на извѣстную слободу давался опредѣленный урокъ, т.-е. опредѣленная работа, которая, такъ или иначе, должна была выполняться въ назначенное время. Работы производились не даромъ, обыкновенно за это платилось хлѣбное и денежное жалованье. Но при всемъ томъ положеніе жителей такой слободы было чрезвычайно тяжело, свобода ихъ была во всемъ ограничена. Строгимъ указомъ было, напр., запрещено жителямъ Хамовниковъ выдавать замужъ своихъ дочерей за инослободцевъ, и вообще браки внѣ слободы дозволялись не иначе, какъ по особому государеву указу. Выходить изъ слободы въ другую было такъ же строго запрещено, ибо каждая сторона должна была исполнять безнедоимочно свою повинность, тянуть свое тягло на великаго государя. Всякое сословіе въ тѣ времена тянуло свое тягло и тянуло исправно; все это были государевы разныхъ чиновъ людишки и холопишки, которые всѣ и группировались въ исполненіи разныхъ обязанностей на своего помѣщика-государя[2]).

---

[1]) Наше слово Хамовники происходитъ отъ индійскаго слова „хаманъ“, которое означаетъ извѣстный сортъ полотна.

[2]) Выше мы уже говорили о безвозмездной службѣ по казенной продажѣ вина, являвшейся одной изъ государственныхъ повинностей торгово-промышленнаго сословія. Всѣ должности вообще отправлялись въ Московскомъ государствѣ безвозмездно, и только особая милость царская доставляла жалованье или кормленіе, какъ оно тогда называлось, за отправленіе извѣстныхъ должностей; даже послы, назначаемые за границу, должны были ѣхать на свой собственный счетъ, при чемъ за ослушаніе, происходившее хотя бы даже по очень уважительнымъ

Государство въ то время было очень бѣдно и чрезвычайно нуждалось въ деньгахъ, и эти деньги главнымъ образомъ доставляло государству промышленное селеніе, на которое и были распространены налоги. Всякая, даже мелочная, торговля не могла производиться безъ тягла, т.-е. не вписавшись въ какую-нибудь слободу, а всякій, попавшій въ нее, не выходилъ изъ нея или выходилъ съ неимовѣрными затрудненіями. Торговый уставъ 1667 года прямо говоритъ, что никто и нигдѣ не имѣетъ права торговать, не заплативши установленнаго тягла. Русскіе купцы, хотѣвшіе торговать, обязывались платить по 10 алтынъ съ рубля, а иностранцы должны были платить еще дороже. Всѣмъ слободскимъ людямъ велись списки, но списки эти велись очень неточно, и ихъ безпрестанно надо было поправлять, потому что много народа умирало отъ повальныхъ болѣзней, въ которыхъ въ Россіи не было недостатка; многіе жители просто убѣгали изъ слободъ, желая освободиться отъ тягла, „бредутъ твои, государевы, людишки изъ городовъ", и тогда великое горе было для тѣхъ, которые оставались въ слободѣ,

---

причинамъ, слѣдовало жестокое наказаніе; такъ, намъ извѣстенъ подобный случай, когда одинъ бояринъ, назначенный въ иностранные послы и отказавшійся отъ этого назначенія по недостатку средствъ, былъ наказанъ отобраніемъ всего имущества и царскою опалою. Все русское общество безъ исключенія должно было служить государству и было закрѣпощено на этой государственной службѣ, такъ какъ свободный выходъ изъ сословія воспрещался. Такимъ образомъ въ XVII в. образовались три обособленныя сословія, различавшіяся между собой особыми правами и обязанностями. Военно-служилое сословіе обязано было военной повинностью: каждый служилый человѣкъ долженъ былъ являться на службу вооруженнымъ и на конѣ, привести съ собой извѣстное количество слугъ и содержать ихъ, получая небольшое жалованье — денежное и хлѣбное; за это служилые люди были освобождены отъ обязанности „нести тягло", т.-е. уплачивать подати въ казну и отбывать другія повинности, налагаемыя государствомъ, и получали право владѣть землей и крестьянами. Торгово-промышленное сословіе должно было отбывать городское тягло — платить рядъ податей, и за это пользовалось правомъ владѣть дворомъ и лавками въ городахъ и вести торговлю. На представителей богатаго купечества — гостей была возложена особаго рода казенная служба — имъ былъ ввѣренъ сборъ важнѣйшихъ доходовъ государства: сборъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ, а также завѣдываніе чеканкой монетъ. Эта служба называлась „вѣрною службою", и сборщики, отвѣчавшіе предъ правительствомъ своимъ имуществомъ, получали нѣкоторыя преимущества, предоставленныя служилому сословію. Наконецъ, крестьяне должны были содержать обширное служилое сословіе — царскихъ слугъ.

они должны были нести тягости неимовѣрныя, и главная тягость заключалась опять въ тяглѣ. Несмотря на то, что люди постоянно выбывали изъ слободы, въ спискахъ этого не отмѣчали, а вслѣдствіе этого слобода, хотя и съ меньшимъ количествомъ населенія, должна была платить все тѣ же подати, которыя платила и прежде, что для незначительнаго класса было чрезвычайно обременительно. Эта тягость заставляла многихъ стараться избѣжать тягла, а для этого было только два средства: или записаться за какой-нибудь монастырь, или пойти въ холопья. И то и другое было распространено въ большихъ размѣрахъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась руссвая промышленность за разсматриваемыя нами два столѣтія. Но торговцы русскіе, несмотря на невыгодныя условія, несмотря на многіе недостатки и лишенія, которымъ они подвергались, во всякомъ случаѣ являются необыкновенно предпріимчивыми дѣятелями. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ русскіе купцы не покидали торговлю, а вели ее, и притомъ такъ искусно, что иностранцы удивлялись той ловкости, съ которой они прикидывались иностранцами и выдавали свой товаръ за иностранный. Если въ первое время только одна привычка заставляла купца быть хитрецомъ и обманщикомъ, какъ это въ Азіи существуетъ и до сихъ поръ, гдѣ обмануть на торгу нечего не стоитъ, то не нужно забывать при этомъ, что обманщикомъ былъ не одинъ русскій купецъ, а имъ былъ также и иностранецъ, который, совершенно такъ же какъ и русскій, запрашивалъ втрое и вчетверо противъ настоящей цѣны, обмѣривалъ и обвѣшивалъ также при всякомъ удобномъ случаѣ. Такимъ образомъ это явленіе не исключительное въ русскомъ купцѣ, съ такими же точно явленіями, пожалуй и въ иной формѣ, мы встрѣчаемся и въ иностранцахъ.

Торговля русская за разсматриваемый нами періодъ начинаетъ принимать все большіе и большіе размѣры, страна покрывается цѣлой сѣтью торговыхъ дорогъ (въ одну Москву шло не менѣе 6 большихъ дорогъ), товарное обращеніе проникаетъ въ народныя массы, и повсемѣстно, какъ это видно изъ актовъ того времени, появляются отдѣльные торжки и рынки; становится уже недостаточнымъ для купцовъ торговать постоянно только въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, ощущается все болѣе и болѣе необходимость въ періодическихъ съѣздахъ торговцевъ въ установленное время и

въ опредѣленномъ мѣстѣ; позднѣе такіе съѣзды начинаютъ называться ярмарками, которыя охватываютъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Такъ произошли ярмарки Макарьевско-Нижегородская, Казанская и въ Лампожнѣ, въ странѣ самоѣдовъ, главные товары которой заключались въ сѣверныхъ мѣхахъ. На всѣхъ этихъ ярмаркахъ мы остановимся болѣе подробно впослѣдствіи, когда будемъ говорить о произведеніяхъ этихъ мѣстностей. Что касается до русской промышленности того времени, то та по большей части осталась такою же, какою была и до этого времени, и далеко отстала отъ Запада, который въ этомъ отношеніи значительно ушелъ впередъ.

Въ половинѣ XV столѣтія русскіе, освободившись отъ татарскаго ига, вступили въ болѣе близкія сношенія съ Западомъ, и должны были убѣдиться, что развитіе народа западнаго стоитъ гораздо выше развитія народа, выросшаго въ глухой, уединенной землѣ суздальской. На всякомъ шагу русскимъ приходилось обращаться къ Западу. Захочетъ ли царь улучшить свою обстановку, и онъ не въ состояніи этого сдѣлать безъ иноземной помощи, приходится заимствовать не только внѣшнія формы этикета, но и малѣйшія его подробности. Начинается новый поворотъ русской исторіи. Реформа русская начинается со временъ Іоанна III и идетъ такимъ образомъ до Петра, и при немъ уже выступаетъ въ жизни, какъ необходимый результатъ всего предшествующаго времени. Въ какомъ плохомъ состояніи находилось русское искусство въ XV вѣкѣ, лучше всего видно изъ постройки московскаго Успенскаго собора. Постройка собора сперва была поручена двумъ русскимъ архитекторамъ: Кривцову и Мышкину, которые строили его уже 3 года и въ это время успѣли вывести каменныя стѣны на значительную высоту. Когда же Іоаннъ III для лучшаго надзора за стройкой храма выписалъ италіанскаго архитектора Фіоравенти, то этотъ послѣдній нашелъ, что стѣны были сложены очень дурно, и призналъ необходимымъ разрушить стѣны, на постройку которыхъ было потрачено цѣлыхъ три года. Понадобилось выстроить посольскую палату, и вотъ опять обращаются къ иностранцу. Въ 1499 году признали, что царю непристойно жить въ деревянныхъ палатахъ, а надо выстроить каменный дворецъ, и мы видимъ, что и его строитъ не русскій архитекторъ —

Алевизъ; Спасскую башню строитъ опять иностранецъ и т. д. Изъ всего этого видно, что русскіе люди были мастерами своего дѣла, когда нужно было воздвигать деревянныя зданія, и очень плохими знатоками въ каменныхъ работахъ, къ которымъ были совершенно непривычны.

Въ военномъ дѣлѣ рускіе люди также намного отстали отъ просвѣщеннаго Запада. Съ XIV столѣтія тамъ уже является военная наука, появляются солдаты и вводится болѣе или менѣе правильная организація войска, тогда какъ у насъ, на Руси, все еще господствуетъ старый восточный ладъ. Такія усовершенствованія проникали и въ то славянское государство, которое находилось въ тѣсной связи съ Западомъ — въ Польшу, и только слабость поляковъ и энергія Московскаго государства были причиной того, что Московское государство производило завоеванія. Въ 1535 году при нападеніи поляковъ на гор. Стардубъ русскіе впервые познакомились съ дѣйствіемъ подкоповъ, и вотъ является опять надобность въ пороховыхъ зелейныхъ мастерахъ и размыслахъ, которыми опять являются иностранцы, а въ 1552 году русскіе уже сами покоряютъ съ помощью пороховыхъ подкоповъ татарскую Казань. Въ 1491 году на Руси являются первые рудознатцы Іоганнъ и Викторъ, которые и начинаютъ развѣдывать серебряную руду въ Печорскомъ краѣ, и вотъ, на Руси, впервые появляется свое собственное серебро. Въ 1492 году иностранецъ Дебосъ выливаетъ знаменитую царь-пушку, а въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, начинаютъ разыскивать въ различныхъ мѣстахъ обширной Россіи желѣзную руду, и въ его же царствованіе начинается постройка знаменитаго Тульскаго оружейнаго завода для поставки ружей для русскаго войска. Такое заимствованіе отъ Запада не замедлило отозваться и въ языкѣ народа. У насъ появляется множество совершенно иностранныхъ словъ, какъ-то: мушкетонъ, шпицъ, алебарда, протазанъ и много другихъ. Благодаря иностранцамъ у насъ является знакомство съ западной наукой, и, конечно, потребность въ наукѣ сказывается не въ идеальномъ только, а и въ чисто практическомъ видѣ, напр., въ медицинѣ. Конечно, въ первое время иноземнымъ докторамъ приходилось на Руси очень плохо; къ нимъ русскій народъ не имѣлъ почти довѣрія и мало уважалъ ихъ, примѣръ чего мы видимъ въ докторѣ, который пользовалъ Ив. Ив. Мо-

лодого: онъ былъ убитъ за то, что не сумѣлъ вылѣчить больного. Другой примѣръ мы встрѣчаемъ въ докторѣ, неудачно лѣчившемъ татарскаго царевича и впослѣдствіи выданномъ головою его родственникамъ, которые, по словамъ лѣтописца, его зарѣзали, какъ овцу. Но были и такіе доктора, которые имѣли очень большое значеніе, напр., Николай Люевъ, лейбъ-медикъ Василія III, противъ котораго Максимъ Грекъ писалъ цѣлыя посланія („На Николая-нѣмчина и люторскую ересь“), потому, очевидно, что опасался его религіознаго вліянія. Вмѣстѣ съ докторами, конечно, на Руси появляются и аптекаря (первая аптека была устроена въ 1581 г. присланнымъ англійской королевой Елисаветой Джемсомъ Тренчеемъ) Вообще иностранное населеніе на Руси быстро возрастаетъ, и предъ Москвою является цѣлый иностранный городъ близъ села Преображенскаго, въ Нѣмецкой слободѣ, въ которомъ живутъ многіе изъ именитыхъ иностранныхъ купцовъ, имѣвшихъ въ Москвѣ большое значеніе, вхожихъ въ царскую комнату и служившихъ агентами и совѣтниками по торговымъ дѣламъ съ иностранцами, иногда даже дипломатическими агентами. Таково было, напр., при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ семейство Марселисовъ.

Такимъ образомъ необходимость заставляетъ русскихъ людей уже съ XV вѣка обращаться къ иностранцамъ, и западно-европейское вліяніе все болѣе и болѣе упрочивается въ XVI и XVII вѣкахъ.

Естественно, что по мѣрѣ сближенія съ культурнымъ Западомъ, расширяются и торговыя сношенія Московскаго государства; сосредоточіемъ ихъ дѣлается Москва, потому что къ ней, какъ къ центру, сходились всѣ торговые пути, которыхъ было шесть: 1) путь Холмогорскій или Бѣломорскій, 2) Балтійскій, ведшій къ Новгороду и Финскому побережью, 3) Литовскій — на Смоленскъ, 4) Степной — въ Украйну, 5) Поволжскій, 6) Сибирскій, ведшій въ глубь Сибири.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обозрѣнію торговыхъ путей русскихъ XVI и XVII вѣковъ, предметовъ ввоза и вывоза того времени, скажемъ нѣсколько словъ о денежномъ дѣлѣ того вѣка, потому что оно можетъ свидѣтельствовать о развитости торговыхъ формъ въ извѣстный періодъ. При ближайшемъ взглядѣ на этотъ предметъ, мы увидимъ, что формы денежнаго дѣла на Руси XVI и XVII вѣковъ являются далеко неразвитыми. Денежный счетъ за разсматриваемый нами періодъ велся на рубли, полтины и др. мелкія

единицы, преимущественно на алтынъ, перешедшаго къ намъ съ татарскаго слова „алты“ (шесть), считали также и на деньги. Но, несмотря на этотъ крупный счетъ, у насъ въ то время чеканилась только серебряная монета, продолговато-овальная, неправильной формы, серебряныя копейки или болѣе округленныя деньги; въ меньшемъ количествѣ чеканилась мѣдная монета такой же формы. Самая чеканка монеты является у насъ въ высшей степени неразвитой; она не сдѣлала шага впередъ, хотя число монеты, сравнительно съ XIV и XV вѣками, значительно увеличилось. Въ первое время чеканка монеты предоставляется частнымъ лицамъ и мастерамъ, такъ, напр., при Іоаннѣ III Аристотель Фіоравенти чеканилъ нѣкоторыя монеты своимъ клеймомъ („Aristoteles“), и потому монета была въ высшей степени разнообразна. Такое разнообразіе особенно чувствовалось при сравненіи ходячей монеты въ различныхъ окраинахъ земли русской: такъ, напр., монета новгородская стала рѣзко отличаться отъ московской — обыкновенно новгородская монета цѣнилась вдвое дороже московской. Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. мы видимъ шагъ впередъ: для большей правильности чеканки монеты это право отнимается у частныхъ лицъ; въ Москвѣ заводятся государевы денежные дворы, благодаря чему монета является уже правительственная, но въ такихъ же неправильныхъ формахъ, такъ, напр., продолжали чеканить только очень мелкую мѣдную монету, которая носила названіе „пулъ“; эта монета была какъ бы остаткомъ прежняго времени. Естественно, что такая монета, по своей малой величинѣ, не могла служить для крупныхъ сдѣлокъ и расплатъ. Олеарій разсказываетъ намъ, что московскіе купцы вмѣсто кошелька употребляли свой ротъ, въ него они клали мелкую монету и такъ привыкли къ этому, что, имѣя во рту монету, могли свободно разговаривать; онъ прибавляетъ также, что благодаря тому, что русская монета была очень мелка, русскіе купцы очень ловко умѣли обсчитывать своихъ покупателей. Крупная серебряная и золотая монеты въ XVI и XVII вѣкахъ не чеканились, лишь въ немногихъ случаяхъ онѣ употреблялись, но только не какъ денежныя единицы, а какъ награда и медаль; такъ, напр., до нашего времени сохранилась медаль („талеръ златъ“), вычеканенная, какъ полагаютъ, княземъ холмскимъ, женившимся на великой княжнѣ Θеодосіи Ивановнѣ,

которой онъ и подарилъ эту медаль. Намъ извѣстно также, что цари въ память счастливыхъ походовъ дарили воеводамъ золотыя или серебряныя монеты.

Такъ какъ монета была свойства весьма разнообразнаго, то въ счетѣ серебро принималось большею частію на вѣсъ, а не по нарицательной цѣнѣ; между тѣмъ потребности государства, потребности торговли усиливались, и монета была нужна. Въ самой же Россіи серебро не добывалось, хотя и появлялись въ Россіи иностранцы-рудокопцы, которые пытались открыть серебряныя руды, но ихъ поиски не увѣнчались успѣхомъ — серебряныхъ рудъ въ Россіи не оказалось, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ случаевъ[1]). Такимъ образомъ оставался единственный источникъ, изъ котораго Россія могла добывать монету — этотъ источникъ былъ не что иное, какъ торговля съ западной Европой. Дѣйствительно, мы можемъ утверждать, что русскіе старались воспользоваться этимъ источникомъ и вели съ западной Европой обширныя торговыя сношенія, что подтверждалось тѣмъ, что въ XVII вѣкѣ въ Россіи появляется очень много иностранной монеты, что, конечно, могло быть только результатомъ торговыхъ сношеній (на это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что цѣнность денегъ въ теченіе XVI вѣка понизилась въ $3^1/_2$ раза). Къ намъ привозились испанскіе дублоны, итальянскіе дукаты, привозились также англійскія и голландскія золотыя и серебряныя монеты, болѣе же всего у насъ было въ ходу нѣмецкихъ ефимковъ. Слово „ефимокъ“ происходитъ отъ нѣмецкаго „Joahims Thal“, точно такъ же какъ слово „Joahim“ соотвѣтствуетъ нашему Ефиму. Эта монета начала́сь чеканиться въ Чехіи, въ одной долинѣ, откуда произошло и самое ея названіе.

Цѣнность иностранной монеты безпрестанно мѣнялась, такъ что трудно опредѣлить съ точностію цѣнность нашего тогдашняго рубля и цѣнность иностранной монеты, но, говоря вообще, можно сказать, что въ XVI вѣкѣ тогдашній рубль по вѣсу своему равнялся $3^1/_2$ рублямъ нашего счета. Но чѣмъ болѣе распространялась монета, тѣмъ болѣе увеличивалась цѣнность серебра и падала цѣнность рубля, такъ что рубль въ концѣ XVII вѣка равнялся $1^1/_4$ рубля нашего современнаго счета. Ефимокъ былъ немного менѣе поло-

---

[1]) Добываніе серебра въ Россіи началось лишь при Петрѣ.

вины тогдашняго рубля и принимался въ казну за различную цѣну. Со временъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, когда появилась потребность въ болѣе крупной монетѣ, ефимки стали передѣлывать въ нашъ рубль, на чеканку котораго шло два ефимка; благодаря такой операціи государство пользовалось отъ каждаго рубля алтыномъ, что̀ составляло около 6%. Чеканка крупной монеты была вызвана необходимостью покрывать крупные военные расходы, такъ какъ въ то время была война съ Польшею. Потребность въ монетѣ все болѣе и болѣе усиливалась, поэтому впослѣдствіи, именно съ 1655 года, по трудности перечеканивать монету, Алексѣй Михайловичъ приказалъ пускать въ ходъ ефимки, не перечеканивая ихъ. Ефимокъ оставался такимъ же, какимъ онъ былъ, только къ нему прикладывались два клейма: одно — съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и буквою „М", что̀ значитъ Москва; другое клеймо, продолговатой формы, заключало въ себѣ 1655 годъ; это первый извѣстный примѣръ употребленія у насъ арабскихъ цифръ. Но военные расходы все болѣе и болѣе увеличивались, такъ что не стало хватать и этой монеты, несмотря на то, что въ царской казнѣ было много иностранной монеты; и вотъ тогда явилась мысль выпустить нѣчто въ родѣ ассигнацій, — мысль не новая, такъ какъ намъ уже давно приходилось встрѣчаться въ иностранныхъ государствахъ съ ассигнаціями. У насъ мысль о выпускѣ мѣдной ассигнаціи принадлежитъ образованнѣйшему изъ бояръ того времени — Ѳедору Михайловичу Ртищеву; онъ посовѣтовалъ Алексѣю Михайловичу вмѣсто серебряныхъ денегъ выпускать деньги мѣдныя и обязать народъ принимать эти деньги по равной цѣнности съ серебряной монетой. Такая операція приносила громадныя выгоды, и число денегъ значительно увеличилось, почти удесятерялось, потому что на 160 денегъ, какъ говорятъ современники, шло мѣдной монеты, которая стоила 100 рублей. Въ первый разъ такія ассигнаціи были выпущены въ 1658 году. Въ первое время эта попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и мѣдныя деньги пошли въ обращеніе и принимались какъ серебряная монета. Но скоро такое благопріятное положеніе дѣлъ измѣнилось, благодаря многимъ условіямъ. Главной причиной такого измѣненія было то, что правительство, находя такую операцію для себя чрезвычайно выгодною, бросилось выпускать мѣдныя деньги, а серебро и золото стало собирать въ

свою казну. Естественно, что это должно было обратить на себя вниманіе народа, который подозрительно сталъ смотрѣть на поступки правительства, вслѣдствіе чего довѣріе къ мѣдной монетѣ стало ослабѣвать. Вторая причина была та, что мѣдной монеты было уже выпущено черезчуръ много; къ тому же количество этой монеты значительно увеличивалось выпускомъ фальшивой монеты, потому что поддѣлать тогдашнюю мѣдную деньгу при безхарактерности ея чеканки было очень легко, а между тѣмъ такая поддѣлка приносила громадныя выгоды, потому что ее легко было пускать за серебряную. Поддѣлывали также и серебряную монету, дѣлая ее изъ свинца и олова. Напрасно правительство старалось употреблять всѣ усилія, чтобы остановить наплывъ фальшивой монеты. Уложеніе 1648 года Алексѣя Михайловича свидѣтельствуетъ намъ о строгихъ мѣрахъ, которыя предпринимались противъ поддѣлывателей монеты: „Которые денежные мастера учнутъ дѣлати мѣдныя, или оловянныя, или укладныя деньги, или въ денежное дѣло учнутъ прибавляти мѣдь, или олово, или свинецъ, и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнити смертно, залити горло“. Какъ видно изъ Уложенія, казнь была мучительная: монетчику заливали горло расплавленнымъ свинцомъ или оловомъ, но тѣмъ не менѣе соблазнъ для денежныхъ мастеровъ былъ великъ, и чеканщики фальшивой монеты не переводились, вслѣдствіе чего выпускъ фальшивой монеты все болѣе и болѣе увеличивался; наконецъ, явилось въ обращеніи страшное количество, такъ что денежный рынокъ былъ переполненъ фальшивой монетой: въ одной Москвѣ ея явилось на 620000 р., для того времени сумма очень значительная. Благодаря такимъ явленіямъ, нарицательная цѣнность мѣдныхъ копеекъ быстро падаетъ; въ 1663 году мѣдная монета ходила уже въ 15 разъ дешевле монеты серебряной, и паденіе пошло бы еще дальше, если бы правительство не убѣдилось въ неудачности такой попытки. Такая неудачная попытка отозвалась рядомъ банкротствъ и тяжелымъ коломенскимъ бунтомъ, который однако былъ скоро прекращенъ, при чемъ пострадало, по словамъ Котошихина, около 15000 человѣкъ. Все это показало правительству, что надо было отказаться отъ своей попытки; и вотъ былъ изданъ новый указъ, по которому мѣдная монета была изъята изъ обращенія, а вмѣсто ея выпускалась серебряная монета. Послѣ этого указа монета стала че-

каяться по старому. Такъ неудачно окончилась наша попытка XVII вѣка ввести ассигнаціи; перемѣна денежной системы и ея устройство на европейскій манеръ относятся уже къ реформамъ Петра Великаго.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію торговыхъ путей, которые прорѣзывали Московское государство. Главныхъ путей, какъ мы уже видѣли, было шесть. Разсматривая значеніе этихъ торговыхъ путей, мы должны прійти къ заключенію, что самымъ важнымъ путемъ для насъ былъ путь, соединявшій насъ съ Западомъ, такъ какъ съ конца XV вѣка Русь поворачиваетъ съ Востока и тянетъ на Западъ. Тѣ два столѣтія, на которыхъ мы остановились, есть время, когда собирается Московское государство и, наконецъ, рѣшается перенести свою жизнь на Западъ; естественно, что тѣ пути, которые станутъ сближать Россію съ Западомъ, и будутъ ея главными центральными путями. Такихъ путей могло быть три: во-первыхъ, путь Балтійскій, который велъ изъ Москвы къ морю Балтійскому черезъ Новгородъ; другой путь велъ сухимъ путемъ въ землю Литовскую и, наконецъ, третій путь велъ къ Бѣлому морю. Съ перваго взгляда казалось бы, что самую важную роль долженъ былъ играть путь Балтійскій, но на самомъ дѣлѣ этого не вышло. Причины того, что выдвинулся впередъ не тотъ путь, отъ котораго мы въ правѣ были ожидать этого на основаніи историческаго знакомства съ нимъ, главнымъ образомъ заключались въ условіяхъ жизни XV и XVI вѣковъ. Мы видимъ, что Балтійскій путь съ XVI вѣка перестаетъ играть историческую роль; причины его паденія въ значительной степени основаны на томъ, что съ этого времени самое Балтійское море теряетъ свое прежнее обширное значеніе и дѣлается какъ бы внутреннимъ, замкнутымъ; съ другой стороны, Россія употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы проникнуть къ этому пути, но враждебныя племена, къ которымъ принадлежатъ ливонцы, съ ихъ глубокою ненавистью къ русскимъ, шведы и поляки, залегаютъ этотъ путь и противодѣйствуютъ всѣмъ движеніямъ русскихъ на западъ; такъ, напримѣръ, извѣстна попытка Іоанна III выписать иностранныхъ художниковъ: художники, умѣльцы дѣйствительно были наняты, но ливонцы узнали объ этомъ и не пропустили ихъ въ Россію. Несмотря на такія трудныя препятствія, мы знаемъ, какъ цѣнили этотъ путь нѣсколько позже со-

временники, и тѣмъ не менѣе попытки Грознаго пробраться къ Балтійскому морю по этому пути остались также тщетными: ливонцы попрежнему не пропускали въ Россію ни умѣльцевъ, ни художниковъ, вслѣдствіе чего съ Ливоніей начиналась борьба. Ливонія вмѣшала въ свою борьбу съ Россіей и Швецію, и Данію, и Польшу. Россія противъ такихъ усилій устоять не могла, она не только не добилась до моря Балтійскаго, но даже потеряла тѣ немногія владѣнія, которыя она имѣла на этомъ морѣ (города Ямъ, Ивангородъ и Копорье на прибрежьѣ Финскаго залива).

Второй путь—Литовскій, имѣлъ гораздо менѣе значенія: онъ былъ мало посѣщаемъ. Но и этотъ неважный путь, вслѣдствіе историческихъ условій, именно — постоянной борьбы съ Польшею, потерялъ для Россіи всякое торговое значеніе. Оставался такимъ образомъ одинъ только путь, самый неудобный, самый неестественный — путь Бѣломорскій, но въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка историческія условія сдѣлали его жизненнымъ путемъ для Руси того времени. Съ первой половины XVII вѣка мы замѣчаемъ другой поворотъ: враждебныя столкновенія начинаютъ улаживаться, вслѣдствіе чего опять оживляется понемногу Балтійское море, и русская торговля возвращается къ давно знакомому и проторенному пути. Слѣдовательно, во второй половинѣ XVII вѣка совершается какъ будто бы подготовленіе къ тому, что должно совершиться въ XVIII вѣкѣ, какъ будто бы предчувствовалось, что въ 1703 году прорубится окно въ Европу.

За разсмотрѣнный нами періодъ мы должны прежде всего остановиться на томъ жизненномъ пути, который носилъ названіе Бѣломорскаго. Путь этотъ былъ открытъ не нами, а иностранцами. Русскіе люди не могли и сдѣлать этого открытія, потому что они жили слишкомъ вглуби материка, вдали отъ моря — открытіе Бѣломорскаго пути тѣсно связано съ тѣмъ переворотомъ, который произошелъ въ европейской торговлѣ съ открытіемъ Америки.

Открытіе новаго свѣта дало толчокъ всѣмъ государствамъ Европы, оживило предпріимчивость европейцевъ и возбудило въ нихъ надежды на новыя открытія: между тѣмъ Россія оставалась въ то время внѣ этого движенія и представлялась европейцамъ еще невѣдомой азіатской страной. Открытіе для Европы Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ Бѣломорскаго торговаго пути, принадлежало

англичанамъ. Открытіе это произошло слѣдующимъ образомъ. Когда до англичанъ достигли волны этого толчка и захватили ее въ свое движеніе, большинство открытій было уже сдѣлано: Индустанъ былъ въ рукахъ португальцевъ, лучшія мѣстности Америки по своей природѣ, богатству и климату были также въ рукахъ португальцевъ или испанцевъ, и англичанамъ оставалось дѣлать открытія въ болѣе негостепріимныхъ странахъ Сѣверной Америки. Естественно, что эти открытія ихъ не удовлетворяли, они искали сдѣлать что-нибудь болѣе отважное. При такихъ условіяхъ они стали присматриваться къ тому морю Сѣверному, которое омывало ихъ берега. Географическія понятія въ то время значительно расширились, но далеко еще не установились, такъ что при первомъ взглядѣ на карту у англійскаго моряка въ половинѣ XVII вѣка могла естественно родиться мысль, что въ Индію и Китай можно проникнуть не однимъ только южнымъ путемъ, а также и сѣвернымъ. Очертаніе Сибири въ то время не было хорошо извѣстно, она представлялась менѣе выдающеюся на сѣверъ, и казалось, что сѣверный путь во всякомъ случаѣ болѣе близокъ, чѣмъ путь, гдѣ приходилось огибать мысъ Доброй Надежды. Надо замѣтить, что о Сѣверномъ океанѣ въ то время не имѣли никакого понятія, не знали, что этотъ океанъ покрытъ постоянными льдами и что пробраться чрезъ него или совершенно невозможно, а если и возможно,— такъ съ большими затрудненіями и издержками. Какъ бы то ни было, но именно съ цѣлью открыть новый путь и завести торговыя сношенія съ Индіей, по обычаю того времени, въ Лондонѣ составилось общество-компанія. Такъ какъ средневѣковой духъ отчужденности, корпораціи и цеховъ еще не угасъ и продолжалъ носить на себѣ характеръ монополіи, то естественно, что это общество вытребовало себѣ также извѣстнаго рода привилегію. Общество назвало себя „Мистеріей“, т.-е. тайной, потому что проектъ этого общества содержался, конечно, втайнѣ. Во главѣ этой общины стоялъ знаменитый англійскій мореплаватель того времени, тотъ самый, который открылъ берега Новой Англіи — это былъ Себастіанъ Каботъ. Въ слѣдующемъ году была снаряжена экспедиція, которая состояла изъ 3 кораблей подъ начальствомъ опытнаго моряка Виллоуби. Только сравнительно еще недавно открыты были слѣды этой экспедиціи: Виллоуби съ своимъ

кораблемъ былъ занесенъ къ Вайгачу и Колгуеву острову, гдѣ захваченъ былъ снѣгами и замерзъ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Несчастныя обстоятельства для одного, сдѣлались однако счастіемъ для другого члена экспедиціи: капитанъ Ченслеръ съ своимъ кораблемъ, вслѣдствіе бури, былъ отбитъ отъ остальной экспедиціи и занесенъ въ такъ называемое „горло", т.-е. узкую часть Бѣлаго моря; такимъ образомъ буря прибила его къ берегамъ русскаго государства. Правда, сѣверный путь въ Индію не былъ открытъ, но зато была открыта страна, которая, по признанію самихъ англичанъ, сдѣлалась источникомъ англійскаго богатства. У Ченслера была одна изъ грамотъ, разданныхъ англійскимъ королемъ Эдуардомъ VI участникамъ экспедиціи, въ которыхъ заключалось общее обращеніе къ правителямъ съ просьбою помогать его подданнымъ, если имъ какимъ-либо образомъ придется попасть въ ихъ страну, и приглашеніе открыть имъ вольный торгъ всякими товарами; съ этой грамотой мѣстный русскій воевода и отправилъ англійскаго капитана къ царю — это было въ 1553 году.

Надо знать Іоанна IV, его наклонности и стремленія, чтобы понять, какъ онъ долженъ былъ встрѣтить этого судьбою посланнаго иностраннаго пришельца: Іоаннъ IV всѣ силы употреблялъ на то, чтобы сблизиться съ западной Европой, но все-таки онъ не могъ туда проникнуть ни черезъ Литву, ни черезъ Ливонію, и теперь, когда царь готовъ былъ прійти въ отчаяніе, сама судьба принесла къ нему иноземцевъ, сближенія съ которыми онъ такъ жаждалъ. Іоаннъ обласкалъ Ченслера, сдѣлалъ ему торжественный пріемъ, и съ этихъ поръ завязались прямыя сношенія англичанъ съ Россіей. Здравый смыслъ подсказывалъ Ченслеру, что Россія можетъ сдѣлаться золотымъ дномъ для англійскаго народа; онъ воротился въ Англію и разсказалъ своимъ сообщникамъ о новомъ открытіи. Для торговыхъ сношеній съ Россіей составилось цѣлое общество, которое получило названіе русскаго общества. Компанія получила отъ своего правительства разрѣшеніе открывать новыя страны, колонизировать ихъ и торговать тамъ. Съ этою привилегіей явился къ намъ Ченслеръ и потребовалъ ея утвержденія со стороны Іоанна Грознаго. Привилегія, конечно, была подтверждена русскимъ царемъ, и англичане получили льготную грамоту „на повольный торгъ всякими товарами"; это произошло въ 1558 году, и съ тѣхъ поръ ежегодно стало при-

ходить къ С. Двинѣ до 9 англійскихъ кораблей. Размѣръ льготъ, данныхъ англичанамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какое открытіе, какая находка заключалась для Московскаго государства въ этихъ новыхъ пришельцахъ. Во-первыхъ, англичане имѣли право безпошлинно покупать товары русскіе и для этого разсылать своихъ агентовъ по всей землѣ (для удобства они могли нанимать себѣ также и русскихъ приказчиковъ); во-2-хъ, они имѣли право безпошлинно торговать; въ-3-хъ, для удобства передѣлки сырыхъ матеріаловъ, англичане получили право строить фабрики; кромѣ того, они получили также позволеніе строить свои дворы, и самъ царь подарилъ имъ собственный дворъ, находившійся въ приходѣ Максима-исповѣдника (на Варваркѣ): здѣсь начался знаменитый англійскій дворъ, бывшій самымъ главнымъ и богатымъ въ Москвѣ очень долгое время. Помимо этого двора, англичане открыли и другіе торговые склады въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ на томъ пути, по которому должны были итти англійскіе товары, — путь этотъ велъ изъ Москвы къ Бѣлому морю по Сѣверной Двинѣ. Именно Бѣломорскимъ путемъ обусловливается появленіе двухъ торговыхъ пунктовъ: во-первыхъ, неподалеку отъ устья Двины значительнаго поселенія русскаго Холмогоръ, потомъ уже при самомъ устьѣ Двины — Архангельска. Наконецъ, былъ основанъ третій торговый пунктъ — Вологда, впослѣдствіи получившій довольно важное значеніе по нагрузкѣ, перегрузкѣ и отправкѣ товаровъ; изъ этого назначенія Вологды видно, что отсюда начинался волокъ. Англичанамъ позволено было также строить дворы и въ другихъ городахъ, и они дѣйствительно воспользовались этимъ правомъ въ 8 городахъ русскихъ, въ томъ числѣ въ Новгородѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Устюгѣ и т. д. Такимъ образомъ англичане, пользуясь своею большою опытностью въ активной торговлѣ, фабричнымъ превосходствомъ и возможностью добывать товары западные, пользуясь тѣмъ, что они были открывателями, получили важныя привилегіи, и очень естественно, что они занялись эксплуатаціей силъ и средствъ этой страны; они старались держать русскую торговлю въ своихъ рукахъ и, слѣдовательно, дѣлали съ Россіей то же самое, что ганзейцы дѣлали съ ними въ Лондонѣ.

Не довольствуясь одною Россіей, англичане старались черезъ Россію проникнуть и въ другія страны: съ этою цѣлью, между про-

чимъ, англичанинъ Дженкельсонъ испросилъ у русскаго царя позволеніе пробраться въ Шемаху, Персію и даже Китай. Конечно, надежды ихъ оказались совершенно несбыточными, и экспедиція окончилась полной неудачей. Послѣ этой попытки англичане еще съ большей энергіей принялись эксплуатировать силы и средства русской страны.

Привилегіи эти, вызванныя необходимостью, обременительныя для русскаго народа и черезчуръ непріятныя для народной гордости, не могли назваться нормальными, а потому онѣ нарушались постоянно (съ обѣихъ сторонъ).

Русскіе купцы, естественно, видѣли въ иностранцахъ, пользовавшихся привилегіями, своихъ самыхъ опасныхъ враговъ и конкурентовъ, опиравшихся на покровительство московскихъ властей, на безпошлинную торговлю и, кромѣ того, на свойственное западноевропейскимъ людямъ правильное и твердое общинное устройство. Англичане дѣйствовали компаніей, — дружно и единодушно, совершенно такъ же, какъ въ былыя времена ганзейцы, и англійское правительство запрещало всякому другому англичанину безъ разрѣшенія „Мистеріи“ отправляться въ Бѣлое море, потому что оно считалось монополіей лондонской компаніи (по льготной грамотѣ Ивана Грознаго 1557 г.). Пользуясь всѣмъ этимъ, англичане продавали свои товары очень дорого, особенно частнымъ купцамъ; даже въ казну, несмотря на условіе, отпускали товары не по заморской цѣнѣ т.-е. по той, по какой они продавались въ собственномъ ихъ отечествѣ, а по значительно высшей. Съ другой стороны, они старались покупать какъ можно дешевле товары русскіе, съ этой цѣлью англичане разсылали повсюду своихъ агентовъ, которые входили въ прямыя сношенія съ мелкими скупщиками и отбивали товаръ у русскихъ оптовыхъ торговцевъ.

Русскіе купцы часто пытались конкурировать съ англійскими, но всѣ попытки ихъ кончались очень неудачно. Они неоднократно привозили свои товары въ Архангельскъ, но англичане сговаривались за товаръ, привозимый русскимъ купцомъ, давать низкія цѣны, и такимъ образомъ послѣднему приходилось или продавать товары себѣ въ убытокъ, или вести все назадъ. Въ то же время было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ, чтобы русскій купецъ, не знавшій языковъ, отправлялся за границу, тѣмъ болѣе, что какъ англичане,

такъ и голландцы, которые впослѣдствіи выдвигаются рядомъ съ англичанами, для лучшей эксплуатаціи употребляли всевозможныя средства, чтобъ не пускать русскихъ купцовъ за предѣлы своей земли, хотя еще въ 1557 г. за подданными Московскаго царя было признано право свободной торговли во всемъ англійскомъ государствѣ съ освобожденіемъ отъ уплаты сборовъ и провозныхъ пошлинъ. Купцу легко было отправиться за море и вообще въ западную Европу лишь въ томъ случаѣ, когда онъ былъ въ посольствѣ; въ противномъ случаѣ ему трудно было даже найти корабль для далекаго плаванія.

Русскіе, самою природою отдѣленные отъ моря, не могли безъ особыхъ усилій сдѣлаться искусными мореплавателями. Судоходство въ то время было весьма неразвито и особенно на далекомъ Бѣломъ морѣ; суда строились небольшія, которыя ограничивались тѣмъ, что ходили около береговъ, промышляя ловлей; кораблей же, удобныхъ для далекаго плаванія, вовсе не было. Въ народѣ и правительствѣ тогда еще не могло явиться сознаніе необходимости завести торговый флотъ, и если въ наше время, при нашихъ средствахъ и образованіи, Россія далеко еще не достигла въ этомъ отношеніи видимыхъ успѣховъ, то естественно, что въ XV и XVI вѣкахъ не представлялось даже возможности существованія торговаго флота.

Несмотря на всѣ препятствія, русскіе купцы, какъ мы говорили выше, пытались тѣмъ не менѣе проникнуть за море. Намъ извѣстенъ одинъ случай подобнаго появленія русскаго купца въ западной Европѣ: одинъ московскій торговый человѣкъ, ярославецъ Антонъ Лаптевъ, съ цѣлымъ кораблемъ товара явился въ Амстердамъ; купцы этого города единодушно сговорились не покупать у него товара, и купцу пришлось ѣхать назадъ съ нераспроданнымъ товаромъ, потерпѣвъ громадные убытки и потративъ даромъ много времени. Русскіе упрекали за это голландцевъ, но тѣ прямо говорили имъ, что ихъ цѣль никакъ не допустить московскихъ купцовъ до источника тѣхъ заморскихъ чудесъ, которыя они сами привозили въ Московію.

Понятно, что это была система эксплуатаціи, которая производится всегда народомъ болѣе развитымъ, подвижнымъ и занимающимся морской торговлей — народа менѣе развитаго, менѣе под-

вижнаго и ведущаго сухопутную торговлю[1]). Для русскаго народа нужны были громадныя усилія, чтобы сбросить съ себя это тяжкое иго, и мы увидимъ впослѣдствіи, что русскій народъ успѣлъ совершить это.

Между русскими и англичанами начали происходить столкновенія вслѣдствіе денежныхъ дѣлъ: долговъ, частныхъ банкротствъ англичанъ и привилегій, щедро расточаемыхъ имъ государями русскими. Іоаннъ Васильевичъ Грозный довелъ свое покровительство англичанамъ до крайности. Онъ крѣпко держался разъ установленной политики, тѣмъ болѣе, что къ этому присоединялись особые политическіе виды: у него являлась мысль о необходимости выѣхать изъ Россіи. Извѣстно, что въ послѣдніе годы онъ, опасаясь крамолъ боярскихъ, спрашивалъ у Елизаветы позволенія поселиться въ Англіи, въ случаѣ, если ему приведется удалиться изъ родины, — вотъ почему онъ такъ дорожилъ Англіей и давалъ ей такія выгодныя привилегіи[2]). Когда онъ умеръ, то враги англійскихъ привилегій не безъ удовольствія узнали объ этомъ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „ну, теперь умеръ англійскій царь!" Борисъ Годуновъ, продолжавшій политику Іоанна IV, — политику, опиравшуюся на сближеніе съ иностранцами, уже менѣе дорожилъ англичанами[3])

[1]) Подобной эксплутаціи англичане долгое время подвергали Португалію и др. народы.

[2]) Однако и Іоаннъ IV долженъ былъ уже ограничить нѣкоторыя привилегіи англичанъ, злоупотреблявшихъ своимъ исключительнымъ монопольнымъ положеніемъ и возбуждавшихъ противъ себя тѣмъ самымъ слишкомъ большое неудовольство русскихъ купцовъ: такъ онъ ограничилъ число городовъ, въ которыхъ англичане могли торговать, и обязалъ ихъ платить половину таможенной пошлины.

[3]) Какъ только въ Архангельскѣ былъ открытъ морской портъ, на ряду съ англичанами стали появляться въ немъ и представители купечества другихъ иностранныхъ державъ — преимущественно голландскіе и нѣмецкіе купцы, всегдашніе конкуренты англичанъ въ торговлѣ. Явившись въ то время, когда на устьяхъ Сѣв. Двины уже прочно утвердились англичане, они, естественно, не могли соперничать первое время съ англичанами: получивъ меньше льготъ и привилегій, они часто даже принуждены были прибѣгать къ посредничеству англичанъ при покупкѣ русскихъ товаровъ. Недовольные такимъ положеніемъ, они всѣми средствами старались подорвать монопольную торговлю англичанъ; съ этой цѣлью они убѣждали московское правительство въ невыгодности торговли съ англичанами, которые сбываютъ русскимъ чужіе товары и берутъ за нихъ баснословныя цѣны; они пытались также возобновить закрывшійся запад-

и нѣсколько стѣснялъ ихъ привилегіи: напр., онъ отнялъ у нихъ право держать русскихъ приказчиковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они употребляли ихъ для политическаго шпіонства, запретилъ разсылать закупщиковъ по городамъ, продавать врозницу, брать съ собою чужіе товары и т. д.

Въ смутное время у насъ никакой торговой дѣятельности не могло производиться, а вслѣдъ за нашимъ смутнымъ временемъ начинается смутное время въ Англіи и борьба короля съ парламентомъ, которая тоже должна была мѣшать извѣстнымъ образомъ торговлѣ. Но какъ только русское государство послѣ испытанія стало поправляться, у него явилось еще большее желаніе освободиться отъ англійской опеки.

Мы видимъ, что отношенія эксплуатируемыхъ къ эксплуататорамъ опредѣляются все болѣе и болѣе. Въ 1642 году, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во время знаменитаго земскаго собора русскіе купцы въ своемъ мнѣніи, поданномъ царю и думѣ, прямо выясняютъ свой взглядъ на это отношеніе; они говорили, что совсѣмъ обнищали и что ихъ привилегіи ничего не значатъ предъ тѣми, которыми пользуются гости иностранные: кизильбашскіе (т.-е. персидскіе),

---

ный путь — провозить свои товары въ Россію чрезъ Ревель, Ригу и Дерптъ. Въ свою очередь, ставили англійской торговлѣ препятствія и сосѣднія съ Россіей державы изъ боязни политическаго усиленія Московскаго государства: напр., пыталась задерживать проходъ въ Бѣлое море англійскихъ кораблей, дабы они не провозили въ Московское государство оружія и военныхъ припасовъ. Московское правительство, отдавая первенство англичанамъ, какъ первымъ піонерамъ въ заморской торговлѣ, начиная съ Ѳеодора Іоанновича, пытается однако оградить права торговцевъ и другихъ націй: напр., когда Елизавета англійская потребовала жалованной грамоты на исключительную торговлю въ Россіи обществу лондонскихъ купцовъ, Ѳеодоръ отвѣчаетъ: „предѣлы Россіи открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы султановъ, цесарскіе, испанскіе, нѣмецкіе, французскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шемахинскіе и многіе другіе, такъ что можемъ обойтись и безъ англичанъ и, въ угодность имъ, не затворимъ дорогъ въ свою землю“. При Борисѣ въ 1603 г. Ганзѣ дается спеціальная жалованная грамота на торговлю въ Архангельскѣ, и черезъ годъ сюда приходятъ гамбургскіе корабли. Датчане и голландцы при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ дѣлаются опасными конкурентами англичанъ и ненавистными ихъ врагами; конкурируютъ съ англичанами въ Архангельскѣ болѣе или менѣе успѣшно бременцы, любчане, гамбурцы, французы, нѣмцы и норвежцы.

нѣмецкіе и англійскіе; иностранцы, по ихъ словамъ, „оголодили“ русскую землю. Черезъ 4 года русскіе купцы вновь подаютъ челобитную царю; они жалуются на то, что иноземные купцы не исполняютъ своихъ обязательствъ: торговать у Архангельска и въ городахъ Московскаго государства дозволено было лишь 23 англичанамъ, а ихъ стало пріѣзжать 60—70 и больше; русскіе купцы, желая сдѣлаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями, жалуются на иностранцевъ, которые не обмѣниваютъ своихъ товаровъ на русскіе въ Архангельскѣ, а непосредственно развозятъ ихъ по государству, искусственно поднимая цѣну на заморскіе товары и роняя ее на русскій товаръ, который они непосредственно скупаютъ у мелкихъ торгашей и увозятъ безпошлинно въ свои земли. Русское купечество мечтаетъ о томъ, чтобы выпроводить иноземныхъ торговцевъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, уничтожить ихъ конторы и вообще „загородить накрѣпко дыру“, продѣланную ими въ русскую землю. Результатъ этого настроенія купеческаго сословія сказался очень скоро; именно, въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ правительствѣ является убѣжденіе, что такія привилегіи теперь опасны и вредны и что ихъ надо отнять. Недоставало только благовиднаго предлога.

Въ 1649 году англійская революція окончилась смертью на эшафотѣ короля Карла I, и такъ какъ Россія была представительницей неограниченнаго монархическаго правленія, то правительство воспользовалось этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы прервать сношенія съ англійскою республикой. Англичане въ томъ же году были лишены своихъ привилегій подъ тѣмъ предлогомъ, что „они великое злое дѣло учинили: добраго короля своего Карлуса до смерти убили“. Англичанамъ послѣ этого, хотя и было дозволено торговать, но уже не въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, какъ это было прежде. Они имѣли право посѣщать только одинъ Архангельскъ (во внутренніе города они имѣли право ѣздить лишь по особымъ государевымъ грамотамъ, со взысканіемъ особыхъ дополнительныхъ сборовъ); торговать и оптомъ и врозницу они не имѣли права: имъ была предоставлена одна только оптовая продажа какъ въ казну, такъ и въ частныя руки. Такимъ образомъ, у иностранцевъ отняли возможность конкурировать съ русскими купцами во внутренней дѣятельности.

Торговые уставы, издававшіеся одинъ за другимъ, показали, что правительство Алексѣя Михайловича дѣйствительно заботилось о развитіи національной торговой дѣятельности. По таможнему уставу при продажѣ и покупкѣ на иностранныхъ гостей налагалась пошлина, значительно превышавшая пошлину, платимую русскими купцами, и сверхъ того постоянно возраставшая. Такъ, по уставу, 1653 года иноземцы должны были платить 12 денегъ пошлинъ, т.-е. 6%, а уставъ 67-го года еще болѣе увеличиваетъ эту пошлину — до 20 денегъ, т.-е. до 10%; кромѣ этой таможенной пошлины, присоединялись еще и нѣкоторыя другія: напр., если купецъ не распродалъ своего товара и увозилъ его обратно, то онъ платилъ еще отъѣздную пошлину. Такимъ образомъ, зависимость западно-европейскихъ эксплуататоровъ въ главныхъ чертахъ была сброшена уже въ половинѣ XVII столѣтія, т.-е. менѣе, чѣмъ чрезъ 100 лѣтъ послѣ ея начала. Отъ иностранныхъ посредниковъ заморская торговля постепенно переходитъ въ руки „гостей" т.-е. богатыхъ русскихъ капиталистовъ-скупщиковъ; для правильнаго веденія дѣла начинаютъ составляться даже спеціальныя торговыя книги, нѣчто въ родѣ современныхъ биржевыхъ бюллютеней, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о рыночныхъ цѣнахъ въ Москвѣ, о стоимости провоза товара до Архангельска и о существующихъ за границей цѣнахъ.

Въ XVII столѣтіи выдвигается путь западный, и торговля какъ будто снова вступаетъ на прежніе пути своего движенія.

Снова выдвигается Новгородъ, дѣлающійся главнымъ центромъ торговли металлическими товарами, доставляемыми шведами; Псковъ, который становится главнымъ сосредоточеніемъ торговли льномъ и пенькою, доставляемыхъ изъ придвинскихъ и приднѣпровскихъ странъ для отправки въ Германію и другіе города.

Ганзейскія, нѣмецкія, датскія и голландскія суда начинаютъ появляться у береговъ Финскаго залива. Въ этой торговлѣ русскимъ мѣшало то обстоятельство, что съ одной стороны Ливонія, принадлежащая Польшѣ, съ другой Швеція отрѣзывали путь къ морю, но съ половины XVII столѣтія эти мѣстности начинаютъ снова оживляться, и путь Балтійскій пріобрѣтаетъ значеніе, какъ будто предсказывая будущее направленіе заграничной русской торговли.

Путь Бѣломорскій за описываемый періодъ, болѣе часто посѣ-

щаемый купцами, остается однако важнѣйшимъ торговымъ путемъ, а потому мы должны болѣе всего остановиться на немъ.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія нашей бѣломорской торговли, результатомъ ея было необыкновенное оживленіе всего Бѣлаго моря. Мы можемъ сказать, нисколько не преувеличивая, что оно было въ то время гораздо болѣе населено и представляло въ XVI и XVII вѣкахъ болѣе оживленный видъ и болѣе кипучую торговую дѣятельность, чѣмъ въ наше время; сѣверный край Россіи быстро выдвигается впередъ, получаетъ новое, не виданное до тѣхъ поръ торговое значеніе, и съ прекращеніемъ торговли съ англичанами такъ же быстро падаетъ, какъ быстро поднялся.

Города обширнаго сѣвера, теперь большею частію представляющіе лишь незначительныя мѣстности, въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно въ первой половинѣ XVII, были важнѣйшими торговыми и промышленными центрами Россіи—и этимъ они были обязаны торговлѣ съ иноземцами.

Главный путь англійскій, какъ мы говорили, опредѣлялся тѣми пунктами, изъ которыхъ исходила и гдѣ оканчивалась эта торговля, т.-е. устьемъ Двины и Москвою. Главнымъ пунктомъ у устья былъ городъ Холмогоры, теперь незначительный, тогда же въ XVI вѣкѣ игравшій большую роль.

Прежде товары англійскіе привозились въ Холмогоры, впослѣдствіи удобства заставили перенести торговлю поближе къ морю въ Архангельскъ. Тутъ, у устья Двины, находился бѣдный малоизвѣстный архангельскій монастырь, около котораго была устроена корабельная пристань. Въ 1584 году монастырь былъ обнесенъ стѣною; за стѣною выстраиваются зданія для купцовъ и чиновниковъ царскихъ, вокругъ монастыря начинаютъ поселяться, и мало-по-малу является цѣлый городъ Архангельскъ, который дѣлается сосредоточіемъ заморской торговли. Торговля шла изъ различныхъ мѣстностей, и товары большею частію всѣ попадали въ руки англійскихъ агентовъ, которые по порученію своей компаніи разъѣзжали повсюду и скупали ихъ. Благодаря этому торговому движенію около Архангельска, и по всему Сѣвѣру возникаетъ рядъ городовъ, которые теперь не имѣютъ никакого значенія, но въ то время играли большую роль, какъ, напримѣръ: Яренскъ, Усть-Сысольскъ, Устюгъ Великій, Тотьма, Бѣлоозеро и многіе другіе, которые вели посред-

ствующую торговую дѣятельность. Главнымъ дѣятелемъ по отправленію и доставкѣ товаровъ остается Москва, купцы которой разсылаютъ своихъ приказчиковъ, тѣ скупаютъ товары и везутъ ихъ въ Архангельскъ.

Торговый путь сначала шелъ посуху; тамъ, гдѣ начиналась С. Двина, онъ замѣнялся воднымъ, — болѣе удобнымъ и болѣе дешевымъ. Водный путь и теперь не потерялъ своего значенія, потому что онъ и теперь остается хотя медленнымъ, но зато самымъ дешевымъ путемъ. Естественно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ сухопутный путь смѣнялся на водный, долженъ былъ возникнуть важный торговый пунктъ. Въ то время отъ Москвы до С. Двины былъ только одинъ правильный почтовый путь — ямской[1]), на немъ было 14 ямовъ или станцій, и чрезъ нихъ товары приходили въ этотъ важный торговый пунктъ, развившійся на С. Двинѣ. Это былъ городъ Вологда. Въ XV вѣкѣ, когда только началась торговля, онъ не имѣлъ значенія, и бывшіе тамъ иностранцы отзывались о немъ какъ о бѣдномъ и незначительномъ городѣ, но въ половинѣ XVII вѣка онъ быстро развивается, благодаря своему выгодному положенію на оживленномъ торговомъ пути между Москвою и Архангельскомъ. Въ старинныхъ извѣстіяхъ говорится, что „Вологда разукрасилась", множество церквей свидѣтельствуютъ о благосостояніи жителей, и вологодское купечество играетъ весьма важную посредствующую роль между московскими и архангельскими, а слѣдовательно, и англійскими купцами. Въ Вологду обыкновенно сходились товары изъ разныхъ мѣстъ: какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ городовъ. Здѣсь товары въ теченіе зимы хранились въ особо устроенныхъ для того складахъ.

Съ весны начиналось оживленное плаваніе по С. Двинѣ, и на рѣкѣ можно было видѣть массу самыхъ разнородныхъ судовъ: па-

---

[1]) Инициатива устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній принадлежитъ также иностраннымъ торговцамъ. Первоначально ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства, т.-е. для административныхъ сношеній, и ими пользовались лишь по мѣрѣ надобности. Частныя лица не могли пользоваться казенными „ямами", и московское правительство отказывало даже въ этомъ англійскимъ купцамъ, несмотря на ихъ многочисленныя просьбы въ XVI вѣкѣ. Только при Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1663 г.) удалось добиться устройства спеціальной „купеческой" почты, при чемъ иностранцы сами должны были организовать и завѣдывать ею, независимо отъ ямского приказа, наблюдавшаго за казенными „ямами".

сады, струги и, наконецъ, самыя большія суда — дощаники. Суда эти были какъ русскія, такъ и иностранныя; когда англичанамъ было дозволено торговать внутри государства и отправлять повсюду свои товары, нѣсколько десятковъ ихъ дощаниковъ плавало по Двинѣ, они имѣли даже привелегію рубить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ для постройки судовъ.

Движеніе происходило кабельстоннымъ способомъ или болѣе простымъ и естественнымъ: бурлаки тянули суда бечевою (лямкой), и бурлацкая пѣсня въ то время чаще слышалась по Двинѣ, чѣмъ по Волгѣ въ настоящее время. Съ ранней весною караваны судовъ съ товарами отправлялись въ Архангельскъ; но плаваніе было медленное, и товары рѣдко приходили въ Архангельскъ ранѣе половины лѣта, а иногда и къ концу его. Къ тому же времени (къ августу-мѣсяцу) прибывали англійскіе корабли съ заморскими товарами. Торговля Архангельска XVII вѣка носитъ ярмарочный характеръ и весьма напоминаетъ ярмарочную нижегородскую торговлю. Нижегородская ярмарка начинается въ августѣ мѣсяцѣ, и ярмарочные сроки, назначаемые правительствомъ, не удовлетворяютъ нуждамъ торговцевъ. То же самое можно сказать объ Архангельскѣ, гдѣ товары какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, являлись очень поздно, такъ что времени, назначаемаго правительствомъ (оффиціально ярмарка начиналась въ іюнѣ и оканчивалась 1-го сентября), было недостаточно для сбыта и обмѣна товаровъ, и потому дозволена была распродажа товаровъ, которая продолжалась вплоть до поздней осени; точно также и въ Нижнемъ Новгородѣ торговля начинается, равно какъ и кончается, позднѣе оффиціальныхъ сроковъ.

Торговля заморскихъ купцовъ обыкновенно производилась при слѣдующихъ условіяхъ.

Корабли коммерческіе сопровождались кораблями военными, такъ какъ морскіе пути были небезопасны; военные корабли не имѣли права входить въ устье Двинское. Для избѣжанія контрабанды и вообще обмана и злоупотребленій со стороны иноземцевъ русское правительство устраивало въ устьѣ укрѣпленіе, гдѣ помѣщалась сторожка съ отрядомъ стрѣльцовъ для осмотра кораблей. Стрѣлецкій голова или довѣренное его лицо долженъ былъ отправляться для осмотра товара. Капитанъ корабля обязанъ былъ подавать о своихъ товарахъ записку или память (какъ она называлась въ то

время); съ памяти снималась копія, и стрѣлецкій голова препровождалъ ее къ таможенному чиновнику. Затѣмъ корабль могъ подойти къ пристани, гдѣ для болѣе подробнаго осмотра товаровъ являлся таможенный чиновникъ и къ нему на помощь гости, преимущественно московской гостиной и суконной сотенъ, смотрѣть, чтобы въ числѣ товаровъ не было товаровъ заповѣдныхъ, чтобъ иностранцы не привозили табаку и не вывозили изъ Россіи „зелья" (пороха), селитры — вообще, всего, что нужно было для насъ самихъ. Русскіе купцы были обязаны закономъ собирать извѣстную пошлину, взвѣшивая или взмѣривая товаръ или приблизительно опредѣляя его по глазомѣру; также они обязаны были наблюдать за порядкомъ торговли, чтобы не было сваръ. Наконецъ, всѣмъ товарамъ привезеннымъ и проданнымъ должны были вести торговую запись, которая по окончаніи торговли посылалась въ Москву въ приказъ, гдѣ она и провѣрялась; съ 1667 г. на иностранные товары стали накладывать своего рода фабричное клеймо, дабы предотвратить сбытъ дурныхъ товаровъ и ихъ поддѣлку.

Для того, чтобъ не было никакого сопротивленія распоряженіямъ купцовъ, подъ ихъ властью находился постоянно сильный отрядъ стрѣльцевъ (ярмарочная полиція). Иностранный корабль, подъѣзжая къ пристани, осматривался снова стрѣлецкимъ головою и его помощникомъ, и всѣ товары, которые оказывались лишними по записи, конфисковались.

Продажа производилась различнымъ образомъ: иногда русскіе купцы являлись на корабль, и торгъ производился тутъ же—на палубѣ, иногда же товары выгружались на берегъ и тамъ продавались.

Такъ какъ русскимъ купцамъ нужны были товары заморскіе и вмѣстѣ съ тѣмъ деньги, такъ какъ общей единицы у англичанъ и русскихъ не было, то естественно, что торговля получала больше характеръ мѣны товаровъ на товаръ. Мѣновой характеръ торговли значительно содѣйствовалъ тому, что товары могли доставаться за дешевую и выгодную для обѣихъ сторонъ цѣну.

Это все была торговля офиціальная[1]), но въ Архангельскѣ велась

---

[1]) Въ половинѣ XVII в. правительство собирало до 75000 руб. таможеннаго сбора; такъ какъ высшая пошлина была 10%, то изъ этого слѣдуетъ, что въ Архангельскѣ (единственный морской портъ въ то время) ежегодно обращалось товаровъ не менѣе, чѣмъ на 750.000 руб.

также въ обширныхъ размѣрахъ еще торговля закулисная, безпошлинная (контрабандная), производившаяся тайкомъ. Архангельскіе купцы ночью въ своихъ лодкахъ подъѣзжали къ англійскимъ кораблямъ и покупали разные товары по болѣе дешевой цѣнѣ и безъ пошлины; иной разъ они покупали даже и заповѣдные товары, какъ, напримѣръ, „мерзкое зелье еже есть табакъ".

Въ существенныхъ чертахъ своихъ товары, вывозимые изъ Руси и получаемые Русью, и въ этотъ періодъ нашей торговли не могли измѣнить и не измѣнили своего характера: такое же обиліе сырыхъ произведеній при несостоятельности и неразвитости русской промышленной дѣятельности встрѣчаемъ мы на русской сторонѣ, такое же обиліе продуктовъ, обработанныхъ, обдѣланныхъ, вообще мануфактурныхъ — со стороны иностранцевъ. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ трудно и тяжело идетъ это развитіе впередъ, какъ страна, благодаря своему невыгодному положенію, своей суровой природѣ и малонаселенности, не можетъ выйти изъ первыхъ ступеней общественной дѣятельности и лишь постепенно, очень медленными шагами усвоиваетъ себѣ дальнѣйшія ступени прогресса. Сравнивая періодъ, нами теперь разсматриваемый — періодъ московскій съ періодомъ предыдущимъ — татарскимъ, мы замѣтимъ, что Востокъ еще не теряетъ для насъ своего значенія: восточные товары во многихъ случаяхъ являются преобладающими, а вмѣстѣ съ восточными товарами восточные вкусы, восточные обычаи, хотя, съ другой стороны, съ каждымъ годомъ чувствуется все болѣе и болѣе естественное тяготѣніе къ западной Европѣ, чувствуется сознаніе себя европейцами или, по крайней мѣрѣ, сознаніе своего извѣстнаго родства съ западными европейцами.

Товары, которые англичане добывали въ Россіи и которые имѣли для нихъ существенно важное значеніе, заключались, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ въ массѣ сырыхъ произведеній нашей сѣверо-восточной страны и преимущественно въ мѣхахъ, вывозившихся ими въ громадномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что страна, ихъ доставлявшая, оказывалась совершенно неистощимою въ этомъ отношеніи. Однако, чѣмъ болѣе распространялась цивилизація въ этомъ заброшенномъ углу Европы, чѣмъ болѣе человѣкъ русскій проникалъ съ юга на сѣверъ, тѣмъ болѣе исчезали передъ нимъ непроходимые лѣса и дремучіе боры, которыми когда-то былъ

покрыть весь сѣверо-востокъ русскій; чѣмъ болѣе добывалось земли для обрабатыванія и земледѣлія, тѣмъ, конечно, все болѣе и болѣе исчезали передъ русскими, какъ исчезаютъ теперь краснокожіе передъ американцами или индусы передъ англійскимъ племенемъ, различныя финскія племена, вмѣстѣ съ которыми исчезаетъ и пушное четвероногое населеніе изъ этихъ мѣстностей. Хотя еще и въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ добычею бобровъ и выдръ подъ самою Москвою, но уже этотъ промыселъ составляетъ слабый, доживающій свой вѣкъ остатокъ старины; пушное богатство начинаетъ слабѣть даже на сѣверѣ, гдѣ было прежде такое обиліе звѣря, что существовало повѣрье, что въ этимъ мѣстностяхъ звѣри падали съ облаковъ и разбѣгались по землѣ: тутъ и предпріимчивый новгородецъ успѣлъ наложить свою руку, здѣсь побывалъ уже и московскій купецъ,— однако мѣха, этотъ главный предметъ отпуска, попрежнему еще ввозились за границу въ огромномъ количествѣ.

Какая же причина могла поддержать и даже, пожалуй, увеличить добычу пушныхъ звѣрей и торговлю ими, когда, какъ мы уже выше сказали, пушное богатство начинало было истощаться въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ? Причина эта заключалась въ открытіи въ концѣ XVI вѣка новаго источника этого богатства.

Если въ началѣ XVI вѣка западная Европа розыскала себѣ мѣсто для выселенія своихъ негосударственныхъ людей — своихъ казаковъ, розыскало свое золотое дно, которое манило и своимъ неисчерпаемымъ богатствомъ, и своею первобытною природою, и своею исполненною всевозможныхъ приключеній, затѣйливою жизнью, то у насъ открылось такое же золотое дно, и открылось оно такими же авантюристами, какъ и на западѣ,— казаками. Рѣчь идетъ о Сибири или, лучше сказать, о той невѣдомой странѣ, которая лежала за Каменнымъ поясомъ и которая не имѣла даже общаго названія, такъ какъ подъ именемъ Сибири была извѣстна только нѣкоторая часть этой страны, и только позднѣе она сдѣлалась извѣстною подъ этимъ именемъ: названіе части было перенесено на цѣлое. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ совершалась колонизація Сибири, какъ велась упорная борьба съ инородцами, сопровождавшаяся со стороны казаковъ изумительными подвигами и личной предпріимчивости и неукротимой энергіи, нисколько не уступающими подвигамъ западныхъ выходцевъ, о томъ, какъ пред-

пріимчивые авантюристы добрались вплоть до Великаго океана, — для насъ важно одно, что Сибирь, которая до сихъ поръ еще такъ мало заселена, до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ представляетъ нетронутыя природныя богатства, въ тѣ времена могла представляться неистощимымъ запасомъ произведеній сѣверной природы. Главное, что манило русскихъ людей, что заставляло ихъ итти все далѣе въ глубь страны и „все новыя и новыя землицы добывать великому государю“, — было богатство мѣховое. Здѣсь первые русскіе выходцы могли добывать себѣ за самые ничтожные продукты нашей неразвитой промышленности богатство необыкновенное, неслыханное, потому что инородцы гораздо болѣе дорожили этими зауральскими произведеніями европейской жизни, чѣмъ своими цѣнными мѣхами. Сравнительно еще не такъ давно бывали случаи, что инородцы за такія вещи, какъ, напримѣръ, топоръ, давали столько своихъ дорогихъ соболиныхъ мѣховъ, сколько собольихъ шкурокъ пролѣзало въ отверстіе топорища (что вообще показываетъ, въ какомъ младенческомъ состояніи находилась торговля, если употреблялся такой несовершенный способъ мѣны). Такъ какъ московское правительство въ то время отождествляло себя извѣстнымъ образомъ съ государствомъ, и царь смотрѣлъ на всѣ эти „новыя землицы“, какъ на свое собственное помѣстье, то естественно было, что и добыча мѣховъ была поставлена подъ непосредственный правительственный надзоръ, и что торговля ими, представлявшая для московскаго правительства одинъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія, была подвержена бóльшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ торговля какими-нибудь другими предметами; такъ, мы знаемъ, что московскіе купцы не имѣли права покупать мѣха у инородцевъ прежде сбора ясака, который обыкновенно выплачивался натурою, и преимущественно же мѣхами, и только когда правительственные сборщики осмотрѣли всю пушнину, находящуюся у инородцевъ, и отобрали самые лучшіе товары въ казну государеву, тогда только эти послѣдніе могли продавать остальную добычу московскимъ гостямъ, а чтобы не было никакого обмана со стороны инородцевъ, которые могли бы утаивать отъ сборщиковъ самые дорогіе мѣха, и такъ какъ вообще было весьма трудно, даже почти невозможно, усмотрѣть за правильной продажей мѣховъ въ юртахъ, то купцамъ совсѣмъ запрещалось ѣздить по юртамъ и тамъ вымѣнивать мѣха, а дозволялось покупать только

тѣ, которые привозились инородцами на базаръ въ городъ. Безъ всякаго сомнѣнія, значительная часть этихъ постановленій не исполнялась, и для московскихъ гостей торговля съ Сибирью, несмотря на всѣ стѣсненія, была очень выгодна и прибыльна.

Алтайскія горы съ ихъ богатыми золотыми розсыпями были открыты и стали разрабатываться только въ позднѣйшее время. При той бѣдности въ благородныхъ металлахъ, которая наблюдалась въ Московскомъ государствѣ, происходившей отчасти и отъ неумѣнія ихъ обработки, отчасти и отъ недостатка въ самихъ металлахъ, хозяйство наше оставалось не столько денежнымъ, сколько натуральнымъ; вслѣдствіе такого порядка вещей, происходившаго, какъ мы уже сказали, отъ недостатка въ деньгахъ, какъ мѣновыхъ единицахъ, нужно было найти какой-нибудь другой предметъ, могущій съ успѣхомъ замѣнить собою всеобщую мѣновую единицу. Такою мѣновою единицею въ XVI и XVII вѣкахъ являются у насъ мѣха, которые, какъ денежныя единицы, начали было уже выходить у насъ изъ употребленія — вмѣсто прежнихъ „кунъ“ явились было татарскія „деньги“, но вотъ открылся новый источникъ такого же богатства, и мѣха, какъ мѣновыя единицы, опять пошли въ ходъ; понятно, что они не составляли теперь, какъ прежде, денегъ въ буквальномъ смыслѣ слова, ихъ не считали деньгами, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что мѣха во многихъ случаяхъ вполнѣ замѣняли деньги: отправлялся ли, напримѣръ, русскій посолъ за границу, ему вмѣсто денегъ выдавались мѣха, приходилось ли московскому правительству производить заграничные платежи, оно уплачивало ихъ также мѣхами; вообще можно сказать, что мѣха, въ особенности дорогіе соболиные, представляли собою крупную счетную единицу, нѣчто въ родѣ нашихъ ассигнацій. (Изъ всего вышесказаннаго, мы можемъ видѣть, какъ иногда условія заставляютъ народъ какъ бы возвращаться назадъ, какъ бы повторять прежнее.) Соболиныя шкурки нанизывались обыкновенно по 40 штукъ, отсюда и велся счетъ сорока́ми; сорока̀ соболей были различнаго достоинства, и поэтому мы часто встрѣчаемъ узаконенія на то, что такому-то дано столько-то сороко́въ соболей добрыхъ, т.-е. хорошихъ, такому-то среднихъ и т. д.; очевидно, что здѣсь нельзя было добиться однообразной счетной единицы.

Кромѣ употребленія мѣховъ на внутреннія потребности, московское

правительство или отправляло ихъ на продажу за границу иностраннымъ купцамъ, или же, какъ было выше упомянуто, выплачивало ими за иностранные товары. Кромѣ соболей, добывались и вывозились шкурки чернобурыхъ лисицъ, куницъ, бобровъ, горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, лосей, рысей, выкухолей и особенно много заячьихъ; торговля этими мѣхами была весьма обширна, и русскіе купцы были знатоками этого рода товара. Англичане, а впослѣдствіи также и голландцы, въ огромныхъ массахъ покупали пушной товаръ и отправляли его на продажу въ западную Европу, и нерѣдко эти мѣха, отдѣланные за границей иностранными скорняками, привозились обратно въ Россію[1]). Вслѣдъ за мѣхами слѣдуютъ другіе сырые продукты, на которые мы должны обратить особенное вниманіе, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ началомъ того вывоза, который составляетъ и теперь одну изъ самыхъ значительныхъ статей нашей отпускной торговли; благодаря именно торговлѣ съ англичанами, мы начали отпускать въ западную Европу издѣлія изъ конопли и льна. Обширныя земли нашего сѣвера, скудныя и мало производительныя, оказались однако весьма удобными для разведенія льна, мѣстности же южныя — для воздѣлыванія конопли. Англичане очень рано обратили вниманіе на хорошія свойства нашей пеньки, которая въ видѣ веревокъ, канатовъ и парусовъ особенно важна была для нихъ при ихъ многочисленномъ флотѣ, и поэтому было весьма естественно, что они запасались этимъ продуктомъ у насъ, закупая его въ огромномъ количествѣ. Въ первое время они даже обучали русскихъ людей издѣліямъ изъ пеньки, и для этой цѣли англичаниномъ Греемъ была заведена первая прядильная фабрика въ Россіи; наука эта пошла русскимъ людямъ въ прокъ, они выучились производству канатовъ и парусовъ, а такъ какъ этотъ

[1]) Наиболѣе важнымъ для англичанъ пунктомъ мѣховой торговли было селеніе Ламножна, которое лежало на рѣкѣ Мезени; въ немъ послѣ окончанія охотничьяго сезона происходила ярмарка, на которую каждый звѣроловъ-охотникъ приносилъ все, что удалось ему добыть въ продолженіе зимы. На эти ярмарки, съ одной стороны, стекались остяки, самоѣды и прочіе сѣверные инородцы съ богатымъ запасомъ дорогой пушнины, съ другой же — сюда пріѣзжали какъ англійскіе, такъ и русскіе купцы и на различныя бездѣлки вымѣнивали дорогія звѣриныя шкурки. Изъ Ламножни мѣха шли въ Холмогоры и оттуда или могли сбываться за границу, или же при обширномъ внутреннемъ сбытѣ могли расходоваться внутри Россійскаго государства.

предметъ находилъ всегда обширный сбытъ, то это производство разрастается все болѣе и болѣе. Уже въ то время начинаетъ опредѣляться тотъ центръ пеньковаго производства, который существуетъ и до настоящаго времени,—это мѣстности, лежащія при истокахъ Оки и Истомы, которыя теперь сбываютъ свои произведенія преимущественно по Балтійскому бассейну, а тогда сбытъ шелъ по Бѣломорскому. Льняное производство оказывается также въ высшей степени важнымъ, оно по преимуществу сосредоточивается въ теперешней Владимирской губерніи и около Мурома или, короче сказать, въ мѣстностяхъ, лежащихъ между Окою и Клязьмою; другимъ центромъ льняного производства является Псковъ, имѣющій для сѣверо-восточной Руси въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе. Въ Муромѣ и его окрестностяхъ особенно развивается полотняное производство. Хотя русское полотно и не отличалось высокими качествами, и высшіе сорта полотна, какъ фландрское и голландское, привозились изъ-за границы, однако оно по своей дешевизнѣ и прочности въ весьма большихъ размѣрахъ расходилось въ западной Европѣ, главнымъ же образомъ шло на востокъ; наконецъ, русскіе впослѣдствіи научились весьма хорошо поддѣлываться подъ иностранные образцы, и фландрское полотно стало съ успѣхомъ производиться въ мѣстностяхъ Ярославской и Муромской губерній. (Здѣсь мы встрѣчаемся съ первыми попытками русской мануфактурной дѣятельности, начало которой относится, слѣдовательно, къ московскому періоду нашей торговли.) Кромѣ произведеній изъ пеньки и льна, вывозились также конопляное и льняное масло.

Пенька считалась однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ вывоза, и торговля этимъ продуктомъ часто сосредоточивалась въ рукахъ правительства, поэтому-то пенька и принадлежала къ числу извѣстныхъ уже намъ, такъ называемыхъ заповѣдныхъ товаровъ. Вмѣстѣ съ пенькою правительство часто держало въ своихъ рукахъ продажу иностранцамъ лѣса, а также и различныхъ продуктовъ, добывающихся изъ лѣса. Обиліе лѣсовъ въ мѣстностяхъ теперешней Архангельской и Вологодской губерніи дѣлало эту страну драгоцѣнною для того народа, который всегда нуждался въ немъ для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей, въ особенности же, какъ въ матеріалѣ для судостроенія, и, дѣйствительно, мы знаемъ, что здѣсь срубались громадныя по своимъ размѣрамъ

деревья и вывозились англичанами безъ всякой пошлины; этотъ же лѣсъ, кромѣ мачтъ, могъ доставлять смолу и смольчугъ, вывозившихся англичанами въ огромныхъ количествахъ; тотъ же лѣсъ могъ доставлять отличный поташъ; вообще, можно сказать, что обиліе лѣса обусловливало многія потребности того времени, многія особенности русской жизни. Русскіе, не умѣя строить каменныя зданія, были весьма искусны въ постройкахъ изъ дерева, которыя достигали такой необыкновенной быстроты, что въ Москвѣ были церкви, выстроенныя по обѣту въ одинъ день. Иностранцы удивлялись нашему лѣсному ряду, въ которомъ видѣли не только громадное количество теса, бревенъ, балокъ и разнаго рода досокъ, но даже и цѣлыя церкви, продававшіяся по очень дешевымъ цѣнамъ, что, замѣтимъ, было весьма удобно по случаю тѣхъ страшныхъ пожаровъ, которые были не рѣдки въ Москвѣ, и отъ которыхъ она выгорала почти вся, и вскорѣ опять отстраивалась зáново. Постройка домовъ была тѣмъ легче, что въ расположеніи комнатъ, названіи ихъ и различныхъ приспособленіяхъ, начиная отъ хижины крестьянина и кончая дворцомъ государевымъ, господствовала полнѣйшая старина, — они для всѣхъ были одинаковы, и личный вкусъ и потребности жизненнаго комфорта въ то время были весьма ограничены и играли незначительную роль.

Кромѣ лѣса и мѣстныхъ продуктовъ, англичане въ большомъ количествѣ вывозили изъ степныхъ мѣстностей, богатыхъ скотомъ, преимущественно же изъ странъ черкасскихъ и поволжскихъ, русскія кожи или уже выдѣланныя у насъ, собственно въ великой Россіи, или же, что бывало чаще, они шли въ сыромъ необработанномъ видѣ, потому что англичане были недовольны несовершеннымъ способомъ выдѣлки кожъ нашими туземными кожевниками, и мы часто можемъ встрѣтить, въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ объ этомъ предметѣ, жалобы ихъ на вышеуказанный недостатокъ кожъ, выдѣланныхъ въ Россіи. Въ большомъ количествѣ за границу шелъ конскій волосъ; въ значительномъ также количествѣ вывозилось сало, которое составляетъ и теперь одну изъ самыхъ доходныхъ статей нашей отпускной торговли; вывозились также различные хлѣба, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама Россія получала ихъ съ запада; вообще же, слѣдуетъ замѣтить, что хлѣбная торговля не представляла особеннаго развитія и не имѣла того зна-

ченія, которыя она получила впослѣдствіи по мѣрѣ заселенія южныхъ русскихъ степей съ ихъ богатымъ черноземомъ. Вывозилась также соль, добывавшаяся на всемъ сѣверѣ, какъ изъ моря, такъ и изъ озеръ, въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ настоящее время. Припомнимъ здѣсь, что именно соляныя варницы заставили именитыхъ людей того времени — братьевъ Строгановыхъ, итти на Уралъ, и этимъ главнымъ образомъ ускорилось покореніе и первоначальное заселеніе Сибири. Вывозились еще нѣкоторые минералы, хотя сравнительно и въ незначительномъ количествѣ, но это были не туземныя богатства, такъ какъ Алтайскія горы не были еще открыты, а тѣ, которыя приходили къ намъ съ востока путемъ торговли, и отъ насъ уже переходили къ англичанамъ; что же касается до восточныхъ драгоцѣнныхъ камней, то они по большей части оставались у насъ въ Россіи, и лишь немногія женщины запада имѣли у себя эти продукты востока. Въ первое время послѣ начала своей торговли, англичане открыли близъ Холмогоръ алебастровыя горы, начали ихъ разрабатывать и вывозить алебастръ, русскіе послѣдовали ихъ примѣру и также стали заниматься разработкою алебастра. Вывозились еще нѣкоторыя мѣстныя произведенія собственно сѣвернаго края, какъ-то: рыба, тюлени, ворвань, рыбій зубъ, какъ тогда назывались моржовые клыки, цѣнившіеся весьма дорого, и нѣкоторые другіе предметы.

Вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ товары, которые англичане находили въ Россіи. Несмотря на то, что они не бросаются въ глаза, что это товары не эффектные, которые, казалось, не шли въ сравненіе съ вывозившимися изъ Америки и Перу, тѣмъ не менѣе они составляли истинное богатство и приносили собою больше пользы, нежели вывозъ золота и серебра изъ американскихъ рудниковъ. Англичане все это очень хорошо чувствовали и понимали, а потому они въ особенности дорожили своими торговыми сношеніями съ Россіей и, по возможности, старались не допускать конкурентовъ.

Этимъ мы закончимъ описаніе товаровъ, вывозимыхъ англичанами изъ Россіи.

Если мы теперь посмотримъ на предметы, которые ввозились взамѣнъ англичанами и западно-европейцами вообще, то мы замѣтимъ, что это по преимуществу и почти исключительно предметы мануфактурной дѣятельности. На первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ же

предметы мануфактурной дѣятельности, какъ и въ предыдущіе періоды русской торговли: главнымъ образомъ матеріи и ткани всякаго рода. Въ продолженіе перваго періода нашей торговли мы получали ихъ изъ Византіи и съ востока, въ продолженіе періода татарскаго получали ихъ изъ Греціи и преимущественно съ востока, чрезъ генуэзцевъ и венеціанцевъ, теперь ихъ получали также съ востока и главнымъ образомъ съ запада черезъ посредство англичанъ. Первое мѣсто между ввозимыми матеріалами занимали сукна, столь необходимыя на нашемъ холодномъ сѣверѣ, которыя между тѣмъ совершенно у насъ не выдѣлывались. Сукна вывозились въ громадномъ количествѣ, и торговля ими была самая оживленная. Англичане сами сознавались, что на этой торговлѣ они наживали болѣе, чѣмъ на какой другой, и что обыкновеннымъ % барыша было на 100—140%. Сукна были разнообразныхъ цвѣтовъ и сортовъ. Наиболѣе употребляемые сорта назывались по мѣсту производства: *Брюшъ* — изъ Брюгге, „Лундышъ“ — изъ Линдина, „амбургское“ — изъ Гамбурга и т. д. Сукна привозились въ кускахъ или такъ называемыми половинками. Много сукна пріобрѣталось въ казну, и эти половинки въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняли для правительства деньги: казаки донскіе, напримѣръ, получали жалованье именно этими суконными половинками. Привозилась заграничная кошка, тафта, атласъ; большею частью, эти ткани были золотныя, т.-е. съ золотомъ и съ разводами („травами“); ввозился также и бархатъ, особенно любимъ былъ у насъ бархатъ *венеціанскій*.

За матеріями идутъ предметы металлическіе. Металлы привозились къ намъ въ видѣ монеты, слитковъ и издѣлій. Въ монетѣ русское государство нуждалось и потому особенно настаивало на томъ, чтобы покупки иностранцевъ производились на наличныя деньги. Металловъ въ издѣліяхъ къ намъ привозилось очень много, и издѣлія вкуса и фасона западно-европейскаго во дворцахъ царей и теремахъ бояръ начинаютъ вытѣснять издѣлія вкуса и фасона восточнаго.

Потомъ идутъ издѣлія изъ металловъ, служащія не для украшенія, а составляющія предметъ необходимости въ общественномъ быту: ножи, иголки и т. п.; средоточіемъ торговли желѣзнымъ товаромъ были города: Копорье и Орѣшекъ на шведской границѣ.

Русское желѣзо вслѣдствіе дурной обработки было годно только на самыя простыя подѣлки для крестьянскаго быта. Желѣзо въ значительномъ количествѣ привозилось къ намъ изъ Швеціи, гдѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ славятся богатые желѣзные рудники, напримѣръ, фалунскіе. Зависимость отъ иностранцевъ въ этомъ отношеніи была для русскихъ весьма чувствительна. Желѣза было у насъ много, но не было умѣнья обдѣлывать его. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ мы встрѣчаемся съ попытками устроить свое собственное желѣзное производство, и съ этой цѣлью обрусѣвшему иноземцу Марселису дозволено было построить желѣзный заводъ недалеко отъ Тулы. Много привилегій дано было этому иностранцу, но онъ, съ своей стороны, за извѣстное вознагражденіе ежегодно обязанъ былъ доставлять опредѣленное количество полосъ желѣза, оружія и въ томъ числѣ 20 пушекъ; заводъ находился подъ наблюденіемъ иностранцевъ и былъ устроенъ на европейскій ладъ. Это былъ громадный шагъ впередъ, такъ какъ здѣсь впервые мы встрѣчаемся съ правильнымъ фабричнымъ производствомъ, которое начинается еще задолго до Петра Великаго, давшаго всей этой дѣятельности новый толчокъ и надлежащееe направленіе.

Затѣмъ привозились также стеклянныя издѣлія. Стекло уже являлось необходимостью, но его производить также не умѣли (стекло обыкновенно замѣняла слюда), поэтому стекло привозилось, начиная отъ такихъ высокихъ сортовъ, какъ бемское (изъ Чехіи) и стекло венеціанское (извѣстно, что венеціанское стекло славилось еще въ средніе вѣка и до XVIII вѣка не было превзойдено), и кончая самыми низкими сортами. Съ запада же привозились различные минеральные продукты, каковы сѣра, селитра, которыя хотя и добывалась у насъ, но тѣмъ не менѣе шли изъ-за границы въ огромномъ количествѣ на зелейное дѣло, т.-е. на приготовленіе пороха. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ былъ изданъ даже указъ, чтобы воскъ и медъ, вывозившіеся въ огромномъ количествѣ, продавались не за деньги, а непремѣнно промѣнивались на необходимую сѣру.

Привозились съ запада и колоніальные товары: изюмъ, сахаръ и др. пряности, продукты Индіи. Казалось, они могли бы итти путемъ болѣе прямымъ и близкимъ, но они приходили путемъ болѣе далекимъ и труднымъ. Теперь морской путь давалъ возможность западноевропейцамъ привозить эти товары дешевле, чѣмъ они обходились,

приходя прямо изъ Азіи. Привозились къ намъ и различныя вина, продуктъ западно-европейскаго винодѣлія. Всѣ эти вина носили общее названіе фряжскихъ, т.-е. французскихъ; любимымъ были *ренское* (съ Рейны), романея (французское вино), гишпанское и пр.; былъ въ употребленіи и табакъ, привозившійся изъ-за границы, несмотря на запрещенія.

Вотъ чѣмъ снабжала насъ западная Европа. Въ заключеніе, говоря объ этомъ пути, необходимо повторить, что уже было сказано: именно, что торговля эта сдѣлалась необыкновенно важной для Россіи и что она связывала насъ все болѣе и болѣе съ западной Европой, и потому XVI и XVII вѣкъ представляютъ переходъ отъ азіатской къ западно-европейской жизни. Въ XVI вѣкѣ видимъ колебаніе; въ 1-й половинѣ XVII видимъ, что, какъ будто, обѣ стороны находятся въ равновѣсіи; во 2-й половинѣ XVII вѣка европейскія моды начинаютъ преобладать, дѣлаются потребностью, хотя и не большинства, но, по крайней мѣрѣ, тѣхъ слоевъ общества, которые даютъ толчокъ и направленіе народной дѣятельности на почвѣ не одних только духовныхъ, но и матеріальныхъ интересовъ. Такъ подготовлялся вѣкъ реформъ, подготовлялась личность Петра Великаго.

Вслѣдствіе того, что господствующее направленіе торговли западно-европейской въ Россіи было направленіе сѣверное-Бѣломорское, сѣверъ Россіи оживляется; онъ становится одною изъ самыхъ жизненныхъ частей Московскаго государства. Сѣверъ покрытъ городами, имѣющими важное значеніе, которое не удерживается за ними, когда этотъ путь поворачиваетъ на западъ. Большіе города сѣвера въ XVI и XVII вв. пользовались гораздо большимъ благосостояніемъ и не представляли того вида заброшенности и запустѣнія, какъ теперь. Кромѣ уже прежде упомянутыхъ городовъ, можно указать на *Орѣшекъ*, центръ шведской торговли; *Каргополь*, въ которомъ сосредоточивался сбытъ соли, мѣховъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ продукты Ледовитаго моря: рыбу, ворвань, тюленьи кожи и т. п.; все это доставлялось въ Каргополь и вывозилось на Балтійское море. Въ Устюжнѣ-Желѣзнопольской, какъ самое названіе показываетъ, сосредоточивались продукты желѣзнаго производства Новгорода. Многіе другіе города извѣстны были тогда своими ярмарками, куда окрестные жители свозили свои

сельскія произведенія. Таковы были ярмарки въ Весьегонскѣ и при монастыряхъ, напр., при Тихвинскомъ. Самое названіе „ярмарка“ (нѣмецкое, отъ Jahrmarkt) распространившееся вмѣсто „базара“ и „торга“, указываетъ на то, что и въ этомъ отношеніи намъ данъ былъ новый толчокъ западно-европейцами, и что ярмарки у насъ первоначально назывались періодическія свиданія нашихъ гостей съ иноземными.

Былъ у насъ еще и 3-й путь на западъ. Это былъ путь сухопутный черезъ Смоленскъ на литовскій рубежъ, но онъ не имѣлъ важнаго значенія. Вслѣдствіе враждебныхъ отношеній, почти постоянно существовавшихъ между Россіей и Польшей за этотъ періодъ, вслѣдствіе разныхъ предосторожностей, которыя принимались русскими отъ воровства литовскихъ людей и литовцами отъ воровства русскихъ, торговля на этомъ пути была очень не развита, тѣмъ болѣе, что пограничныя мѣстности между Россіей и Литвой были заселены людьми буйнаго характера, вовсе неспособными къ торговлѣ: образцомъ мѣстности съ подобнымъ населеніемъ можетъ служить наша сѣверская Украйна, населенная большею частью бѣглыми людьми.

Отъ этихъ путей, которые вели на западъ Европы, мы переходимъ къ 2 другимъ внѣшнимъ путямъ, которые тѣсно между собою связаны. Эти пути вели на югъ и востокъ. Первый былъ отчасти сухопутный, отчасти водный и велъ къ Черному морю; его могли бы мы назвать Украинскимъ. Другой путь велъ по Волгѣ.

Путь Украинскій отходилъ въ степь или въ ту Украйну, которая была населена черкасами, т.-е. малороссіянами, какъ ихъ въ то время у насъ называли.

Для того, чтобы ясно представить себѣ характеръ этого пути, необходимо уяснить себѣ отношенія, существовавшія между Россіей и степью, — полемъ. Для этого необходимо прежде всего знать, каковы были размѣры этого поля. Размѣры были такого рода, что въ настоящее время они представляются намъ почти невѣроятными: поле начиналось уже очень близко отъ Москвы. Просматривая, напримѣръ, сочиненіе Курбскаго XVI вѣка, мы узнаемъ, что начиналось оно не отъ границъ Московскаго государства, но что сейчасъ же за Тулой открывается „чистое дикое поле“, за Муромомъ тоже чистое поле, отъ Мурома до Казани за лѣсами простирается тоже

поле. Слѣдовательно, полемъ — степью называлась и, дѣйствительно была ею, огромная полоса, именно центральная полоса центральной Россіи. Это была безлюдная пустыня, развѣ только въ немногихъ мѣстахъ, какъ бы оазами, заселенная людьми. Въ этихъ мѣстахъ были выстроены укрѣпленія — остроги, между которыми по засѣчнымъ линіямъ разъѣзжали *сторожи*, т.-е. караулъ. Степь была мѣстомъ, черезъ которое безпрестанно вторгались крымскіе татары въ Москву, и намъ извѣстно, какими тяжелыми послѣдствіями сопровождались эти набѣги; несмотря на это, только съ конца XVI вѣка начали принимать дѣятельныя мѣры противъ нихъ. Хотя эти мѣры и не уменьшили набѣговъ, и разоренія были тѣ же, плѣнниковъ уводилось столько же, но зато въ значительной степени уменьшилось пространство, въ которомъ могли распространяться эти набѣги. Очевидно, что русскій народъ находилъ въ себѣ все болѣе и болѣе силы противодѣйствовать полю, занимая эту безлюдную землю рядомъ своихъ укрѣпленій; именно со временъ Бориса Годунова начинается правильная военная колонизація правильными военными линіями, и русскій человѣкъ идетъ по безлюдной степи. На передовой линіи устраивается цѣлый рядъ городовъ-остроговъ: Орелъ, Воронежъ, Осколъ, Харьковъ и др., въ настоящее время очень значительныхъ, которые въ тѣ времена были только простыми укрѣпленіями. Цѣлое военное поселеніе было отправлено въ эти города по разнымъ „шляхамъ", т.-е. дорогамъ татаръ, слѣдить за послѣдними, а въ случаѣ нужды, оказывать сопротивленіе татарскимъ витязямъ. Это населеніе постепенно дѣлало степную мѣстность русскою. Естественно, что путь на Украйну въ торговомъ отношеніи не могъ имѣть важнаго значенія. Слишкомъ много препятствій полагалъ онъ правильной торговлѣ: во-1-хъ, степь безлюдная, безпріютная, съ ея зноемъ лѣтомъ, съ ея страшными метелями зимой, съ ея непроходимыми дорогами во время дождей и половодія; во-2-хъ, враждебная сила степная. Все это, конечно, мѣшало торговлѣ; тѣмъ не менѣе русскіе люди ходили издавна и этимъ степнымъ путемъ. Этотъ путь велъ въ Кафу, генуэзскую колонію. Хотя генуэзскія колоніи теперь не существовали, но сношенія съ Византіей не прекратились, по крайней мѣрѣ, въ церковномъ отношеніи. Несмотря даже на то, что сами греки измѣнились и частью не оправдывали довѣрія, въ качествѣ единовѣрцевъ, они всегда охотно

принимались въ русской землѣ. Въ первое время имъ давались значительныя привилегіи. Являлись въ Россію греческіе монахи, какъ въ выгодное мѣсто, гдѣ можно было получить какъ царскую, такъ и народную милостыню, и гдѣ они могли выгодно сбывать предметы священнаго поклоненія; являлись также и греческіе купцы, которые продавали драгоцѣнные камни и турецкія ткани, такъ какъ нѣкоторое время турецкія ткани цѣнились у насъ выше западныхъ: *олтавасъ*, высшій сортъ бархата — именно любимый русскими малиновый, получался также оттуда. Между тѣмъ сношенія съ турками были въ высшей степени неправильны: съ одной стороны, отношеніе между Россіей и Турціей были непріязненны; съ другой — правительство московское старалось поддержать сношенія съ турками. Государство московское часто дѣйствовало въ противоположность турецкому: въ то время, когда поднималась эта страшная мусульманская сила для всей Европы, на востокѣ поднималась другая сила, которая переломила первую; въ то время, когда турецкій султанъ завоевывалъ Балканскій полуостровъ, царь московскій завоевалъ Казань, Астрахань, Сибирь — все мусульманскія государства. Невольно глаза всѣхъ славянъ и православныхъ вообще обращались на бѣлаго царя, какъ назывался тогда ими русскій царь; точно также естественно, что татары казанскіе, астраханскіе и главнымъ образомъ крымскіе смотрѣли на турецкаго султана, какъ на главнаго защитника ихъ народности и религіи. При такихъ коренныхъ противоположностяхъ дружелюбныхъ отношеній между Турціей и Россіей не могло быть. Хотя временами и устанавливались сношенія, но эти сношенія были не прочны, потому и торговля не могла установиться, тѣмъ болѣе, что въ степи, кромѣ татаръ, были и свои разбойники, не уступавшіе первымъ, — это были казаки донскіе и др., которые не разбирали часто своихъ купцовъ отъ мусульманскихъ; однажды они умертвили даже турецкаго посла Кантакузина, шедшаго въ Москву при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, потому только, что имъ казались подозрительными всякія дружественныя сношенія московвскаго царя съ стамбульскимъ султаномъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ того, что торговля съ Балканскимъ полуостровомъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе прекращалась. Греки вызвали своими неблаговидными поступками даже отвращеніе правительства, и наконецъ, когда греки начали зани-

маться контрабандой и притомъ продавали фальшивые товары, какъ, напр., вмѣсто драгоцѣнныхъ камней продавали стекло, то въ концѣ XVII вѣка имъ было запрещено совершенно торговать въ Московскомъ государствѣ.

Что касается украинской торговли, которая велась съ черкасами, то она только постепенно начинаетъ принимать болѣе оживленный характеръ съ половины XVII вѣка. Торговля сосредоточивалась сперва въ Путивлѣ, но потомъ переходитъ и въ другіе центры. Форма этой торговли оригинальна, именно потому, что Малороссія особенно терпѣла отъ отсутствія мануфактурной дѣятельности, вслѣдствіе чего торговля носила исключительно ярмарочный характеръ (въ Малороссіи шла, между прочимъ, выдѣланная въ Великой Россіи кожа). Въ XVII вѣкѣ особенно замѣчательна была *Свинская* ярмарка при Свѣнскомъ или Свинскомъ монастырѣ; что эта ярмарка была очень важна и ей придавали большое значеніе, видно, между прочимъ, изъ одного купеческаго челобитья XVII вѣка, гдѣ упоминаются только двѣ ярмарки: Макарьевская и Свинская.

Второе мѣсто послѣ путей, которые вели въ западную Европу, въ XVI и XVII вѣкахъ занималъ тотъ путь, который велъ къ Каспійскому морю, а черезъ него на юго-востокъ Азіи. Путь этотъ представляетъ намъ въ высшей степени интересъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мы замѣчаемъ, какъ постепенно мѣняются отношенія Россіи къ Азіи и западу Европы. Въ XVI вѣкѣ у насъ все еще чувствуется перевѣсъ восточнаго вліянія; но въ XVII вѣкѣ оно ослабѣваетъ и уступаетъ мѣсто западному вліянію; это видно на ввозимыхъ въ Россію товарахъ: въ описываемый періодъ мануфактурныя произведенія Европы начинаютъ понемногу вытѣснять мануфактурныя произведенія Востока. Отношенія эти измѣняются настолько, что со второй половины XVII столѣтія для Азіи мы въ извѣстной степени начинаемъ играть такую же роль, какую играли относительно насъ англичане. Всего удобнѣе прослѣдить для этого наши отношенія къ Персіи.

Сношенія съ Персіей въ XVI столѣтіи намъ представляются необыкновенно оживленными, но около первой половины XVII столѣтія они начинаютъ падать; для насъ Персія перестаетъ быть источникомъ, который удовлетворялъ бы всѣмъ нашимъ потребностямъ, но зато, съ другой стороны, для Персіи торговля съ Россіей становится во-

просомъ первой важности. Чтобы объяснить себѣ это, припомнимъ положеніе Персіи.

Въ то время Персія отдѣлялась отъ западной Европы, отъ Средиземнаго моря, турками-османами; какъ теперь между турецкимъ султаномъ и персидскимъ шахомъ нѣтъ дружелюбныхъ отношеній, такъ и тогда они находились въ постоянной враждѣ, при чемъ въ значительной степени содѣйствовала развитію вражды религіозная рознь между шіитами и суннитами. Враждебныя отношенія турецкаго султана заставляли персидскаго шаха искать въ дружелюбныхъ отношеній съ русскимъ царемъ, котораго историческія обстоятельства невольно поставили въ такія же отношенія къ Турціи, какъ и его самого. Въ то время англичане не успѣли еще утвердиться въ Индіи, потому мануфактурныя произведенія Европы могли проходить въ Персію однимъ путемъ — именно черезъ Россію. Вотъ чѣмъ объясняется, что персіяне начинаютъ въ высшей степени дорожить торговлей съ Россіей.

Если въ XVI вѣкѣ обрадованный русскій царь даетъ грамоты и привилегіи англичанамъ, привозящимъ въ Россію западные товары, то такія же привилегіи въ XVII столѣтіи даетъ персидскій шахъ Аббасъ II русскимъ купцамъ: дозволяетъ имъ торговать безпошлинно въ приморскихъ городахъ персидскаго государства. Отношенія между Персіей и Россіей становятся дружескими до такой степени, что, когда по окончаніи смутнаго времени русскіе нуждались въ деньгахъ и обратились къ сосѣднимъ государствамъ съ просьбою о займѣ, то изъ всѣхъ отозвалась только Персія,[1]) которая прислала Россіи извѣстное количество золота и серебра.

Путь въ Персію и среднюю Азію велъ по великой русской рѣкѣ — по Волгѣ. Главный исходный пунктъ этого пути былъ Нижній-Новгородъ, и чѣмъ болѣе Волга становилась рѣкою цивилизованнаго народа, тѣмъ болѣе на ея берегахъ, дикихъ и пустынныхъ, развивается цивилизованная жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигается впередъ Нижній Новгородъ, какъ исходный пунктъ этой жизни.

Мы знаемъ, что Нижній Новгородъ получилъ уже нѣкоторое торговое значеніе еще и раньше, но въ XVII вѣкѣ это значеніе значи-

[1]) Небольшая ссуда была дана Россіи и въ Англіи, но ее пришлось вернуть, послѣ того какъ московское правительство отказалось дать англійскимъ купцамъ дорогу черезъ Россію въ Персію.

тельно увеличилось. Въ этомъ столѣтіи въ Нижнемъ Новгородѣ впервые учреждаются государственныя таможни, въ которыхъ московское правительство собираетъ пошлину съ товаровъ, идущихъ на Востокъ; въ Нижнемъ Новгородѣ же собираются караваны судовъ, которые отсюда уже направляются въ Персію, и здѣсь сходятся, наконецъ, купцы изъ разныхъ мѣстностей: торговля принимаетъ видъ ярмарочной, кромѣ постоянной, потому что Нижній Новгородъ, какъ было сказано, есть самое удобное мѣсто на Волгѣ, гдѣ могутъ соединяться товары, идущіе изъ Сибири, съ товарами востока и запада.

Но надо замѣтить, что собственно ярмарочная торговля въ то время сосредоточивалась не въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ, а рядомъ съ нимъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится Макарьевскій Желтоводскій монастырь, подъ стѣнами котораго, по обычаю, происходили базары. Духовенство понимало всю выгоду и важность такихъ базарныхъ торговъ, ибо монастырямъ, часто строющимся въ малонаселенныхъ мѣстахъ, необходимо было имѣть подобные базары, чтобы монахи на нихъ могли закупать необходимыя произведенія на цѣлый годъ. Монастыри въ то время пользовались большими льготами, напримѣръ, приписывались монастырямъ крестьяне (тянуть монастырское тягло было легче, чѣмъ государственное); затѣмъ монастыри пользовались разными несудимыми грамотами, т.-е. правительство освобождало монастыри отъ своего свѣтскаго суда, ибо свѣтскій судъ пользовался далеко не блестящей репутаціей. „Московская волокита“ — такъ называлась процедура этого суда, славилась и на сѣверѣ, гдѣ подьячіе (по жалобѣ земскихъ людей 1642 г.) устроили себѣ на пóсулы (взятки) палаты „неудобосказаемыя“, славились и на Украйнѣ, гдѣ они хуже басурманъ разоряли жителей, наконецъ, славились и въ Псковѣ, гдѣ, по словамъ лѣтописца, прежняя правда на небеса улетѣла, а московская кривда поселилась въ городѣ. Монастырскій же судъ отличался большей справедливостью, и вотъ причина, почему около монастырей, при свободѣ отъ пошлинъ и отъ извѣстныхъ притязаній воеводъ и ихъ чиновниковъ, являются въ XVI и XVII вѣкахъ въ очень большихъ размѣрахъ базары. Для сѣвера Россіи такимъ монастыремъ является *Бѣлозерскій*, для юга — *Свинскій* и, наконецъ, для востока на Волгѣ выростаетъ ярмарка подъ стѣнами *Желтоводскаго* монастыря, и базаръ простой, созданный для удовлетворенія первостепенныхъ по-

требностей, принимает огромные размѣры и дѣлается первымъ внутреннимъ торговымъ пунктомъ Московскаго государства.

Всѣ эти привилегіи монастырей утверждаются Алексѣемъ Михайловичемъ и подтверждаются въ концѣ XVII столѣтія царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами.

Въ Нижнемъ Новгородѣ обыкновенно собирались караваны для дальнѣйшаго плаванія (караваны обыкновенно ходили дважды въ навигацію, а плаваніе это было далеко и небезопасно, — это мы можемъ сказать съ достовѣрностію, потому что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ подробный разсказъ о плаваніи по Волгѣ.

Въ 1632 г. Фридрихъ, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, снарядилъ въ Москву посольство подъ начальствомъ Крузіуса; посольство въ 1634 г. явилось къ Алексѣю Михайловичу съ просьбою о дозволеніи проѣхать въ Персію; секретаремъ этого посольства былъ Адамъ Олеарій, оставившій намъ весьма интересный разсказъ о своемъ путешествіи, — въ первой части этого разсказа и описывается поѣздка по Волгѣ. Разсказъ очевидца намъ чрезвычайно интересенъ, потому что онъ рисуетъ намъ великую русскую рѣку такою, какою она была за 200 лѣтъ назадъ. Въ путешествіи Олеарія прежде всего мы встрѣчаемся съ бѣдностью населенія по Волгѣ, состоявшаго большею частью изъ инородцевъ, какъ-то: чувашей, мордвы, черемисовъ и др. Естественно, что рѣка, берега которой были покрыты такимъ неразвитымъ населеніемъ, лишь постепенно дѣлалась русскою рѣкою. За городомъ Тетюшами Волга представляла совершенно другую картину, чѣмъ въ настоящее время: берега Волги были дики, пустынны и не заселены; теперешніе города на Волгѣ, напр., Симбирскъ, Саратовъ, Черный Яръ и др., получившіе такое значеніе впослѣдствіи, въ половинѣ XVII столѣтія или вовсе не существовали, или были простыми деревушками. Здѣсь, въ степи, очевидно, природа еще господствовала надъ человѣкомъ.

Путешествіе по Волгѣ прежде всего встрѣчало большое затрудненіе въ самой рѣкѣ, которая часто мелѣла и мѣняла свой фарватеръ, но главное препятстіе было со стороны степныхъ жителей, которыхъ соблазняла легкая нажива путемъ грабежа каравановъ, ходившихъ по великой русской рѣкѣ. Въ степи между Дономъ и Волгою жили казаки: подъ этимъ словомъ подразумѣвались и по-

стоянные жители степи, ходившие по Волгѣ, и разбойничьи шайки вольныхъ людей, т.-е. бѣглыхъ холоповъ. Эти воры собирались въ большія шайки и въ удобныхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Жигулевскихъ холмахъ, при устьѣ рѣки Урсы, и въ другихъ „укромныхъ“ мѣстахъ, подстерегали караванъ и очень часто, нападая на него, совершенно разграбляли. Живое описаніе Олеарія лучше всего рисуетъ намъ различныя опасности, которымъ подвергались караваны при плаваніи по Волгѣ. Напримѣръ, онъ описываетъ намъ, какъ ѣдущіе по Волгѣ вдругъ получаютъ извѣстіе, что въ одномъ мѣстѣ появились казаки и поджидаютъ купцовъ; ѣдущіе готовятся къ бою; капитанъ корабля производитъ ложныя тревоги, желая знать, дѣйствительно ли готовы его люди къ бою, а въ ожидаемомъ мѣстѣ принимаются особыя предосторожности и зорко высматриваются казаки. На берегу навалены бревна — сейчасъ является вопросъ: а что если это укрѣпленіе, которое сдѣлали казаки? — опять все приготовляется къ бою, пушки заряжаются, даже зажигаются фитили. Ѣдутъ рыбаки на лодкѣ, ихъ берутъ въ плѣнъ и задаютъ вопросъ: кто они, куда ѣдутъ и пр., по подозрѣнію, что это переодѣтые казаки, которые хотѣли лучше высмотрѣть состояніе корабля, рыбаки задерживаются до тѣхъ поръ, пока караванъ не проѣдетъ опасное мѣсто. Въ виду такихъ опасностей купцы обыкновенно пускались большими караванами, которые въ XVI вѣкѣ достигали весьма значительныхъ размѣровъ въ одинъ караванъ соединялось иногда до 500 торговыхъ судовъ[1]).

Иногда корабли отправлялись не такими массами, напр., когда часть ихъ опаздывала, — тогда при каждомъ отдѣльномъ караванѣ находилось конвойное судно, которое должно было предохранить

[1]) Суда, ходившія по Волгѣ, были самыя разнообразныя и многія изъ нихъ сохранились до настоящаго времени; напр., были дощаники, ногайцы и т. д. Эти суда, какъ и теперь, тянулись бечевой. Но и въ то время употреблялся и другой способъ движенія судна: маленькая лодка, называемая *забѣжкой,* брала съ судна якорь и длинный канатъ, забѣгала впередъ на длину каната и бросала якорь; между тѣмъ на суднѣ воротомъ канатъ этотъ навивался на судно, которое, хотя и медленно, но подвигалось впередъ. Это начало такъ называемаго кабестаннаго пароходства, мало-по-малу замѣняющаго въ настоящее время силою пара силу рукъ человѣческихъ и лошадей. Рисунокъ такого перваго русскаго судна въ небольшомъ размѣрѣ представилъ намъ Олеарій.

караванъ отъ разбойничьяго нападенія. Несмотря на то, что на конвойномъ суднѣ находились пушки и стрѣльцы, грабежи производились часто, и часто раздавался грозный, знакомый купцамъ крикъ: „сарынь на кичку“, т.-е. внизъ лицомъ, — хозяева падали внизъ лицомъ, а разбойники по-своему хозяйничали на кораблѣ. Иногда караванъ растягивался, тогда разбойники, пропустивъ переднія судна, нападали на отсталыя и производили грабежъ, прежде чѣмъ успѣетъ подать помощь неуклюжій конвойный карабль. Во многихъ мѣстахъ Волги начинаютъ выстраивать поселенія съ цѣлью уничтожить разбойничьи притоны, что показываетъ даже самое названіе этихъ селеній, напр., Черный Яръ, основанный во времена Алексѣя Михайловича на томъ мѣстѣ, гдѣ было одно изъ самыхъ сильныхъ побоищъ, — и Олеарій часто видалъ на берегахъ цѣлые ряды крестовъ, свидѣтельствовавшіе о подобныхъ сраженіяхъ.

Среди такихъ затрудненій и препятствій упомянутое голштинское посольство[1]) спустилось до Астрахани, бывшей главнымъ пунктомъ торговли и дѣятельности по низу Волги. Астрахань — старинный городъ выстроенный, вѣроятно, на мѣстѣ древняго Ителя; впослѣдствіи онъ подпалъ татарскому владычеству (сталъ называться Хаджи-Тарханъ или Астраканъ) и потерялъ свое прежнее торговое значеніе: въ Орду, раздираемую смутами и произволомъ, не всякій купецъ рѣшался везти свои товары, и хотя торговля не прекращается, но и не имѣетъ надлежащаго развитія. Когда съ половины XVI столѣтія русское государство крѣпкою ногою стало на Волгѣ, и Астрахань должна была принять русскаго воеводу, тогда значеніе Астрахани быстро увеличивается. Если главнымъ пунктомъ торговли съ Западомъ въ XVI и XVII столѣтіи является Архангельскъ и играетъ значеніе перваго русскаго пункта, то такое же значеніе на югѣ Россіи въ то время имѣла Астрахань, такъ какъ въ послѣдней, какъ и въ Архангельскѣ, появляется множество иностранныхъ частей, и въ Астрахани даже были еще болѣе разнообразные

[1]) Надо замѣтить, что корабль посольства отличался устройствомъ отъ русскихъ кораблей: онъ былъ способенъ къ плаванію какъ въ рѣкв, такъ и въ морѣ; впослѣдствіи для безопасности отъ разбойниковъ, которые стали слишкомъ смѣлы, былъ выстроенъ одинъ русскій большой корабль, получившій названіе „Орелъ“; но плаваніе этого корабля было непродолжительно — въ бунтъ Разина корабль этотъ былъ сожженъ.

представители народностей: этотъ городъ своею толкотнею живо напоминаетъ намъ разсказъ арабскаго писателя о торговомъ кварталѣ древняго Ителя. Въ Астрахани были и подворья для иностранныхъ гостей, изъ которыхъ особенное значеніе имѣло подворье *Гилянское* или Персидское, что показываетъ намъ, что торговля русскихъ съ персами была развита и обширна; персидскіе купцы были даже и въ Москвѣ, и тамъ былъ свой персидскій дворъ, но на Гилянскомъ подворьѣ толпилось болѣе персіянъ, чѣмъ въ Москвѣ. Для плаванія по морю изъ Астрахани снаряжались тоже корабли, ходившіе дважды въ годъ, весною и осенью, по Каспійскому морю, но такъ какъ Персія не отличалась изяществомъ постройки кораблей, то корабль голштинскаго посольства, по свидѣтельству Олеарія, произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе и вызвалъ всеобщее удивленіе.

Русскіе морскіе корабли обыкновенно назывались бусами, и большая часть бусъ принадлежала правительству. Каждая буса имѣла своего начальника воеводу и отправлялась въ путь прежде всего къ восточному берегу Каспійскаго моря, гдѣ въ то время была пристань, носившая названіе *Караганскаго* пристанища (теперешній мысъ Тнобъ-Караганъ).

Черезъ караванное пристанище и производилась торговля съ Средней Азіей; обыкновенно по прибытіи въ это мѣсто купцы отправляли гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ пріѣздѣ къ купцамъ Хивы и Бухары, Ургенча и др. мѣстностей средней Азіи. Мѣстные купцы по этому зову являлись съ своими товарами, и здѣсь происходилъ мѣновой торгъ; тѣ же купцы, которые желали сами отправиться въ Русь, имѣли право занять мѣсто на русскихъ бусахъ. Торговля бухаръ имѣла въ то время значительное развитіе: бухарцы съ торговыми цѣлями ходили не только въ караванное пристанище, но и въ Сибирь (по преимуществу въ гор. Тобольскъ, Тюмень, Тару, Томскъ, сдѣлавшіеся значительными торговыми центрами); такъ какъ для Сибири бухарскіе товары имѣли важное значеніе, то мѣстные купцы постоянно обращались къ московскому правительству съ просьбою покровительствовать этой торговлѣ, — иначе Сибирь осталась бы безъ предметовъ самой первой необходимости. Московское правительство, само желавшее завязать болѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Средней Азіей, охотно отзывалось на эти призывы, вполнѣ соотвѣт-

ствующіе его видамъ. Бухарскіе купцы, какъ намъ извѣстно, являлись не только въ Астрахань, но пріѣзжали и въ Казань, въ Москву, пробирались даже въ Архангельскъ для закупки заграничныхъ товаровъ изъ первыхъ рукъ.

Часть бусъ отъ караваннаго пристанища возвращалась назадъ, но другая часть продолжала свое плаваніе къ Каспійскому морю и направлялась въ Дербентъ, Баку, Шемаху и другіе города на юго-западномъ персидскомъ берегу Каспійскаго моря, который назывался *Гиляномъ* (отсюда и названіе подворья). Товары, привозимые купцами изъ Персіи, имѣли большое значеніе въ XVI вѣкѣ, но, какъ было сказано, уже въ слѣдующемъ же столѣтіи они постепенно замѣнялись мануфактурными произведеніями Европы. Товары эти были слѣдующіе: сафьянъ, шелковыя матеріи (шелководствомъ особенно славилась персидская провинція Гилянъ), парчи, ковры, скатерти, золотыя издѣлія, оружіе, еще сохранившее свою славу; изъ естественныхъ произведеній укажемъ на нешлифованные драгоцѣнные камни, жемчугъ и затѣмъ индійскіе товары. По причинѣ привоза послѣднихъ товаровъ въ Россію, англичане, голландцы и датчане, торгуя съ русскими, смотрѣли на Россію, какъ на мѣсто транзита для индійскихъ товаровъ, и англичане въ XVI столѣтіи впервые пытались чрезъ Россію завязать сношенія съ Индіей.

При Алексѣѣ Михайловичѣ мы встрѣчаемся и у русскихъ съ попыткою нашего купца пробраться въ Индію, поводомъ къ чему было посольство индійскаго султана *Бабера*. Въ 1667 г. князю *Козловскому* было предписано пробраться черезъ Иранъ въ Индію, чтобы завязать съ послѣдней прямыя торговыя сношенія; но если русское правительство запрещало иностранцамъ пробираться въ Индію черезъ свои владѣнія и вообще желало удержать за собою монополію персидской торговли, то и персидское правительство держалось точно такой же политики относительно русскихъ, и русское посольство не было пропущено въ Индію. Однако русскіе предпріимчивые люди задумали иначе пробраться въ Индію — черезъ Среднюю Азію; подъ начальствомъ гостя *Касимова* караванъ отправился черезъ Бухару и достигъ Индіи, русскіе однако потерпѣли неудачу: не говоря уже о томъ, что путь этотъ былъ слишкомъ труденъ, неудача произошла и отъ того, что на этихъ гостей подозрительно посмотрѣлъ самъ султанъ Ауренгазебъ, который

конфисковалъ всѣ товары и, выдавъ за нихъ незначительную сумму, отправилъ гостей опять въ Россію. Такъ неудачно кончились попытки русскихъ завязать прямыя сношенія съ Индіей.

Въ Нижній Новгородъ, кромѣ пути изъ Персіи по Волгѣ, шелъ другой путь — изъ Сибири. Мы уже знаемъ, какой по преимуществу товаръ шелъ изъ Сибири; теперь же прибавимъ нѣсколько словъ объ этой странѣ.

Сибирскія земли были открыты не сразу, а постепенно русскими промышленниками, которые, наслышавшись объ этой „золотой“ странѣ, шли въ глубь ея все далѣе и далѣе, разыскивая все новыя страны и покоряя эти новыя „землицы“ русскому государству. Много народностей встрѣчалось по этому пути, которые приходилось покорять; много тяжелаго и упорнаго труда со стороны русскихъ людей потребовало завоеваніе громадной страны, но, къ сожалѣнію, намъ мало извѣстны имена такихъ предпріимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, какъ, напримѣръ, Максима *Порфирьева*, который первый открылъ рѣку Ангару, *Бекетова*, *Галкина*, открывшихъ Лену и Енисей; *Хабарова* — смѣлаго и счастливаго путешественника, проникшаго на Амуръ, *Талбузина*, который съ упорствомъ защищалъ съ 500 человѣками городъ Албазинъ противъ 157 тысячъ человѣкъ китайцевъ и отступилъ только тогда, когда стѣны города были совершенно разрушены. Эти мелкія казацкія дружины, состоявшія изъ 40—50 чел., смѣло и славно вели свое дѣло, которое пополняло оскудѣніе лѣсовъ сѣвера.

Конечно, въ тѣ времена Сибирь не могла представлять правильнаго устройства, и, дѣйствительно, въ Сибири были самые вопіющіе безпорядки: корысть дружинъ часто вызывала негодованіе туземцевъ, многочисленныя шайки, появлявшіяся одна за другой въ странѣ, занималась грабежомъ, а иногда сами дружины воевали другъ съ другомъ. Къ тому же воеводы, пользуясь отдаленностью Сибири отъ центра русскаго государства, даже въ XVIII и началѣ XIX столѣтія позволяли себѣ самыя вопіющія злоупотребленія: напр., особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи князь *Гагаринъ* при Петрѣ Великомъ и знаменитый *Пестель* при Александрѣ I.

Этотъ произволъ сильно стѣснялъ купцовъ, отдавая ихъ во власть чиновниковъ, при чемъ еще гнетъ усиливало само правительство, которое изъ торговли мѣхами дѣлало монополію.

Такимъ образомъ, въ XVI и XVII стол. въ Сибири мы встрѣчаемъ

лишь первые зародыши торговли; первымъ городомъ по своей торговлѣ (въ то время сибирской, теперь же европейской), было Верхотурье. Изъ сибирскихъ же городовъ, по своей торговлѣ съ Средней Азіей, имѣлъ большое значеніе только *Тобольскъ*, куда сходились и товары, привозимые изъ Россіи. Товары эти, вслѣдствіе отдаленности страны и ея малолюдства, были слѣдующіе: хлѣбъ изъ Россіи, которымъ снабжался весь Сибирскій край, разныя сукна, матеріи, посуда и вообще предметы самой первой необходимости. Изъ Тобольска русскіе торговцы и промышленники пускались внутрь Сибири и достигали Енисейска, гдѣ уже съ 1677 г. былъ гостиный дворъ и таможенная изба, далѣе они проникали въ бассейнъ Лены (торговали въ Якутскѣ и Охотскѣ) и область р. Амура. Съ половины XVII же столѣтія въ Сибири поднимается и другой городъ — *Нерчинскъ*, который къ концу вѣка имѣлъ такое же значеніе, какое имѣетъ теперь Кяхта, а именно: въ Нерчинскѣ сосредоточилась торговля съ Китаемъ[1]). Пути, ведшіе изъ этихъ городовъ, сначала сосредоточивались въ Казани, а потомъ уже начали сосредоточиваться въ Нижнемъ Новгородѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ обозрѣніе тѣхъ путей, которые существовали въ Россіи и Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

IX.

Эпоха преобразованій въ Московскомъ государствѣ и Петровскія реформы.

Во второй половинѣ XVII столѣтія является сознаніе, по крайней мѣрѣ, въ средѣ лучшихъ русскихъ людей, тѣхъ недостатковъ, которыми страдало тогдашнее общество и государство. Во всѣхъ

*) Русско-китайская торговля началась съ попытки одного изъ смѣлыхъ русскихъ предпринимателей проникнуть въ предѣлы Китая. Въ 1655 г. нѣкій Ѳеодоръ Байковъ, отправившись изъ Табольска въ Китай „для присматриванія въ торгахъ и товарахъ и въ прочихъ тамошнихъ поведеніяхъ“ достигъ Пекина. Съ тѣхъ поръ завязалась торговля съ Китаемъ, и въ 1689 г. въ Нерчинскѣ былъ заключенъ торговый трактатъ о взаимной свободной торговлѣ русскихъ и китайцевъ. Чрезъ 10 лѣтъ въ Нерчинскѣ былъ устроенъ особый гостинный дворъ.

сферахъ его дѣятельности, а также и въ области торговли, замѣчаемъ мы, является стремленіе къ извѣстнаго рода преобразованіямъ, реформамъ. Если бы мы познакомились съ тѣмъ, каковы были эти реформы, мы бы узнали сущность этихъ недостатковъ.

Въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія при дворѣ Алексѣя Михайловича выдвигается человѣкъ незнатнаго рода, но съ талантливою головою, человѣкъ, получившій хорошее образованіе и умѣвшій воспользоваться своимъ образованіемъ для служенія своему государству; человѣкъ этотъ не даромъ заслужилъ отъ нѣкоторыхъ историковъ названіе предтечи преобразователя — рѣчь идетъ объ Аѳанасіи Лаврентьевичѣ Ордынъ-Нащокинѣ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, присматривался къ тому, что дѣлалось въ западной Европѣ, и сознавалъ необходимость для русскихъ людей поучиться у своихъ сосѣдей ихъ болѣе развитому строю жизни. Получивъ мѣсто псковскаго воеводы, Ордынъ-Нащокинъ посмотрѣлъ на дѣло не съ той точки зрѣнія, съ которой обыкновенно относились другіе воеводы къ своей службѣ, — съ точки патріархальнаго кормленія; ему хотѣлось поднять, возвысить своихъ людей. И здѣсь-то, на границѣ съ Европою, присматриваясь къ тому, что дѣлается на Западѣ, онъ впервые увидѣлъ тѣ недостатки, которые впослѣдствіи старался искоренить. Прежде всего онъ замѣтилъ, что русскіе не могли, не были въ состояніи выдержать конкуренціи съ иностранцами. Послѣдніе вступали обыкновенно въ общины, компаніи, чѣмъ и способствовали успѣшному ходу торговли, — у насъ ничего подобнаго не было. Для того, чтобы сколько-нибудь пособить недостатку и поднять самостоятельность русскихъ торговцевъ, особенно тѣхъ, которые имѣли небольшія средства и вслѣдствіе этого попадали въ извѣстную кабалу къ иностраннымъ капиталистамъ, онъ предложилъ богатымъ псковскимъ людямъ помогать нуждавшимся. Наконецъ, чтобы поддержать ихъ дѣятельность, онъ устроилъ нѣчто въ родѣ ссуднаго банка изъ средствъ воеводства (изъ земской избы стали выдавать деньги торговцамъ, имѣющимъ въ нихъ нужду) и вмѣстѣ съ тѣмъ постарался уничтожить нѣкоторыя монополіи. Особенно тяжела была одна монополія, именно питейная, такъ какъ продажа вина составляла исключительную собственность казны. Нащокинъ ввелъ у себя, въ Псковѣ, вольную продажу вина. Немного успѣлъ сдѣлать Ордынъ-Нащокинъ въ Псковѣ, какъ былъ уже отозванъ въ

Москву,—и за временемъ реформъ наступала извѣстная реакція. Люди старины были недовольны всѣми его нововведеніями, особенно тѣмъ, что онъ хотѣлъ поднять меньшихъ людей, сами же меньшіе люди не умѣли сладить съ новыми, непривычными для нихъ порядками. Вызванный въ Москву и пользуясь довѣріемъ царя, Нащокинъ могъ однако имѣть большое вліяніе и значеніе на все государство. Въ политическомъ отношеніи это былъ первый человѣкъ, который спустя много лѣтъ возобновилъ политику Іоанна IV и Бориса Годунова и требовалъ сближенія съ Западомъ, для чего совѣтовалъ пріобрѣсти берега Балтійскаго моря. Для насъ особенно важны его реформы въ торговомъ отношеніи: большею частью ему обязанъ своимъ появленіемъ торговый уставъ 1667 г. Этотъ уставъ старался поднять дѣятельность русскихъ купцовъ и сколько-нибудь ослабить монополистическое преобладающее вліяніе иностранцевъ; съ этой цѣлью онъ запрещалъ иностранцамъ мелочную торговлю и торговлю внутри Россіи, дозволяя имъ торговать только въ Архангельскѣ, и въ то же время пытался придать извѣстную корпоративную организацію русскимъ заграничнымъ торговцамъ для торговаго суда и сбора пошлинъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что уставъ 1667 г. былъ плодомъ системы протекціонизма, которая господствовала во всей Европѣ. Эта была та система, главнымъ представителемъ которой былъ современникъ Ордынъ-Нащокина, знаменитый французскій министръ Кольберъ. Аѳанасій Лаврентьевичъ является у насъ первымъ представителемъ этой новой системы [1]). Надо замѣтить, что въ то время эта

[1]) Система протекціонизма состояла въ охранѣ національной промышленности отъ чужеземнаго соперничества путемъ 1) обложенія высокими таможенными пошлинами иноземныхъ произведеній, съ цѣлью сократить ихъ привозъ, поднять на нихъ цѣну и тѣмъ самымъ возвысить прибыль владѣльцевъ туземныхъ фабрикъ, производящихъ тѣ же издѣлія (хотя бы по своему достоинству эти издѣлія туземнаго производства стояли несравненно ниже произведеній иностранцевъ); 2) наложенія пошлинъ на вывозъ сырыхъ матеріаловъ; 3) запрещенія вывоза усовершенствованныхъ орудій съ цѣлью лишить иноземцевъ возможности пользоваться выгодами новыхъ изобрѣтеній; 4) запрещенія вывоза опытныхъ мастеровъ, дабы не распространять усовершенствованныхъ способовъ производства; 5) выдачи денежныхъ субсидій, монополій, премій и пр. для поощренія мѣстной промышленности и т. д. Такимъ образомъ, система протекціонизма стремилась къ тому, чтобы данная страна

система была совершенно необходима для развитія народа: ею обусловливалась независимость одного народа отъ другого. Въ этомъ желаніи освободить свой народъ отъ вліянія иноземцевъ ясно чувствуется сознаніе того недостатка, который давалъ себя знать и въ XVI вѣкѣ: именно недостатка самостоятельной дѣятельности, подчиненіе иностранцамъ, что мы видѣли въ торговлѣ Новгорода съ Ганзою. Горькій опытъ долженъ былъ привести русскихъ людей къ убѣжденію о невыгодности такого господства иностранцевъ для развитія отечественной промышленности и торговли, и, негодуя на англійскаго царя, т.-е. Ивана Васильевича IV (такъ называли его за любовь къ англичанамъ), русскіе купцы старались избавиться отъ вліянія иноземцевъ и постоянно настаивали на ихъ изгнаніи и ограниченіи ихъ правъ. Но, съ другой стороны, въ Ордынъ-Нащокинѣ чувствуется вліяніе того, что дѣлалось въ западной Европѣ. Почти въ каждой своей реформѣ онъ ссылается на примѣры „иностранныхъ, чужихъ земель“: еще въ Псковѣ онъ устраиваетъ безпошлинные торги „по примѣру чужихъ земель“. Иностранныя государства наиболѣе всего заботились о развитіи торговли и считали ее въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. И у насъ прежде на торговлю также смотрѣли, какъ на нѣчто важное, но не было яснаго, можно сказать, научнаго сознанія органической связи между народнымъ благосостояніемъ, политическимъ могуществомъ и торговлею. Впервые въ Ордынъ-Нащокинѣ мы видимъ человѣка, для котораго эта истина дѣлается сознательно ясною. Стараясь освободить русскую торговлю отъ подавляющаго вліянія иноземцевъ, онъ своимъ торговымъ уставомъ уничтожаетъ различныя мѣры стѣснительныя для ся внутренняго развитія. Торговый уставъ отмѣняетъ безчисленное множество существовавшихъ пошлинъ, какъ-то: мостовая, гостинная, сотенная, вѣсчая и друг., которыя, конечно, значительно стѣсняли тор-

сама производила все то, что ей необходимо. Эта система явилась результатомъ распространившагося въ XVII в. ученія, получившаго названіе меркантилизма. Тогда господствовало мнѣніе, что богатство страны измѣряется количествомъ находящихся въ ней денегъ, вслѣдствіе чего правительство должно стремиться увеличить по возможности вывозъ товаровъ и уменьшить ввозъ ихъ, продавать отечественные товары по дешевой цѣнѣ и покупать иностранные товары по цѣнѣ дорогой.

говое движеніе. Затѣмъ торговый уставъ старается какъ-нибудь изъ купцовъ, дѣйствовавшихъ въ разбродъ, составить нѣчто цѣлое, для этого онъ предлагаетъ устроить приказъ „купецкихъ дѣлъ“, который бы исключительно „вѣдалъ торговыя дѣла“. Въ первый разъ, слѣдовательно, торговля выростаетъ въ сознаніи правительственныхъ людей русскихъ на степень самостоятельной отрасли, которая нуждается въ особомъ управленіи и покровительствѣ. Дѣйствительно, по мысли Ордынъ-Нащокина, устраивается приказъ „купецкихъ дѣлъ“. Это былъ важный шагъ впередъ. Наконецъ, въ томъ же уставѣ является первая попытка облегчить положеніе русскихъ гостей и вообще всего городского сословія, такъ какъ у этого сословія, собственно говоря, почти не было опредѣленныхъ правъ. Торговые, посадскіе люди и люди черныхъ сотней — всѣ подвергались значительнымъ стѣсненіямъ: обременительно было и тягло государево, которое должны были они нести; тяжело имъ было и отъ податей, отъ притѣсненій властей — воеводъ, посадниковъ и т. п., отъ которыхъ ихъ нужно было избавить. Торговый уставъ старается облегчить ихъ положеніе. Такимъ образомъ въ реформѣ Ордынъ-Нащокина ясно высказываются недостатки русскаго общества XVI и XVII столѣтій: 1) отсутствіе самостоятельной дѣятельности, какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ, вслѣдствіе чего русскіе подпали подъ вліяніе иностранцевъ; 2) отсутствіе сознанія необходимости развитія городского сословія, которое на Западѣ образовалось еще въ XII и XIII столѣтіяхъ и достигло въ средніе вѣка значительнаго развитія, вызвавъ тѣмъ самымъ появленіе такихъ замѣчательныхъ торговыхъ центровъ, какъ города Италіи, фламандскіе и ганзейскіе, — у насъ ничего подобнаго не было; 3) торговля не выросла въ сознаніи народа, и правительство, само усердно занимаясь торговлею, не понимало однако же ея государственнаго и народнаго значенія.

Итакъ, первыя попытки устранить эти недостатки сдѣланы были во второй половинѣ XVII вѣка. Аѳанасія Лаврентьевича называютъ предтечею великаго преобразователя, и онъ заслуживаетъ вполнѣ этого имени; онъ дѣйствительно былъ лучшимъ представителемъ того времени, когда, хотя и смутно, но уже сознавалось приближеніе переворота, какъ бы чувствовалось нарожденіе тѣхъ реформъ, которыя

двинутъ русскую землю по новому пути и закончатъ такъ называемый московскій періодъ ея жизни.

Въ XVI и XVII вѣкахъ выполняется важная задача: совершается постепенно объединеніе земли русской. Страна суздальская вырастаетъ въ продолженіе двухъ этихъ столѣтій прежде въ царство Московское, а потомъ, присоединивъ Малороссію, въ государство Россійское. Если въ это время и не вполнѣ еще рѣшилась задача объединенія, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени опредѣляется дальнѣйшее развитіе страны. Суздальская земля, расширяя свои предѣлы и объединяя въ этихъ предѣлахъ землю русскую, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была выйти изъ своего замкнутаго, провинціальнаго положенія. Земля суздальская тянула на востокъ, но земля русская по своему положенію на востокъ тянуть не могла. Несмотря на всѣ препятствія, объединеніе происходитъ, и общія географическія условія всей страны рано или поздно должны были сблизить Россію съ остальною Европою. Это сближеніе невольно совершалось, начиная съ XVI в., хотя и сознавалось только лучшими людьми того времени. Мы видимъ, какъ понемногу начинаютъ господствовать западные интересы, и какъ это господство появляется не въ видѣ какого-нибудь единичнаго усилія и требованія, но очень часто невольно, почти инстинктивно: нужда заставляетъ русскихъ обращаться къ западнымъ мастерамъ; нужда заставляетъ обращаться къ западному военному строю; наконецъ, нужда доставляетъ перевѣсъ товарамъ европейскимъ надъ товарами Востока на нашихъ рынкахъ. Матеріальные интересы такимъ образомъ влекутъ насъ къ Европѣ. Но вслѣдъ за матеріальными интересами вырастаютъ интересы и духовные. Сближеніе съ Западомъ необходимо было для русскихъ людей. Это входитъ въ сознаніе даже людей, не отличавшихся особенной энергіей характера. Представителемъ подобнаго рода людей является „Тишайшій“ царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ не былъ созданъ для какого-либо поворота, не былъ способенъ къ энергическимъ реформамъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ сильно сказывалось вліяніе запада, — вліяніе, проявляющееся даже въ мелочахъ, напримѣръ, въ житейской обстановкѣ; и если Алексѣй Михайловичъ уже рѣшился, хотя и не безъ трепета душевнаго, ходить въ „комедійную храмину“, то это было знаменіемъ новаго времени, по требованіямъ котораго русскій царь даетъ иностранное воспитаніе своимъ дѣтямъ.

Но рѣзко поворотить къ Западу было трудно, должна была быть какая-нибудь промежуточная ступень; такая промежуточная ступень нашлась. Прежде чѣмъ насталъ періодъ вліянія западнаго, для насъ былъ періодъ вліянія польскаго, во второй половинѣ XVII вѣка. Знакомство съ Западомъ началось для насъ сближеніемъ съ южнорусскими людьми, которые отстаивали свою вѣру и національность отъ поляковъ и отстаивали средствами, заимствованными отъ тѣхъ же поляковъ, ибо школа южнорусская, боровшаяся съ іезуитами, была построена на іезуитскій манеръ. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII вѣка, какъ впослѣдствіи языки нѣмецкій и французскій, для извѣстнаго, небольшого числа образованныхъ московскихъ людей польскій языкъ сдѣлался языкомъ моды; являются польскіе учителя, которые даютъ русскимъ людямъ западно-европейское образованіе и подготовляютъ ихъ къ перевороту, совершившемуся при Петрѣ Великомъ. Не нужно забывать, что не будь этого польскаго полуперіода, и дѣятельность Петра не могла бы существовать: онъ не нашелъ бы себѣ помощниковъ для этого въ высшихъ слояхъ общества.

Западное вліяніе на русскихъ людей сказывалось очень разнообразно. Подъ вліяніемъ Запада вырабатывается личность Аѳанасія Лаврентьевича, который умѣлъ учиться, не теряя своей самостоятельной воли и національнаго сознанія; но вмѣстѣ съ подобною личностью является въ то время масса людей, которая не была въ состояніи удержать свою національность и которая сильно подпала вліянію иноземцевъ: таковы, напримѣръ, Измайловъ, Воинъ Нащокинъ, Котошихинъ и др. Измайловъ, сынъ смоленскаго воеводы, есть плодъ смутнаго періода, когда сразу нахлынулъ на Россію польскій элементъ, увлекшій въ своемъ теченіи массу русскихъ людей; Измайловъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относится къ русскимъ: „Гдѣ уже нашему московскому плюгавству бороться съ такимъ рыцарствомъ“, говоритъ онъ и подъ Смоленскомъ входитъ въ сношенія съ поляками. Воинъ Аѳанасьевичъ, сынъ преобразователя, поступаетъ еще рѣзче. Получивъ западное образованіе отъ польскаго шляхтича-учителя, онъ не можетъ примирить того, что онъ узналъ вновь, съ тѣмъ, что его окружало, и если отецъ его старается изо всѣхъ силъ, чтобы воспользоваться опытностью Запада и подвинуть впередъ Русское государство, сынъ покидаетъ

свою родину и дѣлается русскимъ эмигрантомъ точно такъ же, какъ и знаменитый подъячій посольскаго приказа Григорій Котошихинъ, который написалъ очень интересное сочиненіе о Московскомъ государствѣ.

Итакъ въ XVII вѣкѣ все болѣе и болѣе появляется сознаніе необходимости реформъ, — сознаніе недовольства своимъ настоящимъ. Реформа чувствуется; она должна во всякомъ случаѣ непремѣнно произойти, но эта реформа должна была имѣть крутой и рѣзкій характеръ.

Много, конечно, условій вызвало то, что земли суздальская и московская замкнулись въ самихъ себѣ. Главнымъ образомъ, эта замкнутость была результатомъ лѣсного уединенія, потому-что въ лѣса приходилось бѣжать отъ дикихъ, степныхъ сосѣдей; въ лѣсу приходилось обрабатывать свою самостоятельность, но глухая, вѣковая жизнь не можетъ быстро измѣниться, также и человѣкъ, выросшій въ степи, въ кельѣ, не можетъ сразу выступить дѣятельнымъ членомъ общества. Если прибавить къ этому несомнѣнные и вредные слѣды вліянія господства степного, именно періодъ татарщины, то ясно будетъ, почему русская земля выработала въ себѣ извѣстныя основы нетерпимости, замкнутости и почему такъ долго не чувствовалось необходимости сближенія съ другимъ народомъ. Насъ не должно изумлять, почему съ паденіемъ Греціи, которая постоянно поддерживала отвращеніе русскихъ къ Западу, русскій человѣкъ былъ убѣжденъ, что единственная земля, гдѣ сохранилась истинная религія и вѣра, есть земля свято-русская. Только рядъ горькихъ опытовъ приводитъ его къ сознанію, что есть земли, порядки которыхъ лучше порядковъ земли свято-русской. Но сознаніе это не скоро могло проникнуть въ массу; оно сначала сдѣлалось достояніемъ лучшихъ людей. Такихъ людей было не много; напротивъ, больше было людей старины, и они постоянно оказывали сопротивленіе реформамъ. Вы припомните, что еще въ XVI вѣкѣ Берсенъ-Беклемишевъ жалуется, что такая земля не долго стоитъ, которая „премѣняетъ свою старину, свои старые обычаи". Берсенъ-Беклемишевы были во всякое время, и потому приверженцы старины всегда составляли массу, которая замедляла прогрессивное движеніе впередъ. Не безъ борьбы, не безъ переворота совершается это движеніе. Если реформа подготовлялась понемногу, если она и чув-

ствовалась смутно въ русскомъ обществѣ, то необходимо было повернуть рѣзко и круто. Нужно было, чтобы народъ получилъ толчокъ. Однимъ словомъ, общая идея вѣка должна была найти себѣ индивидуальное воплощеніе. Законъ исторіи говоритъ намъ, что ни одинъ великій человѣкъ не является совершенно независимо отъ времени и народа, но тотъ же примѣръ исторіи указываетъ намъ на то, что великія идеи находили себѣ обыкновенно воплощеніе въ одной личности. Такъ совершилось объединеніе западныхъ европейцевъ во времена Карла Великаго, такъ совершилась и реформація и т. д. Не нужно забывать, что отдѣльныя личности имѣютъ важное вліяніе и значеніе въ исторіи. Личность, которая живо выражаетъ въ себѣ одной всѣ идеи, смутно чувствуемыя большинствомъ, называется великимъ человѣкомъ. При переходѣ изъ одного состоянія въ другое необходимо былъ такой человѣкъ. И такой великій человѣкъ долженъ былъ явиться и въ русской землѣ. Двумя реформаторами, которые опредѣлили и обозначили собою переходъ отъ одного періода къ другому, отъ XVII до XVIII вѣка, являются два лица, тѣсно связанныя между собою. Оба они не были людьми тихой, умѣренной реформы, въ которой находилъ свое выраженіе Алексѣй Михайловичъ. Это были люди крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ — патріархъ Никонъ и Петръ Великій.

Мы видимъ, что Петръ Великій есть воплощеніе самосознанія русскаго народа XVII вѣка; онъ выражаетъ въ себѣ лично, явно то, что чувствовалось, какъ бы носилось въ воздухѣ. Современникъ Петра Великаго, знаменитый крестьянинъ писатель Посошковъ, замѣчаетъ, что „государь самъ-другъ, самъ-третей въ гору тянетъ, а милліоны тянутъ подъ гору“, — фраза эта является выраженіемъ только видимости, большей частью обманывающей.

Дѣйствительно милліоны тянули подъ гору не только потому, что жизнь ихъ измѣнялась, а потому, что жить въ эпоху реформъ въ высшей степени тяжело, — тяжело даже въ отношеніи матеріальномъ, финансовомъ. Вотъ почему эта тяжесть и трудность вызываетъ такого рода характерный отзывъ о Петрѣ: „Міроѣдъ“ — называли его. „Весь міръ переѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ на царство сѣлъ, красныхъ дней не видно, все рубли да полтины“. Какъ бы то ни было, тому, что реформа Петра Великаго не умерла вмѣстѣ съ нимъ, содѣйствуетъ то обстоятельство, что, какъ мы

увидимъ впослѣдствіи, эта реформа особенно сильно сказалась въ періодъ правленія его преемниковъ. Лозунгъ этой реформы былъ одинъ: энергическая самодѣятельность народа; самодѣятельность есть самостоятельность народа, и, слѣдовательно, эта реформа опиралась на народную самостоятельность.

Общая идея реформъ Петра Великаго, какъ извѣстно, заключалась въ желаніи ввести русскій народъ въ систему народовъ западной Европы, развить и усовершенствовать политическій и общественный строй его жизни до той степени, которую выработала себѣ западная Европа, благодаря болѣе выгоднымъ условіямъ, въ которыхъ она была поставлена исторіею. Вводя русское государство въ систему государствъ Европы, Петръ Великій желалъ учиться, но не оставаться постоянно на степени ученика-подражателя и вступить въ ихъ среду въ качествѣ самостоятельнаго члена. Подражаніе учителямъ у него не являлось цѣлью, а было только временною необходимостью. Имѣя такого рода взгляды и идеалы, Петръ Великій, естественно, долженъ былъ обратить вниманіе на русское общество во всѣхъ его отправленіяхъ. Матеріальное развитіе стояло у него на первомъ планѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что ни одинъ русскій государь не отдавался такъ заботливо наблюденію за интересами торговыми и промышленными, какъ Петръ, видѣвшій въ развитіи ихъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ пріобщить Россію къ западно-европейской культурѣ. Желая поставить русское государство въ политическомъ отношеніи выше, чѣмъ оно прежде стояло, ему необходимо было достигнуть моря. Море было нужно Петру Великому, какъ международное нейтральное поле. Инстинктивно сознавалъ Петръ Великій ту идею, что великое государство и великій народъ не можетъ обойтись безъ моря, ибо безъ моря невозможна полная самостоятельность, независимость отъ другихъ народовъ. Ведя войну съ Швеціей, Петръ потребовалъ отъ своего народа напряженія не только силъ умственныхъ, но и силъ матеріальныхъ. Для войны необходимы были деньги — не даромъ онъ говорилъ, что „деньги есть артерія войны“. Деньги при неразвитомъ состояніи нашихъ финансовъ добывались съ трудомъ: извѣстно, что у насъ не было правильной денежной системы; но, съ другой стороны, неразвитая денежная система была только результатомъ нашей неразвитой промышленной

и торговой дѣятельности — такъ тѣсно и неразрывно связывались между собою разнородные интересы. Поставить русскій народъ на самостоятельную почву, поставить такъ, чтобы онъ не зависилъ отъ иноземцевъ, чтобы онъ развилъ себя самостоятельно, ибо вся наша торговля находилась въ полной зависимости отъ западныхъ монополистовъ,— вотъ въ чемъ заключалась идея Петра Великаго. Мысль эта была великая; будучи приведена въ исполненіе, она необходимо должна была выдвинуть впередъ русскій народъ. Чувствовалась и сознавалась она и до Петра Великаго, но недоставало энергіи, чтобы сразу двинуться по новому пути. Трудно было сразу отрѣшиться отъ своей апатіи, неумѣнія пользоваться тѣмъ, что давала природа.

Для того, чтобы дѣйствительно совершить переворотъ, Петру Великому необходимо было обратить вниманіе на слѣдующія стороны общественной жизни. Во-первыхъ, необходимо было сдѣлать что-нибудь для того сословія, которое занималось промышленностью и торговлею. Въ XVII столѣтіи это сословіе было въ неудовлетворительномъ положеніи: не было городского, опредѣленнаго сословія, не было сословія ремесленниковъ, не было ничего того, что могло бы обезпечить ихъ положеніе; оно тянуло тягло государево и вмѣстѣ съ тѣмъ находилось очень часто въ рукахъ самовластныхъ воеводъ. Вслѣдствіе этого русскіе люди привыкли дѣйствовать отдѣльно; единства дѣйствій у нихъ не было. Въ то время, когда западные иностранцы, еще со времень Ганзы, дѣйствовали сообща, русскіе этому сплошному, дисциплинированному войску не могли противоставить ничего, кромѣ нестройныхъ дружинъ. Причины, по которымъ русскія войска терпѣли пораженія отъ регулярныхъ иностранныхъ войскъ, и причины, по которымъ русскіе купцы не могли конкурировать съ иностранцами, были тождественны и заключались главнымъ образомъ въ той нестройной толпѣ, которую представляли наши войска, и въ той отдѣльной торговлѣ, которая велась въ разбродъ. Устранить эти причины было необходимо. И дѣйствительно, Петръ Великій съ самаго начала своего царствованія обратилъ на это серіозное вниманіе и вездѣ въ своихъ реформахъ старался ввести коллегіальное устройство на европейскій образецъ. Въ 1700 году онъ издаетъ указъ, по которому русскимъ людямъ предоставляется дѣйствовать компаніями. Причина превосходства

западной торговли передъ русскою именно и заключалась въ томъ, что тамъ торговля производилась сообща, компаніями. Русскимъ купцамъ было приказано также составить такую компанію и отправлять свои товары въ Архангельскъ вмѣстѣ, а не отдѣльно. Попытка Петра Великаго устроить торговую компанію возбудила сильное опасеніе въ средѣ иностранныхъ купцовъ, которые боялись выпустить изъ своихъ рукъ Россію и потерять монополію, такъ какъ Россія у нихъ во многихъ отношеніяхъ была золотымъ дномъ. Голландскій резидентъ Ванъ-деръ-Гульдъ съ большимъ опасеніемъ доносилъ Штатамъ объ этомъ намѣреніи русскаго царя и принималъ, съ своей стороны, всѣ усилія, чтобы затормозить это дѣло, и, къ сожалѣнію, оно дѣйствительно затормозилось и затормозилось само собою, безъ вліянія иноземцевъ. Черезъ нѣсколько времени Ванъ-деръ-Гульдъ не безъ удовольствія доносилъ, что замыселъ царя не состоялся, потому что русскіе купцы не привыкли еще къ компаніямъ[1]). Если дѣло это не устроилось, то все-таки оно не пошло по старому. Если нельзя было купцовъ соединить въ компанію, то Петръ попытался по возможности дать имъ общее устройство и управленіе и составить изъ нихъ отдѣльное сословіе. Какъ табель о рангахъ устраиваетъ у насъ опредѣленное сословіе, дворянское или шляхетское, какъ выражались тогда, изъ сброда служилыхъ людей, то такого же рода законодательство создаетъ особое купеческое сословіе. Естественно было, пытаясь создать это сословіе, слѣдовать западнымъ, уже готовымъ образцамъ. На Западѣ купеческое сословіе пользовалось особыми привилегіями и законами въ разныхъ мѣстностяхъ различными, но наиболѣе были регламентированы эти привилегіи въ законахъ города Магдебурга; вотъ почему магдебургское право сдѣлалось господствующимъ въ западной Европѣ, перешло въ Польшу, а оттуда и къ намъ при Петрѣ Великомъ. Уже въ 1699 году была устроена у насъ въ Москвѣ такъ называемая Бурмистровская палата или ратуша, гдѣ должны были принимать участіе выборные люди изъ городского сословія. Должность ихъ состояла въ томъ, что они завѣдывали городскими

[1]) Торговыя компаніи стали возникать у насъ лишь въ половинѣ XVIII в. и то не для западной, а для юго-восточной торговли, въ которой иностранцы не могли являтся опасными конкурентами.

дѣлами, распредѣляли налоги и подати. Оберъ-инспекторомъ этой ратуши, которому были поручены всѣ остальныя, былъ назначенъ извѣстный прибыльщикъ Петра Великаго Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ людей, выдвинувшихся въ царствованіе Петра Великаго. Бывшій дворецкій и крѣпостной боярина Шереметьева, Курбатовъ вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ за границу, гдѣ присматривался къ образцамъ и издалъ проектъ о гербовой „орленой“ бумагѣ. Петръ оцѣнилъ достоинство этого проекта и выдвинулъ Курбатова впередъ. Послѣдній сдѣлался родоначальникомъ цѣлой массы людей, которые должны были помогать Петру Великому въ матеріальномъ отношеніи; отсюда они получили названіе государевыхъ прибыльщиковъ, ибо они разыскивали государеву прибыль.

Новое учрежденіе, конечно, не могло сразу ужиться съ русскими нравами. Трудно было перемѣнить то, что устраивалось вѣками. Самое учрежденіе во многихъ случаяхъ не приносило желаемыхъ результатовъ; попрежнему воеводы оставались сильны, попрежнему властвовали они надъ старыми людьми и относились къ своей должности по старой привычкѣ, какъ къ кормленію, привычкѣ, которая болѣе, чѣмъ какая другая, укоренилась въ русской землѣ; и сами выборные обвиняли и притѣсняли тѣхъ же людей, которые ихъ выбирали. Петръ вездѣ проводилъ мысль объ общности, о равенствѣ; вездѣ у него начальствующее лицо было „не яко владыко, но яко президентъ,“ и вездѣ эта основная его мысль плохо прививалась къ непривычнымъ къ ней людямъ. Но онъ тѣмъ не менѣе не останавливался на этихъ неудачахъ и уже въ послѣдній годъ своей жизни ввелъ въ Россіи магдебургское право въ обширныхъ размѣрахъ и привелъ городское самоуправленіе къ должному порядку. Именно въ 1723 году былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, цѣль которыхъ ясно была выражена имъ самимъ: *русскаго купечества разсыпанную храмину паки собрать.* Для этого городское сословіе, по обычаю Запада, было раздѣлено надвое: на собственно купцовъ и на бывшихъ посадскихъ людей, получившихъ новое названіе „мѣщанъ“ (съ польскаго „място“ — городъ). Купцы были раздѣлены по европейскому образцу на 2 гильдіи; дѣленіе это основывалось на количествѣ оплачиваемаго капитала и взимаемыхъ пошлинъ. Ремесленники были раздѣлены на цехи.

Такимъ образомъ, гильдейское и цеховое устройства были цѣликомъ перенесены къ намъ съ Запада. Для общаго управленія купеческими и посадскими дѣлами являются городскіе магистраты. Это ни что иное, какъ прежнія бурмистровскія ратуши, но только болѣе распространенныя въ городахъ и съ болѣе опредѣленными правами. Наконецъ, для того, чтобы правительство имѣло мѣсто, откуда бы оно могло слѣдить за успѣхами торговли и дѣлало бы необходимыя для этого распоряженія, приказъ купецкихъ дѣлъ замѣняется коммерцъ-коллегіей. Такими заботами, такими трудами Петру удалось „разсыпанную храмину паки собрать". Если, конечно, не сразу высказалось это прогрессивное движеніе впередъ, не сразу проявилось то, чего онъ добивался, то, по крайней мѣрѣ, это было важное начало для его будущихъ реформъ. Это была первая забота Петра Великаго. Второю его заботою было постараться увеличить и развить, по возможности, самостоятельную русскую торговлю, а для этого ему необходимо было позаботиться объ удобствахъ этой торговли, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

Какъ мы уже говорили, внутренняя торговля далеко не пользовалась у насъ тѣми удобствами, которыя доставляла ей страна, и, главное, не сознавалась необходимость прибавить что-нибудь къ тому, что существовало прежде. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ былъ вопросъ о путяхъ сообщенія, съ улучшеніемъ которыхъ тѣсно связано было и экономическое развитіе страны. Пути сообщенія древнерусскіе представляются намъ очень неудобными, мало доступными, и вотъ почему товары у насъ привозились караванами, преимущественно въ удобное время, зимою; лѣтомъ товары перевозились, пользуясь обиліемъ рѣкъ, водными путями, но при этомъ не дѣлалось никакихъ улучшеній, никакихъ усовершенствованій этихъ водныхъ путей. Первою мыслью Петра Великаго было воспользоваться этими водными путями, соединить ихъ посредствомъ каналовъ и устроить такимъ образомъ непрерывный водный путь отъ различныхъ морей, омывающихъ землю русскую. Главное вниманіе онъ, естественно, долженъ былъ обратить на тотъ путь, который велъ отъ моря Балтійскаго къ морю Каспійскому. Вслѣдствіе пріобрѣтенія моря Балтійскаго, отстраняются всѣ преграды, существовавшія прежде. Мы знаемъ, что путь Бѣломорскій былъ неудобенъ. Собственно говоря, путь этотъ былъ искусственный, хотя

его и создали не отдѣльныя лица, а извѣстныя историческія условія; путь же Балтійскій былъ естественнѣе, онъ былъ древній путь и уже извѣстный въ VIII и IX столѣтіяхъ. Побѣды надъ народами, заправшими намъ путь къ Балтійскому морю, доставили возможность снова повернуть на этотъ водный путь. Сознавая важность возвращенія этого пути, Петръ строитъ въ 1703 году городъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ сдѣлаться столицею русскаго государства, и онъ дѣйствительно ею сдѣлался, потому что онъ выражалъ историческое движеніе русскаго народа на Западъ. Петръ любилъ выстроенный имъ Петербургъ, не только какъ свое созданіе, въ которомъ онъ видѣлъ, какъ онъ выражался, какой-то парадисъ, но потому, что онъ сознавалъ необходимость направить русскую торговлю по этому пути къ западу. Вновь созданный городъ и вновь открытые торговые пути не могли однако сразу измѣнить прежняго направленія. Иностранные купцы привыкли ѣздить въ Архангельскъ, куда также приходили и русскіе купцы и привозили свои товары. Тамъ были устроены главные складочные пункты и магазины: все было приспособлено для передвиженія товаровъ. И хотя еще во второй половинѣ XVII ст. замѣчается переворотъ, но онъ не могъ рѣзко проявиться безъ энергическихъ мѣръ, предпринятыхъ Петромъ Великимъ. Его главная мѣра заключалась въ томъ, что онъ для новаго города устроилъ и новое городское управленіе: для того, чтобы пріохотить иноземцевъ. Меншиковъ, какъ мы знаемъ, по приказанію Петра, выдалъ шкиперу перваго прибывшаго корабля 300 талеровъ и каждому матросу по 30 талеровъ и просилъ еще пріѣхать въ этотъ новый городъ. Наконецъ, были приняты и болѣе рѣшительныя мѣры; въ 1710 году былъ изданъ указъ, по которому не было дозволено вывозить хлѣбъ изъ Архангельска, а только можно было оттуда вывозить одну пеньку; хлѣбъ долженъ былъ итти на Петербургъ, а иностранцамъ было запрещено ввозить шелковыя издѣлія, ткани и парчи: черезъ 3 года запрещено было возить въ Архангельскъ и Вологду также и пеньку и юфть, такое же запрещеніе было положено и на „государевы товары“: икру, клей, поташъ, смолу, щетину и ревень — все это повелѣно было привозить въ Петербургъ. Съ другой стороны, и торговые иноземцы приглашались увѣдомить своихъ соотечественниковъ за границей, чтобы корабли для

нагрузки русскихъ товаровъ присылались къ Петербургу, а не къ Архангельску, для чего обычная 5% -ная пошлина была понижена до 3%. Иностранцы, особенно голландцы и англичане, сильно желали помѣшать Петру Великому и указывали ему на то, что тотъ путь былъ старый, уже извѣстный, что повернуть на новый путь очень трудно; но какъ бы то ни было, Петръ Великій не обратилъ вниманія на всѣ эти доводы. Главная причина была та, что новый городъ лучше, чѣмъ старый могъ усвоить, какъ это и случилось, новыя самостоятельныя формы торговли. Голландцы опасались здѣсь конкуренціи другихъ народовъ, которые могли прійти сюда по близости моря, и опасались также новыхъ отношеній русскихъ людей къ торговлѣ. Петръ не обратилъ вниманія на всѣ эти представленія и въ 1718 году издалъ указъ, по которому русскіе купцы должны были непремѣнно отправлять 2/3 своихъ товаровъ въ Петербургъ, при чемъ съ товаровъ, предназначенныхъ для вывоза, не взималось никакихъ пошлинъ на внутреннихъ заставахъ [1]). Всѣми этими мѣрами былъ нанесенъ страшный ударъ Архангельску, откуда съ 1717 г. въ Петербургъ были переселены и самые именитые купцы; торговля Архангельска сразу остановилась, и съ тѣхъ поръ торговое значеніе города начало все болѣе и болѣе падать; городъ не могъ уже оправиться и впослѣдствіи. Мѣра Петра Великаго въ этомъ отношеніи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ 1710 году въ Архангельскъ прибыло 150 съ небольшимъ кораблей; болѣе всего было англійскихъ, именно 70, около 60 голландскихъ, 10 гамбургскихъ и около 10 остальныхъ; въ 1722 году въ новый городъ, который въ то время считалъ себѣ 19 лѣтъ, уже прибыло 114 кораблей, а черезъ 2 года число кораблей возросло до 240. Такими исполинскими шагами шелъ Петербургъ впередъ, и число кораблей возрастало все болѣе и болѣе, и уже въ 1724 году молодой, только что созданный городъ могъ почти сравняться съ старымъ городомъ, съ Ригою, потому что число прибывшихъ кораблей въ этомъ году доходило до 300 [2]).

[1]) Впослѣдствіи, по ходатайству купцовъ, при скопленіи экспортныхъ товаровъ въ Петербургѣ давались разрѣшенія извѣстную часть товара везти къ Архангельску.

[3]) Приводимая ниже табличка даетъ наглядное представленіе о перемѣщеніи центра внѣшней торговли при Петрѣ изъ Архангельска въ Петербургъ. До основанія новой столицы, когда Петръ не имѣлъ еще въ распоряженіи береговъ

Сознавая важность Балтійскаго моря, Петръ не могъ не сознавать важнаго значенія и другого моря,— моря Каспійскаго.

Азія въ XVI, XVII, а также и въ XVIII столѣтіи не потеряла своего прежняго значенія для Европы, хотя отношенія ея съ послѣднею начали измѣняться. Товары азіатскіе все-таки были важны на европейскихъ рынкахъ въ обработанномъ или сыромъ видѣ, особенно товары изъ далекой Индіи, потому что оттуда привозились товары колоніальные. Еще въ XVII вѣкѣ у русскаго правительства является попытка проникнуть въ Индію. У Петра Великаго постоянно была въ виду такая же мысль отправить товары транзитомъ изъ Индіи черезъ Хиву и Бухару въ Россію; поэтому онъ внимательно наблюдалъ за Азіей и не упускалъ никакого случая, чтобы разузнать о ея богатствахъ. Когда, напр., до него дошло извѣстіе, что при устьѣ рѣки Дарьи находится мѣсто Эркети, въ которомъ будто бы видѣли золотые пріиски, Петръ Великій немедленно разослалъ людей узнать объ этомъ и, наконецъ, отправилъ туда, въ Хиву, цѣлое войско подъ начальствомъ князя Бековича-Черкизскаго, чтобы завладѣть мѣстностью и выстроить тамъ русскій городъ. Но, какъ извѣстно, походъ этотъ окончился полною неудачею, такъ какъ войско потерпѣло много отъ самаго пути, а также и отъ хивинцевъ, которые обманомъ заманили Бековича и перерѣзали почти все его войско. Такимъ образомъ, эта попытка Петра Великаго окончилась не только неудачею, но даже ухудшила наши отношенія къ Азіи, которыя въ XVIII вѣкѣ, когда Россія становится все болѣе и болѣе западною страною, начинаютъ слабѣть. Здѣсь не удалось, тогда Петръ, не оставляя своего

Балтійскаго моря, онъ принималъ энергичныя мѣры къ расширенію архангельской торговли (трижды посѣтилъ самъ Архангельскъ, построилъ здѣсь нѣсколько кораблей для экспорта казенныхъ товаровъ за границу и т. д.); мѣры эти были настолько успѣшны, что торговый оборотъ Архангельской ярмарки, достигавшій въ концѣ XVII в. едва 850.000 руб., поднялся въ 1870 г. до 1½ милл. руб., а черезъ восемь лѣтъ до 3 милл. руб. Въ 1726 г. въ Архангельскѣ отпущено было уже товаровъ всего лишь на 285.387 руб., а привезено на 35.846 руб., т.-е. оборотъ ярмарки благодаря переводу торговли въ Петербургъ упалъ до 300.000 руб. Изъ Петербурга въ 1718 г. вывезено было товаровъ на 268.520 р., а въ 1726 г.—на 2.403.423 р.; въ 1718 г. привезено было въ Петербургъ на 218.049 руб., въ 1726 г.—на 1.549.697 руб. Такимъ образомъ торговый оборотъ въ Петербургѣ достигъ 4 милліоновъ руб.

намѣренія, обратилъ виды на Персію, куда былъ назначенъ посломъ Артемій Петровичъ Волынскій, которому была дана инструкція разузнать, нѣтъ ли тамъ какой-либо рѣки, которая протекала бы изъ Индіи черезъ Персію и впадала въ Каспійское море. Волынскому было также внушено хлопотать о томъ, чтобы всю торговлю шелкомъ-сырцомъ и другими товарами персидскій шахъ направлялъ черезъ Россію, а не черезъ Аллеко и Смирну, владѣнія турецкаго хана. Съ Персіей въ 1715 г. былъ заключенъ торговый договоръ, и русскіе купцы, преимущественно изъ Астрахани, вели довольно оживленную активную торговлю. Когда въ Персіи вспыхнулъ бунтъ, и въ Шемахѣ и въ Дербентѣ были разграблены русскіе купцы, Петръ немедленно предпринялъ походъ въ эти мѣстности. Этотъ походъ окончился присоединеніемъ къ Россіи береговъ Каспійскаго моря, которые его преемники, не сознавая ихъ важности, опять возвратили Персіи.

Имѣя въ виду направить товары моря Каспійскаго къ морю Балтійскому, Петръ долженъ былъ заботиться объ улучшеніи внутреннихъ путей сообщенія. Для этого въ 1706 году былъ прорытъ каналъ, соединяющій Цну съ Тверцою (Вышневолоцкая система); позже, а именно въ 1718 г., начались работы по другому каналу, который необходимъ былъ для обхода Ладожскаго озера, потому что бури не дозволяли ходить кораблямъ. Работы по этому каналу производилъ Минихъ, и насколько интересовался Петръ трудами Миниха, указываютъ его слова во время болѣзни: „труды моего Миниха дѣлаютъ меня здоровымъ“, — сказалъ онъ. Система русской канализаціи можетъ назвать своимъ отцомъ и изобрѣтателемъ Петра Великаго, который для нея сдѣлалъ то же, что его близкій современникъ Кольберъ для Франціи.

Петръ также употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы разыскать для русскихъ купцовъ новые рынки, какъ напримѣръ, въ Китаѣ, куда въ 1719 г. посломъ былъ отправленъ капитанъ гвардіи Измаиловъ, заключившій съ китайцами торговый трактатъ; и въ западной Европѣ всѣмъ посламъ русскимъ было предписано заключать торговые трактаты, и во всѣхъ почти главнѣйшихъ городахъ Европы были учреждены консульства. Для того, чтобы привлечь испанцевъ и французовъ къ Балтійскому морю, Петръ давалъ обѣщаніе отправлять взамѣнъ въ эти страны такое же количество ко-

раблей, снаряженныхъ на казенный счетъ и снабженныхъ въ особенности сырыми матеріалами — лѣсомъ, необходимымъ въ этихъ безлѣсныхъ странъ для постройки судовъ, кораблей и пр. При отсутствіи предпріимчивости у этихъ народовъ попытка Петра Великаго не имѣла значительнаго успѣха, но начало торговаго сближенія съ западными народами было тѣмъ не менѣе положено. Построивъ новый русскій портъ, Петръ рѣшился въ этой мѣстности выстроить и новую русскую верфь, которая должна была строить корабли для новаго моря. При такихъ условіяхъ и съ такою цѣлью была выстроена верфь въ Ладейномъ полѣ, на которой началъ строиться балтійскій флотъ. Преемники Петра Великаго мало понимали значеніе флота, и вотъ почему въ скоромъ времени русскій флотъ начинаетъ падать (а торговый флотъ находится и теперь еще въ сравнительно жалкомъ положеніи).

Перейдемъ теперь къ третьему предмету заботъ Петра Великаго — о самостоятельной промышленности, на которой основано главное благосостояніе народа. До тѣхъ поръ, пока русскіе должны были продавать иностранцамъ свои сырыя произведенія и не могли обрабатывать своихъ естественныхъ богатствъ, до тѣхъ поръ они должны были находиться въ полной зависимости отъ иностранцевъ. Народъ никогда не можетъ быть самостоятельнымъ, если онъ не развилъ своей промышленности. Вотъ почему значительная часть торговой дѣятельности Петра Великаго была обращена на развитіе обрабатывающей и перерабатывающей промышленности. Первыя попытки фабричной дѣятельности были еще въ XVII столѣтіи, но онѣ остались одними попытками. Для Петра же Великаго вопросъ этотъ былъ вопросомъ жизни и смерти русскаго матеріальнаго развитія.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на дѣятельность горнозаводскую, которая, въ свою очередь, была тѣсно связана съ нѣсколькими другими вопросами: во-первыхъ, съ тѣмъ, что добыча руды являлась весьма простымъ и легкимъ способомъ пользоваться природою; во-вторыхъ, разработка и добыча металловъ вліяли на финансы и торговлю, потому что этимъ обусловливался невывозъ металловъ за границу. На денежную систему Петръ обращаетъ съ самаго начала свое усиленное вниманіе. Онъ прямо указываетъ на то, что Россія богата минералами и металлами, но

только не могутъ приступить къ разработкѣ рудъ: „Наше Россійское государство передъ многими иными землями изобилуетъ и потребными металлами и минералами благословена есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы". Въ указѣ 1702 года было сказано о необходимости разработки рудъ. Теперь всякому разрѣшалось, гдѣ бы онъ ни нашелъ на своей или на чужой землѣ минералы или металлы, заявивъ объ этомъ правительству, производить разработку и сплавку металловъ. Съ другой стороны, употреблялись всевозможныя усилія, чтобы добыть иностранныхъ учителей, мастеровъ для производства, разработки и устройства заводовъ и поручить опытнымъ людямъ заняться этимъ дѣломъ. Когда Петръ Великій былъ еще молодъ, то всѣмъ горнозаводскимъ дѣломъ распоряжался Андрей Андреевичъ Виніусъ, старый обрусѣвшій нѣмецъ, который съ сочувствіемъ отнесся къ дѣятельности молодого реформатора. Благодаря трудамъ Виніуса, было много сдѣлано. Въ послѣдніе годы ему помогалъ въ этомъ дѣлѣ Геннингъ, и дѣятельность этихъ лицъ дѣйствительно создали наше горнозаводское дѣло. Геннингъ прежде всего добываетъ руду изъ болотъ въ Олонецкой губерніи, и здѣсь появляется новый городъ, получившій названіе Петрозаводска; въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія Геннингъ былъ переведенъ на другое мѣсто, гдѣ открывалось болѣе обширное поле для его дѣятельности, именно на Уралъ. Тамъ въ 1723 году былъ основанъ новый городъ, названный въ честь императрицы Екатерины Екатеринбургомъ, который и теперь составляетъ главный центръ горнозаводской дѣятельности. Въ другихъ мѣстностяхъ также открываются или новые заводы, или передѣлываются старые. Въ западной Сибири, которая впослѣдствіи дѣлается рудникомъ для всей Россіи, производятся первыя попытки разработки рудъ: въ Нерчинскѣ разрабатываютъ серебряную руду, въ Кунгурѣ — мѣдную и т. д. Вмѣстѣ съ добычею усиливается и обработка металловъ. Во многихъ мѣстахъ южной Россіи устраиваются заводы селитряные, между тѣмъ какъ прежде у насъ не хватало своей селитры для приготовленія пороха. Желая устроить больше заводовъ, Петръ давалъ значительныя ссуды тѣмъ, которые изъявляли желаніе открыть свои, или черезъ нѣсколько времени, когда заводы были устроены, Петръ старался передавать ихъ въ частныя руки. Такимъ образомъ у насъ являются

заводы ярославскіе, тульскіе, уральскіе, принадлежавшіе братьямъ Строгоновымъ. Особенную роль въ этой заводской дѣятельности Петра Великаго играетъ Демидовъ, родоначальникъ одной изъ богатѣйшихъ и знатныхъ теперь фамилій. Демидовъ былъ простымъ тульскимъ оружейникомъ, умѣвшимъ дѣлать ружья не хуже европейскихъ. Вся помощь, всякая льгота доставлялись ему. Для постройки завода ему выдается субсидія; правительство обязывается принимать отъ него оружіе, и Демидовъ дѣйствительно дѣлается первымъ богачомъ Россіи и, помимо тульскаго завода, устраиваетъ заводъ на Уралѣ. Въ другое время Демидовъ могъ остаться незамѣченнымъ: на его примѣрѣ мы знакомимся съ геніальнымъ умѣньемъ Петра отличать и отыскивать людей.

Вопросъ о монетѣ, какъ о денежной единицѣ и монетной системѣ, — важный вопросъ, что и сознавалъ Петръ Великій. При немъ происходитъ у насъ важная реформа въ денежномъ дѣлѣ, которое становится на одномъ уровнѣ съ западной Европой. У насъ устраиваются первые монетные дворы въ Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринбургѣ. Такъ какъ прежде у насъ крупной монеты не было, а чеканилась только одна серебряная, и то грубой формы, удобная для поддѣлокъ и обрѣзокъ, то въ 1700 году впервые начали чеканить по иностранному образцу золотую, серебряную и мѣдную монету. Сумма вычеканенной монеты, благодаря открытію новыхъ рудниковъ, значительно увеличивается: уже въ 1702 году вычеканено было монеты почти до 2 милліоновъ, а въ 1704 году уже $4^{1}/_{2}$ милліона.

Петръ Великій сознавалъ, что для финансоваго развитія русскаго народа, для его самостоятельнаго положенія относительно иностранцевъ необходимо самостоятельное развитіе русской промышленности; вотъ почему онъ обращалъ особенное вниманіе на русскую производительность.

При Петрѣ Великомъ, можно сказать, систематически начинаются всѣ производства, которыя развились въ настоящее время до громадныхъ размѣровъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, мы знаемъ, появились нѣкоторыя фабрики, какъ сознаніе необходимости быть независимыми отъ иностранцевъ, но полную систему развитія, залогъ дальнѣйшаго прочнаго существованія фабричное дѣло получаетъ только со временъ великаго преобразователя. Фабрики, которыя заводилъ Петръ, не

были случайной потребностью, не были его прихотью, но были настоятельною потребностью русскаго общества; всѣ онѣ были направлены на удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей. При Петрѣ было заведено до 233 фабрикъ.

Прежде всего появляются сельскохозяйственные заводы. Такъ, например ъ, указомъ о конныхъ заводахъ было предписано выписывать для разведенія хорошихъ породъ лошадей изъ Шлезвига и Пруссіи; голштинскія ломовыя лошади имѣютъ также начало съ того времени. Относительно скотоводства достаточно упомянуть о холмогорско-голландской породѣ коровъ. Принимаются мѣры для разведенія овцеводства, и предписывается выписывать изъ-за границы силенскихъ (силезскихъ) тонкорунныхъ овецъ и людей, умѣющихъ съ ними обращаться.

Появляются затѣмъ и мануфактурныя фабрики. Мастеровыхъ приходилось также призывать изъ-за границы, съ цѣлью обучить русскихъ людей ремесламъ; они призывались изъ Голландіи, Англіи и Франціи, смотря по роду фабрикъ. Наконецъ, и русскихъ людей посылали за границу, чтобы они, на дѣлѣ ознакомившихъ съ спеціальными производствами, могли по возвращеніи открывать у насъ фабрики. Изъ новооткрывавшихся фабрикъ вниманіе Петра по преимуществу останавливалось на суконныхъ, такъ какъ сукно, какъ мы уже неоднократно могли убѣдиться, являлось постоянною потребностью на сѣверо-востокѣ, обусловливаемой мѣстнымъ климатомъ.

До временъ великаго преобразователя русскіе всегда находились въ зависимости отъ иностранцевъ относительно этого производства и, несмотря на самую настоятельную и историческую потребность въ сукнѣ, не могли выйти изъ этой зависимости. Вотъ почему суконное дѣло привлекало вниманіе Петра. Открывая фабрики, онъ задавался мыслью производить не цѣнные, высшіе предметы роскоши, а лишь предметы первой необходимости. Прежде всего сукно нужно было для арміи, поэтому открываются фабрики для приготовленія армейскаго сукна. Въ 1712 году былъ изданъ указъ объ открытіи суконныхъ фабрикъ, и сейчасъ видна мысль великаго реформатора — не покидать задуманнаго дѣла, а довести его до возможно большаго развитія, чтобы быть вполнѣ самостоятельными. Въ указѣ говорится, что надо такъ завести фабрику, чтобы лѣтъ черезъ пять не выписывать заморскихъ мундировъ, и дѣятельность Петра Великаго не

осталась безплодной: въ 1718 году вышелъ другой указъ, въ которомъ предписывалось поставлять въ армію вмѣсто суконъ иностраннаго образца сукно московское; такимъ образомъ въ первый разъ является у насъ свое самостоятельное систематическое производство.

Чтобы поощрить зарождающуюся дѣятельность, приходилось поневолѣ прибѣгать къ различнымъ покровительственнымъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе, что въ остальной Европѣ не существовало еще системы физіократовъ, слѣдовательно системы свободной промышленности и торговли. Россія, вступая въ составъ европейскихъ державъ и пересаживая на свою почву чужеземное торговое развитіе, естественно должна была усвоить тѣ формы, которыя выработала европейская жизнь. На западѣ Европы въ то время въ полной силѣ было господство протекціонизма и меркантилизма. Такъ какъ у насъ фабрики являются не отъ общества, а отъ правительства, то естественно, что Петръ Великій долженъ былъ взять на себя инициативу протекціонизма и меркантилизма, которые у насъ были умѣстнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общество глухо отзывалось на призывъ преобразователя; непосильнымъ и непривычнымъ казался ему трудъ приняться за новое иноземное дѣло, и вотъ почему наши фабрики въ первой половинѣ XVIII вѣка имѣютъ оригинальный характеръ полуправительственныхъ и получастныхъ заведеній. Петръ обыкновенно давалъ заимообразно извѣстную сумму денегъ тѣмъ лицамъ, которыя заявляли готовность взять на себя устройство фабрики. Но одной этой суммы было недостаточно: надо было подумать о дальнѣйшемъ обезпеченіи существованія фабрики; для этого прежде всего были необходимы рабочія умѣлыя руки и вѣрный сбытъ произведеній. Правительство бралось помочь фабриканту и въ этомъ дѣлѣ, но при рѣдкомъ населеніи городовъ, при скудномъ финансовомъ положеніи и недостаткѣ рабочихъ рукъ, могущихъ обезпечить правильную фабричную дѣятельность, не легко было справиться съ этимъ вопросомъ, а потому правительство было поставлено въ необходимость посылать на фабрики солдатскихъ дѣтей, казенныхъ крестьянъ, иногда и бѣглыхъ и т. д. и въ то же время вмѣнять въ обязаность нѣкоторому числу рабочихъ всегда работать на извѣстной фабрикѣ, т.-е. прикрѣплять ихъ.

Чтобы обезпечить сбытъ произведеній, казна обязывалась дѣлать заказы фабрикантамъ, а эти послѣдніе за правительственныя суб-

сидіи должны были поставлять безвозмездно въ казну опредѣленное количество суконъ, холста или шляпъ, смотря по фабрикѣ.

Конечно, фабрика, имѣя казенный характеръ, не могла достигнуть той цѣли, къ которой шелъ Петръ Великій; необходимо было, чтобы не одна казна являлась заказчикомъ, но, чтобы кругъ дѣятельности фабрикъ распространился и на частныхъ потребителей. Для этого правительство употребляло протекціонныя мѣры, облагало пошлиной ввозимые товары, такъ что, благодаря высокой пошлинѣ, русскія произведенія могли конкурировать съ иностранными (первый охранительный тарифъ былъ изданъ въ 1724 г.) Кромѣ того, употреблялись различныя средства для притѣсненія иностранной торговли: законъ противъ роскоши долженъ былъ, напримѣръ, уменьшать ввозъ къ намъ иностранныхъ произведеній этого рода, и слугамъ боярскимъ предписывалось носить платье изъ русскаго сукна, а не заморскаго.

Рядомъ съ суконными фабриками открывались и другія фабрики на заграничный ладъ: напримѣръ, шпалерныя и ковровыя въ Петербургѣ, полотняныя, бумажныя, шляпныя и т. д. Какъ только появлялась новая фабрика, немедленно выходилъ указъ: не покупать заморскихъ издѣлій: шляпъ и т. д., а покупать шляпы, напримѣръ, у московскаго фабриканта француза Манбріо.

Фабрики, находясь подъ опекой правительства, подвергались со стороны его контролю: опредѣлялось даже заготовленіе произведеній и давались образцы. Затѣмъ въ 1724 году было предписано, чтобы фабрики представляли казнѣ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, о состояніи фабрикъ и посылали образцы своихъ издѣлій. Но не всегда требованія правительства выполнялись: такъ, напримѣръ, вышелъ указъ — выдѣлывать холстъ шире того, чѣмъ его дѣлали, на томъ основаніи, что широкій холстъ охотнѣе покупаютъ иноземцы. Многіе крестьяне, не умѣя выдѣлывать болѣе широкій холстъ, должны были бы бросить свою работу; начинавшееся производство должно было уничтожиться, если бы слѣдовали указу.

Первое время фабричная дѣятельность не обѣщала въ будущемъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Частная дѣятельность была очень незначительна [1]), но со временемъ она стала все болѣе и болѣе уве-

[1]) Сколь незначительные результаты дали первыя попытки создать путемъ покровительственной системы національную промышленность, показываютъ нѣко-

личиваться. Самъ Петръ Великій въ одномъ своемъ указѣ, объясняя причины частной непредпріимчивости, откровенно сознается: „понеже русскій народъ — яко дѣти; когда ихъ засадятъ за азбуку, плачутъ, а когда выучатся, благодарятъ". Петръ былъ совершенно правъ: русскіе люди въ дѣйствительности находились въ положеніи школьниковъ.

Но какъ бы то ни было, первый толчокъ былъ данъ; первые робкіе шаги были сдѣланы, зародышъ будущаго успѣха былъ вложенъ. Россія, благодаря Петру Великому, повернула на путь самостоятельнаго развитія своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Петръ хорошо понималъ, что духовное развитіе тѣсно связано съ матеріальнымъ, что одно обусловливаетъ другое, вотъ почему онъ сознавалъ, что образованіе необходимо русскому купечеству, а для этого ему приходилось учиться у заграничныхъ купцовъ, присматриваться къ ихъ способу торговли, завести у себя по ихъ образцу компаніи, установить систему въ производствѣ и торговлѣ и т. д. Онъ старался образовать русское купечество, распространить въ его средѣ коммерческія знанія и добиться того, чтобы со временемъ русскіе купцы стали на одной ногѣ съ иностранными.

Сознавая, что матеріальному успѣху много содѣйствуетъ умственное развитіе, Петръ ясно видѣлъ причину иностраннаго превосходства и руководился этимъ сознаніемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ въ короткихъ словахъ значеніе реформъ Петра Великаго для торговли [1]).

торыя данныя, относящіяся къ 30-мъ годамъ XVIII столѣтія: когда въ это время была произведена правительственная провѣрка существующимъ фабрикамъ, то многія изъ этихъ фабрикъ оказались „подложными", т.-е. владѣльцы держали ихъ только для вида съ цѣлью пользоваться тѣми привилегіями и преимуществами, право на которыя было связано съ владѣніемъ промышленными заведеніями.

[1]) Вліяніе реформъ Петра на торговлю сказалось впослѣдствіи, но при самомъ преобразователѣ въ сущности характеръ русской торговли измѣнился мало. По сравненію съ предыдущимъ періодомъ размѣры торговли значительно возросли, но попрежнему внѣшняя торговля составляетъ почти $^3/_4$ всего оборота товаровъ въ странѣ, при чемъ вывозъ русскихъ товаровъ значительно преобладаетъ надъ ввозомъ заграничныхъ (въ 1726 г. вывозъ превышалъ 4 милл., а ввозъ

X.

XVIII вѣкъ.

По смерти Петра Великаго наступаетъ періодъ (1725—1762) его преемниковъ, который продолжается до Екатерины Великой. Въ продолженіе всего этого времени Россія должна была отдохнуть отъ того страшнаго напряженія силъ, въ которомъ она находилась при Петрѣ; теперь она должна была усвоить, переработать своимъ государственнымъ организмомъ и развить то, что было начато до этого періода. Дѣйствительно, преемники Петра слѣпо и безотчетно слѣдовали по пути, указанному Петромъ. Если мы не видимъ за этотъ періодъ никакой самостоятельной дѣятельности въ политическомъ отношеніи, то также не замѣтимъ никакой самостоятельности и въ другихъ отношеніяхъ — постоянно указывается на то, какъ дѣлалъ Петръ. Только при Екатеринѣ благоговѣніе къ памяти великаго преобразователя не мѣшало дальнѣйшему національному развитію.

Время, наступившее послѣ Петра, должно было показать, насколько были необходимы реформы Петра Великаго. Пробное время съ 1725 по 1762 годъ блистательно оправдываетъ дѣятельность великаго русскаго реформатора. Русскій народъ, предоставленный самъ себѣ, пошелъ по пути, начертанномъ Петромъ. Русскій народъ не вернулся назадъ, не вернулся къ своей старинѣ, какъ многіе того ожидали; онъ бодро вступилъ въ новый періодъ государственной жизни.

Прежде всего мы видимъ стремленіе воспользоваться средствами страны, разыскать ихъ и разработать. Такимъ образомъ горнозаводское дѣло, которое получило начало въ XVII вѣкѣ, продолжало также развиваться и въ первую четверть XVIII вѣка. На Уралѣ

---

2 милл.); главной статьей вывоза являются сырые продукты (русская промышленность работаетъ лишь для внутренняго потребленія), тѣ же въ общихъ чертахъ, что и прежде (выдвигаются продукты горнодѣлія—желѣзо), внѣшняя торговля попрежнему остается въ рукахъ иноземцевъ (преимущественно голландцевъ и англичанъ) и для русскихъ носитъ пассивный характеръ, лишь казна ведетъ за границей активную торговлю и то въ незначительныхъ размѣрахъ.

мы встрѣчаемъ знаменитаго сотрудника Петра Великаго, чужестранца Гейне, и множество заводовъ выростаетъ подъ его руководствомъ. Впослѣдствіи его мѣсто занялъ русскій человѣкъ, получившій достаточное образованіе, извѣстный историкъ Василій Никитичъ Татищевъ. Онъ былъ человѣкъ весьма дѣятельный и сдѣлалъ очень много открытій въ горнозаводскомъ дѣлѣ; изъ его донесеній Сенату мы видимъ постоянное стремленіе открыть и разработать новые рудники. Ему удалось открыть гору, всю состоящую изъ руды; эту гору онъ назвалъ горой Благодатью. Впослѣдствіи дѣлались новые розыски рудниковъ въ сибирской странѣ; въ Екатеринбургѣ (названномъ такъ по имени Екатерины I) устроенъ былъ новый монетный дворъ; геологическія изслѣдованія сдѣланы были и въ Оренбургской губерніи, гдѣ дѣятелемъ является ученикъ Петра Великаго, извѣстный *Неплюевъ*.

Изъ добывавшихся матеріаловъ особенно важна была соль.

Положеніе соляного дѣла рисуетъ намъ въ наглядныхъ чертахъ состояніе тогдашней заводской и фабричной дѣятельности, такъ какъ именно въ соляномъ дѣлѣ того времени особенно рѣзко бросаются въ глаза недостатки русской промышленности

Мы уже знаемъ, что и до Петра Великаго выварка соли производилась въ Россіи въ значительномъ количествѣ; при Петрѣ она увеличилась еще болѣе. Главный источникъ соли находился въ мѣстностяхъ пріуральскихъ, гдѣ именитые люди Строгоновы держали въ своихъ рукахъ главныя соляныя варницы, получая для выварки соли субсидіи и заказы отъ правительства, которое считало торговлю солью своей монополіей. Но положеніе Строгоновыхъ было далеко неудовлетворительно, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ. Случалось такъ, что соли было выварено достаточное количество и надо было отправить ее въ Москву или С.-Петербургъ, — здѣсь-то и ощущался этотъ недостатокъ: некому было сопровождать соль, и, напримѣръ, если суда съ солью по мелководью попадали на мель, бѣдѣ этой совершенно невозможно было помочь. Этотъ недостатокъ въ рабочихъ увеличивался еще отъ того обстоятельства, что со временъ Петра была введена паспортная система. Необходимо было требовать отъ нанимавшихся работниковъ печатныхъ видовъ, а у людей, живущихъ въ глуши, конечно, могло не быть даже никакихъ ви-

довъ, а если и были письменные виды, то принимать съ ними запрещалъ указъ[1]). По необходимости Строгоновы обращались съ требованіемъ, чтобы правительство дало имъ рабочихъ. Отъ Сената въ такомъ случаѣ поступалъ запросъ о количествѣ нужныхъ работниковъ. Однажды Строгоновы потребовали огромное число (въ то время) — 9 тысячъ. Сенатъ не согласился, начался споръ, окончившійся тѣмъ, что Строгоновы уступили и согласились на 5 тысячъ. Немедленно является указъ Сената къ губернскимъ воеводамъ — строго-настрого заставить такое-то число крестьянъ итти на Каму, на работу къ Строгоновымъ; начинается возня съ рабочими, которые берутъ жалованье впередъ и убѣгаютъ, полиція не можетъ услѣдить за бѣглыми людьми, — она не могла даже справиться съ шайкой разбойниковъ въ 300 человѣкъ, которые подъ самой Москвой грабили и убивали безнаказанно. Положеніе Строгоновыхъ такимъ образомъ не улучшилось, отъ оставшейся соли они терпятъ большой убытокъ и у нихъ не хватаетъ капитала для дальнѣйшей выварки соли.

Несмотря на то, что Строгоновы постоянно обращались къ казнѣ и получали отъ нея субсидіи, ихъ дѣло было сопряжено съ такими издержками, что они не разъ просили правительство отобрать въ казну ихъ варницы. Но казенная разработка не выгодна, и притомъ правительство старалось подражать Петру въ поддержаніи и развитіи частной производительности, поэтому оно не принимало ихъ предложенія, тѣмъ болѣе, что частное производство оказывалось весьма слабымъ. Въ несостоятельности послѣдняго правительству не разъ приходилось убѣждаться; напримѣръ, при Аннѣ Ивановнѣ кирпичное дѣло шло такъ дурно, что казна вынуждена была принять его подъ свою опеку и выписать изъ-за границы мастеровъ, которые бы научили русскихъ искусству дѣлать кирпичи.

Положеніе соляного дѣла охарактеризовываетъ намъ и положеніе другихъ отраслей промышленности.

---

[1]) Впрочемъ, исполненіе такого указа на дѣлѣ было совершенно невозможно, и правительство по необходимости шло на уступки: несмотря на указъ останавливать суда и забирать съ нихъ безпаспортныхъ людей, приходилось нанимать массу работниковъ, не имѣвшихъ вовсе никакихъ видовъ; суда въ исполненіе указа продолжали останавливать, но рабочихъ, по крайней мѣрѣ, не забирали.

Развитіе фабрикъ тѣмъ не менѣе продолжается при прежнемъ правительственномъ протекціонизмѣ и меркантилизмѣ. Правительство, напримѣръ, дѣлаетъ всевозможныя облегченія производителямъ сукна и особенно старается покровительствовать лучшимъ суконнымъ фабрикантамъ, и суконное производство въ первые же года настолько выростаетъ, что оказывается возможнымъ прекратить покупку иноземнаго сукна низшаго сорта. Когда при испытаніи въ казнѣ сукна, доставленнаго всѣми московскими фабрикантами, лучшимъ оказалось сукно Болтина, Полуярославцева и Сѣрикова, то немедленно было предписано, чтобы Болтинъ поставлялъ свое сукно въ казну, несмотря на то, что и у него было много забракованнаго, а для поощренія его дѣятельности правительство ссудило ему даже сумму денегъ въ 30 тысячъ рублей серебромъ и уплату этой суммы разсрочило на 10 лѣтъ.

На ряду съ суконными фабриками усиливается производство бумажныхъ и парусинныхъ тканей, выдѣлка которыхъ была столь успѣшна, что уже Петръ съ удовольствіемъ могъ замѣтить, что онѣ „яко близко къ голландскимъ“. Потомъ распространяются стеклянные заводы, и подъ вліяніемъ образцовъ восточныхъ и западныхъ является производство шелковыхъ и парчевыхъ тканей. Въ правленіе Елизаветы Петровны (въ 1749 году) былъ сдѣланъ запросъ фабрикантамъ шелковыхъ матерій, въ состояніи ли они своими произведеніями удовлетворить потребности русскаго народа, чтобы можно было прекратить выписываніе иностранныхъ произведеній. Изъ обозрѣнія выписокъ, представленныхъ фабрикантами, оказалось, что выдѣлывается столько различныхъ шелковыхъ матерій — парчи, глазету и другихъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, тафты и т. д., что русскіе фабриканты вполнѣ могутъ исполнить требованіе правительства. Это уже большой шагъ впередъ, когда свои фабрики самостоятельно могутъ удовлетворять потребности не однихъ низшихъ классовъ народа, но и высшихъ. Прежде всѣ эти ткани привозились къ намъ съ востока, а теперь армянскіе и персидскіе купцы везутъ уже шелкъ-сырецъ, который обрабатывается на русскихъ фабрикахъ.

Но несмотря на такіе успѣхи фабричнаго дѣла, фабрики продолжаютъ сохранять оригинальный, полуказенный и получастный характеръ. Правительство также должно было прибѣгать къ протек-

ціоннымъ мѣрамъ и рѣшать рабочій вопросъ. Извѣстный намъ Болотовъ постоянно нуждался въ рабочихъ; особенно ему нужны были мальчики и, видя, что ихъ взять не откуда, онъ обращается съ просьбой къ правительству: позволить ему набрать рабочихъ изъ солдатскихъ дѣтей съ 12-до 25-лѣтняго возраста на 4—5-лѣтній срокъ, обѣщая платить имъ извѣстное вознагражденіе, а потомъ отдать въ военную службу, „яко будетъ имъ выгодно", — заключаетъ онъ свое прошеніе. Просьба его была исполнена.

Другое интересное дѣло изъ фабричной дѣятельности того времени представляетъ вопросъ о шляпной фабрикѣ, находившейся въ Москвѣ и принадлежавшей Черикову и Сафьянникову. Они завели большую фабрику для приготовленія пуховыхъ шляпъ. Для того чтобы поддержать ихъ дѣятельность, правительство тотчасъ же издаетъ указъ, который запрещаетъ вывозъ за границу боброваго пуха, а фабрика получаетъ монополію на приготовленіе пуховыхъ шляпъ; покупать же иностранныя шляпы было запрещено.

Крестьяне, работавшіе на фабрикахъ, несли тяжелую жизнь; трудъ былъ слишкомъ не по силамъ, и результатомъ этого явилась необходимость приписывать крестьянъ къ фабрикамъ, что̀ вызвало народное бѣдствіе на фабрикахъ. Начались возмущенія фабричныхъ. Первый бунтъ затѣялся въ городѣ Малоярославцѣ на фабрикѣ Гончарова; крестьяне возстали и говорили, что не хотятъ работать; сопротивленіе возмутившихся было такъ упорно, что отрядъ въ 800 человѣкъ, посланный для подавленія бунта, терпитъ пораженіе, и только бригадиръ Хомяковъ съ 3 полками усмиряетъ бунтовщиковъ. Вслѣдъ за этимъ бунтомъ начинаютъ такія же возмущенія и въ другихъ фабрикахъ. За бунтомъ на гончаровской фабрикѣ, послѣдовалъ бунтъ у Демидова на заводѣ въ Тверской губерніи, и вездѣ эти бунты приходилось подавлять вооруженной рукой и съ большимъ трудомъ. Извѣстный намъ Болотовъ долженъ былъ заявить правительству, что у него 800 человѣкъ рабочихъ взбунтовались и отказались работать. Явилась военная сила усмирять бунтовщиковъ и силой заставить ихъ работать; бунтъ былъ подавленъ, произошла экзекуція — зачинщики были наказаны плетьми. Отказывались они работать, потому что работа была тяжела.

Средоточіемъ промышленной дѣятельности является Москва, которая попрежнему остается центромъ матеріальнаго развитія жизни

русскаго народа. Причинъ, почему Москва не теряетъ своего значенія, много: во-1-хъ, привычка къ городу съ большимъ населеніемъ; во-2-хъ, центральное положеніе Москвы среди населенной мѣстности, и, наконецъ, важное для производительности условіе — дешевое содержаніе рабочихъ. Петербургъ не представлялъ такихъ благопріятныхъ условій въ промышленномъ отношеніи, какъ Москва; извѣстенъ случай, что одинъ московскій шелковый фабрикантъ открылъ въ Петербургѣ фабрику, но такъ какъ содержаніе рабочихъ было значительно дороже (что обусловливалось скудостью болотистой почвы), то произведенія его оказались дороже, и онъ сталъ снова проситься въ Москву.

Проникаясь сознаніемъ необходимости развитія въ Россіи самостоятельной промышленности и торговой дѣятельности, само правительство того времени усердно хлопочетъ о ихъ усовершенствованіи. Правда, мы не замѣчаемъ теперь той энергіи, которая отличала дѣятельность Петра Великаго; напримѣръ, мы видимъ, что любимое созданіе Петра Великаго — русскій флотъ, падаетъ, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что и при преемникахъ Петра совершается значительное движеніе впередъ.

Во-первыхъ, какъ видимъ мы, улучшаются пути сообщенія. Собственно говоря, уже при Петрѣ Великомъ является правильная почта; но эта почта ходитъ только между Москвой и Петербургомъ и между Москвой и Кіевомъ. Теперь же устанавливается правильное сообщеніе почти между всѣми значительными городами.

Въ началѣ 30-хъ годовъ (около 1731 или 1732 г.) открытъ былъ, наконецъ, Ладожскій каналъ. Открытіе этого канала не могло не содѣйствовать развитію внутренняго сообщенія и успѣху торговли. Но въ особенности дѣятельность правительства становится важной во время Елизаветы Петровны. У насъ является человѣкъ, въ высшей степени понимающій и сознающій потребности времени — Петръ Ивановичъ Шуваловъ, благодаря дѣятельности котораго русская торговля сдѣлала огромные шаги впередъ. Въ особенности два изъ учрежденій, возникшихъ по инціативѣ П. И. Шувалова, имѣли важное значеніе для развитія русской торговли: одно изъ нихъ — учрежденіе перваго банка въ Россіи; другое — отмѣна внутреннихъ пошлинъ.

Открытіе перваго банка относится къ 1733 году; указъ объ

открытіи этого банка сообщаетъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи кредита и положеніи общества того времени. Изъ него мы видимъ, что денегъ у насъ было мало, и купцы, которые всегда нуждаются въ кредитѣ, доставали деньги за весьма высокій процентъ, простиравшійся отъ 12 до 15 и доходившій до 20 и болѣе, чего, надо замѣтить, не было въ то время въ западной Европѣ, что обусловливалось обиліемъ денегъ и безопасностью тамъ кредита.

Страна, гдѣ не было безопасности въ финансовомъ отношеніи, стоять высоко не могла, а потому понятно, почему въ основаніи перваго банка, въ которомъ ощущалась настоятельная потребность, не участвовала частная предпріимчивость [1]).

Но этотъ банкъ скоро сталъ забываться и, вообще говоря, не достигъ той цѣли, которую имѣлъ въ виду Шуваловъ. Это объясняется тѣмъ, что Шувалову впервые приходилось браться за это новое дѣло, потому что въ Россіи тогда банковъ вовсе не было, а были лишь конторы, спеціально устроенныя для ссуды денегъ.

Съ легкой руки Шувалова вслѣдъ за первымъ банкомъ открылся въ 1753 году дворянскій банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 750 тысячъ рублей серебромъ, а потомъ, въ 1754 г., открылся банкъ купеческій съ капиталомъ 500 тысячъ рублей серебромъ. Этотъ банкъ имѣлъ опредѣленную цѣль и выдавалъ деньги за 6%.

Понятно, что въ первое время было много недоразумѣній по поводу банковъ. Такъ, напр., чтобы обезпечить банкъ въ случаѣ банкротства частныхъ лицъ, былъ изданъ указъ, что купцы могутъ брать деньги только подъ залогъ своихъ товаровъ. Купцы тогда мало стали обращаться въ банкъ за деньгами, заявляя, что, если они будутъ брать деньги подъ залогъ своихъ товаровъ, то потеряютъ довѣріе. Пришлось сознаться, что купцы правы, и это стѣснительное условіе было отмѣнено.

Рядомъ съ основаніемъ банковъ стоитъ другая мѣра Петра Ивановича Шувалова, которая имѣла своимъ послѣдствіемъ развитіе торговли; эта мѣра есть *уничтоженіе внутреннихъ заставъ, а съ ними и пошлинъ.*

Какъ извѣстно, въ средніе вѣка вездѣ существовало множество внутреннихъ пошлинъ, соотвѣтственно раздробленію на множество

[1]) Размѣръ учета опредѣлила сама императрица — онъ не долженъ былъ превышать 8%.

мелкихъ самостоятельныхъ центровъ. Чѣмъ болѣе средніе вѣка замѣняло новое время, тѣмъ болѣе уничтожались эти пошлины, и тѣмъ болѣе въ глубь вѣковъ подвигалось время феодализма въ западной Европѣ. Отмѣну этого остатка среднихъ вѣковъ во Франціи принялъ на себя, какъ извѣстно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея государственныхъ людей Кольберъ, но, хотя его дѣятельность въ правленіе Людовика XIV дѣйствительно принесла много пользы, однако еще во время Людовика XVI мы встрѣчаемся съ внутренними пошлинами во Франціи, и только великая французская революція совершенно уничтожила это вредное препятствіе торговлѣ. Россія въ этомъ отношеніи предупредила Францію: въ ней, по настоянію Петра Ивановича Шувалова, внутреннія пошлины были отмѣнены въ 1753 году.

Указывая на неудобство этихъ препятствій въ торговлѣ, Шуваловъ обращалъ вниманіе правительства на то, что довѣренные сборщики пошлинъ (цѣловальники) берутъ себѣ почти половину получаемыхъ денегъ; кромѣ этого доказательства, онъ приводилъ факты весьма интересные относительно цѣнъ, существовавшихъ въ XVIII в. Такъ, напр., крестьянинъ везетъ въ Москву возъ дровъ изъ Троицы; въ Москвѣ возъ дровъ стоилъ 15 или 20 коп. По дорогѣ въ Москву и изъ Москвы обратно къ Троицѣ онъ долженъ заплатить два раза мостовыя пошлины и, кромѣ того, прокормить себя въ дорогѣ. Въ результатѣ оказывалось, что дорога стала ему въ половину денегъ, вырученныхъ имъ за дрова. Слѣдовательно, онъ отправлялся въ Москву изъ-за $7^1/_2$ коп. или немного болѣе.

Прежде чѣмъ уничтожить пошлины, сдѣлано было исчисленіе, сколько онѣ приносили дохода въ казну; оказалось, около 900000 руб. серебромъ, не считая другихъ мелкихъ поборовъ, которыхъ всѣхъ было около 17 и которые теперь всѣ отмѣнялись. Чтобы правительство не потеряло этой суммы, Шуваловъ предложилъ увеличить внѣшнюю таможенную пошлину съ 5% до 13%.

Уничтоженіе внутреннихъ заставъ содѣйствовало сліянію страны. Малороссійскіе купцы остались недовольны уничтоженіемъ пошлинъ, потому что они увидѣли вокругъ себя много конкурентовъ и, кромѣ того, сознавали, что уничтоженіе заставъ на границѣ Россіи съ Малороссіей нанесло послѣдній ударъ политической самостоятельности Малой Руси, но торговля отъ этого только выиграла.

Мы видѣли, что во второе двадцатипятилѣтіе XVIII столѣтія Россія продолжаетъ итти по вновь указанному Петромъ Великимъ пути. Она продолжаетъ развивать свои торговыя и промышленныя силы по образцу, указанному западно-европейской жизнью, и пріучаться къ независимой дѣятельности. Мы видѣли, что за это время было много сдѣлано, и, дѣйствительно, по вновь указанному пути народъ русскій пошелъ быстро и сознательно, при чемъ, конечно, нельзя было въ короткое время замѣнить упущеннаго медленнымъ долгимъ историческимъ развитіемъ, и потому многія начинанія прививались слабо. Особенно сильно сказалась непривычка къ общей дѣятельности, и въ этомъ отношеніи правительству приходилось направлять — толкать впередъ общество.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ остальной Европѣ происходитъ цѣлый рядъ переворотовъ, являющихся предвѣстникомъ новаго жизненнаго движенія — новаго направленія. Перевороты эти, до нѣкоторой степени, отозвались и у насъ. Съ Екатерины Великой наступаетъ новое историческое движеніе въ Россіи, заканчивается какъ будто подготовительный періодъ дѣятельности Петра Великаго, и открывается возможность слѣдующаго шага впередъ на пути развитія.

Познакомимся теперь съ тѣмъ, что произошло въ XVIII вѣкѣ въ Европѣ. Мы не будемъ останавливаться подробно на разсмотрѣніи этихъ переворотовъ, а постараемся только схватить ихъ сущность. XVIII вѣкъ называется вѣкомъ просвѣщенія, вѣкомъ либеральныхъ реформъ; около половины этого столѣтія все яснѣе и яснѣе выступаютъ новыя идеи, которыя измѣняютъ характеръ и направленіе общественной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи XVIII вѣкъ представляетъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, сходство съ XVI, который открылъ собою новый періодъ общественной европейской жизни, распространивъ новыя политическія и умственныя понятія, различныя изобрѣтенія и усовершенствованія, сопровождаемыя развитіемъ матеріальныхъ выгодъ. Необыкновенное оживленіе охватываетъ въ XVI в. все общество, ибо новизна борется со стариной, гуманисты борятся съ обскурантами; съ такими же характеристическими чертами является и XVIII вѣкъ.

Новыя идеи, распространившіяся въ обществѣ въ XVIII вѣкѣ, могутъ назваться общимъ именемъ идей гуманныхъ — либеральныхъ.

Гуманисты этого вѣка распространяютъ въ массѣ то, что прежде было достояніемъ только нѣкоторыхъ избранныхъ. Впервые въ XVIII в. является сознательное представленіе о народѣ, въ противоположность того односторонняго мнѣнія, которое въ XVI и XVII стол. проявлялось въ мысли и понятіи о государствѣ. Хотя государство, въ формѣ абсолютной монархіи, было уже шагомъ впередъ, хотя оно могло дать порядокъ и законъ и уничтожить средневѣковую анархію, но государство въ такой формѣ не заключало въ себѣ всего: изъ-за государства позабывалось понятіе о народѣ. Государь, сдѣлавшійся представителемъ государства, отождествлялся съ государствомъ — олицетворялъ собою государство: „l'état c'est moi", говорилъ Людовикъ XIV. Государь преслѣдовалъ только спеціально свои одностороннія цѣли, и этимъ объясняются системы меркантилизма и протекціонизма, это — всеобщее и подчасъ даже деспотическое вмѣшательство государства во всѣ подробности народной и частной жизни: стѣснительные законы относительно роскоши костюмовъ и т. п., постоянное стремленіе регулировать и опредѣлять рамками самыя обыкновенныя явленія жизни, введеніе или отмѣна пошлинъ и таможенныхъ налоговъ, запрещенія на ввозъ или вывозъ извѣстныхъ товаровъ. Въ XVIII вѣкѣ, напротивъ, является идея о народѣ и о свободѣ, и эта идея проникаетъ всѣ сферы общественной дѣятельности. Благодаря сознанію, что̀ такое народъ, является потребность просвѣщенія для этого народа, и просвѣщеніе, бывшее прежде достояніемъ немногихъ людей, дѣлается теперь достояніемъ массы. Впервые въ XVIII вѣкѣ является сознаніе равенства людей между собой, равенства не абсолютнаго, которое могло являться потомъ только въ крайнихъ утопическихъ ученіяхъ, но равенство въ сознаніи общечеловѣческихъ достоинствъ. Вмѣстѣ съ гуманными идеями о возвышеніи человѣка, распространяются идеи филантропическія — человѣколюбивыя. Сознаніе равенства людей и существующее въ противоположность ему неравенство въ общественномъ положеніи болѣе всего бросаются въ глаза. Въ обществѣ XVII вѣка еще замѣчаются извѣстные остатки средневѣковой жизни. Мы видимъ кастическое отчужденіе одного класса передъ другимъ, и это отчужденіе поддерживается общественнымъ неравенствомъ передъ закономъ — передъ судомъ. Теперь же, т.-е. съ XVIII столѣтіи, является сознаніе необходимости уничто-

жить подобное неравенство, желаніе возможнаго слiянiя сословій, является сознаніе, что всѣ — люди, и именно потому, что они люди, должны быть свободны; вслѣдствіе этого сознанія является повсемѣстно уничтоженіе рабства, отмѣна крѣпостного права.

Отношенія государства къ народу могутъ характеризоваться системой физіократовъ, которая замѣняетъ собой меркантилизмъ. У физіократовъ есть свои заблужденія: они исключительно заняты земледѣліемъ, стараются о возвышеніи сельскаго сословія, которое будто одно составляетъ производительный классъ, потому что оно одно вырабатываетъ изъ земли новыя цѣнности, остальные же классы не производятъ новыхъ цѣнностей, а только перерабатываютъ существующія; такимъ образомъ, трудъ ученаго — трудъ умственный является для нихъ совершенно непроизводительнымъ и не имѣющимъ никакой цѣны. Несмотря однако на такія крайности, система физіократовъ была извѣстнымъ шагомъ впередъ въ прогрессивномъ развитіи: ихъ система была шагомъ къ пониманію важности матеріальной жизни народа. Laissez faire, laissez passer — вотъ лозунгъ физіократовъ, который является противоположностью прежнему лозунгу, чисто государственному. Понятно, что изъ лозунга физіократовъ вытекаетъ понятіе и о свободѣ торговли и промышленности. Нѣтъ сомнѣнія, что многія идеи физіократовъ, теоретически вѣрныя, практически не могли примѣняться, по крайней мѣрѣ, не могли примѣняться тамъ, гдѣ торговля и промышленность не были еще поставлены высоко и самостоятельно, гдѣ онѣ еще только зачинались, гдѣ извѣстная доля протекціонизма приносила еще бо́льшую пользу, чѣмъ полная свобода, какъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи. но, по крайней мѣрѣ, въ этихъ идеяхъ выразился идеалъ, къ которому слѣдовало стремиться. Такъ, физіократы возстаютъ противъ монополіи и откуповъ, требуютъ свободной конкуренціи, утверждая, что эта свобода болѣе всего развиваетъ народную самодѣятельность. Въ обществѣ начинаетъ понемногу распространяться идея равенства всѣхъ передъ судомъ и идея свободы вѣроисповѣданія: „Въ моемъ государствѣ всякій своимъ путемъ можетъ попасть въ царство небесное“ — говоритъ великій король (Фридрихъ II). Несмотря на появленіе такихъ либеральныхъ идей, мы еще встрѣчаемся въ XVII и XVIII вв. съ остатками чисто средневѣковаго варварства, съ отсутствіемъ пониманія, что такое преступленіе и что такое наказаніе за пре-

ступленіе. Наказаніе заключалось тогда въ мести за преступленіе; предотвращенія преступленій искали не въ распространеніи образованія въ массѣ, а въ страхѣ и запугиваніи этой массы: еще въ XVIII вѣкѣ продолжаютъ сожигать колдуній. Вѣрное представленіе о преступленіи и о наказаніи за него впервые является у западныхъ писателей въ XVIII вѣкѣ, и въ особенности ясно высказано въ извѣстномъ сочиненіи итальянскаго юриста маркиза Беккаріа. Преступникъ, по его мнѣнію, есть врагъ общества; общество должно предупреждать совершеніе преступленія, но, если оное совершено, то общество обязано наказывать за него, но не должно мстить преступнику за совершонное преступленіе; пытка должна быть уничтожена, и всѣ сословія должны быть равны передъ закономъ.

Изъ писателей того времени особенно популярны были Вольтеръ и Монтескьё, которые боролись съ іезуитами и также требовали равенства всѣхъ передъ закономъ. Эти люди, по справедливости, могутъ назваться гуманистами XVIII вѣка.

Вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ руку объ руку шло матеріальное развитіе. Въ концѣ XVIII в. мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ открытій и изобрѣтеній, которыя значительнымъ образомъ увеличиваютъ производство, а увеличиваніе производства неминуемо влечетъ за собой удешевленіе производимаго. Какъ прежде книгопечатаніе доставило народу возможность просвѣщенія, такъ теперь увеличеніе фабричной дѣятельности вмѣстѣ съ разнаго рода изобрѣтеніями доставило ему возможность жить болѣе удобно. Вездѣ, однимъ словомъ, видно стремленіе къ демократизаціи — къ извѣстному сравненію рода человѣческаго.

Первый періодъ этого движенія впередъ есть періодъ такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма; типическими представителями этого періода могутъ явиться Фридрихъ II и Екатерина II. Государи, какъ высшіе образованные и просвѣщенные представители своего народа, въ половинѣ XVIII вѣка являются просвѣщенными реформаторами своего народа, его учителями, его просвѣтителями. Вотъ почему это время называется временемъ просвѣщеннаго абсолютизма.

Екатерина II открыла собой этотъ періодъ у насъ въ Россіи, и мы должны указать на то, что сдѣлалъ русскій народъ подъ предводительствомъ этой великой государыни. Вступая на престолъ,

Екатерина II была воодушевлена тѣми же самыми стремленіями и желаніями, какъ и Фридрихъ II, который говоритъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Не народъ созданъ для государя, а государь для народа; государь“, прибавляетъ онъ, есть первый слуга своего народа, его обязанность посвящать всю жизнь свою на благосостояніе своихъ подданныхъ“. Екатерина самостоятельно пріобрѣла себѣ это гуманное образованіе; сочиненія Вольтера, Беккаріа и Монтескьё были изучены ею въ совершенствѣ; о послѣднемъ она говорила: „C'est le brèviaire des rois“—это требникъ, справочная книга государей, и „если бы я была папой“, продолжаетъ она, „я бы помѣстила Монтескьё въ число святыхъ“.

Первою геніальной мыслью Екатерины была мысль ближе познакомиться со своимъ народомъ. Съ этой-то цѣлью была собрана извѣстная всѣмъ комиссія объ уложеніи, предлогомъ къ которой послужила необходимость собрать старые и издать новые законы. Подъ вліяніемъ такихъ потребностей былъ написанъ Екатериной знаменитый Наказъ, который доставилъ автору популярность не только во всей Россіи, но и во всей Европѣ. Идеи Наказа были систематическимъ изложеніемъ тѣхъ идей, которыя проводили гуманисты XVIII вѣка. Комиссія объ уложеніи состояла изъ выборныхъ людей всѣхъ сословій и всѣхъ народовъ, обитавшихъ въ Россіи; эти выборные собрались въ Москву въ 1767 году. Комиссія объ уложеніи, несомнѣнно, имѣетъ весьма важное значеніе, но ея дѣятельность долго не была оцѣниваема, потому что долго не понимали, въ чемъ именно заключалась суть этой комиссіи; говорили, что идеи Екатерины были выше развитія русскаго народа, указывали на то, что комиссія не исполнила своего дѣла, т.-е. не составила законовъ, но забывали то, что впослѣдствіи высказывала сама Екатерина. Екатерина говорила, что большая часть совершонныхъ ею реформъ была внушена ей депутатами этой комиссіи. Не обратили вниманія на то, что это признаніе было совершенно вѣрно, потому что многія реформы, касающіяся русской общественной жизни, дѣствительно въ значительной степени, если не въ общихъ чертахъ, были высказаны депутатами этой комиссіи. Наконецъ, не обратили вниманія на то, что во время собранія были высказаны многія мысли, которыя только въ послѣднее время стали приводить въ исполненіе, напримѣръ, мысль о нотаріусахъ, мысль о третейскомъ гласномъ судѣ и пр. Комиссія должна была

разсмотрѣть разные законы, въ томъ числѣ, конечно, и законы о купечествѣ, слѣдовательно, законы, касающіеся торговли. Рѣчи, произнесенныя въ комиссіи депутатами, требованія купцовъ и возраженія на нихъ дворянъ, разночинцевъ и крестьянъ настолько важны для характеристики состоянія торговли Россіи въ XVIII вѣкѣ, что необходимо остановиться на этомъ предметѣ болѣе подробно.

У собранія мы видимъ ясное представленіе о важности торговли и пониманія, что торговля есть источникъ народнаго благосостоянія: Комиссія — говоритъ одинъ изъ депутатовъ комиссіи Межениковъ — можетъ назваться источникомъ, изъ котораго истекающія струи напояютъ многіе милліоны народовъ. Взгляды относительно того, въ какомъ положеніи должна находиться коммерція, кто и въ какой степени долженъ ею заниматься, были въ высшей степени разнообразны, и эта разнообразность взглядовъ вызвала много столкновеній, существованіе которыхъ показываетъ намъ, что русскіе люди не пассивно отнеслись къ предложенію совѣщаться о своихъ дѣлахъ. Начало преній произошло вслѣдствіе случайнаго заявленія одного изъ дворянскихъ депутатовъ, Толмачева, о томъ, что необходимо привилегіи купечества распространить и на мѣщанъ. Противъ этого заявленія отъ имени купечества взялся возразить депутатъ отъ торговцевъ Рыбной слободы — Поповъ; его рѣчь была встрѣчена единогласнымъ одобреніемъ купечества. Поповъ началъ свою рѣчь съ того, что вспомнилъ заботы о купечествѣ „обновителя Россіи“, который „прилагалъ отеческое попеченіе для приведенія въ цвѣтущее состояніе коммерціи и русскаго купечества“. „Но (продолжалъ Поповъ), къ крайнему несчастію для купечества, съ кончиною его величества оно не могло, согласно съ его намѣреніемъ, достигнуть до желаемаго имъ состоянія“. Затѣмъ Поповъ выразилъ надежду купечества на то, что государыня не оставитъ этого сословія „безъ ея милостиваго презрѣнія“ и дастъ ему способы къ поправленію „бѣднаго своего состоянія“ и тѣмъ избавитъ „отъ стыда передъ счастливыми европейскими купцами“. Купечество отягощено, а теперь ему „готовится большее отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства“. Далѣе онъ замѣчаетъ, что въ особенности нужно препятствовать тому, чтобы дворяне, разночинцы и крестьяне входили въ торговыя занятія,

которыя имъ вовсе несвойственны. Вслѣдъ за мнѣніемъ Попова были поданы и другія мнѣнія. Разбирая все, что было сказано отъ купечества, можно прійди къ заключенію, что главныя требованія были слѣдующія: 1) надо возвысить положеніе купеческаго сословія въ обществѣ; слѣдуетъ увеличить штрафъ за безчестіе купца (очевидно, что у насъ въ то время средневѣковая старина далеко еще не исчезла, и купецъ еще не былъ гарантированъ отъ оскорбленія своей личности); 2) купечеству слѣдуетъ предоставить исключительное право заниматься торговлей и промыслами. Такъ, одинъ изъ купеческихъ депутатовъ требовалъ уничтоженія дворянскихъ фабрикъ, которыя „великій подрывъ чинятъ" настоящимъ купцамъ; другой заявилъ, что многіе крестьяне, въ особенности въ краяхъ оренбургскомъ и казанскомъ — башкиры и татары, производя безпошлинную торговлю, причиняютъ купечеству большой убытокъ. Нѣкоторые, наконецъ, доходили до такой крайности, что требовали запрещенія крестьянамъ сбыта сельскихъ произведеній на рынкахъ и пристаняхъ. Купечество, вполнѣ естественно, желало захватить въ свои руки торговую монополію; оно ловко ссылалось на нѣкоторыя мѣста изъ Наказа, напримѣръ, на то, гдѣ говорилось, что дворянину не свойственно заниматься торговлей, а онъ долженъ преимущественно служить государству военной и гражданской службой. 3) Многіе депутаты заявили, главнымъ образомъ рижскій депутатъ Емфимовъ и торопецкій — Гундаровъ, что купечество отягощено многими казенными натуральными повинностями, напримѣръ, должно содержать на свой счетъ ямъ, или почту. Очевидно, что это былъ остатокъ московской старины, когда весь чинъ государственныхъ людей долженъ былъ нести, тянуть какое-нибудь тягло, когда человѣкъ служилый обязанъ былъ итти на войну, а человѣкъ торговый долженъ былъ служить въ торговомъ дѣлѣ; купцы жаловались, что натуральныя повинности ихъ очень отягощаютъ, затрудняя веденіе ихъ собственныхъ дѣлъ. 4) Многими депутатами отъ купечества было заявлено, что для поддержки нѣкоторыхъ фабрикъ необходимо приписать къ нимъ крѣпостныхъ людей. 5) Нѣкоторые добивались, чтобы купцамъ было разрѣшено имѣть своихъ дворовыхъ людей, потому что, говорили они, приказчики — народъ ненадежный, часто вмѣстѣ съ деньгами хозяйскими убѣгаютъ, и найти ихъ бываетъ трудно. Конечно, это заявленіе есть продолженіе

вѣчной жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ. 6) Требовали отмѣны нѣкоторыхъ мелкихъ законовъ, стѣснительныхъ для купечества: такъ, напримѣръ, въ случаѣ банкротства, деньги уплачивались сперва иностраннымъ кредиторамъ, а потомъ уже и отечественнымъ. Очевидно, этотъ законъ былъ вызванъ желаніемъ вовлечь въ русскую торговлю иностранцевъ, поддержать съ ними сношенія.

Съ перваго же взгляда видно, что требованія купцовъ были слишкомъ неограниченны и слишкомъ исходили изъ желанія захватить въ свои руки монополію. Естественно, что подобныя требованія вызвали сильный протестъ со стороны другихъ сословій, не желавшихъ дать купечеству такого привилегированнаго положенія. Изъ ораторовъ дворянства первое мѣсто занималъ извѣстный историкъ того времени, человѣкъ, получившій иностранное образованіе, князь Щербатовъ: онъ всѣхъ яснѣе формулируетъ свои возраженія. Прежде всего онъ протестовалъ противъ монополіи внутри самой страны: торговля не должна быть монополіей одного сословія, потому что истинное занятіе торговлей есть выраженіе экономическихъ силъ одного народа по отношенію къ силамъ другихъ народовъ, а потому спеціальностью купцовъ должна быть торговля внѣшняя, но, замѣчаетъ онъ, „купечество наше не весьма (тщательно) къ иностранной торговлѣ прилежитъ; къ стыду и позору земли нашей — продолжаетъ онъ — гамбурцы являются для китоваго промысла къ мурманскому берегу и на глазахъ нашихъ занимаются ловлей китовъ". Нѣтъ сомнѣнія, что упреки Щербатова во многихъ отношеніяхъ остаются вѣрными и до настоящаго времени. Далѣе Щербатовъ утверждалъ, что добыча руды должна принадлежать дворянамъ, какъ владѣтелямъ земли. Это мнѣніе вызвало неудовольствіе со стороны Екатерины, которая, напротивъ, хотѣла признать добычу руды собственностью казны. Затѣмъ Щербатовъ излагаетъ свое мнѣніе о фабрикахъ. Купечество требовало, чтобы дворяне совершенно были исключены изъ фабричныхъ дѣятелей, онъ, наоборотъ, утверждалъ, что фабричная дѣятельность есть достояніе всѣхъ сословій. Для объясненія этого пункта, онъ бралъ въ примѣръ обработку льна. Ленъ, говорилъ онъ, есть продуктъ чисто сельскій — земледѣльческій, а потому, безспорно, принадлежитъ крестьянину или помѣщику, но для продажи ленъ долженъ быть вымоченъ, размягченъ и т. д., однимъ словомъ, обработанъ. Слѣдовательно и здѣсь уже

начинается извѣстная фабричная дѣятельность. Если дозволить первую форму обрабатыванія льна, то отчего же не позволить и вторую, именно пряденіе льна; наконецъ, совершенно послѣдовательно является третья форма: приготовленіе холста изъ пряжи. Нельзя же вѣдь настаивать, чтобы эта обрабатывающая дѣятельность была запрещена сельскому населенію?! Наконецъ, Щербатовъ возражаетъ противъ желанія купцовъ покупать дворовыхъ людей безъ земли, и здѣсь высказываетъ самыя гуманныя воззрѣнія для того времени. Продажа людей, говоритъ онъ, отдѣльно отъ земли должна быть строжайше запрещена. „Хотя мы сами судьбой и поставлены владѣтелями и господами нашихъ крестьянъ“, обращается онъ къ своимъ односословцамъ, „но все-таки мы не должны забывать, что они такіе же люди, какъ и мы“. Другой изъ депутатовъ отъ дворянъ, депутатъ Пронскій, съ особеннымъ оживленіемъ возражаетъ противъ купцовъ и иронически сопоставляетъ ихъ требованія. Требующій права имѣть крестьянъ — есть дворянинъ, требующій права торговли — есть купецъ, требующій исключительнаго права заниматься чѣмъ-нибудь — есть откупщикъ, монополистъ; все это и желаютъ захватить себѣ купцы, только одного сословія они не пожелали имѣть права, а именно сельскаго, то-есть заниматься хлѣбопашествомъ.

Поданы были также голоса и крестьянами, и голосовъ было очень много. Представителемъ депутатовъ отъ крестьянъ можетъ служить Вонифатьевъ, *депутатъ отъ черносошныхъ олонецкихъ* крестьянъ. Крестьянамъ и разночинцамъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ запретить торговлю товарами, упомянутыми въ *тарифѣ*, но нельзя запретить имъ сбывать свои сельскія произведенія на рынкахъ и торжкахъ; точно также нельзя имъ запретить, безъ крайняго ихъ обѣднѣнія, продажу на сельскихъ рынкахъ предметовъ, необходимыхъ для сельскихъ надобностей. Такіе предметы, говоритъ Вонифатьевъ, составляютъ: рыба, кожа, овчины, хомуты, колеса, телѣги, рогожи и т. д., однимъ словомъ, нельзя запретить продажу тѣхъ предметовъ, которые обыкновенно встрѣчаются на сельскихъ рынкахъ. Остальные депутаты крестьянскихъ обществъ всѣ единогласно требовали того же самаго, съ ними совершенно согласились и инородцы, изъ которыхъ преимущественно подавали голоса башкиры и татары, сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они

уже съ того времени начали заниматься продажей и выдѣлкой нѣкоторыхъ изъ тѣхъ предметовъ, продажей и выдѣлкой которыхъ они занимаются въ настоящее время.

Различіе мнѣній разныхъ сословій вызвало такія пренія, о которыхъ можно сказать, что они были слишкомъ бурны. Это обстоятельство показываетъ, насколько трактуемое было для всякаго близко. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ вологодскихъ купцовъ (Глазовъ) заявилъ, что крестьяне, забывая страхъ Божій, торгуютъ какъ сущіе купцы и нагло чинятъ подрывъ коммерціи; купцы же принуждены уѣзжать въ другія страны, потому что ихъ притѣсняютъ. Глазовъ получилъ выговоръ отъ предсѣдателя комиссіи Бибикова за то, что невѣжественно отзывался о крестьянахъ.

Если Похвисневъ, дворянскій депутатъ, съ нескрываемой иронiей соединилъ всѣ требованія купцовъ, то и купцы, съ своей стороны, нашли хорошаго оратора — Солдатенкова, который хотѣлъ придать дѣлу довольно ловкій оборотъ. Онъ началъ свою рѣчь съ иронической похвалы Щербатову, который все основываетъ на своихъ соображеніяхъ, да только никогда не ссылается на существующіе законы. „Ужъ не спровергнуть ли прежде существующія узаконенія?“ — спрашиваетъ онъ шутливо-серіознымъ тономъ. Потомъ замѣчаетъ, что многія рѣчи Щербатова не указаны въ Наказѣ императрицы и, наконецъ, заканчиваетъ свою рѣчь наставленіемъ дворянамъ: не слѣдъ дворянамъ вмѣшиваться не въ свое дѣло и выходить изъ своего состоянія.

По поводу вопроса о правахъ торговли и о правахъ торговаго сословія должны были подать свои мнѣнія и нѣкоторые изъ оффиціальныхъ депутатовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мнѣніе, высказанное Минихомъ, сыномъ знаменитаго фельдмаршала. Онъ, между прочимъ, высказался противъ монополіи, на которую заявлялись притязанія со стороны купцовъ. По его мнѣнію, требованія разночинцевъ были справедливы, и право торговли должно быть предоставлено крестьянамъ, но въ извѣстномъ ограниченномъ размѣрѣ, какъ, напримѣръ, торговля сельскими произведеніями и, кромѣ того, торговля рыночная и мелочная. Такого рода взгляды дѣйствительно легли въ основу дальнѣйшихъ отношеній государства къ этому предмету. Изъ другихъ мнѣній, поданныхъ въ комиссію, наше вниманіе останавливаетъ на себѣ оригинальное мнѣніе депутата отъ

коммерцъ-коллегіи — Меженинова. Онъ, по поводу различныхъ столкновеній въ вопросѣ о правахъ торговли, высказался такъ: „Нашъ народъ подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока, раскроша его въ самыя мелкія крупинки, не смѣшаютъ съ пескомъ и землею, и совсѣмъ все не растеряютъ“. Это мнѣніе намъ, дѣйствительно, указываетъ на одно болѣзненное явленіе нашей общественной жизни — привычки дѣйствовать всегда врознь, а не сообща. Меженинов отстаивалъ права торговаго сословія и, между прочимъ, находилъ, что необходимо стараться ограничивать открытіе фабрикъ, потому что при многочисленности ихъ произведенія будутъ хуже, и онѣ не въ состояніи будутъ выдержать конкуренціи. Очевидно, что взгляды Меженинова были противъ начинавшаго тогда господствовать взгляда физіократовъ, но въ этомъ взглядѣ выразилось извѣстное состояніе тогдашней земли русской. Онъ предполагалъ направить всю внѣшнюю торговлю на одно только Балтійское море и для этого запретить вывозъ товаровъ изъ Малороссіи въ Польшу и въ Черное море. Кромѣ того, онъ предлагалъ для развитія русской торговли и промышленности принять тѣ усовершенствованія, которыя въ западной Европѣ уже давнымъ-давно были приняты. Точно также любопытно его предложеніе ввести учрежденіе нотаріата во всѣхъ главныхъ городахъ государства. По его мнѣнію, въ столицахъ должно быть, по крайней мѣрѣ, по 10 нотаріусовъ, но въ губернскихъ городахъ число ихъ можетъ быть и меньше, смотря по надобности. Такимъ образомъ, Меженинов на цѣлыя 100 лѣтъ предупредилъ то, что въ настоящее время признано положительно за необходимость и что уже у насъ введено. Для торговыхъ дѣлъ Меженинов предлагалъ устроить третейскій судъ, который долженъ былъ разбирать дѣла, касающіяся только одной торговли, такъ какъ тогдашніе суды вели дѣла очень медленно и не удовлетворяли требованіямъ.

Вообще во время споровъ въ комиссіи о вопросахъ, касающихся торговли, можно было убѣдиться, что русская земля въ XVIII столѣтіи сдѣлала значительный шагъ впередъ. Являются банки, понятіе о кредитѣ, векселя и другія нововведенія. Съ другой стороны, видно также, какъ медленно прививались къ обществу всѣ эти нововведенія. Напримѣръ, возьмемъ хоть векселя. Они были принадлежностью

исключительно только торговаго сословія, и, кромѣ него, обязываться этими векселями никто не имѣлъ права, въ томъ числѣ и дворяне, а если они и давали векселя, то не иначе какъ отъ имени какого-нибудь купца. Такимъ образомъ давать векселя было неудобно, и вотъ является новый проектъ ввести для дворянъ особые векселя, которые стали называться честными билетами. Выдавая такой билетъ, дворянинъ на честномъ словѣ соглашался уплатить по такому векселю, что, конечно, и принужденъ былъ сдѣлать.

Во время разсужденій комиссіи однимъ изъ депутатовъ былъ предложенъ цѣлый проектъ объ учрежденіи городского сословія, которымъ опредѣлялись права и положеніе городского сословія; въ этомъ проектѣ, между прочимъ, высказывалась необходимость въ учрежденіи особаго мѣщанскаго сословія. Насколько реформы иногда туго прививались къ народу, можно видѣть на вопросѣ о внутреннихъ пошлинахъ. Жители Малороссіи отнеслись къ этой реформѣ очень недружелюбно и были этимъ чрезвычайно недовольны, причину чему слѣдуетъ искать въ томъ, что Малороссія почти постоянно стремилась жить совершенно иною жизнью, чѣмъ остальная Россія. Украинцы предложили, напротивъ, возобновить пошлины между Малороссіей и Великоруссіей. Противъ уничтоженія внутреннихъ пошлинъ болѣе другихъ возставалъ барнаульскій депутатъ Каршевъ. Онъ указывалъ на то, что прежде, т.-е. до 53-го года, пошлины были значительно меньше, чѣмъ послѣ этого: такъ, напримѣръ, до 53-го года платили на 1 руб.— 11 коп. внутренней пошлины и 11 коп. внѣшней; между тѣмъ какъ послѣ 53-го года плата удвоилась — стали платить 23 коп. за право торговли, да еще 1 копейку за каналъ.

Комиссія объ уложеніи, какъ извѣстно, не докончила своихъ занятій и не исполнила своей цѣли — составленія законовъ, но тѣмъ не менѣе она не прошла безслѣдно. Хотя въ царствованіе Екатерины II главное вниманіе правительства и было обращено на внѣшнія границы, на укрѣпленіе политическаго могущества Россіи, но въ то же время Россія и на пути своего внутренняго торговаго и промышленнаго развитія сдѣлала громадный шагъ впередъ, и, какъ мы уже говорили, многія изъ преобразованій Екатерины, напримѣръ, учрежденіе губерній, введеніе городового положенія, прямо вытекали изъ мнѣній депутатовъ и имѣли прямое, непосредственное вліяніе

на торговлю, потому что они обезпечивали государственное благоустройство и вводили Россію въ тотъ кругъ реформъ, въ который западная Европа вступила уже давнымъ-давно. Многія изъ предположеній Екатерины не могли осуществиться, вслѣдствіе самаго положенія земли русской, и самое главное изъ нихъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, мысль объ уничтоженіи рабства. Мы уже знаемъ, какія невыгодныя условія вызвало у насъ учрежденіе рабства, т.-е. крѣпостного права. Екатерина, при вступленіи на престолъ, задавалась мыслью объ его уничтоженіи; съ этою цѣлью и отъ Вольнаго Экономическаго Общества, учрежденнаго для покровительства и развитія сельскаго хозяйства, была предложена тема такого содержанія: что̀ лучше — свободное ли или крѣпостное состояніе крестьянъ? Общество на эту тему получило очень много отвѣтовъ; первую премію получило сочиненіе французскаго писателя Баярде-де-Лабе; въ немъ говорилось въ общихъ выраженіяхъ, что свобода труда предпочтительна передъ рабствомъ; заканчивалось же оно заявленіемъ, что всякія реформы должны производиться постепенно. Вторую премію получило русское сочиненіе Полѣнова. Этотъ писатель указывалъ не только на необходимость уничтоженія рабства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на способы, какими оно должно быть произведено. Главная особенность этого сочиненія заключается въ томъ, что, по мнѣнію писателя, крестьяне должны освободиться не только лично, но вмѣстѣ и съ землею; они сами должны сдѣлаться землевладѣльцами.

Мысль Екатерины не могла себѣ найти сочувствія въ некультурномъ большинствѣ русскаго общества того времени, и не могла его найти по различнымъ причинамъ. Комиссія объ уложеніи показываетъ намъ, что купцы требовали, чтобы имъ позволено было покупать людей съ землями; фабриканты настаивали, чтобы крестьяне приписывались къ ихъ фабрикамъ, и т. д.; все это указываетъ намъ, что прежняя причина крѣпостного права продолжала все еще существовать. Сама Екатерина разсказываетъ намъ, какъ много приходилось ей спорить по поводу освобожденія крестьянъ съ Сумароковымъ, который настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ уничтожать крѣпостного права.

Если свободная дѣятельность сельскаго населенія такимъ образомъ составляла только доброе, но не исполнимое желаніе луч-

шихъ людей русскихъ второй половины XVIII вѣка, то по отношенію къ торговлѣ, въ главныхъ чертахъ по крайней мѣрѣ, нашли себѣ примѣненіе болѣе свободные взгляды, отмѣнявшіе прежнюю запретительную систему. Такъ, напримѣръ, торговля хлѣбомъ за немногими исключеніями была объявлена свободною; Архангельскъ впервые послѣ Петра Великаго былъ сравненъ въ своихъ правахъ съ Петербургомъ; монополія казны относительно торговли нѣкоторыми товарами (напримѣръ, ревенемъ и чаемъ) была отмѣнена, также какъ и другія монополіи, иногда отдаваемыя въ прежнее время въ собственность частныхъ лицъ: въ 1766 году былъ изданъ новый таможенный тарифъ, который дозволялъ ввозъ многихъ товаровъ, прежде или совершенно запрещенныхъ, или обложенныхъ слишкомъ высокою пошлиною, и т. д.

Со временъ Екатерины у насъ въ Россіи появляются и значительно расширяютъ свою дѣятельность различныя учрежденія, способствующія обращенію капитала; такъ, въ ея царствованіе у насъ впервые появляется Ассигнаціонный банкъ (первая попытка къ учрежденію такого банка была сдѣлана во Франціи Джономъ Ло). Учрежденіе такого банка было уже значительнымъ шагомъ впередъ, потому что онъ увеличилъ число мѣновыхъ единицъ; вся сущность этого банка заключалось въ нормальномъ выпускѣ ассигнацій, но выпускъ этихъ ассигнацій произвелъ большое затрудненіе, вслѣдствіе чего заграничные курсы стали быстро падать (въ XIX вѣкѣ цѣнность ассигнацій дошла до отношенія 1 : 3½).

Вмѣстѣ съ Ассигнаціоннымъ банкомъ у насъ появляется и Поземельный банкъ, учрежденный при Опекунскомъ совѣтѣ. Для того, чтобы доставить возможность въ каждомъ провинціальномъ городѣ за незначительные проценты доставить значительную сумму денегъ, устроены были конторы банка, которыя и занимались этими операціями.

Екатерина Великая много заботилась и о развитіи фабричной[1]) и сельскохозяйственной дѣятельности: она старалась, напримѣръ, чтобы ленъ вывозился за границу не въ сыромъ, а въ обработанномъ видѣ.

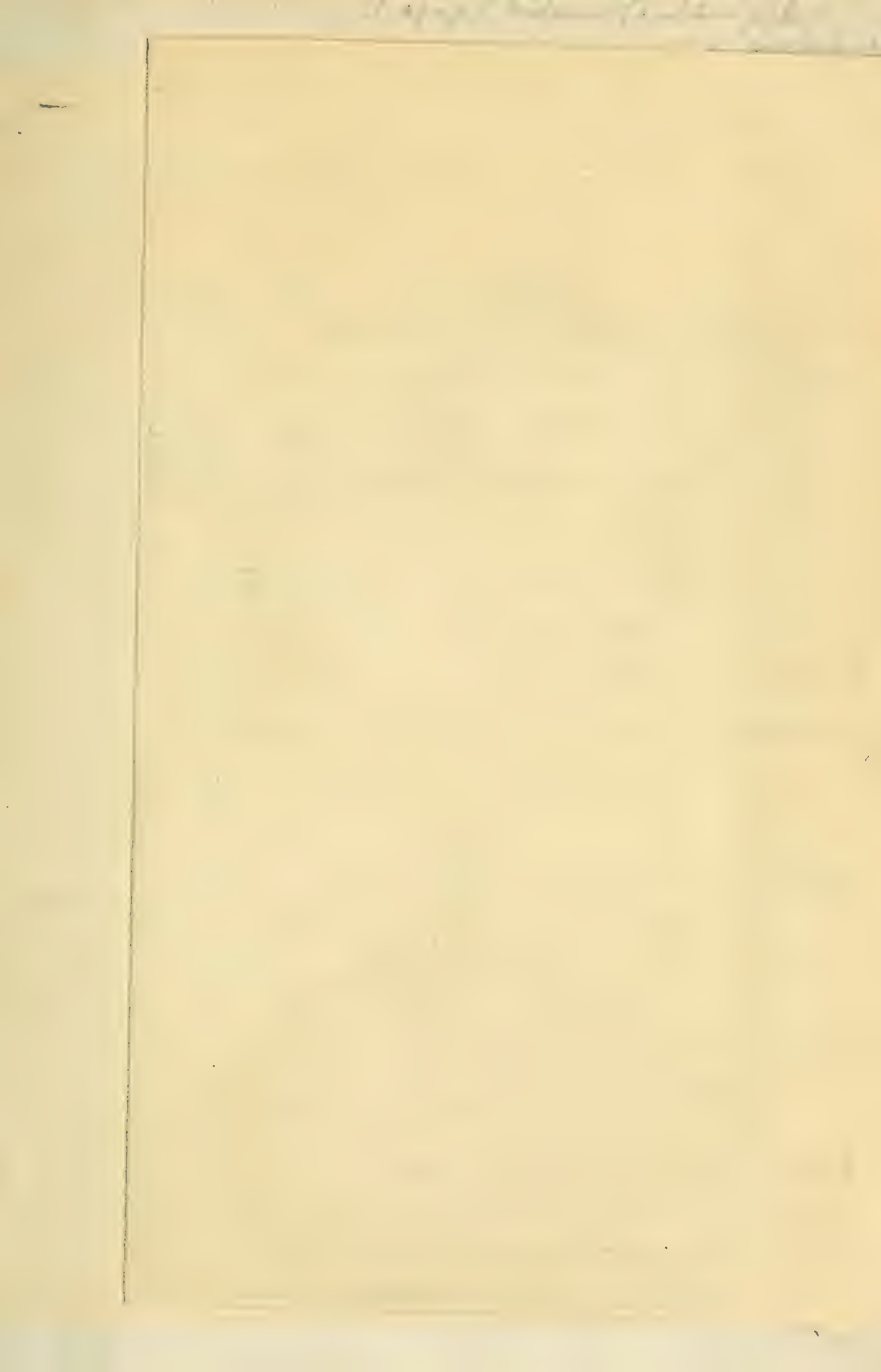
Первое мѣсто изъ ея административныхъ реформъ, безспорно, занимаютъ учрежденіе губерній и введеніе городового положенія

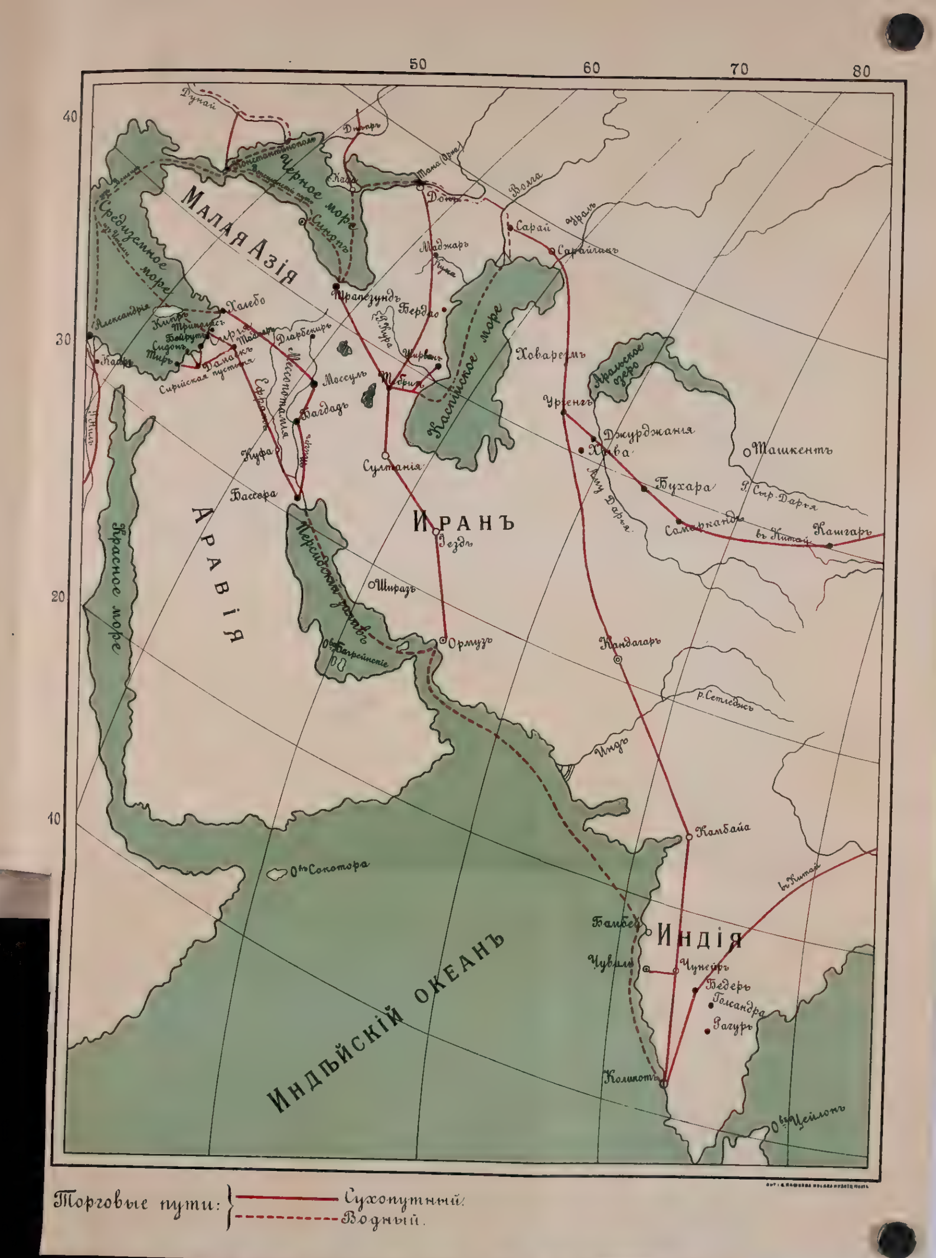
[1]) Число фабрикъ при Екатеринѣ II достигло 3161 (въ 1796 г.).

въ 1785 году. Въ ея царствованіе у насъ вводится болѣе правильная администрація; власть губернаторовъ и воеводъ значительно уменьшается — „намѣстникъ не есть судья, но только оберегатель узаконеній". Городовое положеніе утверждало и развивало то, что было начато еще Петромъ Великимъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ царствованіе Екатерины Великой было сдѣлано очень много или, по крайней мѣрѣ, было положено много основъ для будущаго развитія русской жизни. Въ 1783 году совершилось еще одно, едва ли не самое замѣчательное событіе ея царствованія — это присоединеніе Крыма, которое упрочило и утвердило то, что было сдѣлано въ 1703 году основаніемъ Петромъ Великимъ новой русской столицы — С.-Петербурга.

Присоединеніе Крыма имѣло чрезвычайно важное значеніе въ исторіи русскаго народа. Съ этого времени русскіе пріобрѣли еще новое море, и уже море русское, въ полномъ смыслѣ этого слова: русскіе стали крѣпкою ногою на Черномъ морѣ. Само собою разумѣется, что новая полоса земли, пріобрѣтенная русскимъ государствомъ, не могла развиться сразу, но развитіе ея шло постепенно, и ему чрезвычайно способствовалъ извѣстный дѣятель Екатерининскихъ временъ — Потемкинъ. На берегу моря Екатерина замѣтила маленькую, незначительную турецкую крѣпость Ходжибей, и вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ эта незначительная крѣпость разрастается въ значительный приморскій городъ — Одессу, которая пріобрѣла весьма важное значеніе въ ряду европейскихъ портовыхъ городовъ. Насколько благодаря всему этому увеличивалась русская торговля за разсматриваемый нами періодъ, можно видѣть изъ того, что въ 1793 году было отпущено товаровъ на весьма почтенную сумму, а именно на 31 милліонъ рублей: въ 1769 году таможенный сборъ не доходилъ до 600000 руб., въ 1784 — уже превосходилъ 700000 руб.

50
60
70
80
40
30
20
10
Дунай
Днѣпръ
Константинополь
Черное море
Кафа
Тана (Азовъ)
Донъ
Волга
Уралъ
Сарай
Сарайчикъ
Малая Азія
Синопъ
Маджаръ
Кума
Трапезундъ
Средиземное море
Кипръ
Триполисъ
Бейрутъ
Сидонъ
Тиръ
Халебо
Дамаскъ
Діарбекиръ
Сирійская пустыня
Кайръ
Александрія
Моссуль
Багдадъ
Месопотамія
Евфратъ
Тигръ
Тебризъ
Ширванъ
Каспійское море
Ховарезмъ
Аральское озеро
Ургенчъ
Джурджанія
Хива
Ташкентъ
Бухара
р. Сыр-Дарья
Аму Дарья
Самаркандъ
въ Китай
Кашгаръ
Султанія
Куфа
Бассора
Иранъ
Іездъ
Аравія
Красное море
Персидскій заливъ
Ширазъ
Ормузъ
О-ва Бахрейнскіе
Кандагаръ
р. Сетледжъ
Индъ
Камбайа
О-въ Сокотора
Индѣйскій океанъ
Индія
въ Китай
Чувилъ
Чунейръ
Бедеръ
Голкандра
Коликотъ
О-въ Цейлонъ
Торговые пути:
Сухопутный.
Водный.

[illegible], [illegible], [illegible] /[illegible]/.
Насущный [illegible] новых подробностей [illegible] [illegible]
[illegible]. [illegible], [illegible] — [illegible].
[illegible], [illegible] — [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] по [illegible] [illegible]
не руководят [illegible] [illegible] ([illegible]
[illegible] [illegible] в смысле [illegible]
и в смысле [illegible] [illegible] ([illegible] о [illegible]
[illegible] и [illegible], но [illegible] не [illegible] [illegible]
[illegible]! На [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] у нас
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] — [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] ([illegible] [illegible])
[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]
[illegible].
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] — [illegible]

Рассказ [illegible] „[illegible] [illegible]"
Ракинцы(?) богатырь, [illegible], [illegible]
[illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] в [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] не [illegible] [illegible] в [illegible],
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] — [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible]

Россия [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

